

Научное приложение. Вып. XXVIII

НОВОЕ ЛИТЕРАТУРНОЕ ОБОЗРЕНИЕ

А.И. РЕЙТБЛАТ

КАК ПУШКИН ВЫШЕЛ В ГЕНИИ

Историко-социологические очерки
о книжной культуре
Пушкинской эпохи

533931

Центральная городская
публичная библиотека
им. В.В.Маяковского

Москва-С.Петербург, наб. р.Фонтанки 44/46
Новое литературное обозрение
2001

НОВОЕ ЛИТЕРАТУРНОЕ ОБОЗРЕНИЕ

Научное приложение. Вып. XXVIII

Художник серии *Н. Пескова*

Рейтблат А.И.

Как Пушкин вышел в гении: Историко-социологические очерки о книжной культуре Пушкинской эпохи. М.: Новое литературное обозрение, 2001. 336 с.

В книге на основе обширного фактического материала рассмотрены социальные аспекты развития русской литературы в 1820—1840-х гг.: рост и дифференциация читательской аудитории, развитие «массовой» литературы, мода на альманахи, возникновение редактуры, становление авторского права, отношения с цензурой и III отделением и др. В этом контексте анализируется литературная карьера А.С. Пушкина, умело использующего различные социокультурные механизмы для достижения лидирующего положения в литературе.

ISBN 5-86793-138-2

© Рейтблат А.И., 2001

© Художественное оформление.

«Новое литературное обозрение», 2001

ПРЕДИСЛОВИЕ

Хотя Пушкин присутствует в ее названии, эта книга — не о нем. В центре внимания тут — социальные аспекты русской литературы 1820—1840-х гг.: ее внутреннее устройство как социального института и ее внешние связи с политическими, а в какой-то степени и экономическими институтами русского общества того времени.

Пушкин интересует нас в этом исследовании не сам по себе, как выдающийся писатель и уникальная личность, а как литератор, в творчестве которого отразились многие тенденции и аспекты русской литературы того времени. Главное для нас — сами эти тенденции и аспекты, которые изучены очень слабо. Во многом это связано с тем, что изучение различных элементов литературы как социального института долгое время велось по каждому элементу отдельно. Литературоведы занимались текстами и их авторами, книговеды — книгоизданием и книготорговлей, библиотековеды — библиотеками и читателями, историки педагогики — преподаванием литературы в школе. Но уже в конце XIX в. отдельные исследователи (в России, в частности, эту точку зрения пропагандировал Н.А. Рубакин) пришли к выводу, что гораздо плодотворнее изучать различные социальные роли (писатель, издатель, книгопродавец, читатель и т.д.) комплексно, учитывая взаимосвязи между ними, влияние друг на друга, «отражение» друг в друге и т.д. Иначе теряется реальная перспектива — например, книга, которую читали сотни тысяч людей, и книга, с которой познакомились только десятки, рассматриваются в курсе истории литературы как равнозначные.

Точку «схода», системное видение обеспечивает социология литературы, которую интересуют в первую очередь механизмы взаимодействия между различными компонентами литературы. Она исходит из того, что литература как социальный институт возникает только в определенной исторической ситуации. Как отмечает исследователь, «начало существования литературы в ее “современных” развитых формах относится к XVIII в. Эрозия и последующий распад сословного общества, усиление (первоначально экономическое, а к концу века и политическое) городского сословия сопровождаются разрушением жесткого традиционализма механизмов социальной регуляции, дифференциацией и интенсивным формированием социальных и культурных институтов, принимающих на себя функцию восполнения или замены утративших или утрачивающих свою силу регулятивных систем. Другими словами, на смену традиционализму с его неизменными типами закреплен-

ных жизненных укладов приходят нормативные и ценностные системы поведенческой (в самом широком смысле) регуляции»¹.

Литература предполагает дифференциацию и институционализацию ряда социальных ролей. Это прежде всего **писатель**, который представляет в своих произведениях конфликтующие в общественном сознании нормы и ценности и, рассказывая о вымышленных событиях, позволяет читателю «испытать» и проверить эти нормы и ценности, упорядочить и иерархизировать их, выявить базовые, истинные. При этом в развитой литературной системе создание литературных текстов является для него профессией, основным источником средств к жизни. Это **издатель**, который переводит рукопись в печатную форму и при этом тиражирует текст с целью получения прибыли. Это, далее, **книгопродавец**, который доводит книгу до читателя. Издатель и книгопродавец связывают писателя и читателя. Они, с одной стороны, доводят до писателя запросы, вкусы и интересы читателя, находящие выражение в читательском спросе. С другой стороны, они продвигают книгу к читателю, рекламируют ее, стараются повлиять на читательский вкус, изменить систему ценностей и установок читателя.

Специфическая социальная роль в литературной системе — **читатель**. Это отнюдь не любой человек, а человек литературно социализированный, не просто умеющий читать, но и владеющий нормами, стандартами, условностями литературной культуры. С одной стороны, читатель формируется в ходе сложного процесса литературной социализации в семье, школе, в рамках самого института литературы под воздействием чтения как литературных текстов, так и текстов установочно-интерпретационного типа (рецензии, критические статьи и обзоры, книги по культуре чтения и т.д.). С другой, читатель активно воздействует на литературу — через структуру покупательского спроса, при личных беседах с книготорговцами, издателями и писателями, а с определенного времени и через социологические опросы, демонстрируя свои предпочтения и тем самым во многом определяя круг издаваемых книг, а через это и характер творчества многих литераторов.

Важная роль принадлежит **библиотекарю**, который организует коллективное пользование книгами (как и книгопродавец) и является посредником между литератором (издателем) и читателем. Не менее важен **критик**, который оказывается на пересечении связей авторов, издателей и читателей и выступает посредником между ними. Он осуществляет разметку литературного поля, «вписывает» в него текущую словесность, указывает место на «литературной карте» новых литературных явлений. Следует упомянуть еще **цензора**, который представляет интересы государства, морали, религии в рамках литературы, и **преподавателя литературы**, в задачи которого входит осуществление литературной социализации в школе, и тогда перечень основных ролей в рамках литературы как социального института будет завершен.

Все эти роли тесно взаимосвязаны, и каждая может существовать только при наличии других. При выпадении любой роли (кроме цензора) литература либо не может успешно выполнять свои функции, либо мы имеем дело с редуцированной ее формой.

Приступая к работе над данной книгой, я ставил своей целью дать целостное описание институциональных аспектов русской литературы 1820—1840-х гг., т.е. периода, во многом определившего дальнейшее развитие не только отечественной словесности, но и культуры в целом.

До этого времени в России, по сути дела, не было литературы в современном смысле слова, т.е. в виде автономного социального института с развитой дифференцированной системой ролей.

Литература (по крайней мере, литература высокая, элитарная) существовала не независимо, а при ком-то (чем-то) — дворе, меценате, учебном заведении — и выполняла служебные функции: прославляла и развлекала властителя или сановника либо использовалась в учебном процессе для воспитания, окультуривания учащихся. Соответственно, не было и литературной профессии — писатели находились на государственной службе (причем литературные занятия не входили, как правило, в круг их служебных обязанностей) либо пользовались поддержкой сановников-меценатов. Конечно, несколько литераторов жили на свои литературные доходы (например, Н.М. Карамзин), но это было в ту эпоху не правилом, а редким исключением. Не было не только профессиональных писателей, но и читательской публики. В круг чтения немногочисленных любителей литературы входили преимущественно французские книги, а мнениями они обменивались в салонах и кружках. Таких журналов и газет, в которых в ходе обсуждения и полемики вырабатывались бы некие обобщенные точки зрения, иерархия литературных авторитетов и ценностей и которые тем самым превращали бы разрозненных читателей в публику, практически не было. В газетах в основном печатались официальные и полуофициальные тексты, а материалы литературного характера, и тем более литературная критика и полемика, отсутствовали. В литературных журналах преобладающую часть их объема занимали переводы зарубежной прозы, а разделы критики и публицистики были ничтожны по величине.

В зачаточном состоянии находилась и книжная торговля. Развитая сеть книжных магазинов и лавок существовала только в Петербурге и Москве, а в провинции книжная торговля влачила жалкое существование. Когда в 1811 г. в России было создано Министерство полиции, в обязанности которого входил надзор над книжной торговлей, министр полиции запросил губернаторов о наличии в их губерниях книжных лавок. Оказалось, что всего в губерниях с русским населением (мы не учитывали книготорговые заведения в регионах с немецкой и польской культурой) имеется

114 книжных лавок, причем подавляющее число их находится в Петербурге и Москве (85). Больше половины губерний с русским населением вообще не имело постоянных книготорговых точек, например, Калужская, Орловская, Саратовская, Псковская, Иркутская².

Но если книготорговцы все же, пусть в малом числе, существовали, то профессиональных издателей еще, по сути дела, не было. Историк книжного дела утверждает, что в России в первой четверти XIX в. *«нет издательских предприятий в современном нам понимании этого слова»*. Мы не можем найти учреждения, общества или лица, которое занималось бы специально издательством и только издательством, вкладывая в дело определенный капитал³. Изданием книг занимались те же книгопродавцы, сами авторы, государственные и научные учреждения и общества.

До XIX в. не существовало и специальной цензуры, цензурованием книг с 1783 г. занимались полицейские чиновники. Только в 1804 г. был утвержден цензурный устав, регламентирующий работу цензуры, и созданы специальные цензурные комитеты⁴.

Ситуация кардинально меняется в первой половине XIX в., причем наиболее быстрые и принципиальные перемены пришлось на 1820—1830-е гг. Именно в эти годы появляются периодические издания (журналы «Московский телеграф», «Телескоп», «Библиотека для чтения», газета «Северная пчела»), в которых преобладает отечественный литературный материал, значительное место занимает рецензирование текущей отечественной литературной продукции и разгораются острые споры. Тем самым они привлекают к себе читательское внимание, создают общее литературное поле, выводят литературу из салонов и кружков на всеобщее обозрение, делают ее фактом современной культурной и социальной жизни.

Меняется и роль литератора. В конце XVIII — начале XIX в. в дворянской среде (а именно из этой среды вышло подавляющее большинство литераторов того времени) доминировала установка на литературное творчество как на развлечение в часы отдыха, а не труд, за который можно получить денежную компенсацию. Но у разночинных литераторов уже в конце XVIII в. формируется иное отношение к литературному труду, среди них появляются авторы (переводчики и создатели низовой прозы), для которых продажа литературных произведений становится основным источником средств к жизни⁵. Во второй четверти XIX в. эта традиция переходит и в высокую литературу. Преодолению здесь отрицательной установки на литературный труд способствовало распространение такой стабильной формы литературной коммуникации, как журнал. Первыми среди представителей высокой литературы стали получать гонорар редакторы. Так, за редактирование «Вестника Европы» Н.М. Карамзин получал 2 тыс. руб. ассигнациями в год.

Авторы же долгое время получали гонорар только эпизодически, причем это были, как правило, известные писатели (например, И.А. Крылов), в сбыте произведений которых издатели были уверены. Первые шаги к превращению гонорара из исключения в правило сделали в 1825 г. издатели «Полярной звезды» К.Ф. Рылеев и А.А. Бестужев, которые заплатили по 100 руб. ассигнациями за авторский лист всем «вкладчикам» альманаха. Окончательно институционализация авторского гонорара была завершена в журнале «Библиотека для чтения» (выходил с 1834 г.), где авторам платили по 100—300 руб. ассигнациями за лист. С этого времени число профессиональных литераторов начинает постепенно увеличиваться. Начался период, который С.П. Шевырев назвал «торговым», а Белинский — «смирдинским». Перестройка форм литературного быта сопровождалась бурной литературной полемикой. Представители так называемой «литературной аристократии» резко выступили против новых форм организации литературной жизни, отстаивая старое отношение к творчеству. В отличие от противников гонорара, понимавших литературный труд как «служение», его защитники (Н.И. Греч, Ф.В. Булгарин, О.И. Сенковский) нередко сводили его к простой «службе» публике. Так, например, Греч писал: «Есть люди, которые утверждают, что денежное возмездие унижает литератора. Почему? Этот доход точно такой, как от дома, от деревни, нажитых собственным трудом. Это жалование, получаемое за непрерывные, тяжкие, честные труды и отнюдь не достаточное для вознаграждения человека за многие лишения, за непрерывные досады, огорчения и даже обиды»⁶. К концу 1830-х гг. в журналах уже формируются стабильные ставки оплаты литературного труда.

Возникает группа профессиональных литераторов, совмещающих, как правило, литературный труд с изданием и редактированием периодических изданий (Н.А. и К.А. Полевые, Греч, Булгарин, Сенковский, А.Ф. Воейков и др.). Для большинства литераторов основным источником получения денег становится не поддержка мецената, а рынок. По справедливому замечанию У.М. Тодда, «во времена Пушкина, хотя императорская семья и продолжала жаловать писателей табакерками и прочими дарами, институт литературного покровительства сдал свои позиции во многих отношениях. Академия и знатные вельможи не играли больше такой значительной роли»⁷.

Отдел рецензий и критических статей становится непременной частью многих периодических изданий, появляются первые профессиональные критики (В.Г. Белинский, В.С. Межевич)⁸.

Литература в значительной степени коммерциализируется и массовизируется, многие литераторы начинают работать на рынок, и, что значимо, низовая литература входит в поле зрения элитных литературных слоев. Все это ведет к существенным переме-

нам в проблематике и поэтике литературы. С конца 1820-х — начала 1830-х гг. ведущую роль в русской литературе начинает играть не поэзия, а проза (прежде всего роман). Как отмечал Б.М. Эйхенбаум, «переход Пушкина к журнальной прозе и, таким образом, самая эволюция его творчества в этот момент обусловлены общей профессионализацией литературного труда в начале 30-х годов и новым значением журналистики как литературного факта. Связь эта, конечно, не причинная; это — использование новых литературно-бытовых условий, отсутствовавших прежде: расширение читательского слоя за пределы придворного и аристократического круга, появление рядом с книгопродавцами особых профессиональных издателей (как Смирдин), переход от альманахов, имевших “любительский” характер, к периодическим изданиям коммерческого типа (“Библиотека для чтения” Сенковского) и т.д.»⁹.

Период 1820—1830-х гг. чрезвычайно значим в истории русской литературы, поскольку предложенные тогда типы самоопределения писателя и отношения его к читателю, жанрово-тематического репертуара, поэтики, форм литературной коммуникации и т.п. в дальнейшем стали авторитетными и превратились в образцы для следования и подражания. Однако в ходе нашей работы выяснилось преждевременность попытки дать целостную характеристику литературной системы того времени.

Оказалось, что недостаточно исследованы не только взаимосвязи между различными элементами литературы (писателями и издателями, писателями и читателями, критикой и читателями, цензурой и издателями и т.п.), но и сами эти элементы. Точнее, каждый из этих элементов изучен очень выборочно, когда одним аспектам и проблемам посвящены десятки работ, а о других, весьма важных, с нашей точки зрения, нет практически ни одной. В результате без углубления в конкретные проблемы, без введения в научный оборот нового эмпирического материала не удалось бы повторно (по материалу и выводам) предпринимавшиеся ранее, близкие по характеру попытки¹⁰. Следует отметить также, что социологу первую половину XIX в. изучать во многом труднее, чем вторую его половину, а тем более XX век. Это связано с тем, что социолог работает, как правило, с массовыми источниками (предпочтительнее всего со статистикой и данными опросов). Однако опросы стали проводиться только с конца XIX в., а статистика в первой половине века была очень фрагментарной и несовершенной. Обработка же больших массивов первичной информации, например мемуаров, переписки или цензурных документов, — очень трудоемкая и сложная работа.

Поэтому вместо монографической разработки данной тематики нам пришлось ограничиться отдельными очерками, посвященными малоизученным или совсем не изучавшимся проблемам.

Почти не затронутыми остались такие сферы, как книготорговля и книгоиздание, становление писательской профессии и литературные гонорары, преподавание литературы в учебных заведениях и т.п. Нам представляется, что на данном этапе следует ограничиться подобными разработками «среднего» уровня и лишь после дальнейшего изучения ранее не привлекавших исследовательского внимания аспектов и заполнения «пустых мест» переходить к обобщающему описанию и анализу всей литературной системы в целом.

Наша книга базируется на комплексе разнородных источников. В качестве массового источника данных об отношении к книге и чтению нами были использованы воспоминания. На основе тщательно составленного библиографического указателя «История дореволюционной России в дневниках и воспоминаниях» (Т. 2. Ч. 1—2. 1801—1856. М., 1977—1978) было выделено и проанализировано 150 разнородных мемуарных текстов автобиографического характера, представляющих лиц разных сословий и разных регионов страны. Особое внимание было уделено воспоминаниям лиц, тесно связанных с различными сферами литературной системы (писателей, книгопродавцев, цензоров и т.п.). Из этих воспоминаний извлекалась информация о литературном быте и о различных механизмах социального функционирования печатных изданий.

Интенсивно использовались также цензурные материалы, которые содержат ценные сведения не только о содержании и формах деятельности цензурных инстанций, но и об авторстве многих опубликованных анонимно произведений, механизмах книгоиздания и книжной торговли и т.д.; а также документы учебных и административных учреждений, содержащие биографическую информацию о малоизвестных и совсем неизвестных литераторах.

В качестве дополнительных источников привлекались переписка, журнальные и газетные статьи того времени, содержащие информацию и оценочные суждения о создании, распространении и восприятии книг и периодических изданий. В ряде случаев использовались и литературные произведения, если они содержали подробное описание тех или иных элементов литературной системы. Нами учтены также немногочисленные статистические издания того времени, содержащие сведения о книгоиздании. В соответствии с характером рассматриваемой проблемы в различных очерках преобладают разные типы источников. Более подробные сведения о них приведены далее.

Особенностью данной работы является наличие в ряде разделов большого числа цитат из мемуаров и переписки, нередко близких по содержанию. При отсутствии статистической и репрезентативной социологической информации они призваны хоть в какой-то степени подтвердить обоснованность наших наблюдений и выводов.

Не имея возможности охарактеризовать все элементы литера-

турной системы и взаимосвязи между ними, мы рассматриваем лишь часть их, останавливаясь подробно на некоторых «узловых» проблемах и «болевых» точках, через которые хорошо просматриваются общие закономерности и особенности литературной ситуации того времени.

При внешней разнородности освещаемых в нашей работе сюжетов (литературная репутация Пушкина; низовая книжность; альманахи; редактура; авторское право; цензура народных книг и др.), все они объединены, как нам представляется, специфическим авторским видением предмета. Кратко его можно резюмировать в трех пунктах:

1. Междисциплинарное рассмотрение каждого элемента книжной системы, когда в каждом из них видится выражение общих процессов, идущих в литературе.

2. Социологический подход, т.е. учет

а) сложных взаимосвязей и взаимовлияний между литературой (как частью социальной системы) и другими социальными институтами, прежде всего — экономикой и политикой;

б) механизмов социального взаимодействия в самой литературе как социальном институте, т.е. взаимодействия таких составляющих его социальных ролей, как писатель, редактор, цензор, издатель, критик, читатель и т.д.

3. Преимущественное внимание к низовой, народной словесности, которая в силу ряда причин идеологического характера отрицательно оценивалась элитарными слоями и почти не привлекала к себе исследовательского внимания.

Помимо единых принципов рассмотрения материала единство книге призваны обеспечить и два очерка общего характера, посвященные читателям и библиотекам той эпохи и воссоздающие контекст характеризующих в книге явлений и процессов.

Я надеюсь, что данное исследование, продолжающее на хронологически более раннем материале мою предшествующую книгу «От Бовы к Бальмонту: Очерки по истории чтения в России во второй половине XIX века» (М., 1991), будет способствовать изучению институциональных аспектов истории русской литературы.

В качестве приложения в книгу включены статьи, заметки и рецензии, написанные в ином ключе (посвященные более частным вопросам, выходящие за хронологические рамки исследования и т.д.), но дополняющие, как нам представляется, очерки из основного корпуса книги.

Очерки «Чтение вслух как культурная традиция», «Библиотеки: государственные, общественные, частные», «Как Пушкин вышел в гении», «Русские “бестселлеры” первой половины XIX века» публикуются впервые, очерк «“Дайте нам пищу в отечественной литературе, и мы откажемся от иностранной”» печатался с сокра-

шениями в: Библиоковедение. 1999. № 3 (под названием «Читатели Пушкинской эпохи»); очерк «Становление авторского права» печатался в: Книга: Исследования и материалы. М., 1993. Сб. 65 (под названием «Материалы к истории авторского права в России в первой трети XIX в.»); очерк «Литературный альманах 1820—1830-х гг. как социокультурная форма» в: Новые безделки: Сборник статей к 60-летию В.Э. Вацуро. М., 1996; очерк «Московские “альманашники”» в: Чтение в дореволюционной России. М., 1995. Вып. 2; очерк «Ф.В. Булгарин и его читатели» в: Чтение в дореволюционной России. М., 1992. [Вып. 1]; очерк «Возникновение редактуры» в: Редактор и книга. М., 1986. Вып. 10 (под названием «Из истории редакторской профессии в России»); очерк «Писатели и III отделение» в: НЛО. 1999. № 40; очерк «Московская низовая книжность» подготовлен на основе следующих публикаций: Витязи толкучего рынка: К истории низовой словесности // Лица. М.; СПб., 1994. Вып. 4; «Фризурный» литератор Иван Гурьянов и его книги // Лица. М.; СПб., 1993. Вып. 2; «Битва русских с кабардинцами» Н.И. Зряхова // Памятные книжные даты. 1990. М., 1990; [Предисловие к публикации нравственно-сатирических повестей А.А. Орлова] // НЛО. 1996. № 22; очерк «Цензура народных книг во второй четверти XIX века» печатался в: НЛО. 1996. № 22; рецензия «Кому и зачем нужен Пушкин?» в: НЛО. 1998. № 30; статья «Групповая динамика и общелитературная традиция: отсылки к авторитетам в журнальных рецензиях 1820—1978 гг.» в: Книга и чтение в зеркале социологии. М., 1990 (под названием «О структуре и динамике системы литературных ориентаций журнальных рецензентов (1820—1978 гг.)»); для настоящего издания переработана); статья «Безымянные литераторы» в: Советская библиография. 1987. № 2 (под названием «Библиограф и архивы: атрибуция книг первой половины XIX в.»); статья «Издатель, автор и полиция в начале XIX века» в: НЛО. 1995. № 16 (под названием «Как Павел Свинын на Ивана Заикина жаловался, или Издатель, автор и полиция в начале XIX века»); статья «Путь к истине» в: Литературное обозрение. 1988. № 10; статья «Служил ли Гоголь в III отделении?» — в: Филологические науки. 1992. № 5/6; статья «Цензура как источник библиотечного комплектования» в: Рукописи. Редкие издания. Архивы. М., 1997.

В заключение хочу выразить искреннюю благодарность В.Э. Вацуро, Л.Д. Гудкову, Б.В. Дубину, А.Л. Зорину, С.И. Панову и В.Д. Стельмах, которые своими советами и консультациями оказали существенную помощь в работе над этой книгой.

«ДАЙТЕ НАМ ПИЩУ В ОТЕЧЕСТВЕННОЙ ЛИТЕРАТУРЕ, И МЫ ОТКАЖЕМСЯ ОТ ИНОСТРАННОЙ»

(Формирование читательской аудитории)

Без понимания того, кто из современников Пушкина читал, что и с какой целью, мы не сможем понять и сложные процессы, которые шли в литературе того времени. Однако функции и круг чтения, характер рецепции литературных произведений в 1820—1830-х гг. изучены слабо, существуют лишь весьма немногочисленные исследовательские работы по частным вопросам¹.

Мы полагаем, что накоплено уже достаточно материала, чтобы попытаться дать целостную характеристику чтения в ту эпоху.

У нас нет, к сожалению, статистических данных о численности читателей в это время, и, стремясь хотя бы приблизительно определить эту величину, мы не можем опереться даже на сведения о грамотности населения. За период до переписи населения 1897 г. имеются отрывочные, несистематические сведения, характеризующие лишь отдельные регионы. Так, например, обследование мужского населения Саратовской губернии (1844 г.), охватившее крестьян, мещан и купцов, дало следующие итоги (в процентах грамотных ко всему населению): по всей выборке — 4%, в том числе купцы — 42,1%, мещане — 28,7%, государственные крестьяне — 2,7%, удельные крестьяне — 5,6%, помещичьи крестьяне — 1,2%, дворовые люди (в городах) — 34,4%². В Костромской губернии среди сельского населения в 1867 г. были грамотны 8,6% (среди мужчин — 16,2%, среди женщин — 2,1%)³, в Московской (1869) соответственно — 7,5% (среди мужчин — 15,3%, среди женщин — 1,8%)⁴.

Можно предполагать, что в 1820—1830-х гг. в России было грамотно примерно 5% населения, т.е. примерно 2,5 млн человек (численность населения была равна тогда 50 млн человек). Конечно, обладая умением читать, не все тогда, разумеется, пользовались этим умением. Ф.В. Булгарин писал в 1823 г., что, по его мнению, «в России из числа 45 000 000 жителей можно сосчитать *один* миллион читающих, включая в сие число дворянство, духовенство и женский пол»⁵. Однако это, скорее, цифра потенциальных читателей, большая часть которых редко обращалась к этому занятию. По подсчетам А.Н. Севастьянова, к концу 1790-х гг. в России было порядка 12—13 тыс. регулярных читателей⁶. Мы по-

лагаем, что к середине 1820-х гг. цифра эта заметно выросла и составила примерно 50 тыс. человек.

Но круг элитарных читателей, обращавшихся к журналам, высокой поэзии, книгам по истории и т.п., был существенно уже. Об этом можно судить по тиражам: у журнала «Московский телеграф» в 1825 г. было 1200 подписчиков, у «Отечественных записок» в 1827 г. — более 1250, у «Галатеи» в 1829 г. — более 1200, у «Литературной газеты» в 1830 г. — 100, у журнала «Библиотека для чтения» в 1835 г. — 5000⁷. Да и у книг, если не принимать во внимание учебные пособия и низовые издания, тираж редко превышал 1200 экз.

Правда, в сословном обществе и грамотность, и приобщенность к чтению резко различались у разных сословий. В среде столичного и состоятельного провинциального дворянства чтение стало важным компонентом образа жизни еще в конце XVIII в., у небогатых помещиков, мелких и средних чиновников, офицеров, купцов, приказчиков оно широко входит в быт в 20-х гг. XIX в.

Прежде всего отметим, что в конце XVIII — начале XIX в. произошли значительные сдвиги в системе ценностей и образе жизни дворянства. По удачной характеристике Л. Майкова, «в течение всего XVIII века в нравах даже высших слоев патриархальная суровость уживалась с грубою распущенностью, пока сентиментальное направление не противопоставило естественных влечений сердца холодной рассудочности житейских отношений и не обуздало до некоторой степени распущенности нравов идеализацией чувства». Отношения к женщинам стали приобретать уже иной характер — более утонченный и в то же время более свободный, романический, как его стали называть тогда же, потому что главным проводником сентиментализма служила обильно распространенная и жадно читаемая романическая литература. При таких условиях начала складываться салонная жизнь, в которой могло быть отведено место изящным удовольствиям и живой беседе о предметах отвлеченного интереса. Все это, разумеется, совершалось под иностранным влиянием, и самый сентиментализм почерпался из французских книг; в светском обществе больше говорили по-французски, чем по-русски, национальное чувство было подавлено, и сознание своей народной самобытности улетучивалось; но несомненно, общественные нравы смягчались, и образование ума и сердца делало успехи⁸.

Во многом содействовало ходу этих процессов развитие системы образовательных учреждений. Принятие школьного устава 1804 г. увеличило численность учащихся и расширило сословные рамки образования. Почти в каждом губернском городе открылись гимназии, создавались и новые университеты. В 1809 г. в гимназиях было 2808 учащихся, а в 1837 г. — уже 16 506⁹. В 1802 г. во всех народных училищах, частных пансионах и школах в 29 губер-

А.Г. Венецианов. Портрет В.С. Пугатиной. Вторая половина 1810-х гг.

ниях училось 2007 девочек и 22 057 мальчиков, а к 1824 г. число их выросло более чем в два раза — 5835 девочек и 55 021 мальчик¹⁰.

В конце XVIII — начале XIX в. был открыт ряд институтов благородных девиц, где преподавалась литература и поощрялось самостоятельное сочинение стихов¹¹. По мнению специально изучавшей этот вопрос Е.О. Лихачевой, «к концу двадцатых годов, по крайней мере в столичных достаточных семьях, обучение дочерей было уже не редким исключением», при этом, «не отрицая способностей женщины к наукам, но ограждая ее от вредного их влияния, ей отводилась по преимуществу область эстетики и изящ-

ных искусств, к чему и должно было быть направлено ее образование»¹². К началу второго десятилетия XIX в. престиж литературы в общественном сознании, по крайней мере у значительной части образованного общества, становится очень высок. Вот, например, что утверждает автор учебника риторики: «Все народы преимущественно посвящали труды свои словесности, и те из них, которые достигли высокой степени красноречия, всегда почитались образованнейшими и просвещеннейшими народами»¹³. А создатели нового пансиона в Петербурге пишут в 1819 г. в его программе: «Словесность есть та наука, которая и более других полезна, и более других сродна, и более других приятна человеку. Словесность может почесться совокуплением всех познаний, слитием всех способностей, изливанием ума, или лучше: она-то есть самый ум, исходящий из уст и воплощающийся в словах наших»¹⁴.

В результате число читателей в дворянской среде постепенно росло. Как удачно резюмировал С. Шевырев, в России «при Ломоносове чтение было напряженным занятием; при Екатерине стало роскошью образованности, привилегию избранных; при Карамзине необходимым признаком просвещения; при Жуковском и Пушкине потребностью общества»¹⁵ (конечно — дворянского). Однако представители светского общества читали главным образом на французском языке, особенно художественную литературу. Немецкий путешественник Г. Райнбек, который был в России в 1805 г., в книге своих путевых записок сообщал о том, что для русских дам «чтение стало <...> потребностью, тогда как большинству мужчин оно разве что не так уж противно. Но чтение ограничивается, конечно, по большей части французскими романами, в особенности Вольтера, Руссо, Рейналя, Флориана, Мармонтеля, Лафонтена. Не знать их считается непростительным, тогда как вовсе не позорно так же плохо знать национальных писателей, как писателей Гурона»¹⁶. А.Ф. Мерзляков в 1812 г. с горечью вопрошал: «Что может воспламенить молодого поэта, когда у нас некоторые из невежества не могут ценить его творений, и по тому же невежеству, следуя стороне коварной, предпочитают достойному не достойное никакого внимания; другие — лишают бедного сочинителя и последней чести — бранить его; ибо они и говорят и мыслят только по-французски и не подозревают даже, чтобы на русском языке могло быть что-нибудь написано посредствомное! — третьи — смотрят на все глазами усыпленного роскошью сатрапа; смотрят и не видят, слушают и не слышат, но притворяются любителями изящности или учености, потому что этого требует обыкновение. Чего надеяться русскому писателю, когда прекрасный пол и ныне почитает излишним разуместь язык русский?»¹⁷

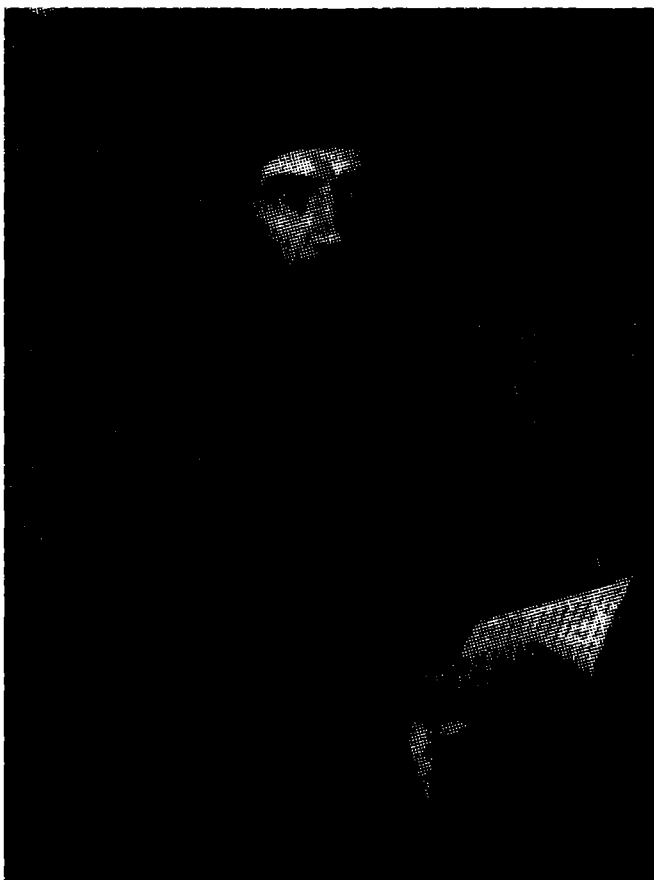
В постепенной переориентации на отечественную словесность сыграли свою роль и патриотический подъем, вызванный Отечественной войной 1812 г., и успехи русской литературы. В 1823 г.

Е.Р. Рейтерн. В.А. Жуковский. 1832

одна из женщин так формулировала свой взгляд на женское чтение: «Бывало, дамы изредка признавались, что с удовольствием читали Повести и Письма Карамзина, Сказки и Басни Дмитриева; ныне женщины и девицы, молодые и старые, судят и рядят о словесности, толкуют об экзаметрах, о спондеях, ссылаются на Горация, которого и в переводе не читали, подписывают приговоры новым театральным пьесам и объявляют себя если не начальницами, то приверженницами той или другой школы <...> Дайте нам пищу в отечественной литературе, и мы откажемся от иностранной»¹⁸. Распространению интереса к литературе способствовали литературные журналы. Не следует только забывать, что, во-первых, это были не получившие впоследствии распространение пухлые ежемесячники, а тонкие еженедельники, и, во-вторых, они представляли собой либо издания суховатые, «ученые» («Вестник Европы», «Северный архив», «Отечественные записки», в меньшей степени — «Сын Отечества»), либо адресованные женщинам («Дамский журнал», «Благонамеренный») — и в тех, и в других (хотя и по разным причинам) серьезной, «качественной» литературы было мало.

Временем перелома была середина 1820-х гг. С одной стороны, и в это время современники фиксировали малое число читателей,

Неизвестный художник.

Портрет архиепископа Владимирского Антония. 1853

с другой стороны, всем бросался в глаза достаточно быстрый рост читательской аудитории. М.П. Погодин писал в 1827 г.: «Правда, что многие у нас читают только по средам и субботам (в эти дни выходили «Московские ведомости». — *А.Р.*) и скорее узнают о привозе голстинских устриц и лимбургского сыра, нежели о появлении новой басни Крылова или баллады Жуковского; правда, что многие дамы наши ничего не хотят знать, кроме известий о модах и Элегий Ламартиновых, а Эмилиии не говорят о литературе даже и за котильонами; правда, что большая часть провинциалов наших наслаждается только Брюсовым календарем и письмовником Курганова, а разговор ведет

О сенокосе, о вине,
О псарне, о своей родине.

Правда, что чтение не сделалось еще у нас такой необходимостью, как у иностранцев <...>, но правда и то, что во всех сословиях нашего народа круг людей благомыслящих мало-помалу распространяется, что сии люди принимают живое участие в общем деле человеческого образования, жаждут познаний и с удовольствием смотрят на всякое литературное произведение, которое в известном отношении может служить термометром сего образования в отечестве»¹⁹.

В.Н. Погожев вспоминал, что в Москве во второй половине 1820-х гг. молодой человек, который хотел быть принятым в большом свете, должен был обладать рядом качеств (говорить по-французски, танцевать, играть в карты по большой, модно одеваться и т.д.) и в том числе «знать хотя по названиям сочинения новейших авторов, судить о их достоинстве <...> знать наизусть несколько стихков любимого дамами или модного современного поэта»²⁰.

Следует отметить, что аристократия, состоятельные и образованные лица и в 1820-х гг. читали главным образом по-французски, русские книги и журналы редко входили в круг чтения представителей этих социальных категорий. Ф.В. Булгарин писал, что «наша публика, в особенности высший класс общества, весьма мало читает по-русски, а еще менее покупает русские книги <...>»²¹. Ф.А. Кони отмечал, что «в Москве <...> высший круг читает по-французски или ничего не читает (по большей части) <...>»²². Е.И. Раевская вспоминала об аристократках 1820-х гг., что «чтением они не особенно интересовались; матушка моя была в свое время редким исключением»²³. Н.А. Полевой утверждал: «Круг нашей читающей публики весьма ограничен. Поверят ли, что при великом множестве образованных людей у нас успех лучшей книги ограничивается тысячью или не более как полуторою тысячью читателей, разумея здесь одних покупателей книги? Это большею частию люди среднего состояния, молодое поколение, отличающееся непреодолимою жадностью к просвещению»²⁴.

Особенно много читали студенты — как издания, необходимые для учебы, так и беллетристику, книги по истории, философии и т.д.²⁵ Много читали и учащиеся других учебных заведений²⁶.

Однако чтение тут нередко жестко регламентировалось, а в закрытых учебных заведениях (корпуса, пансионы, женские институты) нередко вообще запрещалось читать книги, не предусмотренные курсом обучения²⁷.

Мало читали в провинции. А.Д. Галахов вспоминал, что в конце 1810-х — начале 1820-х гг. у большинства помещиков «расход на книги никогда не входил в <...> бюджет <...> многие из них обходились даже без “Московских ведомостей” и “Календаря”»²⁸.

Неизвестный художник. Портрет семьи Евреиновых. 1810—1820-е гг.

Н.Н. Мурзакевич вспоминал, что в 1820-х гг. в Смоленске «охоты к чтению в жителях не замечалось: “Московские ведомости” замещали все книги. Книжная лавка существовала одна, да и та без подновления»²⁹. Автор статистического описания Саратовской губернии писал в конце 1830-х гг.: «В целой губернии одна только книжная лавка в Саратове, и та скудна, наполнена почти книжным сором. Частных библиотек, не только хороших, даже посредственных нет. В некоторых домах мелькают кой-какие журналы и газеты, и те мало читаются; мы плохо знаем не только то, что творится в мире литературном, но даже и в политическом <...>»³⁰.

Н.С. Щукин писал в 1830 г., что в Якутске «чтением книг почти не занимаются <...> Хотя некоторые и получают московские газеты, но в них читают только одни законы и, встретясь друг с другом, спрашивают: нет ли нового указа в газетах?»³¹

Для характеристики круга провинциального чтения можно указать на книжное собрание умершего в 1826 г. генерал-майора К.В. Баженова, проживавшего в деревне Корино Арзамасского уезда (жена его была неграмотна). Он владел всего 35 книгами, которые можно разделить на три основные группы: прикладные пособия («Полное садоводство», «Конский лечебник», «Школа деревенской архитектуры», «О прививании коровьей оспы», «О действиях и силе шалфея» и др.); историко-политические книги («Начертание российской истории», «Жизнь императрицы Екатерины Великой», «Театр нынешней войны», «Увенчанные победы графа Платова» и др.), а также переводные любовно-сентименталь-

Неизвестный художник. Портрет молодого купца с книгой. 1847

ные романы («Мальчик у ручья, или Постоянная любовь» А. Коцебу, «Александр и Мария, или Любовь и честность в испытании» А. Лафонтена, «Горные духи, или Анетта и Фридерик» Х. Шписа и др.)³².

В чтении, особенно у женщин, преобладала беллетристика, главным образом романы. По сведениям Ф.В. Булгарина, опросившего петербургских книгопродавцев, в 1822 г. число продаваемых романов в 20 раз превышало число продаваемых исторических и политических книг³³.

Вот, например, писатель А.И. Чуровский в романе «Примадонна» пишет про старушку-полковницу, жительницу небольшого провинциального городка. Она, «полюбивши с самой юности романы <...> так сказать, спала с ними, и эта страсть укоренилась

*Неизвестный художник. Женщина с книгой. Первая половина XIX в.
Фрагмент картины*

в ней до глубокой старости. И теперь с таким же восхищением она любовалась малютками с Дюкре-Дюменилем, умствовала с г-жою Жанлис, бродила по темным коридорам с бесстрашной Радклиф, плакала с чужестранкой виконта д'Арленкура, смеялась с Валтер-Скоттом и Лафонтеном. — Но с той эпохи, как отечественные романы появились на Руси, она привязалась к ним всей душою. — Димитрий Самозванец (из одноименного романа Ф.В. Булгарина. — *А.Р.*) и древний Кремль снились ей даже во сне, а жалкая участь бедной Полины из “Рославлева” (М.Н. Загоскина. — *А.Р.*) всего чаще заставляла ее утирать слезы. — В часы отдыха от чтения и хозяйства она любила рассказывать зятю и дочери своей сюжеты любимых романов <...>»³⁴.

А.П. Никитин в повести «Жена-незнакомка» рассказывал о молодом человеке в провинциальном городе, который, «несмотря на трудные занятия по службе, с удовольствием уделял часы покоя на чтение книг <...> Пылкое его воображение увлеклось привлекательными картинами романов, дружило его с духом рыцарства, набрасывало тень мечтательности, любви и героизма на его сердце; но, робкий в душе, вместе с тем боялся ужасов Беллоны»³⁵.

Из-за труднодоступности и дороговизны печатных изданий, с одной стороны, и строгостей цензуры, с другой, широкое распространение имела в то время рукописная литература. Ф.И. Буслаев вспоминал: «Книги были тогда редкостью; они были наперечет; книжной лавки в Пензе не находилось, а когда достанешь какую-нибудь желаемую книгу, дорожишь ею как диковинкою и перед тем, как воротить ее назад, непременно для себя сделаешь из нее несколько выписок, а иногда и целую повесть и поэму в стихах, не говоря уже о мелких стихотворениях, из которых мы (гимназисты. — А.Р.) составляли в своих тетрадках, в восьмую долю листа, целые сборники. Таким образом у каждого из нас была своя рукописная библиотека»³⁶. А.П. Милюков писал в мемуарах о московских гимназистах конца 1820-х — начала 1830-х гг.: «В то время, кроме Пушкина, у нас были особенно популярны Рылеев и Полежаев. У редкого гимназиста не водилось тетрадки с рукописными «Думами» и мелкими стихами последнего поэта. Хотя сочинения эти, как и самые имена их авторов, были в то время запретными плодами, но мы нередко читали их в классах»³⁷. Эту информацию подтверждает сообщение В.Ф. Эвальда, который писал о том, что «патриотические «думы» Рылеева тогда очень нравились и были распространены в рукописных сборниках, которых несколько можно было найти почти во всяком образованном семействе. У нас, например, имелись в рукописях «Горе от ума», «Трумф» [И.А. Крылова], «Думы» Рылеева. Книги тогда были и дороже, и реже, а хрестоматии убоги. Поэтому и приходилось каждому юному любителю составлять для себя особенный, рукописный сборник»³⁸. М.М. Молчанов также вспоминал, что в 1830-х гг. «в гимназиях и корпусах кадетских не было такого ученика, у которого не нашлось бы двух-трех тетрадей из синей бумаги, твердой и прочной, тогда больше бывшей в употреблении по ее сравнительной дешевизне — наполненных выписками из произведений лучших поэтов»³⁹.

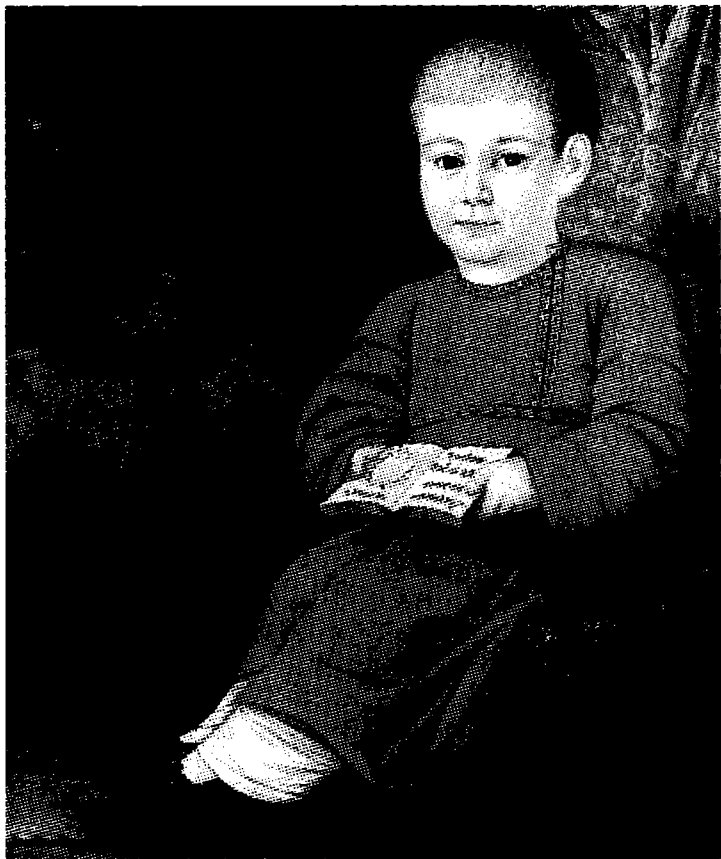
Впрочем, существовала и такая разновидность рукописной литературы, которая не имела печатного аналога (главным образом по цензурным причинам, но иногда это было вызвано дороговизной печатных книг и журналов). В качестве наиболее ярких примеров можно упомянуть распространение «Горя от ума» А.С. Грибоедова (до публикации) и вольнолюбивых стихотворений Пушкина. Но нередко встречались рукописи, широко циркулиро-

Кучиков. Портрет семьи Косиных за чаепитием. 1840-е гг. Фрагмент

вавшие в рамках одного города⁴⁰. По свидетельству В.Д. Кренке, у кадетов 1820-х — первой половины 1830-х гг. значительную часть подобных рукописных произведений составляли «цинические сочинения <...> чем строже корпусное начальство преследовало эти рукописи, тем более кадеты ухитрялись сохранять их и приобретать вновь. В мое прапорщичье время каждый офицер привозил с собою из корпуса целые тетради этих сочинений, у некоторых были даже большие томы, и не только с мелкими стихотворениями, но с целыми драматическими произведениями, комедиями, водевильями и пр.; все это слыло под общим именем “барковщины”»⁴¹.

С последней трети XVIII в. к чтению начинает приобщаться и «третье сословие»: купцы, мещане, ремесленники, мелкие чинов-

Неизвестный художник. Портрет мальчика. Первая половина XIX в.

ники, слуги и т.д. Ф.А. Кони писал: «Класс простолюдинов хочет читать; не зная языков иностранных, чуждый образования университетского, он хватается за все <...> для него все равно, лишь бы читать, да чтоб было *дешево*, да *сердито*»⁴². Представители указанных слоев редко получали формальное образование, и круг их интересов, духовных потребностей и, соответственно, и чтения нередко существенно отличался от дворянского. Купцы и мещане в этот период читали главным образом духовную литературу, нередко рукописную⁴³. С.И. Пономарев, сын конотопского купца, вспоминал, как в юности, в конце 1830-х — начале 1840-х гг., «всегда старался достать какую-нибудь духовную книгу и читал ее, не внимая ничему, окружающему меня. Когда я завлекался чтением, меня едва могли оторвать от книги <...> Любимую мою книгою были Четы-минеи,

И.С. Щедровский. Чтец на набережной и торговец лимонадом. 1839

или Жития св. отцов; я и прочел все части этой книги, т.е. целый год. Кроме того, прочел весь Ветхий завет со всеми предисловиями и примечаниями, Патерик с различными послесловиями, Слова Иоанна Златоуста, книгу поучений на каждую неделю года, Путешествие Григоровича-Барского и много других меньших книг...»⁴⁴ П.И. Орлова-Савина в своих мемуарах писала про старого буфетчика в доме генеральши в середине 1820-х гг., который «всегда читал духовные книги и был очень благочестивый»⁴⁵.

Но постепенно в эту среду, а также и в среду городских низов проникает литература светская. Это прежде всего переводы рыцарских повестей о Бове-королевиче, Еруслане Лазаревиче, Францылле Венциане, сборники анекдотов, сказки, песенники, сонники, гадательные книги. В конце XVIII в. появляются и отечественные

авторы, ориентирующиеся на третьесословную аудиторию: М. Комаров, М.Д. Чулков, В.А. Левшин и др. В начале XIX в. в круг чтения проникает и переводной роман: авантюрный, готический, разбойничий. Следует отметить также, что существенное распространение получила в этой среде прикладная литература: лечебники, письмовники, пособия по бухгалтерии и т.п. В начале XIX в. было уже немало купцов, хорошо ориентирующихся в современной светской литературе⁴⁶. Имеются даже свидетельства о чтении в низовой читательской среде современных отечественных авторов, например Карамзина⁴⁷.

В крестьянской среде читатели были редким исключением (речь не идет о староверах, где мужчины были почти все грамотны и читали Священное Писание и духовно-назидательные сочинения⁴⁸). В первой половине XIX в. большинство крестьян считало, что книги существуют не для них; что им нужно работать, а не читать. Приведем ряд характерных цитат: «...отец частенько тузил меня (автору было 13 лет. — *А.Р.*) за то, что я трачу время на пустяки, на чтение каких-то глупых книг, вместо того, чтобы заниматься делом» (1818 г., сын крепостного)⁴⁹, «в лавке (отца. — *А.Р.*) я читал украдкой; я уже слышал не раз, что я — батьке не помощник! — все “в книжку читаю”... Ровесники при ссорах прямо тыкали мне в глаза книгами — “мы книжек не читаем, нам нужно хлеб зарабатывать”» (начало 50-х гг., сын крепостного)⁵⁰.

Тем не менее со второй половины XVIII в. грамотность (и, соответственно, чтение) начинает постепенно проникать в крестьянскую среду. Это касалось, как правило, лиц, не занимающихся земледельческим трудом, — торговцев или ремесленников из крестьян, дворовых. Будучи маргиналами в крестьянской среде, в определенной степени «выпаив» из традиционного сельского образа жизни, представители этих групп крестьянства нуждались в средстве обретения (или укрепления) своей «картины мира». Эту задачу они решали с помощью религиозных книг. Если большинство крестьян довольствовалось знанием христианской доктрины, почерпнутым из слушания церковных служб и бесед с родителями, то представители указанных групп крестьянства сравнительно часто для подкрепления и углубления религиозной веры стремились самостоятельно читать Евангелие, Псалтырь, жития святых, Пролог, поучительные слова отцов церкви и другие религиозные тексты. Д.Н. Свербеев вспоминал про дворового (своей семьи) в начале XIX в., отличительной чертой которого «была не только набожность и усердие его в церкви, но и вместе изумительная начитанность божественных книг. Он, кажется, знал наизусть не одну Псалтырь, что еще часто встречалось, но и все Евангелие»⁵¹. Один из крестьян писал в конце XIX в., что в годы его молодости Псалтырь был широко распространен в крестьянской среде — «по нем учились дети, его читали взрослые; в нем находили утешение во

всех скорбях и во всех житейских превратностях; его же читают и теперь по покойнике. У крестьян веками сложилось понятие, что псалтырь боговдохновенная книга; он хранился как сокровище у образов, будучи переплетен в доски и кожу, с медными застежками, и переходил из рода в род как дорогое наследие»⁵². Лишь немногие в этой среде читали светские книги. Так, Ф.И. Буслаев вспоминал про полового в одном из московских трактиров, который «интересовался журналами, какие выписывались в трактире, и читал в них не только повести и романы, но даже и критики»⁵³.

В первой половине XIX в. подавляющая часть умеющих читать крестьян обучалась грамоте не в школе, а с помощью различных «мастеров» и «мастериц» (учителей-самоучек, обучавших на дому), священников и дьячков, грамотных родственников. В основе обучения лежало, как правило, механическое заучивание Часослова и Псалтыря (на церковно-славянском языке). В результате чтение не обязательно сопровождалось пониманием прочитанного. Более того, зачастую именно непонятность текста выступала в качестве показателя высоких его достоинств, мудрости и глубины. Характерны в этом плане слова, сказанные слугой И.А. Гончарову (1840-е гг.): «Если все понимать — так и читать не нужно: что тут занятого!»⁵⁴

Значительное место в круге крестьянского чтения в этот период занимала рукописная книга⁵⁵. Если дворянство практически полностью порвало с традицией средневековой русской рукописной литературы, то в среде крестьянства (главным образом на Севере), купечества и мещанства традиция эта бережно сохранялась. Здесь циркулировали списки (как правило, в сокращенном виде) житий святых, религиозно-публицистической литературы («Домострой», «Златоуст»), повестей («Александрия», «Повесть о Савве Грудцыне», «Повесть о Фроле Скобееве» и др.).

Особенно популярны были рукописные сборники⁵⁶. Состав их был весьма стабилен и консервативен, новая русская литература (М.В. Ломоносов, А.П. Сумароков, не говоря уже о более поздних литераторах) была представлена там лишь отдельными произведениями.

В представленном выше кратком обзоре мы стремились продемонстрировать, что 1820—1830-е годы были периодом существенного «прорыва» в степени распространения чтения в России. Оно перестало быть привилегией узких слоев состоятельного дворянства и начало укореняться во многих других социальных слоях и группах. В результате резко выросло число приобщенных к чтению и стали формироваться различные, весьма отличающиеся по вкусам и интересам читательские аудитории (о некоторых из них будет идти дальше речь в этой книге).

ЧТЕНИЕ ВСЛУХ КАК КУЛЬТУРНАЯ ТРАДИЦИЯ

Чтение позволяет осуществлять коммуникацию, не ограниченную временем и пространством, с помощью запечатленных на бумаге словесных текстов. Социальная его функция заключается в том, чтобы «наладить связь между индивидами через совместное использование символических форм, которые превосходят индивидуальную способность повседневного наблюдения, которые переносят нас, по словам Ортеги, на “вершину времени”»¹.

Переход от устной коммуникации к письменной связан с урбанизацией, с переходом от традиционного сельского образа жизни к городскому. Господствующие на селе социальные структуры, базирующиеся на традиционных образцах поведения, жестко закрепленных типах действия в различных жизненных ситуациях, тесно связаны с устным общением. Лишь в городе, предлагающем множество конфликтующих между собой образцов поведения, появляется потребность в таком универсальном посреднике, как печатное слово.

Однако переход от устной коммуникации к чтению (впрочем, в определенных жизненных сферах речевое общение, разумеется, остается) занимает столетия и не завершился и к нашим дням. В ходе его получили распространение промежуточные формы, когда печатный текст воспринимается на слух.

Культурологи обычно подчеркивают различия устной традиции и печати как форм социальной коммуникации (устный текст эмоционален, тесно связан с ситуацией и говорящим, невелик по объему, как правило, и способствует консолидации небольшой группы; печатное слово отчуждено, более абстрактно, обеспечивает связь с отдаленными во времени и пространстве людьми). Однако воспринят печатный текст может быть как в ходе чтения «про себя», так и на слух, т.е. здесь на ином уровне воспроизводится оппозиция «устное—печатное». Каждая из этих форм имеет свою специфику. В первом случае реципиент может сам выбрать подходящий темп восприятия, способен при необходимости повторно вернуться к нужному фрагменту текста или, напротив, прервать чтение до другого случая и т.д. Во втором восприятие развивается только линейно, темп задает его темп и, кроме того, используя интонацию, существенно влияет на ход и результат рецепции. Восприятие на слух в большей степени обращено к сфере чувств, чем чтение «про себя». Чтение про себя — процесс более

интимный, он предполагает развитую субъективную сферу. Известно, что в европейской культурной традиции чтение про себя как основной тип чтения ввели пуритане. На ранних стадиях распространения чтения чтение вслух, как более привычная, более близкая к речевому общению форма, практиковалось гораздо чаще (характерно, что при обучении чтению вначале читают вслух).

Дневники и воспоминания дают обильный материал для демонстрации того, какую роль играло чтение вслух в Пушкинскую эпоху. Прежде всего отметим, что была широко распространена практика коллективного чтения, когда в кругу семьи или дружеской компании (или наедине с другом, возлюбленной) довольно большие по объему произведения читались вслух (лицом, способным прочесть текст наиболее четко и выразительно, либо по очереди). Вот несколько примеров. В.И. Панаев вспоминал, как в конце XVIII в., когда он был ребенком, «при наступлении долгих зимних вечеров сестра Татьяна учредила раза три в неделю чтение вслух. Матушка и все мы собирались в гостиную, садились вокруг стола: сестра читала — мы слушали»². В.А. Инсарский, сын уездного чиновника, вспоминал о жизни в Пензе в 1820-х гг.: «Если случались зимние <...> вечера, когда мы не ходили в гости и к нам не приходили гости, когда мы не давали балов <...> и когда не давалось таких балов ни у кого из наших знакомых — тогда вечера эти посвящались чтению». Бывало это и в тесном семейном кругу. Отец вечерами «усаживал всю семью» вокруг большого круглого стола, за которым обедали и пили чай, читал вслух и разъяснял непонятные места³. П.П. Семенов-Тянь-Шанский писал в мемуарах о жизни в помещичьей усадьбе в 1830-х гг.: «Собравшиеся к нам гости заслушивались отца, когда он читал громко приходившие к нам сочинения Пушкина, Жуковского, а также произведения тогдашнего драматического искусства»⁴. И.М. Сеченов писал: «“Мертвые души” мне удалось слышать вскоре по их выходе в свет в чтении большого приятеля нашего дома курмышского судьи Павла Ильича Скоробогатого. Он славился умением читать и, очевидно, любил читать в обществе. По крайней мере, каждый раз, что он приезжал к нам, его упрашивали прочитать что-нибудь новое, и он охотно делал это, привозя иногда даже с собою литературные новости. Таким образом в один из его приездов и были прочитаны им “Мертвые души”»⁵. Е.Н. Водовозова писала про помещика, офицера в отставке, который в конце 1820-х гг. «читал вслух (молодой жене и ее двоюродной сестре. — А.Р.) Пушкина, а также сочинения Руссо и Вольтера в подлиннике, так как все трое прекрасно знали французский язык»⁶. Зоолог и писатель Н.П. Вагнер, увлекавшийся в детстве (в середине 1840-х гг.) романами А. Дюма, П. Феваля, А. Вельмана и др., вспоминал, что «впечатление, производимое этими романами, еще усиливалось от того, что они читались, как новинки, в семейном кругу, где общий интерес захватывал каждого и увеличивался общим настроением»⁷.

Н. Кашин, с оригинала Е.Ф. Крендовского. В семь часов вечера. 1833

Читали вслух не только в дворянских, но и в мещанских, купеческих, священнических семьях, но иные по характеру тексты. М.К. Чалый, сын провинциального мещанина, вспоминал о 1820-х гг.: «В эти длинные зимние вечера <...> к нам частенько приходил кто-нибудь из родственников — провести вечер в душе-спасительных беседах с дедушкой... Тут нередко читались Четъяминеи или Печерский патерик. Чтение прерывалось обильными комментариями дядюшки <...>, великого книжника»⁸. Ф.Д. Бобков, сын крепостного, писал про конец 1830-х гг.: «Матушка моя, хорошо знавшая грамоту, постоянно читала дома вслух или жития святых, или Евангелие. Особенно сильное впечатление производило на меня чтение Страстей Господних <...> Каждую субботу перед иконами зажигались восковые свечи и матушка читала вслух псалтырь, кафизмы и молитвы»⁹.

Приведем еще примеры чтения в дружеской компании. А.В. Никитенко вспоминал, что у драгун, квартировавших в 1818 г. в городе

Острогожске Воронежской губернии, на вечеринках «всегда не последнюю, а часто и главную роль играло чтение. Иные из офицеров отлично декламировали иногда целые драмы. Тут я в первый раз услышал “Эдипа в Афинах” Озерова и познакомился с произведениями Батюшкова и Жуковского, которые тогда только что появились в свет. Мы буквально упивались их музыкой и заучивали наизусть целые пьесы...»¹⁰ Л.Ф. Пантелеев писал о несколько более позднем времени и иной социальной среде следующее: «В 1840-х гг. <...> соберется, бывало, несколько человек, и если не усядутся за карты, то и примутся за чтение какого-либо классического произведения. Бедность тогдашней общественной жизни достаточно объясняет это расположение перечитывать в кружках вещи, уже давно каждому известные, но все же способные доставлять большое художественное наслаждение»¹¹.

Чтение вслух устанавливало коммуникативные связи двух типов: во-первых, слушателей с автором читаемого текста и, во-вторых, между слушателями. В ходе чтения присутствовавшие обменивались мнениями о персонажах, книге, ее авторе и т.д., нередко спорили и в результате вырабатывали некую общую точку зрения или хотя бы сближали свои позиции. Подобное обсуждение способствовало социальной интеграции, сплочению группы, в которой происходит чтение, что было особенно важно в «закрытой», замкнутой среде (семья, школьный класс, военное подразделение и т.п.). Вот два примера. М.А. Дмитриев писал про свою жизнь с женой в конце 1820-х гг.: «По вечерам, особенно зимою, оставаясь одни, читали мы вместе: по большей части она, а я слушал. Здесь, кроме удовольствия, производимого самим чтением, оно доставлялось еще и тем, что возбуждало мысль нашу и служило поводом иногда к самым интересным суждениям и разговорам между нами по случаю какой-нибудь мысли, какого-нибудь происшествия, встреченного в книге»¹². В.Д. Кренке, который в первой половине 1830-х гг. служил в Гренадерском саперном батальоне в Курляндской губернии, вспоминал, что у офицеров «чтение вслух было самым приятным и самым полезным занятием; тец имел право остановиться, а слушатели остановить его на той мысли или на том изречении автора, которые обращали на себя внимание; при этом завязывались споры, за и против, которые нередко затягивались за полночь и возобновлялись на следующий день, когда спорящие обдумают наедине новые подтверждения своим мнениям или опровержения противникам. Для чтения и днем, и вечером собирались кружки, в 3, 4 и 5 человек, и было очень прискорбно, когда чтение приходилось прерывать картами»¹³.

Следует отметить далее, что тогда гораздо более широко, чем сейчас, практиковалось чтение вслух детям (гувернантками, педагогами в школах). Ф.И. Буслаев вспоминал, например, как во время его учебы в пензенской гимназии (1828—1833) преподава-

тель литературы «читал с нами сам или заставлял читать кого-нибудь из нас произведения писателей, как старинных, например, Ломоносова, Державина, Фонвизина, так и особенно новейших, какими тогда были Батюшков, Жуковский, Пушкин; очень любили мы и наш учитель повести Бестужева <...>»¹⁴. Но родители маленьким детям читали вслух довольно редко, скорее, напротив, дети читали вслух родителям. Приведем несколько примеров. Д.Н. Свербеев, происходивший из состоятельной дворянской семьи, вспоминал о том, как в детстве, в начале XIX в., утром «по приказанию батюшки читал ему всегда <...> отрывки из какой-нибудь летописи, из русской истории князя Щербатова, из “Ядра Российской истории” князя Хилкова, либо стихи Ломоносова, Хераскова, Кантемира, Сумарокова, Державина <...>»¹⁵. Е.А. Драшусова также вспоминала про своего деда-помещика: «Его настольной книгой были “Деяния Петра Великого” Голикова, и когда по воскресеньям собиралась к нему обедать его многочисленная семья, то нас, внучат, которых был легион, он заставлял по выбору прочитывать несколько страниц из его любимой книги <...>»¹⁶. А.Е. Розен писал о том, как в 1810-х гг. в поместье «после обеда отец отдыхал с час, и, пока не засыпал, я должен был читать ему или газету, или из книги <...>»¹⁷. Н.Г. Залесов вспоминал о том, как в конце 1830-х гг. «по временам к нам приезжала <...> воспитательница моя, тетка, страшная охотница до таинственных рассказов, и она меня заставляла по вечерам читать ей вслух романы г-жи Радклиф с описанием страшных подземелий и привидений»¹⁸. Н.А. Полевой, сын купца, писал про начало XIX в.: «Лет восьми я уже читал вслух — матери моей романы, отцу же библию и “Московские ведомости”»¹⁹.

Тут сказывался определенный культурный стереотип: чтение (а тем более вслух) расценивалось как работа, и, соответственно, исполнять ее должно было лицо, обладавшее более низким статусом. Можно привести несколько примеров этого применительно к разным социальным сферам. И.К. Зайцев, который был крепостным в 1820-х гг., вспоминал про своего помещика: «Коли скучно ему, а читать лень или не может, посылает за мною; он уже знал, что я читаю недурно, и бывало по целым ночам читаю ему <...>»²⁰. Н.С. Соханская в своих мемуарах сообщает, что в 1834 г. в Харьковском институте благородных девиц дежурная воспитанница читала вслух начальнице Четьи-минеи²¹. По воспоминаниям С.В. Капнист-Скалон, сенатор П.И. Полетика во время своего туалета заставлял камердинера читать вслух «Историю государства Российского» Карамзина²². Наконец, фрейлина С.С. Киселева рассказывала А.О. Смирновой-Россет в 1838 г., что ездит в Петергоф зимой на неделю: «Император работает, а я ему читаю какой-нибудь роман или мемуары»²³.

Широко было распространено тогда чтение литераторами своих произведений в кружках, салонах или на специальных званых вечерах²⁴, а также в литературных обществах²⁵.

Не следует забывать также, что в тот период представители всех сословий в регулярно посещаемой церкви слышали чтение вслух богослужебных текстов.

Подводя итоги, подчеркнем: сейчас печатный текст обычно воспринимается путем индивидуального чтения «про себя», и нередко по аналогии подобным же образом трактуется чтение и других исторических периодов. Однако применительно к прошлому подобный подход оказывается не совсем адекватным. Анализ исторических источников (воспоминаний, переписки, рисунков, картин и др.) показывает, что в первой половине XIX в. печатный текст воспринимался на слух не менее, а возможно, и более, часто, чем путем чтения «про себя».

БИБЛИОТЕКИ: ГОСУДАРСТВЕННЫЕ, ОБЩЕСТВЕННЫЕ, ЧАСТНЫЕ

Библиотека — это не случайный набор книг, а собрание, обладающее определенным *смысловым* единством (этим она отличается от книжного склада и книжного магазина). Причем данным собранием кто-то постоянно пользуется, иначе это хранилище, коллекция, музей и т.п. Если перейти на социологический язык, то библиотека — это институт, обеспечивающий хранение и передачу культурного наследия общества, иными словами, «социализирующая структура, предназначенная для устойчивого воспроизведения данной социальной целостности, понимаемой как поступательное многообразие культурных ситуаций действия»¹. Трагуемая таким образом библиотека исторически возникает при определенных условиях (усложнение комплекса идей и знаний, которыми располагает общество; возникновение письменности и т.п.), когда социальная общность для поддержания своей идентичности в пространстве и времени начинает создавать собрания письменных текстов. На разных этапах социального развития, в тех или иных конкретно-исторических обстоятельствах библиотеки имеют много специфических особенностей (прежде всего это касается их фондов). Однако существуют и некоторые общие типологические черты, характеризующие определенные разновидности библиотек разных исторических периодов и разных регионов. Немецкий исследователь П. Карштедт показал, что появление публичных библиотек связано с возникновением и длительным существованием различных социальных институтов (церкви, государства, научных обществ и т.п.). Библиотека объективирует мировоззрение такого института, служит хранителем и ретранслятором присущих ему норм, знаний, традиций. Приобщая членов общества к данному идейному комплексу, библиотеки способствуют обеспечению преемственности, тождества во времени².

В России длительное время таким институтом была только церковь — здесь библиотеки возникли еще в XI в. Монастырский устав предусматривал наличие библиотеки в монастыре³. В результате к началу XIX в. при монастырях и ряде церковных инстанций сформировались богатые книжные собрания, в основном религиозной тематики. Из крупных церковных библиотек 1820—1830-х гг. следует назвать Синодальную библиотеку, типографскую библиотеку Московского печатного двора, библиотеки Московской, Петербургской, Казанской и Киевской духовных академий, многие монастырские, епархиальные и семинарские библиотеки⁴.

Библиотеки князей и царей воспринимались не как государственные, т.е. репрезентирующие идею государства, а как личные, обеспечивающие только интересы их владельцев или членов их рода.

При Петре I возникают первые научные библиотеки и библиотеки специальные, прикладные. К 1820-м гг. в стране существовало уже значительное число подобных библиотек. Так, в Петербурге еще в 1714 г. была создана библиотека Императорской Академии наук, которая обслуживала не только членов Академии, но и посетителей «со стороны»⁵.

Богатые библиотеки в Петербурге были в Адмиралтействе, Первом кадетском корпусе, Горном кадетском корпусе, Вольном экономическом обществе, Академии художеств, Морском кадетском корпусе, Главном инженерном училище, Институте инженеров путей сообщения, Минералогическом обществе⁶. В 1831 г. была открыта для посетителей библиотека Румянцевского музея, но там хранились в основном рукописные и старопечатные книги.

Из московских библиотек прежде всего следует назвать библиотеку Московского университета. Возникла она в 1756 г.; с 1824 г. стала называться публичной и обслуживать всех желающих, однако фонд ее был не очень богат (в 1812 г. он практически весь сгорел и затем комплектовался заново; в 1831 г. возглавлявший библиотеку профессор Ф.Ф. Рейсс писал, что она «представляет собой собрание книг старых в отношении к успехам наук и совершенно ничтожных»⁷), открыта она была только в дневные часы, и, что самое главное, билет на ее посещение нужно было получать у ректора университета⁸, что, конечно, было не всем удобно и доступно. Следует назвать также библиотеки московского отделения Санкт-Петербургской медико-хирургической академии, Коммерческой практической академии, Московского благородного университетского пансиона, Армянского учебного заведения Лазаревых, Московского кадетского корпуса, Московской губернской гимназии, Физико-математического общества, Общества истории и древностей российских и Общества любителей российской словесности при Московском университете, Земледельческого общества и др.⁹.

Из провинциальных упомянем о библиотеках Харьковского, Казанского, Виленского и Дерптского университетов, училищ высших наук (позднее — лицеев) в Ярославле и Нежине, имелись библиотеки и во многих других учебных заведениях: гимназиях, семинариях, кадетских корпусах и т.д. Здесь, в зависимости от давности существования, личной инициативы отдельных лиц и т.п., в учреждениях одного типа могли быть весьма разные библиотеки: богатая и благоустроенная в одном и бедная, случайная по составу — в другом. Так, в Полтавской, Иркутской и Дерптской гимназиях в 1820-х гг. были большие библиотеки¹⁰, а в Черниговской и Новгород-Северской они вообще отсутствовали¹¹. Даже в Цар-

скосельском лицее, по свидетельству учившегося там в середине 1830-х гг. А.Н. Яхонтова, библиотека «пополнялась очень недостаточно и выбор чтения был в ней невелик»¹².

Особо следует сказать о военных библиотеках. В 1811 г. в России была создана первая специальная военная библиотека при Генеральном штабе, в 1817 г. — библиотека Главного гвардейского штаба. При Первом кадетском корпусе (тогда — Сухопутном шляхетном) библиотека возникла еще в XVIII в., библиотека Главного инженерного училища — в 1819 г., Михайловского артиллерийского училища — в 1820 г., Военной академии — в 1832 г. В 1810 г. была создана библиотека в лейб-гвардии Семеновском полку, в 1811 г. — в лейб-гвардии Преображенском полку¹³. Библиотеки комплектовались на основе отчислений из денежного содержания офицеров и включали как издания по военным наукам, так и книги по истории, философии, праву, художественную литературу. Декабрист Д.И. Завалишин вспоминал, что в начале 1820-х гг. «в полках Преображенском и Семеновском были богатые политические библиотеки»¹⁴. По инициативе Аракчеева с 1817 г. библиотеки стали создаваться и в армейских полках, в 1824 г. возглавляемая им комиссия выработала правила для подобных библиотек, после чего они стали комплектоваться в основном военно-уставной литературой.

Но все это были библиотеки государственные и ведомственные, как правило закрытые для широкой публики. Библиотек общественных, публичных практически не существовало. Это было связано с тем, что государство в России, дозволяя в определенных пределах сферу личную, приватную (и с конца XVIII в., когда в дворянской среде большое значение стало уделяться культивированию личности, домашние библиотеки получили довольно широкое распространение), систематически подавляло любые попытки самоорганизации общества и тем самым ликвидировало сферу общественную, публичную.

Политическую сферу государство полностью монополизировало (не были разрешены не только политические общества и партии, но и частные политические газеты; «Северная пчела», возникшая в 1825 г., по форме частная, на самом деле была правительственным официозом), в социальной сфере общественная самостоятельность также почти не допускалась; права городского самоуправления и сословных институтов были очень ограничены, и т.д.

П. Каршtedт полагает, что общественная библиотека — это носитель специфического «духа», этоса определенного социального образования, существующего независимо от конкретного персонального состава входящих в него лиц. Но в России подобными «объективными» образованиями были только государство и церковь (которая, впрочем, тоже была огосударствлена).

Библиотеки, открытые для всех читателей и в этом смысле публичные, целенаправленно создавало в России первой половины XIX в. главным образом правительство.

Прежде всего следует назвать Императорскую Публичную библиотеку, открытую в 1814 г. Призванная репрезентировать идею Российской империи (что отразилось и в названии), библиотека парадоксальным образом почти не содержала в своем фонде отечественных книг (при открытии в 1814 г. они составляли менее 1% фонда¹⁵). В основу ее была положена польская библиотека А.С. и И.А. Залуских, дополненная рядом приобретенных на Западе библиотек. Впрочем, если учесть ключевую для тогдашней российской идеологии идею следования Западу, усвоения его науки и культуры, состав фондов становился более понятным. И тем не менее тот факт, что не было предпринято особых усилий для докомплектования библиотеки русскими книгами, весьма выразителен и наглядно свидетельствует о том, сколь малое внимание создатели библиотеки придавали отечественному культурному наследию.

Термином «публичная», включенным в название, библиотека демонстрировала, что обращается к публике. Но оказалось, что в большом столичном городе, где существует много государственных, научных и учебных учреждений, публики как таковой, т.е. как специфического социального института, почти нет.

В первые годы библиотеку ежегодно посещало 500—600 человек. Преобладали среди них гражданские и военные чиновники (60—65%) и учащиеся (15—20%), представители остальных читательских категорий (духовенство, купцы и мещане, ученые и пр.) составляли очень небольшую часть читательской аудитории¹⁶. Не исключено, что существовали какие-то трудности при записи в библиотеку. По крайней мере, Ф. Фортунатов, который учился в Петербургском университете в 1830—1833 гг., писал в воспоминаниях следующее: «Доставать книги было нам тогда не так легко, как нынешним студентам. Богатства публичной библиотеки были тоже для нас недоступны. Мы могли пользоваться только Румянцовским музеем, в котором новых книг по текущей литературе не находилось»¹⁷.

Вначале число читателей, одновременно занимавшихся в залах, было довольно велико. По крайней мере, в 1814 г. наблюдатель свидетельствовал, что «в обеих залах, верхней и нижней, за большими столами сидят до пятидесяти человек молодых, старых, знатных, простых, ученых, полуученых и неученых людей и в глубокой тишине занимаются чтением»¹⁸. Но многие из этих читателей приходили почитать романы или свежие газеты.

Анонимный автор описания Публичной библиотеки, помещенного в 1817 г. в журнале «Русский пустынный», писал, что «полюбопытствовал заглянуть в дежурную книгу, из которой недурно бы иногда, от времени до времени, выводить балансовую

таблицу полезного, приятного и пустого чтения. К сожалению моему, увидел я, что отношение сих трех родов могло быть уподоблено следующей пропорции возрастающих единиц: полезное к приятному — как 3 к 9-ти, а приятное к пустому — как 9 к 27»¹⁹. Заметив это, начальство библиотеки приняло меры, затрудняющие доступ к беллетристике и текущей периодике. Директор библиотеки А.Н. Оленин писал в 1832 г.: «...в Библиотеку обратился было весь Гостиный Двор, узнав, что в ней безвозмездно читают «С.-Петербургские ведомости» <...> но это скоро прекратилось за прещением выдавать новые ведомости, которые можно везде и дешево доставать»²⁰.

В результате Публичную библиотеку стали посещать менее интенсивно. По крайней мере, в 1820-х годах, по имеющимся свидетельствам, одновременно в читальном зале находилось не более 10 посетителей²¹.

В 1836 г. Оленин ввел новые ограничения. Он распорядился «площадных повестей, гадательных книг, романов, журналов и других тому подобных <...> сочинений без особого разрешения начальства <...> никому не выдавать, ибо охотники сего рода чтения могут подобными книгами заниматься в частных читальных библиотеках»²².

Больше всего читались в Публичной библиотеке книги по истории, много спрашивали также книги по географии, особенно описания путешествий, классическую художественную литературу. Реже обращались читатели к изданиям по медицине и прикладным наукам²³.

Финансируемая, пусть и не всегда в достаточном размере, государством и получающая обязательный экземпляр Императорская Публичная библиотека имела достаточно прочную основу для своей деятельности. Иначе складывалась судьба публичных библиотек, создаваемых в провинции. Не имея ни постоянной финансовой поддержки, ни прочной опоры в обществе, они, за редкими исключениями, владели жалкое существование. Так, созданные в 1778 г. в Туле и в 1782 г. в Иркутске публичные библиотеки вскоре закрылись²⁴.

В 1830 г. была сделана попытка поставить существование подобных библиотек на более прочную основу. 5 июня этого года министр внутренних дел А.А. Закревский направил гражданским губернаторам циркуляр, в котором писал: «Президент Императорского Вольного экономического общества адмирал [Н.С.] Мордвинов, в отношении ко мне изъясняя, что народному просвещению, а вместе с сим народной и, в особенности, земледельческой промышленности, усовершению общежительности и возрастанию народного богатства весьма много может содействовать доставление полезных сведений об успехах в науках, искусствах и изобретениях всякого рода, ходатайствует об изыскании средств к заведению по

губерниям публичных библиотек для чтения; к сему присоединяет он, что, кроме чтения выходящих на русском языке книг, учреждение подобных библиотек возродит дух общественности, откроет большой сбыт для хороших сочинений по части наук и промышленности и будет не только эпохой народных улучшений, во всех родах, но и памятником счастливого и благодетельного царствования Его Императорского Величества Всемиловитейшего Государя нашего. Признавая в полной мере истину видов адмирала Мордвинова, отличающихся просвещенною любовью к отечественному благу и соревнованием к распространению всех полезных знаний, я нахожу, что учреждение публичных библиотек в губерниях, кроме вышеприведенных благих последствий, распространит в России вообще все сведения и открытия, как в науках и искусствах, так и в кругу земледельческой, мануфактурной и торговой промышленности и предоставит каждому легкие средства к чтению и обогащению себя всеми полезными сведениями и открытиями»²⁵.

Закревский просил губернаторов найти в губернском городе здание для библиотеки, определить порядок ее работы, подобрать библиотекаря и избрать попечителей библиотеки. Никаких источников финансирования определено не было, а комплектование предполагалось осуществлять за счет безвозмездной присылки правительственных изданий и за счет даров издателей и авторов. Одновременно Закревский разослал циркулярное письмо издателям и литераторам с просьбой пожертвовать книги для публичных библиотек. Многие откликнулись на этот призыв, например А.Ф. Смирдин, Н.А. Греч, Н.А. Полевой. Но многие и отказались, например Ф.В. Булгарин 19 июля 1830 г. писал Закревскому: «Ныне литература наша бедна, литераторов весьма мало <...> потому что учеными трудами невозможно пропитаться. Истинным патриотам, радеющим о распространении просвещения в отечестве, прежде всего надлежало бы подумать, каким образом доставить литераторам средства иметь жизнь независимую. Это одно возвысит словесность и распространит просвещение в России <...> Но если бедные литераторы должны будут безвозмездно наполнять библиотеки кровными трудами, то кончится тем, что не будет ни читателей, ни библиотек!»²⁶ Не поддержало инициативу по открытию публичных библиотек и дворянство в губерниях. По крайней мере, попытки устроить добровольную подписку на нужды библиотеки не давали результата — например, в Симбирской губернии было пожертвовано всего 24 рубля серебром²⁷.

В результате создание публичных библиотек в губерниях затягивалось: в Нижнем Новгороде, Смоленске и Пензе библиотеки были открыты в 1831 г., в Кишиневе и Самаре в 1832 г., в Архангельске в 1833 г., в Екатеринославе, Симферополе и Астрахани в 1838 г., а в Симбирске только в 1848 г.

Всего в 1830—1840-х гг. была открыта 41 публичная библиотека, в том числе 9 в уездных городах и одна сельская²⁸.

Губернскими публичными библиотеками руководил, как правило, особый попечительский комитет, возглавляемый губернатором, членами которого были вице-губернатор, губернский предводитель дворянства, директор училищ и др. Фонд библиотек формировался из бесплатно присылаемых изданий правительственных учреждений (министерств финансов, просвещения и внутренних дел, Академии наук) и научных обществ (Вольное экономическое общество, Московское общество сельского хозяйства и др.), а также даров издателей, литераторов и местных жителей. В результате он был очень мал: в Архангельской библиотеке в 1837 г. было 933 названия в 2147 томах, в Тульской в 1847 г. 412 названий в 2570 томах, в Симбирской в 1847 г. 2000 названий в 4000 томах и т.п.²⁹ Кроме того, он был случаен по составу, причем наиболее читаемые книги (беллетристика и издания по истории России) в нем отсутствовали.

Работали библиотеки всего несколько часов в неделю, были платными, и в результате число их читателей было очень невелико и исчислялось в 1830-х гг. несколькими десятками (в Астрахани в 1839 г. — 46 подписчиков, в Архангельске — 38, и т.п.)³⁰.

Принято считать, что «основной причиной неуспеха первой библиотечной инициативы было отсутствие потребности в коллективном пользовании библиотекой в обществе»³¹. Однако мы полагаем, что главным было не это, по крайней мере библиотеки для чтения более или менее успешно функционировали в эту эпоху в ряде губернских городов. Гораздо важнее то, как нам представляется, что фонды и характер работы публичных библиотек не соответствовали потребностям читателей. Библиотеки содержали преимущественно официальные и научные издания, а читателям нужны были, как правило, издания иного рода: беллетристика, книги по истории, описания путешествий; детская литература — в дворянской и чиновничьей среде, религиозные и религиозно-назидательные издания — духовенству, купцам и мещанам. Кроме того, библиотека была труднодоступна (открывалась 2—3 раза в неделю на несколько часов) и несла на себе отпечаток чуждой многим канцелярщины и казенщины. Играло свою роль, конечно, и то, что, как справедливо отмечает М.Д. Афанасьев, дворянское поместье представляло собой замкнутый, самодостаточный мир, там нередко имелись свои значительные библиотеки и культурные образцы напрямую заимствовались из столиц³².

Таким образом, публичные библиотеки быстро хирели, а нередко и вообще существовали только на бумаге, не потому, что в губернских городах вообще не хотели читать, а потому, что заключали в себе иное (просветительно-воспитательное) видение мира и не отвечали запросам читателей.

Читателей губернских городов в первой половине XIX в. обеспечивали книгами главным образом библиотеки для чтения — учреждения с постоянным книжным фондом, которые за плату (вносимую вперед за год, полгода, три месяца, месяц и даже сутки) и залог стоимости книги предоставляли ее для прочтения.

Известный историк книги П.К. Симоли считал библиотеки для чтения «особым родом книжной торговли»³³, некоторые современные исследователи (например, А.А. Зайцева) отстаивают их библиотечную природу. В рамках привычной дихотомии «книжный магазин—библиотека» библиотеку для чтения приходится считать третьим, промежуточным каналом распространения книги, сочетающим черты и магазина, и библиотеки. Ведь подписчик библиотеки для чтения вносил стоимость взятых книг (т.е. фактически покупал их), а потом при возвращении получал свои деньги назад с удержкой части за амортизацию книги. Таким образом, это была как бы коллективная покупка книги подписчиками, когда общая ее стоимость делилась между всеми пользователями (каждый из них не был в состоянии приобрести для прочтения все интересующие его книги). Содержатель библиотеки получал деньги за свою посредническую деятельность между книжной торговлей, библиотеками и самими подписчиками. Хотя он в дальнейшем оставался владельцем книг, но, во-первых, они подвергались физическому износу, а во-вторых, морально устаревали (при ориентации значительной части подписчиков на книжные новинки) и значительно теряли в цене.

Мы отмечаем выше, что задача библиотеки — обеспечить преемственность, тождественность во времени культуры общности. Задача газеты и других средств массовой коммуникации иная — тут важно преодолеть не время, а пространство, обеспечить одновременность восприятия. Библиотеки для чтения во многом были близки к средствам массовой коммуникации, стремясь дать возможность как можно большему кругу читателей ознакомиться с *новым* журналом или *новой* книгой. Тем самым библиотека для чтения приближалась по характеру деятельности к книжному магазину, также рассчитанному на распространение новой литературы. Иногда библиотека для чтения могла просто заменить книжный магазин, так как имелась возможность взять книгу в суточное пользование, уплатив ее стоимость и 5—10 коп. за чтение, а потом не вернуть ее. От книжного магазина библиотека для чтения отличалась более высокой степенью стабильности фонда (магазин не ставит перед собой задачу сохранения старых книг, хотя на практике в русских книжных магазинах книги иногда залеживались на десятки лет). Правда, нередко библиотека при книжном магазине располагала только книгами из фондов последнего.

От публичной библиотеки библиотека для чтения отличалась тем, что была ориентирована прежде всего не на просвещение,

распространение знаний, рост культуры и т.д., а на удовлетворение запросов читателей.

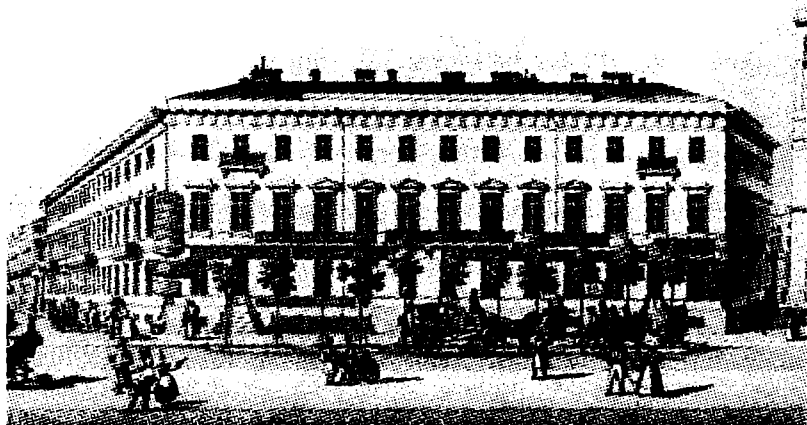
Теперь, когда дано исходное представление о библиотеках для чтения, обратимся к периоду возникновения социального института со столь странным названием. Действительно, слово «библиотека», означающее в русском языке XIX в. «место для хранения книг и самое собрание их»³⁴, предполагает предназначенность собрания для пользования. Поэтому пояснение «для чтения» выглядит несколько странно. А для чего другие библиотеки? для просмотра? хранения? продажи?

Ответ на этот вопрос мы видим в следующем. Во-первых, название «библиотека для чтения» является, по-видимому, калькой с французского «Bibliothèque de lecture». В силу широкой распространенности французского языка в русском обществе подобный галлицизм не «резал ухо» в конце XVIII — начале XIX в., когда возникал в России этот тип библиотек, а потом стал уже привычным выражением. Во-вторых, следует отметить, что выражение «для чтения» имеет, по-видимому, значение «для легкого чтения», в противопоставлении — «ученым занятиям», «учебе» и т.п.

Подобные платные библиотеки стали возникать в России в конце XVIII в. Первая платная библиотека И.Я. Вейтбрехта (с фондом книг на немецком языке) была открыта в Петербурге, по-видимому, в 1770 г.³⁵ В дальнейшем там возник еще ряд таких библиотек, в том числе в 1783 г. открылась библиотека, содержащая (наряду с немецкими и французскими) и русские книги. В 1784 г. книготорговец Матвей Овчинников открыл в Петербурге «Российское заведение для чтения»³⁶. В Москве первую платную библиотеку открыл в 1787 г. Л. Рамбах³⁷.

Все упомянутые библиотеки открывались книгопродавцами, причем первые из них и в Петербурге, и в Москве были основаны немцами. За образец они брали широко распространенные к тому времени в Германии платные библиотеки (Leihbucherei)³⁸. Первая из них была основана в Берлине в 1704 г. французским эмигрантом³⁹, и это позволяет предположить, что впервые этот тип библиотек возник во Франции. В Англии подобные библиотеки («circulating Libraries») возникли несколько позже (первая — в 1725 г.), а к концу 1760-х гг. уже были широко распространены не только в Лондоне, но и в курортных и больших провинциальных городах⁴⁰. В Польше первая библиотека такого типа была основана немецким книгопродавцем в 1768 г.⁴¹ По данным обзорной работы английского исследователя П. Кауфмана, во второй половине XVIII в. подобные библиотеки получают широкое распространение во многих европейских странах⁴².

Возникновение и распространение библиотек для чтения обусловливалось появлением и ростом численности соответствующей читательской аудитории, обеспечивающей их экономическую рента-

В.С. Садовников. «Библиотека для чтения» А.Ф. Смирдина.
Фрагмент «Панорамы Невского проспекта»

бельность. В них «были заинтересованы средние читательские слои — разночинская интеллигенция, духовенство, купцы, мещане — все те, для кого составление собственных библиотек и покупка дорогих книг были непозволительной роскошью»⁴³. Подсчеты А.Н. Севастьянова показали, что при общем резком росте численности читательской аудитории в 1770—1780-е гг. особенно быстро росла численность «недворянской интеллигенции и недворянского грамотного контингента вообще»⁴⁴. Именно в этот период и стали возникать библиотеки для чтения в России. Несколько позднее, в 1835 г., В.Г. Белинский писал по этому поводу: «Наш век — чудный век: никогда удобства жизни и средства к выполнению самых дорогих желаний самыми дешевыми средствами не были так легки и доступны для всех и каждого. Скоро бедные перестанут завидовать богатым: вы абонируетесь у Семена, Эльцнера, Глазунова — и вот вам за какие-нибудь полтора-два рубля в год все сокровища европейского и *российского* гения...»⁴⁵.

В XVIII в. библиотеки для чтения существовали только в столицах, в первой половине XIX в. они появились и в крупных губернских городах (Одессе, Воронеже, Нижнем Новгороде, Киеве и др.). Они, как правило, выпускали печатные каталоги⁴⁶. Среди наиболее известных библиотек для чтения следует назвать библиотеку известного библиографа В.С. Сопикова (существовала в Петербурге в 1790-х гг., в 1800 г. вышел печатный каталог) и библиотеку В.А. Плавильщикова (открыта в 1815 г.). В предисловии к каталогу своей библиотеки В.С. Сопиков писал: «Удостоверен будучи, что весьма многие при свободном времени имея похваль-

ную и благородную охоту заниматься чтением книг, но по разным причинам и обстоятельствам достаточного количества всегда не могут покупать и чрез то самое лишаются своего удовольствия, дабы на первый случай сколько возможно удовлетворить желанию и склонности таковых любителей чтения на отечественном языке, собрал я довольно многочисленную библиотеку, состоящую из книг всякого рода <...>⁴⁷. В библиотеке было тогда около 1,5 тыс. названий книг. За год читатель должен был заплатить 30 руб., за 6 месяцев — 20 руб., за 1 месяц — 4 руб.; залог составлял 20 руб. В других библиотеках для чтения плата была примерно такой же. Для более или менее состоятельного человека она была вполне приемлемой. Вот, например, что писал в 1828 г. П.В. Селиванов, служивший тогда поручиком в Петербурге, своему отцу: «Время провозу довольно весело с безмолвными друзьями, т.е. с книгами. Мы с братом берем книги для чтения и все новые журналы, какие только выходят, плотя по 7 р. 50 к. в месяц. Не правда ли, что это очень дешево»⁴⁸. В библиотеке Плавильщикова в 1823 г. было 10 000 названий книг⁴⁹. Н.Г. Устрялов вспоминал, как он, учась в Петербургском университете в начале 1820-х гг., «записался в книжный магазин Плавильщикова (имеется в виду библиотека для чтения при книжном магазине. — А.Р.) <...> Все замечательные книги, наиболее исторические, также романы, стихотворения, путешествия, я перечитал»⁵⁰. После смерти Плавильщикова в 1823 г. его библиотека для чтения перешла к А.Ф. Смирдину, который существенно пополнил ее, сделав одним из самых богатых в России книжных собраний. В 1820—1830-х гг., по нашим примерным подсчетам, одновременно существовало 7—10 библиотек для чтения, а число их читателей составляло 2—3 тыс. человек. Следует упомянуть петербургские библиотеки И. Глазунова, И.Ф. Бородина, библиотеку в доме Гавриловой; московские С.И. Селивановского, Я. Немова, И. Глазунова, В.В. Логинова, Н.Н. Глазунова, Е.А. Наливкиной; одесские Н.А. Клочкова и В.И. Картамышева, рижскую Н.М. Сенгелевича. В 1831 г. кандидат коммерции А.И. Попов открыл библиотеку для чтения в Орле с довольно богатым фондом⁵¹. В 1840-х гг. подобные библиотеки появились в Воронеже, Киеве, Нижнем Новгороде.

В принципе, разумеется, библиотека для чтения — это не единственная возможная форма платного обеспечения книгой соответствующих читательских слоев. Так, за рубежом (в Англии, США, Германии) возникли и другие типы платных библиотек, обслуживающих коллективное пользование книгами. В основе их лежала самоорганизация покупателей книг. В качестве классического примера можно привести «Филадельфийское библиотечное общество», основанное Б. Франклином, участники которого делали ежегодный взнос и совместно определяли профиль комплектова-

ния и репертуар приобретаемой литературы⁵². Подобные «подписные библиотеки» имели своей целью самообразование и самовоспитание своих участников и были широко распространены в США и Англии. Здесь мы имеем дело с сознательной, явной формой организации покупателей книг. Широко был распространен в Англии и иной тип платных библиотек — книжные клубы, члены которых регулярно обсуждали репертуар приобретаемых изданий, а по истечении года либо продавали купленные книги, либо делили их между собой. Однако в России, где с давних пор негосударственные объединения обычно преследовались (начиная с запрещения масонских лож) либо включались в систему государственного аппарата, подобные библиотеки не получили распространения. Любопытно, что в период создания русских платных библиотек (в конце XVIII в.) в Петербурге возникали немецкие и французские «общества для чтения», однако срок их существования был недолог, а в русской среде их вообще не было⁵³.

В России платная библиотека возникла как соединение автономных, никак не связанных между собой (кроме пользования одним книжным фондом) читателей. Ответственным за удовлетворение потребностей и желаний читателей являлся не один из читателей, как в «подписной библиотеке», а владелец фонда, преследующий коммерческие цели. В качестве близкой по функции культурной формы можно назвать журнал, объединяющий лично не знакомых и не связанных друг с другом читателей. Характерно, что одним из основных, наиболее читаемых разделов фонда библиотек для чтения были журналы, в некоторых случаях фонд вообще состоял только из них.

Библиотеки для чтения тем не менее много сделали для превращения чтения в постоянный компонент образа жизни городского населения, приобщения его к литературе и журналистике. Приведем характерный фрагмент из одной стихотворной книги того времени, автор которой с удивлением пишет о молодом человеке, ухаживающем за девушкой, что, в отличие от других,

...для развлечения
Из библиотеки для чтения,
Что Глазунов нам вновь открыл,
Он сотнями не привозил
Красавице романов русских,
Перекроенных из французских⁵⁴.

Выше мы охарактеризовали основные типы публичных библиотек того времени. Но нужно учитывать, что существовали тогда и другие, близкие по характеру к библиотечным, формы коллективного пользования печатными изданиями. Так, в некоторых трактирах и кондитерских к услугам посетителей были новые газеты и

Я.П. де Бальмен. В библиотеке. Рисунок. 1839

журналы (особую известность в этом плане приобрел трактир Печкина в Москве⁵⁵). Например, Н.П. Гиляров-Платонов вспоминал про один из московских трактиров, который московские семинаристы «облюбовали <...> потому, что в нем получались журналы, и в чтении главным образом проходило наше время; чай спрашивался, как повод спросить журналы»⁵⁶.

Любопытные временные библиотеки возникали в учебных заведениях. А.П. Милюков вспоминал, что во время его учебы в гимназии в Москве в конце 1820-х гг. «класс выписывал в складчину несколько журналов и приобретал лучшие книги. Каждый ученик вносил ежемесячно сколько мог в общую кассу, потом большинством голосов решали, что следует купить, и когда книга была всеми прочитана, ее разыгрывали в лотерею. Сбор этот шел на новые покупки, а выигранными книгами мы обыкновенно менялись, и всякий подбирал библиотеку по своему вкусу. У меня таким образом накопилось больше двадцати томов»⁵⁷. Аналогичный характер имеют и воспоминания М.М. Молчанова о его учебе в Училище правоведения в Петербурге во второй половине 1830-х гг.: «В некоторых классах были свои библиотеки. Каждый воспитан-

ник вносил в месяц известную сумму, кажется по два рубля, приобретались все лучшие произведения русской, французской и немецкой литературы, и потом, при выпуске, книги эти делились по жребью»⁵⁸.

Чрезвычайно важную роль в обеспечении русских читателей книгами (возможно, гораздо большую, чем на Западе) сыграли домашние библиотеки. Это было связано с двумя обстоятельствами. Первое — отмеченная выше роль государства, подавлявшего всякую коллективную инициативу. Из-за этого не возникали самостоятельные общественные образования, которые испытывали бы потребность в библиотеке, из-за этого гасились и собственно библиотечные инициативы, т.е. попытки создать общественную библиотеку. Кроме того, все публичные библиотеки (как государственные, так и частные), а также библиотеки учебных заведений подвергались довольно жесткой цензуре, и часть книг, допущенных общей цензурой к обращению в России, не попадала в публичные, а тем более учебные библиотеки. Личные же библиотеки были лишены подобного надзора. Второе важное обстоятельство — это большая величина страны и характер расселения жителей, когда многие дворяне жили в поместьях, расположенных довольно далеко не только от столиц, но даже и от губернских городов, где были библиотеки. Помещикам (разумеется, тем, которые испытывали потребность в чтении) приходилось подписываться на периодические издания и приобретать книги (во время поездок в города либо выписывая по почте).

Ю.М. Лотман справедливо, хотя и несколько преувеличивая, отмечал, что еще во второй половине XVIII в. «библиотека стала обязательным украшением не только дома богатого вельможи, но и помещика средней руки»⁵⁹. Приведем свидетельство 1831 г. из глухой провинции (Судженского уезда Курской губернии) о том, что «некоторые из помещиков имеют библиотеки, но вовсе незначительные: от ста до пятисот книг редко у кого есть, до двух же тысяч только один имеет»⁶⁰. В целом же по России число богатых, хорошо подобранных библиотек исчислялось сотнями, если не тысячами. Помещичьи библиотеки как элемент русской культуры и русского быта хорошо и подробно описаны⁶¹. В них преобладали романы, книги по истории, описания путешествий; духовная литература почти не встречалась, за исключением масонских и мистических изданий. Нередко значительную их часть составляли издания на французском языке. Книгами из подобных библиотек нередко пользовались родственники, друзья, а то и просто соседи владельца, так что они в некоторой степени заменяли общественные библиотеки.

В этот период формируются (особенно в Сибири) и довольно значительные книжные собрания у купцов⁶², крестьян, мешан, мастеровых и т.п.⁶³

В целом же в России в этот период существовала достаточно развитая и разнообразная система библиотек, которая в значительной мере обеспечивала потребности состоятельных людей, специалистов и учащихся. Лишь люди с невысоким достатком, особенно живущие в провинции, с трудом могли удовлетворить свою потребность в книге.

КАК ПУШКИН ВЫШЕЛ В ГЕНИИ

(О литературной репутации Пушкина)

В своей программной статье «Пушкин», написанной в 1928 г., Ю. Тынянов отмечал, что внимание исследователя поэта прежде всего останавливает «многократное и противоречивое осмысление его творчества со стороны современников и позднейших литературных поколений»¹. С тех пор прошло более 70 лет, но это многообразие конфликтующих трактовок и интерпретаций рядовых читателей, критиков и литературоведов остается изученным очень слабо. Львиную долю необозримой пушкинианы составляют книги и статьи о биографии Пушкина, поэтике и мире идей его сочинений. Восприятию же его произведений при жизни и после смерти и его литературной репутации (известности, успеху, славе и т.д.) посвящены лишь считанные работы².

Неразработанность данной проблематики не позволяет более глубоко и объективно осмыслить как роль Пушкина в историческом развитии русского общества и русской культуры, так и его собственное творчество. Ведь, например, сложившаяся у Пушкина литературная репутация предопределяла обращение (или не-обращение) читателей к его творчеству, выбор среди его произведений тех или иных для переписывания, заучивания, чтения вслух, включения в антологии и т.д., то или иное их понимание; характер оценок литературной критикой новых его публикаций и т.д.

Впрочем, проблематика литературной репутации не разрабатывается и теоретически, и хотя соответствующий термин нередко мелькает в мемуарах, в статьях литературоведов и литературных критиков, однако определение его обычно никто не дает (в том числе и литературные словари и энциклопедии), и давняя книга И.Н. Розанова³ на эту тему так и остается почти единственной работой, где автор пытается артикулировать свое понимание литературной репутации.

Поэтому начнем с определения данного термина. Им мы обозначаем те представления о писателе и его творчестве, которые сложились в рамках литературной системы и свойственны значительной части ее участников (критики, литераторы, издатели, книготорговцы, педагоги, читатели). Литературная репутация в свернутом виде содержит характеристику и оценку творчества и литературно-общественного поведения писателя. Это понятие близко по характеру употребительному в социологии термину «социальный престиж», который трактуется как «соотносительная оценка

социальной роли или действия, социальной или профессиональной группы, социального института <...>, разделяемая членами данного сообщества или группы на основании определенной системы ценностей»⁴. Существование литературных репутаций необходимо для структурирования литературной системы, поддержания внутрилитературной иерархии, обеспечивающей ее функционирование и динамику.

Источниками формирования литературной репутации являются:

— печатные, письменные и устные тексты автора (как художественные, так и нехудожественные, особенно автокомментарии к собственному творчеству);

— печатные, письменные и устные высказывания других лиц об авторе.

Инстанции, которые определяют литературную репутацию, зависят от типа литературной системы. В одном типе литературной системы такой инстанцией являются прежде всего сами литераторы либо авторитетные знатоки, которые в своем кругу, в рамках литературного салона, кружка или общества выносят приговор писателю. В другом такого рода «квалификация» осуществляется публично литературным критиком, чьей специальностью и является подобного рода деятельность, в третьем типе литературной системы литературная репутация определяется рекламой и рыночным успехом книг. На более поздних стадиях развития литературы имеет место, как правило, взаимодействие всех этих инстанций, а также, нередко, цензуры, политической власти, общественных организаций, церковных институтов и т.д. Важно подчеркнуть только, что для эффективного влияния на литературную репутацию источник должен быть социально или культурно авторитетен, а высказываемая оценка распространяться как можно более широко и долго.

Важными предпосылками формирования той или иной литературной репутации выступают как содержание текстов автора, так и его социальная, политическая и литературная позиции. При этом при жизни автора нередко большее значение имеет второй момент, а после его смерти — первый. Среди социальных и литературных ориентаций автора важны принадлежность его к той или иной литературной группе, направлению, отношение его к коммерческим аспектам литературной деятельности, к власти и т.д. Есть основания полагать, что в отечественной ситуации момент отношения к власти является основным или одним из основных.

Немаловажное значение имеет и деятельность других представителей литературной системы: литературных врагов и союзников, рецензентов, издателей и книгопродавцев, педагогов и т.д. В.Э. Вацуро справедливо отмечал, что «социальная репутация Пушкина создавалась разными людьми и из разных побуждений, и по добро-

совестному заблуждению, и намеренно, потому что начиная с 1826 года он попадает в сферу политической и литературной борьбы»⁵.

Если взять личностный аспект рассматриваемой проблемы, то литератор, как правило, заинтересован в улучшении своей литературной репутации, ради чего предпринимает те или иные действия и занимает определенную позицию в ходе литературной борьбы. Литературная репутация понимается при этом как литератором, так и его союзниками и врагами как определенный «символический капитал», который можно накапливать, передавать (путем похвалы другому литератору), терять и т.д.

Механизмы формирования литературной репутации Пушкина чрезвычайно интересны, поскольку он а) стремительно поднимался вверх по ступеням литературной иерархии, б) быстро приобрел уникальный, в некоторой степени сакральный статус, в) разными группами современников воспринимался принципиально по-разному (для одних — поэт-элегик, для других — сочинитель революционных стихов, и т.п.), г) резко менял свой социальный статус (из опального поэта-изгнанника превратился в покровительствуемого царем официального историографа).

Во всех аспектах проанализировать литературную репутацию Пушкина можно только в обширной монографии, в данном же очерке мы ставим своей целью лишь привлечь внимание к этой проблематике и обозначить факторы, благодаря которым во второй половине 1820-х гг. Пушкин занял первенствующее положение в русской литературе, даже сформировался подлинный его культ.

Известно, что Пушкин быстро, еще будучи молодым, приобрел громкую славу. Однако до сих пор нигде, насколько нам известно, не отмечено, что еще при жизни многие современники называли его гением. Достаточно многочисленные свидетельства этого можно найти в переписке и дневниках. Так, М. Муханова, прочитав «Кавказского пленника», пишет М.Е. Лобанову 9 ноября 1822 г. про Пушкина: «Это Гений величественный и дикий, как горы Кавказа, оригинальный в нашей литературе»⁶. А.И. Тургенев в письме (по-видимому, Н.М. Карамзину) 1825 г., цитируя высказывание Пушкина в письме П.А. Вяземскому, утверждал, что это «признание Гения»⁷. Е.С. Телепнева, приехав в 1827 г. в Москву и узнав, что Пушкина сейчас там нет, фиксирует в дневнике свои сожаления по этому поводу и пишет: «...видеть гения — есть счастье, свыше ниспосланное...»⁸. Б.М. Федоров в 1828 г. записывает в дневнике: «Пушкин гений»⁹.

Более того, Пушкина еще в середине литературного пути стали печатно именовать гением; например, в 1827 г., обзревая ежегодную выставку в Академии художеств и описывая выставленный там портрет Пушкина, Булгарин привел следующий анекдот: «...друзья сего поэта советовали художнику украсить картину изоб-

А.С. Пушкин. Автопортрет

ражением гения поэзии. “Довольны ли вы портретом?” — спросил художник. — “Довольны!” — “Итак, я исполнил уже ваше желание и изобразил гения!” — примолвил художник¹⁰. В том же году, печатая в альманахе ранние стихи Пушкина, Б.М. Федоров в заметке «От издателя» писал про то, что «в сих произведениях юного поэта виден зрелый дар гения»¹¹. Рецензируя третью часть «Стихотворений» Пушкина в 1832 г., анонимный автор «Дамского журнала» (П.И. Шаликов?) применял к Пушкину слово «гений»¹², а Е.Ф. Розен писал в том же году, что «А.С. Пушкин принадлежит к малому числу тех счастливых гениев, коих первые подвиги знаменовались правом на триумф и вся литературная жизнь коих была и есть громкое, непрерывное торжество»¹³. Список подобных примеров можно легко продолжить.

Нам могут возразить, что тогда слово «гений» понимали иначе, чем сейчас, и в этом утверждении будет доля истины. Действительно, к началу XIX в. это слово имело два основных значения: мифологическое (у древних римлян: бог, покровитель человека, города, страны) и психологическое: высшая творческая способность. В качестве подтверждения процитируем один из авторитетных словарей того времени: «Гений, лат. 1) Дух добрый или злой, который, по мнению древних, сопровождал человека от самого его рождения по смерть, имея об нем особое попечение <...>. 2) Природное остроумие, высочайший дар природы, дающий разуму самую величайшую проницательность и деятельность; талант соображать идеи новым, великим и поражающим образом, от коего душа получает способность чувствовать и изображать живо силу

различных предметов. У французов называется *жени*¹⁴. Второе понимание термина «гений» надолго закрепилось в литературной теории и нередко воспроизводилось в первой четверти XIX в. Вот, например, определение П.А. Новикова (1818 г.), данное в специальной работе на данную тему: «...я назову гением в человеке высшего рода врожденную способность и непреодолимую склонность к чему-либо высокому и благородному»¹⁵. А вот характеристика А.Ф. Мерзлякова (1812 г.): «Гений есть как бы некое вдохновение частое, но временное, ибо выше природы человеческой было бы его непрерывное постоянство и ровность. Он творит. Человек с гением возвышается и упадает попеременно, по мере того как его живет или оставляет вдохновение»¹⁶. Продолжало сохраняться подобное словоупотребление и в обыденной жизни; например, А.А. Оленина записала в дневнике в 1828 г.: «Но гений мой внушил мне другое»¹⁷.

При таком понимании термина говорили о гении такого-то человека (как сейчас говорят о таланте). Но уже во второй половине XVIII в. метонимически гением стали звать и носителя этого качества¹⁸. На Западе этот процесс шел в 1750—1770-х гг.¹⁹, в России он начался в самом конце XVIII в. Протицируем в качестве примера Н.П. Николева: «...ухо преклонялось внимать сладостному витийству и громогласному пению нового *гения*»²⁰.

В середине 1820-х гг. это уже довольно распространенное явление, по сути дела оба значения употребляются как равноправные. Например, в 1823 г. И.П. Войцехович, определяя гений как «природное соединение всех умственных способностей высочайшей степени с необыкновенной силой деятельности», тут же, характеризуя Моцарта и Корреджо, восклицает: «Вот гений!»²¹ И.И. Дмитриев в 1816 г. писал о Державине, что «он был гений»²². В.К. Кюхельбекер в 1820 г. именовал гением В.А. Жуковского²³. Н.И. Гнедич в 1821 г. говорил о том, что «слава <...> повторяет имена только тех гениев <...> которые сквозь тьму веков возвышаются, как гордые главы Кавказа»²⁴, М.А. Дмитриев в 1824 г. писал, что «Ломоносов, как гений, не подражал никому рабски»²⁵, Ф.В. Булгарин утверждал в 1826 г., что П.А. Катенин «почитался в полку *гением*»²⁶, сам Пушкин, наконец, замечал в письме П.А. Вяземскому от 5 июля 1824 г., что «Лемонте есть гений 19-го столетия»²⁷, а в статье 1825 г. «О поэзии классической и романтической» писал о том, что «легче превзойти гениев в забвенье 20х приличий, нежели в поэтическом достоинстве»²⁸.

Как же получилось, что тридцатилетний человек, причем не прославленный полководец, выдающийся ученый или знаменитый философ, а всего лишь литератор, слагатель вымышленных историй, уже при жизни был признан гением?

Это стало возможным, как нам представляется, потому, что именно в эти годы сложилось соответствующее сочетание необхо-

димых предпосылок и обстоятельств. Во-первых, тогда сформировался определенный контекст: в обществе существовала сильная потребность в литераторе — выразителе нации, начинающем собой новую, встающую в ряд с европейскими литературу. Во-вторых, Пушкин смог предложить читателям тексты, отвечающие на этот запрос. И, наконец, в-третьих, Пушкин смог задействовать различные механизмы в рамках литературы как социального института, обеспечивающие формирование у него высокой литературной репутации.

Углубленный анализ статуса литераторов в русском обществе того времени — предмет для специальной работы, здесь же мы укажем только, что в среде весьма узкой высокообразованной прослойки населения России 1820—1830-х гг. (численность ее в одно и то же время не превышала, по нашей оценке, нескольких тысяч человек) престиж литературы был исключительно высок. Трактую Россию как народ молодой, которому предстоит великое будущее, они рассматривали литературу как цивилизующее начало и как выражение народного духа. А.Ф. Мерзляков писал, например, в 1819 г., что язык и словесность — «бессмертное знамение величия народного, важнейшее, нежели бесчисленные триумфы и завоевания, святая слава при жизни и неумолкающий глас после смерти, вопиющий к потомству из гробов и развалин, главная сила ума, орган наук, орудие поучения и нравов, порядка и устройства гражданского, проповедание истины, света и Бога!»²⁹ Возлагая такие надежды на литературу, представители этой среды напряженно ждали ее расцвета в России.

1820-е годы отмечены в России распространением романтизма и романтической эстетики. Это означало, что вместо подражания природе или древним на первый план выходила оригинальность творчества. А источником ее был прежде всего гений, который, по характеристике И.Я. Кронеберга, «неподражаем и бессмертен»³⁰. Четко выражая господствующие в это время представления, В.Ф. Одоевский писал: «Поэт — пророк. В минуту вдохновения он постигает сигнатуру периода того времени, в котором живет он, и показывает цель, к которой должно стремиться человечество, дабы быть на естественном пути, а не на противоестественном. Все прочие люди только исполняют <...>»³¹ Восприняв подобные представления, современники к литераторам отечественным относились, по воспоминаниям В.И. Инсарского, с «каким-то благоговением... Тот, кто пишет книги, казался существом, несравненно превосходящим простого смертного, и с личностью его непременно связывались какие-либо поэтические легенды <...> Тогда видеть лично какого-нибудь автора казалось счастьем, трудно и редко достигаемым»³². Буквально те же выражения употребляют и многие мемуаристы. Н.И. Греч вспоминал, как в детстве (конец XVIII — начало XIX в.) «воображал себе сочинителей книг людьми необык-

новенными, и более нежели людьми. Помню, с каким благоговением смотрел я на первого встретившегося мне русского писателя <...> Я <...> повторял про себя: “Вот Писатель! Вот Сочинитель! Что он вымыслит, вычитает, напишет, то читают тысячи людей во всех концах России и будут читать еще долго после его смерти!”»³³ М.А. Дмитриев также писал о годах своей юности (конец 1800-х — начало 1810-х): «К именам Державина, Жуковского, да и ко всякому, кто только печатал под стихами свое имя, я чувствовал какое-то благоговение, как к существам высшей природы. И не мог вообразить себе такого блаженства, чтобы когда-нибудь видеть и слышать этих людей»³⁴.

П.А. Новиков писал в 1818 г., что «человек, назначенный быть великим поэтом, *получает от природы неизъяснимый, редкий дар видеть, понимать, чувствовать, соединять по своему плану красоты ее*, физические и моральные, наполняться ими, свободно и живо выражать их»³⁵. В.К. Кюхельбекер вспоминал в 1835 или 1836 г., что в прошлом занятия литературой считали «призванием (vocation), священством, трудом бескорыстным и чистым, великим, возвышенным»³⁶. Н.И. Греч писал про Г.Р. Державина: «Он, как первосвященник в храме российской словесности, посвятил меня в ее таинства»³⁷.

Отметим значительное число терминов религиозного характера — в секуляризирующейся дворянской среде литература замещает религию, и прежнее отношение к религиозной сфере воспроизводится здесь. И многие читатели со страстью и увлеченностью относились к литературе, видя в ней высшую, наиболее значимую сферу самореализации. Приведем два примера. Вот что С.М. Салтыкова сообщает в 1824 г. своей подруге о П.Г. Каховском, будущем декабристе: «Русская литература составляет его отраду, у него редкостная память, — я не могу сказать тебе, сколько стихов он мне продекламировал! И с каким изяществом, с каким чувством он их говорит! Пушкин и в особенности его “Кавказский пленник” нравятся ему невыразимо <...>»³⁸. А вот что пишет И. Донауров своему знакомому в 1828 г.: «Начало текущего года было для меня счастливо, ибо доставило обильную пищу страсти моей к отечественной словесности. Не могу выразить вам, с каким сердечным участием прочел я трогательную поэму Козлова, с какою живою радостью вытверживал наизусть стихи шуточного в “Графе Нулине” и беспечно-острого в “Онегине” Пушкина, с какою благодарностью и с каким уважением изучал и изучаю драгоценную грамматику трудолюбивого Н.И. Греча»³⁹.

Особо осязаемым всеобщее ожидание поэта, который выразит дух народа, или, говоря современным языком, поможет ему обрести свою идентичность, стало во второй половине 1810-х гг., после окончания Наполеоновских войн⁴⁰. В России вообще было мало литераторов, а, учитывая сложившиеся в образованном слое

тематические и стилистические представления, потенциальных кандидатов на эту роль можно было пересчитать по пальцам: Батюшков, Жуковский, Вяземский, Александр Пушкин (Карамзин выступал в печати в 1820-х только как историк). Но Вяземский не выпускал книг, довольствуясь журнальными публикациями, Батюшков после «Опытов в стихах и прозе» (1817) тоже книг не издавал, а в дальнейшем заболел и после 1820 г. не появлялся и в журналах, Жуковский выступал преимущественно как переводчик. Остался Пушкин.

Однако из истории литературы мы знаем, что нередко очень одаренные писатели (например, Велимир Хлебников) оказываются практически не востребованными современниками, да и среди потомков лишь очень немногие воздают им должное. Следует, по-видимому, выявить социокультурные механизмы и условия, при которых значительная часть читателей готова с таким пиететом относиться к писателю-современнику.

Как показал Я. Мукаржовский, одни произведения имеют больше предпосылок для возникновения эстетической ценности в процессе взаимодействия текста и читателя, чем другие, и «независимая ценность художественного артефакта будет тем выше, чем больший пучок внеэстетических ценностей сумеет привлечь к себе артефакт и чем сильнее он сумеет динамизировать их взаимоотношения <...>»⁴¹.

Уже в первых своих произведениях, особенно в «Руслане и Людмиле», Пушкин смог затронуть и представить в сложном, проблемном сочетании ряд актуальных для русского общества того времени вопросов. В «Руслане и Людмиле» Пушкин удачно выполнил «общественный заказ» — разрешил поставленную еще в конце XVIII в. и актуализированную во второй половине 1810-х гг. задачу создания «русской поэмы» («русской эпопеи») ⁴². Это было достигнуто за счет сочетания различных жанровых традиций, тем и стилистических планов. Высокопрестижная национальная тематика (легендарный период формирования русской нации) сопрягалась с эротическими мотивами, отечественные литературные традиции с зарубежными, сказочно-богатырская поэма с легкой поэзией, в общем, как справедливо замечает А.Н. Соколов, «для “Руслана и Людмилы” характерно сочетание исторического, героического, серьезного начала со сказочным, комическим, шутивным»⁴³.

Принципиально новое произведение не было бы воспринято публикой. Пушкин же по-иному подавал привычное, знакомое. Сумев представить уже существовавшее ранее как новое, удачно аранжировать знакомые мотивы, Пушкин точно угадал ожидания публики и ответил на них.

Поэма во многом нарушала моральные нормы допустимого в печати, и современники нередко критиковали ее за простона-

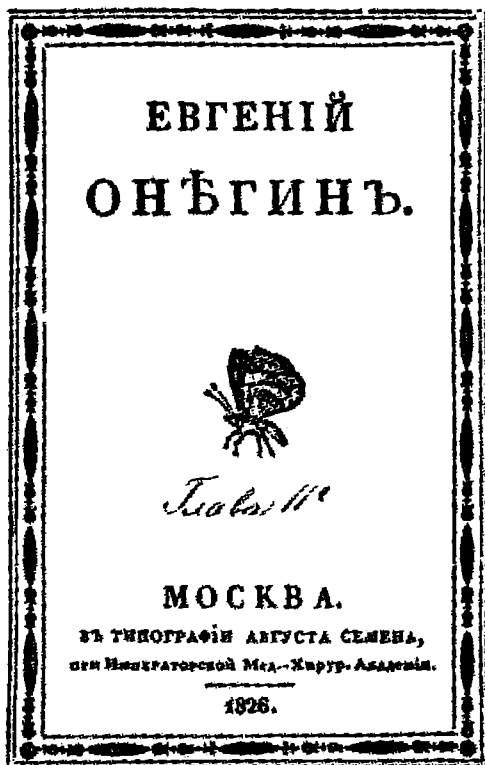
родность, «неблагородные» сюжет и лексику (А.Г. Глаголев, А.Ф. Воейков, рецензент «Невского зрителя») и за «сладострастие», эротичность (Воейков, «Невский зритель», М.С. Кайсаров, Н.И. Кутузов, М.П. Погодин)⁴⁴. Новинка эпатировала значительную часть читателей. Как отмечает В.А. Кошелев, «Пушкину необходим был шумный *дебют*»⁴⁵, и он своего добился. Поэма привлекла к себе внимание публики, стала предметом оживленных толков и многочисленных отзывов в печати (о чем ниже).

Войдя в число литераторов первого ряда после публикации этой книги, Пушкин быстро переходит на лидирующие позиции. Процитируем несколько типичных высказываний критиков 1820-х гг. А.Ф. Воейков в 1820 г.: Пушкин — поэт, «занимающий почетное место между первоклассными отечественными нашими писателями»⁴⁶; П.А. Плетнев в 1822 г.: «Пушкин, одарен будучи истинным и оригинальным талантом, идет наравне с другими превосходными поэтами нашего времени»⁴⁷; А.А. Бестужев в 1823 г.: Пушкин с Жуковским и Батюшковым «составляет наш поэтический триумvirат»⁴⁸. Особенно упрочили славу Пушкина «южные» поэмы — «Кавказский пленник» (1822) и «Бахчисарайский фонтан» (1824), которые надолго стали самыми популярными его произведениями. А.Д. Галахов вспоминал: «...Пушкин, которого так любила публика, презирая анафемы староверов — чем особенно ей нравился? Не “Борисом Годуновым”, не “Каменным гостем”, не “Моцартом и Сальери”, но “Кавказским пленником”, “Бахчисарайским фонтаном”, “Братьями-разбойниками”»⁴⁹. Переломным стал 1824 год. Провинциал А.В. Склабовский еще мог в этом году, называя лучших современных поэтов, ставить в один ряд Жуковского, Батюшкова и Пушкина⁵⁰, но в столице В.Н. Олин уже утверждал, что «Пушкина, по справедливости, можно назвать первым русским поэтом нашего времени»⁵¹. Сам Жуковский пишет Пушкину 12 ноября 1824 г.: «По данному мне полномочию предлагаю тебе *первое* место на русском Парнасе»⁵². В 1825 г. В.Г. Маслович утверждал, что «г. Пушкин (вначале творец «Руслана и Людмилы», потом «Кавказского пленника» и «Бахчисарайского фонтана») прельщающим талантом своим сильный сделал переворот в российской поэзии и, проложив совершенно *новый*, гладкий путь чрез терние языка нашего, увлек за собою всех молодых поборников российского стихотворства...»⁵³ В том же году была сделана попытка уравнять в правах Пушкина и Жуковского. Когда Н.И. Греч печатно заявил, что Пушкин «победил всех своих современников»⁵⁴, Н.А. Полевой отвечал ему, что «Жуковский, конечно, первый из нынешних русских поэтов; заслуги его в отечественной словесности столь велики, что исчислять и доказывать права его на первенство значило бы не уважать наших читателей». О Пушкине в «сравнении с Жуковским можно повторить старинную пословицу: *он не второй, а другой*»⁵⁵. Греч, полемизируя с Полевым в том же году,

ответил: «Жуковский не первый поэт нашего века. Выше, гораздо выше его Пушкин»⁵⁶. Вяземский в 1827 г. писал как об очевидной вещи о том, что «Александр Пушкин и здесь (в альманахе «Северные цветы». — А.Р.), как и в самой поэзии нашей, господствует»⁵⁷. Англичанин Томас Рэйкс замечает в своих путевых записках в 1829 г. о Пушкине: «Его слава установлена и не имеет соперников, никто не пытается оспаривать лавры на его челе»⁵⁸. И.П. Бороздина в стихотворении 1828 г. «К А.С. Пушкину», помещенном в журнале «Славянин», ставит Пушкина во главе не только современников, но и вообще всех русских поэтов всех времен:

Так! власть пленять сердца людей
 В тебе есть Музы дар бесценный!
 Когда же, свыше вдохновленный,
 Поешь ты звучно вместе с ней;
 Тогда родной страны твоей
 Лет прошлых славные поэты
 (Огнем давнишним вновь согреты)
 Летят, покинув наконец
 Страну Элизия и Леты,
 Тебе внимать, младый певец!
 И, над челом обвороженным
 Витая сонмом восхищенным,
 Лавровый для тебя венец
 Плетут с восторгом неизменным!⁵⁹

В образованном слое формируется настоящий культ Пушкина⁶⁰. Анонимный автор некролога Пушкину (Н. Полевой?) в «Живописном обозрении» вспоминал о пребывании Пушкина в Москве в 1826 г.: «Надобно было видеть участие и внимание всех при появлении его в обществе!.. Когда в первый раз Пушкин был в театре, публика глядела не на сцену, а на своего любимца-поэта»⁶¹. А.А. Бошняк признавался брату, «что поэзия входившего тогда в славу Пушкина ему вовсе не нравится, но что он принужден восхвалять его, так как кругом его расточаются похвалы явившемуся поэту»⁶². М. Муханова в 1837 г. писала: «Я еще живо помню эпоху фанатизма, когда Пушкин был настоящим идолом нашей непостоянной публики. Она восхищалась его поэмами <...>»⁶³. Стихи Пушкина (особенно еще не напечатанные или вообще не предназначенные для печати) в рукописях расходились по стране⁶⁴. И.Г. Кулжинский вспоминал, как, приехав в 1829 г. в Харьков, вошел в круг интересующейся литературой местной молодежи: «...это были — прекрасные юноши, в очках и без очков, прекрасно декламирующие, наперехват спешившие за каждую новую книгую, собиратели древних песен, издатели альманахов. Присмотревшись ближе к ним, я крайне удивился, что у них нет другой профессии, кроме — восхищаться новыми стихами Пушки-

Обложка отдельного издания 2-й главы «Евгения Онегина»
А.С. Пушкина

на, писать свои стихи в подражание великому поэту <...>»⁶⁵. И.А. Гончаров описывал, как в 1832 г. Пушкин посетил Московский университет, где он тогда учился: «Когда он вошел <...>, для меня точно солнце озарило всю аудиторию; я в то время был в чадю обаяния от его поэзии; я питался ею, как молоком матери; стих его приводил меня в дрожь восторга <...> Его гению я и все тогдашние юноши, увлекавшиеся поэзией, обязаны непосредственным влиянием на наше эстетическое образование»⁶⁶. В.А. Соллогуб вспоминал, как в 1831 г. оказался в театре одновременно с Пушкиным: «“Это Пушкин”, — шепнул мне отец. Я весь обомлел... Трудно себе вообразить, что это был за энтузиазм, за обожание толпы к величайшему нашему писателю, это имя волшебное являлось чем-то лучезарным в воображении всех русских, в особенности же в воображении очень молодых людей»⁶⁷.

Произведения Пушкина проникают даже в те социокультурные слои, которые были далеки от литературы. Н.А. Мельгунов в 1827 г. в письме М.П. Погодину из Малороссии с удивлением отмечал, что «здесь вовсе не в диковинку слышать *стишки* Пушкина из уст девушек даже в кругу купеческом»⁶⁸. В.Г. Белинский свидетельствовал, что пушкинские «поэмы читались всею грамотною Россиею; они ходили в тетрадках, переписывались девушками, охотницами до стишков, учениками на школьных скамейках, украдкой от учителя, сидельцами за прилавками магазинов и лавок. И это делалось не только в столицах, но даже и в уездных захолустьях»⁶⁹.

Отношения литераторов разных эстетических направлений и групп мыслились в ту пору только как соперничество, конкуренция, борьба, и, следовательно, отсутствовало представление о возможности одновременного существования различных равноценных и самоценных писателей, каждый из которых имеет свою тему, свой специфический способ выражения и т.д. В быстром продвижении Пушкина по ступеням опирающейся на подобные представления единой литературной иерархии сыграли роль как старые, традиционные для XVIII в. пути достижения успеха в литературе, так и новые, ориентированные на все более увеличивающуюся в численности, охватывающую новые социальные слои читательскую публику⁷⁰.

На самом раннем этапе литературной карьеры Пушкина наиболее важную роль для него сыграли дружеские связи, литературные кружки и салоны. В конце XVIII — начале XIX в. литературные знакомства и принадлежность к той или иной литературной группе имели немалое значение для достижения успеха и известности. Литературное сообщество представляло тогда, по характеристике рецензента «Галатеи» (С.Е. Раича?), как «литературная табель о рангах, утверждаемая <...> обыкновенно по большинству голосов приятелей и хвалителей»⁷¹. А.А. Писарев иронически советовал в послании «К молодому любителю словесности»:

Хотя б ты превзошел в стихах своих Гомера;
Но дарование известности не мера.
Нет, нынче тот хорош, об Музе кто своей
Читателям сказал чрез множество друзей...

И далее:

Коль партии себе не можешь сам набрать,
К сильнейшим всячески старайся приставать;
Со вкусом в ссоре будь, но с партиями в мире...⁷²

Особенно важную роль в утверждении репутации писателя играло публичное одобрение его произведений признанными, авторитетными литераторами. Характерно следующее воспоминание

П.А. Вяземского о том, как в 1816 г. на вечере Александра Тургенева его стихи похвалили Крылов и Карамзин: «Эти два знака отличия <...> порешили и, так сказать, узаконили участь мою <...> С того дня признал я и себя сочинителем»⁷³.

Близкие знакомые (Вяземский, Жуковский, Н.И. и А.И. Тургеневы, Карамзин) и дядя В.Л. Пушкин в беседах и переписке постоянно расхваливали Пушкина, причем с самых ранних лет. Вот отзыв Вяземского в письме Батюшкову в 1815 г., когда Пушкину не было еще и 16 лет: «Что скажешь о сыне Сергея Львовича? Чудо и все тут. Его “Воспоминания” скружили нам голову с Жуковским. Какая сила, точность в выражении, какая твердая и мастерская кисть в картине. Дай бог ему здоровья и учения, и в нем будет прок, и горе нам. Задавит, каналья»⁷⁴. В дальнейшем подобные характеристики в переписке литераторов арзамасского круга повторялись неоднократно⁷⁵. Причем Пушкин, будучи тесно связан биографически с группой карамзинистов, часто посещая вечера у Жуковского, одновременно завязал тесные связи с «архаистами» — общался с Катениным, посещал вечера Шаховского. Ю.М. Лотман писал про ранний период пушкинской биографии: «Энергия, с которой он связывает себя с различными литературными и дружескими кружками, способна вызвать удивление. Следует отметить одну интересную черту: каждый из кружков, привлекающих внимание Пушкина в эти годы, имеет определенное литературно-политическое лицо <...> Принадлежность к одному кружку, как правило, исключает участие в другом. Пушкин <...> выделяется как ищущий среди нашедших <...> входя в тот или иной круг, он <...> усваивает господствующий стиль кружка, характер поведения и речи его участников»⁷⁶. Везде он получил признание, и авторитетные ценители и знатоки навязывали другим свою высокую оценку его таланта. Характерно в этом плане давление, которому подвергся И.И. Дмитриев, осмелившийся неодобрительно отозваться о «Руслане и Людмиле». После писем Карамзина и Н. Тургенева Дмитриев был вынужден оправдываться и корректировать свою оценку поэмы⁷⁷. Поддержка арзамасцев и молодых друзей-сверстников (Дельвиг, Боратынский, Кюхельбекер и др.), устно и печатно пропагандировавших творчество Пушкина, сыграла важную роль в росте его известности и авторитетности⁷⁸.

Местом обретения литературного имени в ту эпоху для многих являлись литературные общества. К.А. Полевой вспоминал, что тогда «к известности, к праву входа в литературные общества был известный путь, а именно вот какой. Надобно было уметь соблюдать только некоторые формы слога или стихотворства, и при этом написать что хотите — несколько стихотворений, несколько статей, добиться того, чтобы они были напечатаны в журналах или в сборниках, издававшихся разными обществами, и после этого открыт был доступ в члены литературных обществ, пробита вер-

ная дорога к литературной известности. Автора стихшков начинали величать *известным* или, по крайней мере, *любезным нашим* поэтом, а прозаика *остроумным, ученым* или, по крайней мере, *почтенным нашим* литератором»⁷⁹.

Для Пушкина значимость таких обществ была минимальной, но все же некоторую роль в росте его известности и престижа сыграли и они: в 1818 г. Пушкин был избран членом Вольного общества любителей российской словесности в Петербурге, а в Москве дядя Василий Львович регулярно читал стихи племянника в Обществе любителей российской словесности при Московском университете.

Но как в литературе Пушкин осуществил синтез разнородных, нередко конфликтующих между собой линий и тенденций, так и в своей литературной тактике он использовал разноплановые формы обретения известности и создания прочной литературной репутации.

Все перечисленные пути обретения положения в литературе существовали и ранее, до того времени, как Пушкин начал печататься. Однако именно в 1820—1830-х гг. в России начинают формироваться и общественное мнение в сфере литературы, и публика. Если раньше иерархию литературных оценок задал узкий круг знатоков, то теперь важную роль начинают играть мнение более широких читательских кругов и журналы, как его выразители. В 1808 г. В.А. Жуковский полагал, что «непристрастная, заслуженная похвала избранных, которых великое мнение управляет общим и может его заменить: вот слава истинная, продолжительная, достойная искания!»⁸⁰ П.А. Вяземский называл таких «избранных» «законными литературными властями»⁸¹. Однако Ф.В. Булгарин, Н.А. Полевой и многие другие в этот период начинают апеллировать не к «избранным», а к широкой публике, которая становится главным арбитром в споре о ценности литературного произведения и в критических полемиках. Ф.В. Булгарин утверждал, например, что «публика есть такое судилище, перед коим невозможно выиграть несправедливого процесса. Пристрастный судья скоро обнаруживается и всегда достойно наказывается за свои суждения»⁸². Н.А. Полевой писал в 1830 г.: «Грамот на литературное достоинство герольдия нынешней критики не только не утверждает современным литературным аристократам, но оспаривает оные и у тех литературных аристократов, которые давно похоронены с названием бояр. Теперь не дают пропуска на Парнас тем, которые лет за десяток называли себя помещиками Парнасскими»⁸³.

Выдвижение на первый план публики придало важность другим путям обретения успеха. Пушкин уже с первых своих литературных шагов демонстрирует свою ориентацию на публику. В.А. Кошелев отмечает необычность литературной стратегии Пушкина в «продвижении» первой своей поэмы «Руслан и Людмила» в 1818—

1819 г.: «Автор — с самого начала работы над большим произведением, далеко еще не завершив и не отделив его, — что называется, “с колес” — начинает выносить фрагменты “прелестной поэмы” на публику и тем самым провоцировать, с одной стороны, критическое обсуждение и всякого рода профессиональные советы, с другой — похвалы таланту»⁸⁴. В результате имя Пушкина в эти годы «на слуху» в Петербурге. И.И. Лажечников, вспоминая 1819 год, пишет про «Пушкина, которого мелкие стихотворения, наскоро на лоскутках бумаги, карандашом переписанные, разлетались в несколько часов огненными струями во все концы Петербурга и в несколько дней Петербургом вытверживались наизусть, — Пушкина, которого слава росла не по дням, а по часам»⁸⁵. По свидетельству Н.А. Маркевича, как раз после чтения отрывков «Руслана и Людмилы» на публике «к 1820 году Пушкин стал знаменитостью окончательно»⁸⁶.

Важным способом привлечения внимания публики и «завоевания» ее были публикации в журналах и газетах, прежде всего — рецензии. Хотя отклики на новые книги печатались в русских журналах с конца XVIII в., но появлялись они столь редко, что ни о каком устоявшемся институте рецензирования говорить в эту пору не приходится⁸⁷. Поэтому почти полтора десятка рецензий на «Руслана и Людмилу» — явление в русской литературе уникальное, надолго приковавшее читательское внимание к этой поэме (при этом рецензия А.Ф. Воейкова представляла собой подробный разбор различных аспектов поэмы, превратившийся в небольшую монографию, — подобный анализ нового произведения был вновь для русской литературы). По поводу поэмы печатались эпиграммы, ее упоминали в повестях и стихах. Так, например, в «Сыне Отечества» после растянувшейся на четыре номера рецензии Воейкова были помещены полемический отклик на рецензию, пушкинские прибавления к поэме, письмо Ф. Глинки Пушкину и две эпиграммы на рецензента поэмы. В повести П.Л. Яковлева «Молодые журналисты» 1821 г. персонажи обсуждают поэму «Руслан и Людмила» и автор говорит: «Ее все хвалят, ею все восторгаются»⁸⁸. Можно согласиться с А.Г. Глаголевым в том, что «известная всем поэма “Руслан и Людмила”, может быть, своей известностью не столько обязана собственным достоинствам, сколько критикам, антикритикам и антиантикритикам. Вы спросите: почему я так думаю? — Потому что сии шумные споры заставили каждого прочитать ее; между тем как некоторые творения лучших наших писателей, которых лесть и невежество провозгласили совершенными и неприкосновенными, лежат в книжных лавках или же в домашних библиотеках без всякого употребления»⁸⁹.

И, наконец, последний путь — рынок. Коммерческий успех книги мог тогда обеспечить определенную репутацию, свидетельствуя о популярности у читателей. Книги Пушкина хорошо рас-

ходились, а по поводу одной из них Вяземский счел необходимым написать специальную статью («О “Бахчисарайском фонтане” в нелитературном отношении»), в которой сообщал, что за рукопись этой поэмы издатель заплатил 3000 руб., т.е. за эти стихи «заплачено столько, сколько еще ни за какие русские стихи заплачено не было»⁹⁰.

Следует отметить, что Пушкин был для своего времени исключительно продуктивен и часто выпускал книги, что позволяло «быть на виду» и поддерживать репутацию. Если Вяземский, как уже говорилось, в первой половине XIX в. не выпускал книг, Дельвиг издал только одну, Языков и Катенин — по 3, Боратынский — 6, то у Пушкина при жизни вышло 26 книг!

Однако, используя новые формы упрочения литературной репутации, Пушкин не отказывался от старых. Место Пушкина в литературе Николаевской эпохи во многом определялось такой архаичной формой литературной поддержки, как меценатство. Не будем забывать, что именно во второй половине 1820-х гг. Николай I рядом акций продемонстрировал исключительное положение Пушкина в литературе и свое покровительство ему. В 1826 г. он освободил Пушкина от обычной цензуры, взяв на себя цензурирование его сочинений; в 1831 г. поручил писать историю Петра I и открыл доступ в архивы для работы над ней, в 1832 г. дал синекуру (чисто номинальную службу в Министерстве иностранных дел), приносившую 5 тыс. рублей ассигнациями в год, а в 1833 г. пожаловал Пушкину придворное звание камер-юнкера.

Сошлемся на А.А. Оленину, которая описала в своем дневнике, как Пушкин в 1826 г. «вернулся из десятилетней ссылки: все — мужчины и женщины — спешили оказать ему знаки внимания, которыми отмечают гениев. Одни делали это, следуя моде, другие — чтобы заполучить прелестные стихи и, благодаря этому, придать себе весу, третьи, наконец, — из действительного уважения к гению, но большинство — из-за благоволения к нему имп[ератора] Николая, который был его цензором»⁹¹.

И в заключение — о чертах литературного и бытового облика Пушкина, способствовавших росту его популярности. В России литературная сфера пронизана властными отношениями. Во-первых, как уже было сказано, писатели борются за власть, доминирование в литературе, во-вторых, нередко литература используется как средство обретения власти в обществе. Долгое время лояльность властям была предпосылкой успешной литературной карьеры. Пушкин первым опробовал иную модель, по которой влияние в литературе достигалось за счет противостояния правительству. По свидетельству Д.И. Завалишина, «для сверстников его, даже для тех, которые лично и близко знали его, он был популярен своими революционными кощунственными стихотворениями <...>. Можно наверное сказать, что по крайней мере 9/10, если

не 99/100 тогдашней молодежи первые понятия о безверии, кощунстве и крайнем приложении принципа, что “цель оправдывает средства”, т.е. крайних революционных мерах, получили из его стихов. Самое достоинство стиха, легко удерживаемого в памяти, содействовало распространению кощунственных и революционных идей; и если не все прилагали их к делу, то все-таки знакомы были с ними по Пушкину»⁹². Такие вольнолюбивые стихи Пушкина, как «Вольность», «Кинжал», «Деревня», «Ура, в Россию скачет», не были опубликованы, но в рукописи получили чрезвычайно широкое хождение⁹³. В.И. Штейнгель в письме Николаю I от 11 января 1826 г. спрашивал: «Кто из молодых людей, несколько образованных, не читал и не увлекался сочинениями Пушкина, дышавшими свободою <...>»⁹⁴, В.Г. Розальон-Сошальский на следствии в 1827 г. показал: «Что же касается до сочинений вольных Пушкина или выданных под его именем, то их у редкого студента тамошнего (т.е. Харьковского. — А.Р.) университета не находится»⁹⁵.

Отметим, что важно было не только то, что Пушкин пишет вольнолюбивые стихи, но и то, что он за них подвергся репрессиям. Ф.Ф. Вигель писал, что «дотоле никто за политические мнения не был преследуем, и Пушкин был первым, можно сказать, единственным тогда мучеником за веру <...>, его могла бы утешить мысль, что ссылка его, сделавшись большим происшествием, объявлением войны вольнодумству, придает ему новую знаменитость, как и случилось»⁹⁶. Первая книга Пушкина «Руслан и Людмила» вышла вскоре после того, как автор был сослан на юг, и это подогрело интерес к поэме.

Вторая важная черта пушкинского образа — нарушение и в жизни, и в творчестве ряда общепринятых норм. Ряд рецензентов «Руслана и Людмилы» отмечали сладострастие и эротичность некоторых эпизодов поэмы. Известны были и многие его юношеские эскапады. В результате пушкинские стихи и его поступки нередко расценивались как безнравственные. В апреле 1820 г. Карамзин писал И.И. Дмитриеву про Пушкина: «...я уже давно, истощив все способы образумить эту беспутную голову, предал несчастного Року и Немезиде <...>»⁹⁷. В.Л. Пушкин писал 23 сентября 1820 г. Вяземскому про «необузданную ветреность» племянника⁹⁸. М.А. Корф вспоминал про Пушкина, что, «начав еще в Лицее, он после, в свете, предался всем возможным распутствам и проводил дни и ночи в непрерывной цепи вакханалий и оргий, с первыми и самыми отъявленными тогдашними повесами <...> Вечно без копейки, вечно в долгах, иногда и без порядочного фрака, с беспрестанными историями, с частыми дуэлями, в тесном знакомстве со всеми трактирщиками, ...ями и девками, Пушкин представлял тип самого грязного разврата»⁹⁹. По свидетельству Ф.Ф. Вигеля, в 1820 г. «в большом свете, где не читали русского, где едва тогда знали Пушкина, без всякого разбора его обвиняли, как развратника, как

возмутителя»¹⁰⁰. И через два-три года положение изменилось не очень сильно. Я.П. Полонский писал, что тогда «Пушкин только что входил в славу. Имя его громко пронеслось по всей Руси великой, но не все осмеливались вслух читать его. В гимназиях и пансионах, между тогдашними педагогами, Пушкин <...> считался поэтом безнравственным — вообще не таким, чтоб можно было позволять читать его детям или молоденьким девушкам»¹⁰¹. Приведем в качестве примера запись в читательском дневнике литератора, действительного члена Российской академии, директора департамента Министерства иностранных дел В.А. Поленова по поводу «Стихотворений» А.С. Пушкина (1826 г.): «В сей книге содержится собрание безделок, но безделок, показывающих особенное дарование сочинителя. Ежели бы предметом стихов не было по большей части сладострастие, близкое к разврату, это собрание можно бы было назвать одним из лучших на нашем Парнасе. — Поэзия много теряет цены, когда нравственность ей не сопутствует»¹⁰². Во многих учебных заведениях произведения Пушкина запрещали читать учащимся¹⁰³. Сын П.А. Вяземского, П.П. Вяземский, хорошо знавший Пушкина, писал: «Сведения о каждом его шаге сообщались во все концы России. Пушкин так умел обстанавливать свои выходы, что на первых порах самые лучшие его друзья приходили в ужас и распускали вести под этим первым впечатлением <...>. Нет сомнения, что Пушкин производил и смолоду впечатление на Россию не одним своим поэтическим талантом. Его выходы много содействовали его популярности <...>»¹⁰⁴. Так, писатель и журналист П.П. Свиньин в письме 1831 г. А.И. Михайловскому-Данилевскому выражал удивление, что «правительство могло возложить на поэта дерзкого, своенравного, прихотливого — писать Историю Петра Великого <...>»¹⁰⁵.

Со скандалом войдя в литературу (скандальны были и поэма «Руслан и Людмила», и бытовое его поведение), Пушкин прекрасно отдавал себе отчет в полезности этого для собственного успеха. Незадолго до выхода «Руслана» на упреки отца и матери в предосудительности поведения он ответил: «Без шума никто не выходил из толпы»¹⁰⁶. В октябре 1822 г. он запрашивал брата: «Скажи мне, милый мой, шумит ли мой Пленник? *A-t-il produit du scandale*, пишет мне Orlof, *voilà l'essentiels*» («Произвел ли он скандал, — вот что существенно», *фр.*)¹⁰⁷. В феврале 1824 г. он писал А.А. Бестужеву: «Радуюсь, что мой Фонтан шумит»¹⁰⁸.

Подведем итог. Нам представляется, что Пушкин смог в чрезвычайной короткой срок не только получить широкую известность, но и стать кумиром русских читателей, превратиться в русского писателя № 1, поскольку ему удалось осуществить удачный синтез (причем на нескольких уровнях) самых разных тенденций, идей, ценностей. Так, в первой своей поэме («Руслан и Людмила»), которая заложила основу высокой его литературной репутации, он

объединил обращение к отечественному прошлому, к истокам русской нации с следованием западноевропейским литературным традициям, элитарную поэтику с простонародной лексикой, что обеспечило полемику по поводу поэмы и привлечение к ней необычайно широкого (для того времени) читательского внимания.

В переломный для русской литературы момент Пушкин использовал для приобретения известности и славы как уходящие в прошлое, во многом архаичные средства (поддержка дружеского круга и литературных обществ, покровительство власти), так и новые, связанные с появлением публики и общественного мнения (рецензии в периодике; вызывающее поведение как форма привлечения внимания; коммерческий успех и т.п.). Все это позволило Пушкину закрепиться на первом месте и стать к началу 1830-х гг. общепризнанным главой русской литературы.

ЛИТЕРАТУРНЫЙ АЛЬМАНАХ 1820—1830-Х ГГ. КАК СОЦИОКУЛЬТУРНАЯ ФОРМА

Литературоведам, да и вообще всем любителям русской словесности, хорошо известно, что в ее истории был так называемый «альманашный период» (примерно десятилетие, начиная с 1823 г.), «когда, — по словам журнального рецензента середины XIX в., — процветали альманахи в 16-ю долю листа, представляя к каждому новогодню всю русскую изящную словесность. Несколько сот страниц стихов и прозы волновали читателей, разбирались в подробности журналами и доставляли известность авторам и издателю»¹.

Альманахи этого времени библиографически учтены², «Северным цветам», одному из лучших, посвящены две монографии³, несколько альманахов переизданы⁴, имеется ряд обзорных очерков истории русского альманаха⁵. Однако исследовательских работ, посвященных самому феномену альманаха, попыток понять его место в литературной системе и, шире, в культуре, рассмотреть его в контексте быта, книгоиздания и книготорговли почти нет⁶. Нам представляется важным проанализировать это явление, вписав его не столько в литературную, сколько в социокультурную ситуацию того времени, показав его связи с бытовым укладом, читательскими потребностями, процессами в книжном деле и т.д.

Слово «альманах» — арабского происхождения, в конце средних веков так именовались заимствованные у арабов таблицы вроде календарных, к которым прибавлялись астрономические примечания⁷. В дальнейшем характер изданий с таким названием многократно менялся, в XVIII в. во Франции, в частности, возникли чисто литературные альманахи, представлявшие собой сборники новых поэтических и прозаических произведений, но связь с астрономией (в названиях и иллюстрациях) и хронологией (в периодичности — ежегодно — и сроках выхода — к новому году) они сохраняли всегда.

В России первым стал издавать альманахи Н.М. Карамзин (Аг-лая. Кн. 1—2. М., 1794—1795), в предисловии к первому выпуску своего альманаха «Аониды» (1796) подчеркивавший, что следует французскому образцу — «Almanach des Muses». Но тогда его почин не был поддержан, и альманахи выходили очень редко. Лишь после того, как в конце 1822 г. А. Бестужев и К. Рылеев начали выпускать альманах «Полярная звезда», объединивший лучших отечественных литераторов и имевший большой литературный (положи-

тельные отзывы в журналах)⁸, коммерческий («Полярная звезда» на 1825 г. дала А. Бестужеву и К. Рылееву 2 тыс. руб. прибыли; А. Дельвиг за «Северные цветы» в 1828 г. получил 8 тыс. руб.; М.П. Погодин, издавая в 1825 г. альманах «Уrania», мечтал «зашибить на ней тысяч пять»)⁹ и «карьерный» (перстни и золотая табакерка от императрицы за поднесенные экземпляры «Полярной звезды» на 1824 г.)¹⁰ успех, альманахи посыпались как из рога изобилия, вскоре ежегодно их выходило более десятка.

Что же представлял из себя альманах как тип издания? Литературоведы обычно указывают, что это был сборник новых поэтических и прозаических произведений небольшого объема. Действительно, тогда альманах нередко трактовали подобным образом. Рецензент «Северной пчелы» писал по этому поводу следующее: «Что есть альманах? Вообще разумеется под сим именем календарь; в новейшие же времена издаются под названием альманахов, раз в год, собрания небольших прозаических и стихотворных статей; иногда статьи сии бывают вообще литературные; иногда собиратель их ограничивается каким-либо особым разрядом словесности, драматургиею, историею и т.п.»¹¹ Н.А. Полевой считал, что альманах — это «небольшое собрание хороших прозаических и стихотворных пьесок»¹². Подобные определения правильно характеризуют содержание альманаха, но в данной работе мы хотели бы выдвинуть на первый план другие его черты. Нам представляется важным проакцентировать его функциональное бытовое назначение: это была изящная и довольно дорогая «вещь», подарок (чаще всего — к Новому году), компонент антуража светской гостиной. Поэтому нередко не менее, а иногда и более важными в нем (по сравнению с содержанием) были для современников внешние признаки (формат, качество оформления, срок выхода и т.д.). Приведем несколько свидетельств. Н.И. Греч, рецензируя первый выпуск «Полярной звезды», пишет: «Мне не нравится ее формат: он слишком велик для карманной книжки. Жаль также, что при ней нет картинок: это существенная часть всякого альманаха»¹³. Через год по поводу следующего выпуска этого альманаха Ф.В. Булгарин с удовлетворением замечает: «На сей год формат ее есть поистине карманный и уместится в самом шегольском ридикюле»¹⁴. Н.И. Надеждин, характеризуя один из новых альманахов, пишет в 1830 г., когда тип этого издания устоялся, что книга «снабжена всеми принадлежностями, кои считаются нужными для альманаха *comme il faut*. Формат укромненький, бумажка чистенькая, печать маленькая, обертка — розовенькая — все, как водится!»¹⁵ Вот еще один пример — от обратного. По поводу новой книги рецензент пишет, что сборник, «правда, назван альманахом, но в нем нет никаких альманачных элементов: он вышел не к новому году, без картинок, без красивой обертки, без типографской роскоши, без обозрения, без повестей из народных преданий: как же назвать его альманахом?»¹⁶

Титульный лист альманаха «Полярная звезда»

Основными литературными жанрами альманахов были любовная (главным образом — альбомная) лирика, светская и историческая повести, моралистические эссе и фрагменты и — очень часто — годовичное литературное обозрение.

И содержание, и оформление альманахов много говорят о его читателях. Это, по-видимому, люди, в той или иной степени приобщенные к европейской культуре, но не испытывающие особого интереса к русской литературе, не следящие за ней и плохо знающие ее. Характерно следующее обращение издателя к читателю в предисловии к одному из альманахов: «Прошу вас уделить несколько времени на просмотр нашего альманаха; знаю, что для многих ваших товарищей танцы, карты, визиты, злословие, люди, или даже новый роман Д'Арленкура дороже всякой русской книги <...>»¹⁷. Не исключено, что части подобных читателей, живущих в провинции, в поместье, вдали от столиц, книги и журналы труднодоступны. Поэтому альманах стремится обозреть современное состояние российской словесности, показать, что она достойна внимания, и предложить читателям избранные, по возможности лучшие, новейшие ее образцы. П.А. Плетнев в этой «дайджестности» даже видел основную причину успеха альманахов. Он отмечал (в 1831 г.), что до появления альманахов «каждое небольшое произведение в прозе или в стихах, прежде нежели поступит оно со временем в полное собрание сочинений автора, обык-

Титульный лист альманаха «Северные цветы»

новенно являлось в журналах. Кто желал составить себе понятие о всех произведениях изящной словесности в каком-нибудь году, тот принужден бывал перелистывать огромные груды журналов. Чтобы отвратить такую неприятность в занятии очень полезном, литераторы начали издавать альманахи, посвящая их исключительно словесности изящной»¹⁸.

«Карманная книжка», как часто называли тогда альманах, имела небольшие размеры, что позволяло владельцу, главным образом светской даме, брать ее с собой и в кругу знакомых, в салоне использовать как повод для общения. Выступая в качестве подарка, альманах быстро превратился в элемент быта, он давал образцы для салонного литературного творчества, служил источником текстов для вписывания в альбомы. Во второй половине 1820-х — начале 1830-х гг. альманах был моден и участвовать в нем было престижно. Ф.В. Булгарин отмечал: «С тех пор, как у нас ввелись в моду альманахи, юные и неюные поэты от году до году откладывают печатание своих стихов, чтоб блеснуть в лучах альманачной славы. Но как поэту столь же трудно скрыть свое произведение, как иной женщине сохранить чужую тайну, то до печатания альманаха стихи обыкновенно ходят по городу, пока какой-нибудь литературный паук не перехватит этого летучего творения и не впутает в печатные сети. От этого нового порядка вещей происходит та выгода, что не только автор хороших стихов

пользуется предварительной славой, но и разносчики их произведений приобретают некоторый вес в обществах и за труды свои причисляются даже к сословию литераторов»¹⁹.

Первоначально альманах был адресован именно высшему свету, особенно дамам. Об этом свидетельствует характер ряда опубликованных там материалов, например «Письмо к графине С.И. С[оллогуб] о русских поэтах» П.А. Плетнева в «Северных цветах» на 1825 год (СПб., 1825), «Нечто о науке (отрывок из письма к графине)» М.П. Погодина в «Северных цветах» на 1832 год (СПб., 1831).

Издатели «Полярной звезды» надеялись, что, «не пугая светских людей сухою ученостью, она проберется на камин, на столы, а может быть, на дамские туалеты и под изголовья красавиц. Подобными случаями должно пользоваться, чтобы по возможности более ознакомить публику с русскою стариною, с родной словесностью, с своими писателями»²⁰. Высочайшее поощрение, о котором говорилось выше, ввело альманах в моду в аристократической среде, а оттуда он перешел и в более широкие читательские круги, заимствующие образцы бытового поведения «сверху» и подражающие им. Издатели альманахов очень часто подчеркивали свою обращенность к женщинам. Это могло делаться в заглавии, как в «Московском альманахе для прекрасного пола на 1826 год» С.Н. Глинки, или в посвящении, например — «Московским красавицам», как в альманахе «Венок граций» (М., 1828). Издатель последнего альманаха писал в предисловии, обращаясь к читательницам: «В знак моего искреннего усердия приношу вам в дар, — если не все прекрасное, по крайней мере некоторое; по крайней мере все, что пламенная моя угодливость прелестному полу вашему могла иметь прекрасного»²¹.

Для того чтобы понять, почему альманах получил столь широкое распространение, нужно восстановить контекст его появления. С нашей точки зрения, успех альманаха был обусловлен сочетанием целого ряда факторов. Важнейшие из них (и тесно взаимосвязанные между собой) — повышение статуса образования (и в качестве основного его компонента — литературы) в русском обществе, расширение читательской аудитории, патриотический подъем в русском обществе после Отечественной войны 1812 г. и успехи русской литературы (обо всем этом уже шла речь выше).

Особую роль в успехе альманаха сыграл специфический канал, через который русская словесность проникала в круг дамского чтения, — литературные альбомы, получившие широчайшее распространение в дворянской среде в первом десятилетии XIX в. По свидетельству современника (в начале 1820-х гг.), «каждая наша дама непременно желает иметь альбом. — На улицах, в кабинетах, в спальнях — везде вы увидите альбомы. — Они втерлись даже в свадебные и крестинные подарки. <...> Каждая женщина столь же

Г.Г. Гагарин. Художник, спасающийся от девиц и дам, забрасывающих его альбомами. Автошарж. 1820-е гг.

неразлучна со своим альбомом, как и с ридикюлем; но что удивительнее всего, сии два предмета соединились ныне воедино. — Маленькие альбомы, заключенные в ридикюлях, странствуют везде с нашими госпожами...»²² Автор середины XIX в. вспоминал, что «во время оно в альбомы писали или рисовали только самые близкие друзья; альбом служил как бы предосторожностью от влияния времени и прихотей судьбы. Молодые девушки, несколько лет сряду твердившие за одним столом историю греков и римлян, выходили из института или пансиона с альбомом, полным рифмованных вздохов и незабудок»²³.

Подобная популярность альбомов была связана с широким распространением таких социально-бытовых форм, как литературный салон и дружеский кружок (в условиях увеличения досуга и роста значимости «культуры», «образованности»). Дружеские кружки и салоны создавали такие важнейшие предпосылки заполнения альбома, как общение и атмосфера художественного творчества²⁴.

Колоритную зарисовку ситуации заполнения и чтения альбомов на семейном вечере в помещичьем доме в дальнем уезде дал в

одном из своих романов А.И. Чуровский: «Альбомы открываются: девизы, эмблемы, шарады рассыпаются по листочкам как капли вдохновенной росы. Мадригалы хозяйкам альбомов, эпиграммы на знакомых оригиналов; целые французские романы с грамматическими ошибками и коротенькие, слишком общие, полуфранцузские стишки <...> Вокруг этих цветков поэзии разбросаны сердца, колчаны, луки, стрелы и амуровы головки. — Барышни в простоте сердечной радуются, благодарят услужливых кавалеров и подруг, которые начертили им свои фантазии. Восхищаются тем, что для них прекрасно, смеются над тем, что смешно, — и так время проходит очень весело»²⁵.

О месте альбома в бытовом общении А.Д. Галахов вспоминал следующее: «Выражалась любовь различными средствами: взглядами <...>, вздохами, молчанием и проч., и проч., — все как следовало по элегиям и балладам Жуковского. Видное же гласное выражение представлялось альбомным стихам, и самый интересный из подарков, какие могла получить девушка, был альбом, разумеется, с золотым обрезом, со стихотворениями различных форм — элегиями, песнями, сонетами, акростихами»²⁶. Как видим, предпосылкой формирования альбомного жанра «является наличие определенной литературной или околотитулярной среды, которая группируется вокруг хозяина (хозяйки) альбома и оставляет на альбомных страницах след своего существования»²⁷. Альбом имеет двойную функцию. С одной стороны, он запечатлевает памятные события и встречи владельца альбома, а с другой — предназначен для показа другим и, демонстрируя комплименты ему и свидетельствуя знакомства с примечательными людьми, повышает престиж владельца. «Дружеский интимный альбом 1810-х годов с течением времени уступает место “публичному” альбому, коллекции автографов знаменитых людей; из “памятника дружбы” он превращается в свидетельство широты культурного кругозора владельца. <...> “Модный альбом” был симптомом времени, когда осведомленность в русской литературе и знакомство с русскими литераторами стали моментом престижным»²⁸. Но параллельно распространение получили альбомы и памятные тетради, в которые сам владелец переписывал понравившиеся стихотворения (из рукописных и печатных источников).

В подобной ситуации и имели успех альманахи — так сказать, «печатные альбомы». Следует отметить, что альманахи похожи на альбом и по формату (большинство альбомов имели «альманашный» формат в 1/16 листа), и по характеру оформления (в альбоме много места занимали рисунки, виньетки и т.д.)²⁹, и по содержанию (в нем часто попадаются «альбомные» стихи). Кроме того, для списывания (и переделывания) в альбом нужны образцы, и их давали альманахи. Важно отметить еще одно. Альбом был явле-

нием кружковым. В него писали и его читали люди одного узкого круга, знакомые и родственники. Альманах частично сохранял эту кружковость. Во-первых, он часто создавался группой хорошо знакомых и близких друг другу биографически (а нередко — и по творческим принципам) литераторов («Полярная звезда», «Северные цветы», «Уrania» и т.п.). Во-вторых, он включал дружеские послания, посвящения и т.д. и, так сказать, демонстрировал свое кружковое происхождение. В-третьих, в силу малочисленности читательской аудитории альманаха (как, впрочем, и любой книги того времени) заметную часть его читателей составляли члены кружка, в котором возник альманах, их родственники и друзья, а также литераторы, хорошо знакомые (в силу небольшой величины литературного сообщества) с закулисной стороной издания и способные расшифровать криптонимы, которыми зашифрованы авторы и адресаты многих текстов.

Ю.М. Лотман писал по поводу альманаха Н.М. Карамзина «Аглая», что «дух семейной интимности пронизывает альманах <...> Но «Аглая» адресована читателям, т.е. чужому, незнакомому человеку. Интимность здесь превращается в «как бы интимность», имитацию дружески-непосредственного общения. Между писателем и лично не известным ему читателем устанавливаются отношения, имитирующие дружескую близость. Создается тип отношения, который в будущем делается обязательным для альманаха (некоторый оттенок «альбомности») и который в принципе отличен от функционирования книги»³⁰.

Альманах — это форма промежуточная, переходная — от литературы домашней, кружковой, салонной — к литературе общей, открытой, журнальной. Один из газетных рецензентов вообще объяснял расцвет «альманашной» литературы спецификой круга авторов того времени, писавших преимущественно в альбомных, «малых» жанрах. Он утверждал, что «тогдашние литераторы наши <...> занимаясь литературою или от нечего делать, от скуки, или на досуге, то есть в часы, свободные от обязанностей службы, <...> писали немного, следовательно не издавали своих сочинений томами и не писали целых томов. Куда же было девать им свои маленькие статейки, свои «отрывки», свои «стишки», «взгляды» и «мечты»? Журналы не только не платили гонораров, но и были «грязны», надобно было читать их в перчатках. Какому же литератору, сколько-нибудь уважающему себя и свое звание, была охота печататься в журналах, без особенных каких-либо побудительных причин?»³¹

Однако все было не так просто. В переломной литературной ситуации, когда менялись и господствующие эстетические принципы (классицизм сменялся романтизмом), и формы организации литературной жизни, альманах позволял близким (как эстетически,

так и биографически) литераторам объединиться и совместно выйти на литературную арену, поддерживая друг друга, расширяя круг своих читателей.

Отметим, что в отличие от дамских, да и не только дамских (например, «Телескоп», «Московский телеграф»), журналов, в изобилии печатавших переводную прозу, альманах, ставящий своей целью привлечь внимание к отечественной литературе и отечественным авторам, почти не включал переводы. Тогда «при слове “новый альманах” юные литературные сердца бились от нетерпения видеть новорожденного представителя *отечественных* (выделено мной. — А.Р.) (ибо по принятому правилу в альманахах переводные статьи не помещаются) письмен...»³².

Альманах, таким образом, послужил формой укоренения литературы в образе жизни широких слоев населения, причем не только дворянства, но и образованных слоев купечества, мещанства, чиновничества и т.д. Этому способствовал тот факт, что они часто использовались в качестве подарка. В 1828 г. в печати отмечалось, что в обычай «вводится <...> обыкновение дарить взрослых девиц и дам, разумеется родственниц, альманахами» к Новому году и Рождеству³³. Типична следующая надпись, сохранившаяся на экземпляре «Московского альманаха для прекрасного пола» (М., 1825) в отделе редких книг Государственной публичной исторической библиотеки: «Милому моему другу в день именин, дарит Н... Т... Август 2 1826 года».

Впоследствии альманахи хранились в домашних библиотеках и переходили от поколения к поколению. Так, например, на экземпляре альманаха Н.М. Карамзина «Аглая» (кн. 1. М., 1794) из той же библиотеки (инв. № 8530) сохранилась следующая надпись: «Из книг Петра Сафонова. Отдана мне моим папилькою 1831 года». Б.Н. Лосский вспоминает доставшиеся ему из библиотеки деда и «перелистываемые (в 1920-х гг. — А.Р.) с наслаждением томики ежегодников Бестужева-Марлинского и Дельвига — “Полярная звезда” и “Северные цветы”»³⁴.

Современник свидетельствовал, что «публика наша любит и охотно раскупает» альманахи³⁵. О конце 1820-х гг. Д.А. Милютин вспоминал, что альманахи были «в большом ходу в ту эпоху»³⁶. В помещенной в «Московском вестнике» в 1827 г. анонимной «Сцене в книжной лавке» один из персонажей, книгопродавец, свидетельствовал, что

По общему всей нашей братьи мненью
 (Не станем мы таить греха)
 Продажа книг куды плоха:
 Нет денег что ль у всех, иль нет охоты к чтенью?
 Покамест с рук идет
 Роман и Альманах. — Байронов перевод³⁷.

Н.М. Языков, обучаясь тогда в Дерптском университете, писал в 1826 г. брату: «Выписываете ли вы, почтеннейший и почтеннейшие, альманахи на будущий 1827 год? Это необходимо для оживления безжизненной жизни деревенской и однообразной хозяйственной. Теперь обещают в них много хорошего, да и без того всякий человек, желающий имени человека образованного, должен преследовать (т.е. следить за ней. — *А.Р.*) отечественную литературу, какова бы она ни была <...>»³⁸.

Ф.И. Буслав вспоминал, что «обильную поживу для приятного и полезного чтения предлагали нам выходившие тогда ежегодные литературные сборники под названием альманахов и из них особенно «Полярная звезда». В выпусках «Полярной звезды» на 1824 и 1825 гг., которые были в библиотеке его матери, он «находил образчики всего лучшего, что создавалось тогда в русской литературе и впервые выходило в свет на страницах именно этих сборников: и стихотворения Пушкина, и басни Крылова, и, помнится, Жуковского отрывок из перевода «Орлеанской девы», а также и критические обозрения литературы, — как бы, Бестужева, и многое другое. Это была для меня бесподобная хрестоматия современной русской литературы, в высокой степени наставительная, — и столько же плодотворная своим художественным обаянием для моего нравственного совершенствования»³⁹. И.И. Панаев писал: «С пятнадцатилетнего возраста (т.е. с 1827 г. — *А.Р.*) у меня развилась страсть к чтению и литературе. Я с жадностью и приятным трепетом перечитывал все тогдашние альманахи, особенно «Северные цветы» <...>»⁴⁰. В.П. Бурнашев оставил свидетельство о титулярном советнике в Орле в 1826 г., который «в разговоре употреблял некоторые выражения особенно претенциозного свойства, как, например: алая денница, аорей, потрясая сивыми кудрями; сладостная песня Филомелы; лазоревый свод небес и пр., и пр. Выражения эти свидетельствовали о том, что употребляющий их — человек, начитавшийся современной литературы, которая преимущественно заключалась в весьма немногих журналах и в весьма многих альманахах, возникших по примеру некогда знаменитой и истинно блестящей «Полярной звезды» Рыльева и Бестужева»⁴¹. Тот же автор вспоминал и про юного гусарского корнета в Орле в 1827 г., у которого «между русскими книгами <...> были ряды кирпичеобразных пузатеньких петербургских и московских альманахов вместе с знаменитой в то время «Полярной звездой»»⁴². В письме отца А.С. Пушкина можно прочесть о польке, жене псковского врача-еврея, с увлечением читавшей альманах «Альбом северных муз» (СПб., 1829)⁴³. Приведенные свидетельства демонстрируют, что среда, в которой распространялись альманахи, была довольно широка и сравнительно многочисленна.

Белинский отмечал, что «удача первого альманаха породила множество других. Составлять их ничего не стоило, а славы и денег приносили они много. Бывало, какой-нибудь господин, отроду ничего не писавший, вдруг ни с того ни с сего решится обесмертить свое имя великим литературным подвигом: глядишь — и вышел в свет новый альманах. Книжка крохотная, а стоит десять рублей ассигнациями, и непременно все издание разоидется. Таким образом, издатель за большие барыши и великую славу трагил только сумму, необходимую на бумагу и печать. Как же это делалось? Очень просто. Издатель обращался с просьбою ко всем авторитетам того времени от Пушкина и до г. Ф. Глинки включительно, — и от всех получал — от кого стихотворение, от кого отрывок из романа в пять страничек, от кого статейку “взгляд и нечто” и т.д. Главное дело, было бы в альманахе пять-шесть известных имен, а мелких писак можно было легко набрать десятки. Тогда многие борзописцы не только не требовали денег за свое маранье, но еще сами готовы были платить за честь видеть в печати свое сочинение и свое имя»⁴⁴. Альманах «расслаивал» литературную среду на литераторов-дилетантов, пишущих «из славы», и профессионалов, в той или иной степени живущих на литературные доходы. И главным было не то, что несколько человек из литературной среды обогатились за счет литературы, а то, что у писателей появилась и укоренилась мысль, что литература может быть источником (и неплохим) дохода. На следующей стадии толстые журналы (первым была «Библиотека для чтения») начинают выплачивать довольно высокий гонорар практически всем авторам (кроме дебютантов), причем по твердой ставке.

Следовательно, эпоха альманахов — это период перехода от кружка и салона (как основных форм организации литературной жизни) к журналу. Альманах явился средством профессионализации литературы, налаживания новых типов связей внутри литературной среды и между писателями и публикой, с одной стороны, и расширения читательской аудитории, приучения сравнительно широких слоев образованного «класса» населения к чтению художественной литературы — с другой. Трудно переоценить его вклад в переориентацию читательского интереса с зарубежной на отечественную литературу. Когда появилось достаточное количество литераторов-профессионалов, ориентирующихся на получение денег за свой труд, и достаточное число читателей, готовых платить за возможность читать их сочинения, возникла возможность создать журналы, в основном посвященные отечественной словесности. В середине 1830-х гг. наступил конец «альманашной» эпохи и на первый план вышел толстый журнал («Библиотека для чтения», «Отечественные записки», «Современник» и др.), кардинально отличающийся по своему характеру как от альманаха, так и от журнала первой трети XIX в.⁴⁵.

Новой читательской аудитории (помещичьим семьям) толстый журнал подходил как нельзя лучше, так как давал много различного (для разных членов семьи) материала для чтения, причем не нужно было тратить специальных усилий на его приобретение, поскольку он доставлялся по почте.

Правда, альманах вскоре возродился, но уже на иной основе — как толстая книга большого формата, состоящая из прозаических произведений. Судьба этого нового, иного по характеру альманаха — это уже, как говорится, «совсем другая история».

МОСКОВСКИЕ «АЛЬМАНАШНИКИ»

Успех первых альманахов породил многочисленные подражания и постепенное превращение альманаха из элитного литературного явления в модное и в результате проникающее в стоящие ниже в культурной иерархии слои. Там стали возникать свои альманахи. Рецензент «Московского телеграфа» так характеризовал этот процесс: «Сначала альманахи у нас были в моде. Потом они казались неуместными, под именем альманахов начали издавать Бог знает что. Порядочные литераторы начали оставлять издание альманахов, предоставив это тем людям, которые имеют больше их надобности в чужой деятельности. Так и мода переходит от бояр к слугам, от щеголей к цирюльникам и от щеголих к барским барыням и барышням <...> Альманахи у нас остались занятием низшего класса литераторов...»¹ К близким выводам пришел и В.С. Межевич, который вспоминал, что «тогда между альманахами были свои знатные аристократы, украшенные именами первых литературных знаменитостей, были свои смиренные плебеи, одетые бедно, составленные из лохмотьев. Все это выходило, сходило с рук и расходовало по рукам. Всякой альманах имел свой круг читателей, всякой круг читателей — свой альманах, какой был ему по плечу или по крайней мере по карману»².

Грань между читателями и авторами альманаха была очень зыбка и подвижна. Белинский отмечал, что «молодая публика <...> тем с большим жаром принимала эти книжки, что и сама участвовала в их составлении»³. И.М. Снегирев писал в 1829 г. знакомому, что «альманахи не умаляются, а умножаются, несмотря на <...> ругательства журналистов. Лишь только студент в университете или воспитанник в пансионе окончит курс, тотчас и принимается за альманахи, в кои собирают статейки отовсюду, ловят на лету эпиграммы, экспромты...»⁴.

Конец 1820-х — начало 1830-х гг. можно назвать «альманашной лихорадкой» — помимо десятков вышедших тогда альманахов, многие были подготовлены, прошли цензуру, но не вышли, так как, по-видимому, у авторов не хватило средств на издание. Причина активной «альманашной» деятельности была двойная — издатель альманаха, находившегося обычно на виду, обращал на себя внимание публики и получал возможность войти в литературу, а кроме того, получал изрядный доход.

Наиболее благоприятной средой для распространения альманахов и для участия в них являлись учащиеся. Именно в этой среде был особенно высок интерес к литературе. Сошлемся на свидетель-

ство Пушкина, отмечавшего в 1826 г. в записке «О народном воспитании», что «во всех почти училищах дети занимаются литературою, составляют общества, даже печатают свои сочинения в светских журналах»⁵.

АД. Галахов вспоминал, что в 1820-х годах, когда он учился в Московском университете, помимо интереса к шеллингианской философии «среди университетской молодежи господствовал другой интерес, литературный, усиленный новым движением нашей поэзии <...> все сходилось в одинаковом чувстве, все равно восхищались и переводом Жуковского из Мура “Ангел и Пери” (1821), и “Кавказским пленником” (1822), и комедией “Горе от ума”, ходившею в рукописи, и наконец, “Бахчисарайским фонтаном” (1824). Математики и медики не хуже словесников знали наизусть почти всю пьесу Грибоедова и безусловно поклонялись Пушкину. Poleмика между классиками и романтиками не оставалась нам неизвестною; мы судили и рядили о предисловии к “Бахчисарайскому фонтану”, написанном князем Вяземским в виде разговора между классиком и романтиком, и о споре, возникшем по поводу этого разговора между его автором и М.А. Дмитриевым»⁶. Учившийся в Московском университете в 1825—1829 гг. Н.Н. Мурзавич писал, что в трактуре студенты «имели свою комнатку, и услужливые “половые”, трактирные служители, первым нам доставляли “Московские ведомости”, “Телеграф” Н. Полевого, “Инвалид” и “Дамский вестник” <...>»⁷. В студенческой среде постоянно возникали литературные кружки. Вот, например, Ф.Л. Ляликов вспоминал, как «в 1820 году мы (студенты Московского университета. — А.Р.) задумали в среде своей организовать общество литературное, т.е. читать заготовляемые сочинения и разбирать их критически. Нашлось с десятков сторонников...»⁸

Нужно отметить, что помимо бескорыстной любви к литературе у студентов был и другой, вполне прозаический стимул к литературной деятельности — стремление заработать. Безденежье вынуждало обращаться к издателям за заказами — они переводили, компилировали, а то и писали романы. Традиция эта существовала издавна. По крайней мере, уже со второй половины XVIII столетия студенты переводили с иностранных языков книги для книгопродавцев и содержателей типографий⁹. Книги регистрации рукописей московского цензурного комитета за 1820—1830-е гг. пестрят фамилиями студентов университета и медико-хирургической академии.

Когда альманахи вошли в моду, московские студенты стали совместно готовить и издавать их. О московских студентах-«альманашниках» до последнего времени было известно очень мало¹⁰. Лишь в ходе работы над словарем «Русские писатели. 1800—1917» нами и рядом других исследователей были восстановлены биографии нескольких участников, но и это ненамного прояснило общую

картину. Поэтому в данной работе мы предприняли попытку собрать сведения об участниках студенческих альманахов 1829—1832 гг. «Зимцерла», «Метеор», «Северное сияние», «Цинтия», «Полярная звезда», «Улыбка весны». В полной мере решить эту задачу не удалось, несколько имен (не говоря уже о криптонимах и астронимах) остаются «глухими», но все же о большинстве авторов удалось получить хоть какую-то информацию. Несмотря на то что мемуарного материала о московских «альманашниках» конца 1820-х и начала 1830-х гг. нет, есть основания полагать, что большинство их было знакомо между собой и даже входило в один литературный кружок. Об этом свидетельствует совместное участие в одних и тех же альманахах, взаимные посвящения стихов и прозы, а также тесная связь их с Московским университетом.

Ядро этого кружка составляли, судя по всему, Ф.Н. Соловьев, М.И. Воскресенский, И.Н. Глухарев, С.М. Любецкий. Именно они обычно выступали в качестве издателей и самых активных «вкладчиков», а также много издавали и помимо альманахов.

Федор Николаевич Соловьев (1803 или 1804 — не ранее 1842) — сын московского купца. Получил домашнее образование. В 1825 г. поступил слушателем на нравственно-политическое отделение Московского университета, окончил его в 1828 г. со степенью действительного студента. Во время учебы Соловьев посещал лекции и на словесном отделении¹¹. По-видимому, это его стихотворения (они подписаны только фамилией, без инициалов) включил М.П. Погодин в свой альманах «Уrania» (М., 1826). После окончания университета Соловьев много печатался. В 1829 г. им были изданы анонимно в Москве книги «Людмил и Эльвира, или Роман в X картинах» (в стихах, отрывки с подписью —*нъ*—*ъ* вошли в альманах «Зимцерла») и «Чудная невеста, вероятная быть в стихах» (об авторстве Соловьева см.: Ф. 31. Оп. 5. Ед. хр. 52). Под криптонимом *Ф. С—в* он выпустил «Три стихотворения» (М., 1830), поэмы «Московский пленник» (М., 1829), «Студент» (М., 1830), «Три желания» (М., 1830), «Могила» (М., 1831), а также переводы романов Фан дер Фельде «Флибустьер, морской разбойник» (В 2 ч.; М., 1830) и Поль де Кока «Андрей Савояр» (В 5 ч.; СПб., 1831, совместно с *Н. П—м*, т.е. Н. Павлищевым). Перевод повести Фан дер Фельде «Татары в Силезии» (М., 1829) был выпущен им без указания имени переводчика (Ф. 31. Оп. 5. Ед. хр. 52)¹².

В 1829 г. он выступил в качестве издателя альманаха «Зимцерла». На поступившей в цензуру рукописи значилось: «Зимцерла. Альманах на 1829 год, изданный Соловьевым и Ивановым» (Ф. 31. Оп. 5. Ед. хр. 52), но впоследствии указание на издателей было снято; альманах включал стихи И. Иванова. Это, по-видимому, сын губернского секретаря **Иван Иванов**, в 1828 г. поступивший на словесное отделение университета и окончивший его в 1832 г.

(Ф. 418. Оп. 477. Ед. хр. 42а. Л. 11). В 1828 г. в «Дамском журнале» печатались стихи Ивана Иванова с пометой «Курск», может быть, это тот самый Иванов.

В предисловии Соловьев писал, что цель издателей — «по силе и по возможности доставить несколько приятных минут образованным читателям и читательницам нашего Отечества» (С. 2). Альманах включал также эссе Соловьева «Наблюдения», его примечания к другим произведениям (в том числе и полемику с автором вошедшей в альманах исторической повести), а также три его стихотворения. Среди других авторов альманаха: М. Воскресенский (М. В—й), С. Любецкий (С. В—кий), П.В. Шереметевский, И.Е. Тюрин, Д.И. Штейнберг. Включенные в «Зимцерлу» два стихотворения Е. Боратынского ранее печатались в других альманахах.

В «Зимцерле» авторское участие Соловьева было минимальным, но вскоре он выпустил «Метеор. Альманах на 1831 год, изданный Федором Соловьевым» (М., 1831), полностью состоявший из его произведений — пяти повестей, из которых четыре были посвящены историческим сюжетам, поэмы «Могила» и любовной лирики. Рецензент «Литературной газеты» отмечал, что «две повести довольно занимательны, хотя рассказаны слогом вялым. Стихотворения все носят на себе одну общую печать посредственности»¹³.

В вышедшем практически одновременно с «Метеором» альманахе «Северное сияние» (М., 1831), который издатель И.Н. Глухарев посвятил «семейству» Соловьева «как слабый знак признательности, которою преисполнено <...> сердце», Соловьев поместил историческую повесть «Разрушение полоцкого княжества» и два стихотворения. Стихи и прозу он печатал также в альманахах «Комета» (М., 1830), «Цинтия» (М., 1831) и «Полярная звезда» (М., 1832).

Впоследствии он служил надзирателем в Московском вдовьем доме (в 1839 г. имел чин титулярного советника), и, возможно, ему принадлежат изданные анонимно романы «Неведомая» (М., 1842) и «Фамилия Кастальских» (М., 1842), которые он подавал на цензуру (Ф. 31. Оп. 1. Ед. хр. 14).

Судя по всему, **Иван Никитич Глухарев** (1809 — не ранее 1840) был другом Ф.Н. Соловьева. Он учился в Московской университетской гимназии, потом в 1829—1832 гг. в качестве вольнослушателя посещал Московский университет, но курса там не кончил¹⁴. В начале 1830 г. он подал в цензуру рукопись под названием «Gemini Fratres Primus. Близнецы. Альманах на 1830-й год», однако, по-видимому, не успев к новогодним праздникам, отсро-чил издание и выпустил книгу лишь в конце 1831 г. под названием «Цинтия. Альманах на 1832 год» (Ф. 31. Оп. 5. Ед. хр. 52). Тут произведений с его подписью нет, но, возможно, он скрылся под криптонимом *Иван ...в*.

В октябре 1830 г. Глухарев подал в цензуру рукопись еще одного альманаха. Назван он был «Орион», но затем по его просьбе название было изменено на «Северное сияние. Альманах на 1831 год» (Ф. 31. Оп. 1. Ед. хр. 12). В альманахе, который вышел из печати 15 января 1831 г., были его прозаические «Мысли» и несколько стихотворений.

15 января 1832 г. вышел из печати альманах «Полярная звезда. Карманная книжка для любителей и любительниц чтения на 1832 год». В цензуру он поступил от коллежского регистратора Иванова, но обратно «для доставления Иванову» его получил все тот же Глухарев (Ф. 31. Оп. 1. Ед. хр. 13). В этом альманахе Глухарев поместил уже более десятка стихотворений. В том же году, но через несколько месяцев вышел альманах «Улыбка весны. Альманах на 1832 г., изданный Ив. Глухаревым» (в него он включил отрывок из своего романа «Графиня Рославлева»).

У Глухарева были тесные связи с рыночными издателями (у них вышли его романы «Ольга Милославская» (М., 1831), «Графиня Рославлева, или Супруга—героиня, отличившаяся в знаменитую войну 1812 года» (М., 1832), «Проклятый» (М., 1833) и другие книги. В 1833 г. ему удалось «прорваться» в журнальную литературу — в «Дамском журнале» П.И. Шаликова он поместил ряд стихотворений (№ 33—36), а также главы из романа «Братоубийца, или Святополк Окаянный» (1833. № 24—26, 41—43). В 1838 г. выпустил книгу «Венок граций. Подарок любителям и любительницам пения и романсов, или Собрание разных стихов лучших известных сочинителей», но это уже был не альманах, а антология стихотворений А.С. Пушкина, В.А. Жуковского, Е.А. Боратынского, П.А. Вяземского, А.А. Дельвига и др.

Почти во всех альманахах университетских поэтов принимал участие **Михаил Ильич Воскресенский** (1803—1867). Сын священника, он учился в духовной семинарии, а потом закончил медицинский факультет Московского университета (1821—1826). После завершения учебы много лет практиковал в качестве лечащего врача (причем первые годы — при университете) и лишь в 1846 г. стал учителем русской словесности в Московском театральном училище. Начиная Воскресенский как переводчик — в 1827—1829 гг. он издал в своем переводе несколько романов В. Скотта. В 1828—1829 гг. анонимно выпустил в Москве три главы стихотворного романа «Евгений Вельский» — небезалкогольного подражания «Евгению Онегину». С середины 1830-х гг. перешел на прозу и опубликовал около десятка романов, имевших большой успех у широкой читательской аудитории¹⁵. В альманахах он печатал повести («Один день из моего журнала» — в «Зимцерле» под криптонимом *М. В-й*; «Журнал молодого повесы» — в «Полярной звезде» и «Глава из нового романа» — в «Улыбке весны» — две последних

под криптонимом *М. В-ский*) и стихи (в названных альманахах, а также в «Северном сиянии» и «Цинтии»).

Стихи и прозу активно печатал в альманахах и **Сергей Михайлович Любецкий** (1805 или 1806 — 1881). Правда, тогда, будучи дворянским воспитанником (в эту категорию обычно попадали внебрачные дети помещиков от крепостных крестьянок) княгини Е.Р. Вяземской, он был известен в быту под фамилией Вяземский. Получив домашнее образование, он в 1824 г. поступил учеником в Архитектурную школу при экспедиции Кремлевского строения, в 1828—1832 гг. учился в Московской медико-хирургической академии, с 1833 г. преподавал в разных учебных заведениях русскую словесность¹⁶. В «Зимцерле» он поместил историческую повесть «Пагубные последствия безрассудной любви» (под криптонимом *В-кий*; в оглавлении — *С. В-й*), в «Полярной звезде на 1832 год» — эссе «В альбом другу» (под криптонимом *Вя-з-ский*), в этих же альманахах и «Цинтии» — стихи, подписанные криптонимами *С. В-ий*; *Сергей -кий*; *С-й В-ский*).

В дальнейшем Любецкий проявил себя плодовитым прозаиком. Начал он с четырех исторических романов (опубликованных под криптонимами *Сергей ...ский* и *Сергей ...кий*): «Сокольники, или Поколебание владычества татар над Россиею» (М., 1832), «Падение великого Новгорода» (М., 1833), «Рождение благословенного дома Романовых на Российском престоле» (М., 1834), «Танька, разбойница Ростокинская, или Царские терема» (М., 1834). Потом от истории перешел к сатирическому бытописательному повествованию, в котором трафаретный романтический сюжет сочетался с колоритными бытовыми зарисовками. В 1836 г. он опубликовал сборник исторических и нравоописательных повестей «Русская Шехерезада» (под псевдонимом *SS*), в 1837 г. — книгу «Вечера на кладбище. Оригинальные повести из рассказов Могильщика» (под псевдонимом *X*), наконец, в 1839 г. — роман «Рыцарство XIX века, современный рассказ с летописью нравов (в роде были)» (под псевдонимом *Героглиф*). Позднее он много печатался под своей фамилией — альманах «Панорама народной русской жизни, особенно московской» (М., 1848), состоявший главным образом из его нравоописательных рассказов и очерков, книги популярных исторических очерков, юмористические рассказы в журнале «Развлечение» и т.д.

Для темы этой главы особый интерес представляют роман «Рыцарство XIX века» и рассказ «Литературный вечер на Плющихе» из альманаха «Панорама народной русской жизни». В этих произведениях в юмористическо-пародийной манере рассказывается о той литературной среде, из которой вербовались «альманашники». Судя по всему, герои их имеют конкретных прототипов, хотя отождествление персонажей с определенными литераторами весьма затруднительно. В романе идет речь о создании в Москве на Плю-

шихе «Общества преобразования русской словесности», о его членах и издательской деятельности. Создал это общество некий Порфирий Мартьянович Универсалов, отставной провинциальный секретарь, по предложению своей дочери Клеопатры, которая однажды заявила: «Смотрите, в какой теперь чести и славе отечественная литература, — журналы до надсаду кричат об ней, во всех порядочных гостиных, кабинетах и будуарах перевторивают эти отклики — посмотрите и послушайте, как богатеют спекуляторы от доморощенной литературы, нужно только смелость!.. больше ничего!.. сверх того какое благороднейшее занятие!.. мы заведем общество преобразования русской словесности... Это теперь в тоне!»¹⁷ Члены общества собираются каждую неделю по субботам, читают свои сочинения, вносят в общую рукописную книгу, а потом издадут в виде сборников. Председатель общества «взял подряд» поставлять сочинения в новейшем вкусе книгопродавцам. Среди членов общества водевилист Ласточкин, поэт Всецветов, поэтесса (одетая в мужской костюм), фамилия которой обозначена криптонимом *Бр-р-р*. В рассказе «Литературный вечер на Плющихе» вновь появляются некоторые из этих персонажей — поэт и меломан Ласточкин, который поступал в университет, но не сдал экзамена, «ударился в поэзию и был сотрудником в каком-то невзыскательном журнале», а также девица Брылкина. Однако здесь названо и много других поэтов — членов этого кружка: Ягодин, прапорщик в отставке, Дрозжин, губернский регистратор, Раиса Гурьевна Прыщик, барон Фурсик, Пушков и др. Ласточкиным, возможно, назван И.Н. Глухарев, который тоже не смог окончить университет и имел «птичью» фамилию. Прототипы других персонажей мы затруднимся назвать, но это и не столь важно. Интересно другое — интенсивная литературная жизнь в этой среднесловной среде. Обычно внимание привлекают элитарные, дворянские литераторы. Но вот оказывается, что среди разночинцев, мелких чиновников и т.д. в этот период тоже довольно много лиц, страстно увлеченных литературой, которые знакомятся с новинками, сами пишут, регулярно собираются и обсуждают свои и чужие литературные произведения. Описанные вечера копируют светский литературный салон. Именно читатели из среды, описанной Любецким, активно покупали и читали альманахи, а потом сами начинали создавать их.

Эту ситуацию запечатлел Ф. Соловьев в своем датируемом 1829 годом стихотворном «драматическом рассказе» «Издатели альманаха», включенном в альманах «Полярная звезда». Один из его персонажей, поэт Рифминский, спрашивает своего друга, поэта Куплетова:

Скажи, мой друг, когда взойдет для нас
Заря известности в литературном мире;

Когда об нас прогрянет славы глас,
 Когда для всех зыграем мы на лире?
 Во тьме безвестности высокий гаснет жар,
 И вдохновенье исчезает:
 Но громкая хвала питает песней дар
 И к славе путь широкий отверзает¹⁸.

Он с завистью говорит другу:

Ты счастлив: о тебе давно толкуют в свете;
 Твой водевиль давали много раз;

.....
 Ты помещал стихи свои в журналах,
 И в «Галатее» пол прелестный их читал;
 Поэтом признан ты в раззолоченных залах,
 И там нередко ты блистал¹⁹.

Вот основной стимул к литературной деятельности у различных литераторов — выдвинуться, преодолеть сословные перегородки и оказаться рядом со светской публикой «в раззолоченных залах».

Но вернемся к «вкладчикам» московских альманахов. Активное участие в них принимала **Марья Алексеевна Лисицина** (ок. 1810 — 1842?), дочь актера Малого театра. Она печаталась в «Дамском журнале» (1826, 1828), «Русском зрителе» (1829), альманахах «Денница» (М., 1829) и «Комета» (М., 1830), отдельными изданиями вышли ее повесть «Емилий Лихтенберг» (М., 1828) и сборник «Стихи и проза» (М., 1829). Она, по-видимому, была связана со студенческой средой — например, рукопись сборника «Стихи и проза» получил обратно из цензуры студент Александр Кухин (Ф. 31. Оп. 5. Ед. хр. 18), он же в 1829 г. представил туда ее комическую оперу «Дон Кишот Ламанхский» (Ф. 31. Оп. 5. Ед. хр. 52)²⁰.

В «Северном сиянии» она напечатала большой отрывок из комедии-водевиля «Хоть и не по сердцу, а не за что сердиться» и стихи, а в «Цинтии» и «Улыбке весны» ограничилась только стихами.

Довольно много стихотворений (романсы, «русские песни», элегия) поместил в альманахах «Зимцерла», «Цинтия», «Полярная звезда» **Дмитрий Иванович Штейнберг** (1809—1866). Обычно он подписывался криптонимами (*Дм. Ш.*; *Д—ий Ш—г*; *Д—г*, последний из них приписан в упомянутом выше указателе русских альманахов XIX в. Ю.С. Перцовича и Н.П. Смирнова-Сокольского А.А. Дельвигу). Отец его служил в университете — в типографии, а потом в библиотеке. Дмитрий Штейнберг вначале был писцом в университетской канцелярии, с 1824 г. — в библиотеке. По-видимому, это его стихи печатались в «Дамском журнале» в 1827—1828 гг. под криптонимами *Д. Ш.* и *Д. Ш—г*. С 1831 г. он в качестве вольно-

слушателя посещал лекции словесного отделения университета, а в 1835 г. окончил его. В апреле 1832 г. он подавал в цензуру альманахов «Скороспелка»; в ноябре 1832 г. — альманахов «Зарница», но выпустить их ему не удалось (Ф. 31. Оп. 5. Ед. хр. 79). С 1842 г. по 1857 г. служил помощником библиотекаря, а в дальнейшем (до смерти) — библиотекарем (т.е. заведовал библиотекой) Московского университета²¹. С 1857 г. и до смерти — актуариус и архивариус Общества истории и древностей российских при Московском университете.

Петр Васильевич Шереметевский (1806 — не ранее 1879), сын смотрителя Винного двора, рано осиротел и воспитывался в Московском воспитательном доме. Оттуда он был направлен в Московский университет, где, будучи казенным студентом, окончил словесное отделение (1824—1827) (Ф. 418. Оп. 477. Ед. хр. 15). После окончания поступил в канцелярию Московского опекунского совета, где прослужил почти тридцать лет (в первой половине 1850-х гг. в чине надворного советника занимал должность экспедитора). В конце 1870-х гг. служил сверхштатным чиновником для особых поручений при московском генерал-губернаторе. Стихи его были помещены в «Зимцерле» и в очень большом числе — в «Цингии», где, возможно, он выступил в качестве издателя с И. Глухаревым. В 1828 г. он печатался в «Дамском журнале» и помогал редактировать журнал «Русский зритель», в котором поместил полупародийную «Историю калачей» (№ 8). Шереметевский в дальнейшем часто печатался (нередко подписываясь *П. Ш.* и *П. В. Ш.*), причем почти всегда в роли автора «стихов на случай»: «Плачевная урна над прахом венценосной благотворительницы, в бозе почивающей Государыни Императрицы Марии Феодоровны» (М., 1828); «Северные лавры, или Торжество российского оружия над Оттоманскою Портою» (М., 1829), «Заветный день, или Сердечное излияние чувствований воспитанника Императорского воспитательного дома в день основания оного, 21 апреля» (М., 1828, издано анонимно), ежегодно выпускаемые к юбилею университета мемуарные стихи «Голос старого студента...» (М., 1873—1878) и др. Ему принадлежат также «История основания и открытия императорского Московского воспитательного дома» (М., 1836), «Рассказы из русской истории в стихах» (М., 1837) и история Москвы в стихах «Москва 1147—1847» (М., 1847).

Федор Александрович Алексеев, дворянский воспитанник, окончил Тульскую губернскую гимназию и в 1822 г. поступил на нравственно-политическое отделение Московского университета. В 1823 г. за грубость чиновнику и непосещение лекций был исключен из университета. Алексеев вернулся в Тулу. Во второй половине 1820-х гг. он печатался в «Московском телеграфе», «Московском вестнике», «Атенее», «Дамском журнале», а в 1828 г. выпустил в Москве байроническую поэму «Чека. Уральская по-

весть». В альманахах «Полярная звезда», «Северное сияние» и «Улыбка весны» поместил несколько стихотворений²².

В тех же альманахах и в «Цинтии» печатались стихи **Павла Ивановича Иноземцева** (1808—1854) — дворянина, сына отставного чиновника. Он окончил Харьковскую гимназию (в 1823 г.) и словесное отделение Харьковского университета (1832—1835). В дальнейшем преподавал русскую словесность в Харьковской гимназии. В конце 1820-х — начале 1830-х гг. часто бывал в Москве и, по-видимому, был близок к кружку университетских поэтов. Позднее он опубликовал романтические поэмы «Ссылный» (Харьков, 1833) и «Зальмара» (Харьков, 1837)²³.

Иван Егорович Тюрин, из государственных крестьян (сын слушателя архиерейского дома в рязанской Троицкой слободе), окончил Рязанскую гимназию (1819—1825) и с 1826 г. посещал Московский университет в качестве вольнослушателя. В 1830 г. окончил словесное отделение со степенью действительного студента (Ф. 418. Оп. 97. Ед. хр. 183; Оп. 101. Ед. хр. 29). В октябре 1829 г. он подавал в цензуру водевил в двух действиях «Телеграф» (Ф. 31. Оп. 5. Ед. хр. 52). Отрывки из этого водевиля и стихи он поместил в альманахах «Зимцерла» и «Полярная звезда». Тюрин печатался также в «Московском телеграфе», «Дамском журнале», «Молве». С 1842 г. по 1861 г. он преподавал русский язык в Александровском Брестском кадетском корпусе²⁴.

Ряд авторов были редкими, можно сказать — случайными, гостями в характеризующих нас альманахах.

Сын купца **Иван Зимулин**, студент медико-хирургической академии по ветеринарной части с 1831 г. (Ф. 433. Оп. 52. Ед. хр. 315. Л. 5 об.), напечатал одно стихотворение в «Северном сиянии». В 1831 г. он подавал в цензуру «Горестное размышление человека о смерти» и «Восточные рассказы на берегу Шатия-Араб» (Ф. 31. Оп. 1. Ед. хр. 13; обе рукописи, по-видимому, не были опубликованы), в том же году выпустил повесть «Мария и Эдуард, или Несчастная жертва злобы и ослепления. Истинное происшествие XIX столетия».

Под одним из стихотворений в «Цинтии» стоит подпись *Д. Иванов*. Это, по-видимому, **Дмитрий Петрович Иванов** (1812—1881) — родственник и земляк В.Г. Белинского, сын титулярного советника, окончивший Пензенскую губернскую гимназию и нравственно-политическое отделение Московского университета (1830—1834). Позднее он преподавал русский язык в разных учебных заведениях²⁵.

Одно стихотворение в «Улыбке весны» принадлежит **Эдуарду Мартыновичу Боргману** (1813 — ?), сыну садовника университетского ботанического сада, учившемуся в пансионе Ф. Кистера (1827—1830) и в 1830 г. поступившему на словесное отделение Московского университета (Ф. 418. Оп. 100. Ед. хр. 35). В на-

чале 1833 г. он, еще будучи студентом, представил в цензуру «Стихотворения» поэтессы Надежды Тепловой (Ф. 31. Оп. 5. Ед. хр. 88). В 1834 г. Боргман окончил университет, а с 1840 г. преподавал русскую историю, географию и статистику в Сувалкской губернской гимназии Варшавского учебного округа; с 1858 г. по 1861 г. занимал там место инспектора.

Алексей Игнатьевич Тимофеев, поместивший в «Цинтии» прозаическую зарисовку «Выписка из ежедневных моих записок», был сыном комиссионера 9-го класса, окончил Московскую губернскую гимназию (1823—1828). В 1828 г. поступил на словесное отделение Московского университета, в 1831 г. ушел оттуда, не окончив курса (Ф. 418. Оп. 98. Ед. хр. 302. Л. 15—17; Оп. 101. Ед. хр. 31). В 1831 г. он издал книгу «Мужественные подвиги россиян в турецкую и персидскую кампании с 1827 по 1830 год, или Новые военные анекдоты», в 1835 г. — роман «Валерий и Амалия, или Несчастное семейство», приписанный в «Русском биографическом словаре» известному ультраромантическому поэту А. В. Тимофееву. Позднее он служил учителем и надзирателем в Московском сиротском доме, а в 1866 г. сдал в Полтавской губернской гимназии экзамен на звание учителя русского языка уездных училищ и, по-видимому, в дальнейшем преподавал в Полтавской губернии.

Христофор Дмитриевич Тростин (1807 — ?), несколько стихотворений которого помещены в «Северном сиянии», был сыном адъюнкта математики Московского университета, происходившего из духовного сословия. Он кончил словесное отделение Московского университета (1820—1823) (Ф. 418. Оп. 120. Ед. хр. 569), печатал стихи в «Московском телеграфе» (1831) и «Галатее» (1829), а позднее издал книгу «Стихотворения» (М., 1836) (в это время имел чин губернского секретаря).

Н. Орлов, автор двух стихотворений в «Цинтии», это, возможно, **Николай Матвеевич Орлов**, из штаб-офицерских детей, который в чине губернского секретаря в 1827 г. служил в конторе казенной лосиной фабрики в Москве и получил разрешение слушать лекции в университете (Ф. 418. Оп. 97. Ед. хр. 237).

Дмитрий Федорович Пельский (1806—1845), автор стихов в «Цинтии», — сын священника, учился в семинарии, потом окончил физико-математическое отделение университета (1823—1827), во время учебы посещал лекции и на словесном отделении (Ф. 418. Оп. 97. Ед. хр. 220; Оп. 120. Ед. хр. 552)²⁶. В дальнейшем служил на московском почтамте и выпустил «Новую почтовую книгу для жителей Москвы» (М., 1833), с конца 1830-х гг. был почтмейстером в Клину, потом в Дмитрове. В 1832 г. Пельский женился на поэтессе Серафиме Тепловой, подруге М. Лисициной. Ее сестра Надежда, довольно известная поэтесса, была замужем за Николаем Степановичем Терюхиным, выпускником математического

отделения университета (1821—1824) (Ф. 418. Оп. 118. Ед. хр. 332; Оп. 121. Ед. хр. 242). В 1830-х гг. Пельский изредка печатал стихи в «Библиотеке для чтения» и «Литературных приложениях к Русскому инвалиду». В конце 1835 г. Пельский сам пытался издать альманах «Галлеева комета», рукопись прошла цензуру (Ф. 31. Оп. 5. Ед. хр. 102), но затея не увенчалась успехом, и книга из печати не вышла.

Дмитрий Иванович Серков (1800 — ?), печатавший стихи в «Полярной звезде», — сын губернского секретаря, получил домашнее образование, окончил нравственно-политическое отделение университета действительным студентом (1820—1825) (Ф. 418. Оп. 117. Ед. хр. 337; Оп. 122. Ед. хр. 329). После этого он служил в палате Московского губернского правления чиновником 12-го класса²⁷.

На этом завершим список. Остальные авторы, представленные в студенческих альманахах, — известные литераторы, у которых произведения были «выпрошены» для придания альманаху большего веса (В.А. Ушаков, Ф.Н. Глинка, А.Ф. Вельтман и др.), и еще несколько человек, о которых нам не удалось собрать никаких сведений.

Теперь можно подвести итоги. Практически все участники характеризуемых альманахов получили высшее образование, т.е. имели весьма высокий для своего времени образовательный ценз. Почти все они по происхождению — не из дворянской среды. И, наконец, сотрудничали в альманахах они либо будучи студентами, либо вскоре после окончания университета. Обычно появление этих и им подобных альманахов объясняют желанием издателей «защитить деньги». Нельзя, конечно, отрицать наличие подобного мотива, но главное, по-видимому, не в этом. Мы полагаем, что для «вкладчиков» данных альманахов основным стимулом было желание преодолеть свою социальную и культурную неполноправность. Российское общество того времени было сословным, а границы между сословиями — довольно жесткими. Образование (особенно высшее) являлось одним из немногих способов, посредством которого представители низших (по сравнению с дворянством) сословий могли поступить на государственную службу и сделать карьеру²⁸. В качестве примера можно указать на биографии А.В. Никитенко, П.А. Плетнева, И.А. Гончарова и др. Определенное содействие в этом могли оказать и успехи в литературе, которые нередко открывали двери в светские салоны и помогали продвигаться по службе.

Но не меньшее, а, может быть, большее значение имело другое. Литература, являвшаяся субститутом культуры в целом, демонстрировавшая благородство и возвышенность чувств, уравнивала занимающихся ею с культурной элитой, в качестве какой в сословном обществе выступала аристократия. Начитанность, хо-

роший литературный вкус и умение писать стихи и прозу являлись тем, что французский социолог Пьер Бурдьё называет «культурным капиталом», позволяющим наряду с капиталом социальным (происхождение), экономическим (деньги) и символическим (знание символов, используемых в определенной среде) повышать свой социальный статус²⁹.

Усваивая образцы, предложенные элитарными литераторами и санкционированные светом, разночинная интеллигенция пыталась показать, что «и мы так можем». Для каждого из них это происходило в течение сравнительно краткого промежутка времени, пока он выбирал свой жизненный путь. Позднее одни начинали делать служебную карьеру и их «засасывала» жизненная рутина, другие, страстно любящие литературу, стали преподавать словесность и одновременно профессионализировались как литераторы, перейдя на прозу (Воскресенский, Любецкий), третьи превратились в поставщиков книг для рыночных издателей (Глухарев) и т.д.

Критика принимала все рассмотренные альманахи очень пренебрежительно: «Доныне не отличалась Москва литературными альманахами, но “Венок граций” дорезал альманачную славу Москвы»³⁰, «Надобно нечеловеческое терпение, чтобы прочитать от доски до доски “Северное сияние”»³¹, о «Зимцерле» — «одна из пустейших книжонок, издаваемых в Москве под названием альманахов. В ней заметны знания и ум мальчиков приходского училища и требования семинарской учености. Наружность сего альманаха под пару к содержанию оного, то есть столько же неопрытна и неуклюжа»³², в «Полярной звезде» «все вообще озаменовано печатью детской незрелости»³³, «“Метеор” г. Соловьева по своей неопрытной наружности и своему курьезному содержанию в близком свойстве, сватовстве и кумовстве с московским “Северным сиянием”...»³⁴ Этот ряд резко негативных отзывов можно легко продолжить. Однако они не совсем справедливы. Конечно, в основном эти альманахи носили эпигонский характер. Но образцы, которым следовали авторы, воспроизводились в них довольно умело, а иногда (особенно в исторической прозе) участники альманахов отличались определенным своеобразием. Плодотворнее, как нам представляется, рассматривать эти альманахи не как «плохую» литературу, а как другой слой литературы, отражающий вкусы «третьесословных» читателей (существенное влияние на формирование этого слоя оказало духовное происхождение и семинарское воспитание многих его представителей).

Любопытно отметить, что альманах проник и в еще менее престижные культурные слои. Поскольку в этой среде пишущие люди попадались гораздо реже, они, как правило, были слабо связаны между собой и выпускали либо авторские книги в форме альманаха, либо, в лучшем случае, выступали вдвоем.

Авторский альманах «Утренняя звезда» (М., 1831) издал служивший в ведомстве горных заводов (по-видимому, канцеляристом) **Дмитрий Иванович Сигов**. Ему принадлежат несколько небольших книг: «Умственная революция, или Война романтизма с классицизмом» (М., 1831), «Путешествие в Солнце и на планету Меркурий и во все видимые и невидимые миры» (М., 1832), «Граф Любский, или Любовь и кокетство» (М., 1832) и др., относимых критикой того времени к разряду графоманских. В 1833 г. он переехал на Урал, служил на Верхне-Исетском заводе близ Екатеринбурга. В 1837 г. Петербургский цензурный комитет запретил рукопись его романа «Раскольники» за изображение кровосмешения, разврата и изуверства³⁵. В предисловии к «Утренней звезде», написанном в форме беседы автора с другом, на вопрос, что побудило его назвать книгу альманахом, Сигов простодушно отвечал: «Я следую моде! Нынче пока еще не отошла мода в нашей словесности на альманахи, а потому и я свои сочинения подчинил вкусу моды!»³⁶ Далее следовали проза и стихи такого уровня:

Наш Пушкин молодец!
Для всех он образец:
Хот пишет мало,
Но зато не вяло!³⁷

Интерес представляет изданный в Москве в 1840 г., когда мода на альманахи давно прошла, «Альманах на 1840 год», вышедший под именем Н. Анордист. Эта звучная, «скандинавская» фамилия — всего лишь анаграмма фамилии **Николая Кузмича Радостина** (о его авторстве см.: Ф. 31. Оп. 1. Ед. хр. 366. Л. 190). Сын священника, он родился в 1811 г., в 1831 г. поступил на службу в Московское губернское правление копиистом и к 1847 г. дослужился до чина коллежского секретаря (Ф. 54. Оп. 176. Ед. хр. 2733.).

Предельно «низовыми» альманахами были два — «Северное сияние на 1831 год» (М., 1831) и «Феномен» (М., 1832). Первый издали провинциальный актер, а впоследствии ремесленник **Петр П. Рябинин** и сын купца **Дмитрий Дмитриевич Комиссаров** (о них см.: Ф. 31. Оп. 1. Ед. хр. 12, 13). Рябинин выпустил книгу «Разбойники, русская баллада и Изменница, поэма» (М., 1830), а Комиссаров — поэму «Пленник Турции» (М., 1830)³⁸ и комедию-водевиль «Пожилой наследник, или Осмеянная ревность» (М., 1836).

«Феномен» издали **П. Соболев** и **Александр Михайлович Пуговошников**, московский мещанин (Ф. 31. Оп. 1. Ед. хр. 15). С конца 1820-х по середину 1840-х гг. он подавал в цензуру ряд своих рукописей, часть которых потом была опубликована («Умершие колдуны, или Явление мертвецов. Сельская баллада». М., 1832; «Песни, романсы и разные стихотворения». М., 1836, под криптонимом *А. П.*; «Наказанное преступление». М., 1839; «Рассвет.

Сочинение в стихах и прозе». М., 1843; два последних — анонимно, об авторстве Пуговошникова см.: Ф. 31. Оп. 1. Ед. хр. 136, 15). Современная критика отзывалась о его сочинениях предельно уничижительно; Белинский, например, считал, что в его «безграмотных» стихотворениях «недостает <...> грамматики и не соблюдены правила версификации»³⁹.

По всей вероятности, авторы этих альманахов были знакомы между собой. По крайней мере, А. Пуговошников получил в цензуре одну из рукописей П. Рябинина для передачи автору (Ф. 31. Оп. 1. Ед. хр. 12).

Вошедшие в названные альманахи тексты написаны на графоманском уровне, авторы-самоучки малограмотны, но тем не менее и они уже знакомы с «альманашной» формой и в меру своих скромных сил воспроизводят ее. Поразительно предисловие А. Пуговошникова, в котором он рассматривает свой альманах с исторической точки зрения, как документ, воплощающий мысли и чувства людей необразованных и бесталанных, но стремящихся к культуре. Пуговошников пишет: «Наши потомки будут собирать все: дельное и недельное, будут желать, так сказать, поставить предков перед собою; осуществить прошедший век; видеть дух времени, порывы страстей, видеть людей минувших. Они станут стараться раскрыть все красоты и недостатки протекшего века, чего, не имея памятников, сделать невозможно.

Вот почему предлагаются и наши стихотворения в роде альманаха. Если некоторые скажут, что всякая всячина не достойна памяти; на это можно ответить следующим образом:

Извините, друзья мои; всегда, везде и во всякий век есть и будет всякая всячина, ибо дарность и бездарность неразлучны. Но из сей-то всякой всячины может выходить хорошее, даже образцовое; из нее люди, одаренные талантом, могут извлечь новые идеи и найти пищу для ума <...> Да и что же было бы, если б выходило в свет одно хорошее, образцовое? Оно потеряло бы свою цену и казалось каким-то обыкновенным, однообразным»⁴⁰.

Аналогичные мотивы звучат в программном стихотворении П. Рябинина в альманахе «Северные семена»:

Блажен, кто чувства приобрел,
Хотя и в бедном состоянии;
Дорогу к доброму нашел
В своем ничтожном воспитании.

Друзья, блажен, кто в жизни сей
Обрести хорошего потщился.
Без важных помощи людей
Он сам хоть мало научился⁴¹.

Рецензент «Молвы» дал очень точную оценку подобным книгам (на примере «Феномена»): «Альманах <...> представляет явление

ние, как отразилась поэзия нашего времени в людях без всякого образования, без всякого приготовления к принятию ощущений поэтических, изящных! <...> Грешно быть к ним слишком строгими: и по справедливости, и по их собственному смирению. В утешение им скажем, что они найдут свой круг читателей, которые, равняясь с ними в степени образованности, будут ими восхищаться и по убеждению и по чувству: ибо в последнем никак нельзя отказать им»⁴².

Как видим, за сравнительно краткий период альманах из «светских зал» быстро спустился по социальной лестнице и, получив известность на разных ее ступенях, дошел если не до самого «низа» (где находились немногие деревенские «книгочеи», обращавшиеся почти исключительно к религиозной книге, и многочисленное неграмотное крестьянство), то, по крайней мере, до некоторых представителей грамотного городского протонародья.

Ф.В. БУЛГАРИН И ЕГО ЧИТАТЕЛИ

Для того чтобы дать исторически адекватную характеристику творчества писателя и его роли в литературном процессе, необходимо изучить восприятие его произведений читателями, специфические черты и вкусы его аудитории. В отечественном литературоведении работа по созданию «истории литературы с точки зрения читателя» только начинается. Предстоит собрать по разным источникам (мемуары, дневники, переписка, критика и т.д.) свидетельства читательской рецепции книг различных авторов, обобщить и осмыслить эти материалы.

В данном очерке сделана попытка наметить основные параметры читательской аудитории одного из самых известных и читаемых русских литераторов 1820—1840-х гг. — Ф.В. Булгарина. Фигура эта долгое время трактовалась лишь в памфлетном ключе, без опоры на фактические данные — и в результате исторически неадекватно. Первые попытки показать реальное место Булгарина в литературе первой половины XIX в. сделаны лишь в последнее время¹.

В течение 40 лет он выступал в печати в качестве фельетониста, публициста, литературного, театрального и музыкального критика, прозаика, драматурга, историка, переводчика и т.д. Он выпускал первый специальный журнал, посвященный истории, географии и статистике России («Северный архив»), первую литературную газету («Литературные листки»). Совместно с Н.И. Гречем он создал и 35 лет редактировал первую частную газету с политическим отделом («Северная пчела»). Он выпустил первый русский театральный альманах («Русская Талия»), где впервые «прошел в печать» отрывки из «Горя от ума». Он — автор первого русского романа нового, «вальтер-скоттовского» типа, имевшего громадный успех («Иван Выжигин»), один из зачинателей исторического романа (его «Димитрий Самозванец» вышел лишь через полгода после «Юрия Милославского» М.Н. Загоскина). Он первым (или одним из первых) ввел в русскую литературу жанры нравоописательного очерка, утопии и антиутопии, батального рассказа и фельетона. Самой своей редакционно-издательской деятельностью и многочисленными выступлениями в защиту писательского профессионализма Булгарин во многом содействовал уходу русской литературы от дилетантизма, ее профессионализации.

Начиная свою литературную деятельность, Булгарин отмечал, что «в России просвещенный класс людей думает, говорит и читает на иностранных языках; прелестный пол пренебрегает отече-

ственным словом; русская книга или журнал не смеют показаться в позлащенных шкафах светского человека...»². Через несколько лет Н.А. Полевой, примерно так же оценивая читательскую аудиторию, приходил к выводу, что «при таком состоянии публики, действуя на одних просвещенных людей, невозможно иметь огромного успеха. Надобно расшевелить задние ряды читателей...»³.

Одним из немногих литераторов (наряду с Н.А. Полевым, М.Н. Загоскиным и О.И. Сенковским), кто успешно решал эту задачу, был Булгарин. Вступив в литературу в начале 1820-х гг., он быстро завоевал популярность у читателей. Большим успехом пользовались его очерки нравов, печатавшиеся в журнале «Северный архив», приложении к нему — «Литературные листки», а с 1825 г. — в газете «Северная пчела». С.Л. Геевский писал, например, в середине XIX столетия, что четверть века назад Булгарин своими нравоописательными очерками «заменил нынешнего Гоголя — хохотали вдоволь»⁴.

Сенсационный успех имел в 1829 г. его первый роман — «Иван Выжигин», на чем подробно мы остановимся ниже. Постепенно у Булгарина сформировалась довольно большая, высоко ценящая его и преданная ему аудитория. Вот, например, что писал ему в 1830 г. об одной из его статей в «Северной пчеле» чиновник П.Г. Озерский из Черниговской губернии: «Статья сия есть *мастерское произведение пламенного пера вашего*, я от всей души решил сбересть листок сей пчелки, вами позлащенный»⁵. А.Д. Галахов вспоминал, что в 1830—1840-х гг. «единственная в то время частная газета “Северная пчела”, отталивавшая от себя известный круг читателей фельетонами Булгарина, другому кругу именно за эти фельетоны и нравилась по доступности их содержания, по легкости и понятности изложения, по островам и шуточкам, по плавности и гладкости языка»⁶. Вот отзывы помещика Владимирской губернии А.И. Чихачева из его дневников и писем разных лет: «“Северная пчела”! Это такая моя любимица, с которой я редко разлучаюсь»; «По-моему, самая лучшая газета есть “Северная пчела”»; «Булгаринские статьи в “Северной пчеле” читал я с всегдашним удовольствием. Кто и что ни говорит, а толковито, умно, от души пишет Фаддей мой Венедиктович»⁷. Приведем также обширную цитату из письма П.Г. Волховского с Дона, который писал Булгарину в 1848 г.: «Более двадцати пяти лет имею я приятнейшее удовольствие читать, изучать и восхищаться вашими произведениями — они все красуются, в отличных переплетах, в моей маленькой библиотеке; впрочем все это относится ко многим из наших соотечественников, подобно мне уважающих ваши познания, дарования — и вашу правоту в защите русского языка; примите маленькую дань благодарности от всех почитателей ваших, которых много в обширной матушке нашей России — пусть самоучки, недоучки, доморощенные гении, учителя и ученики натуральной

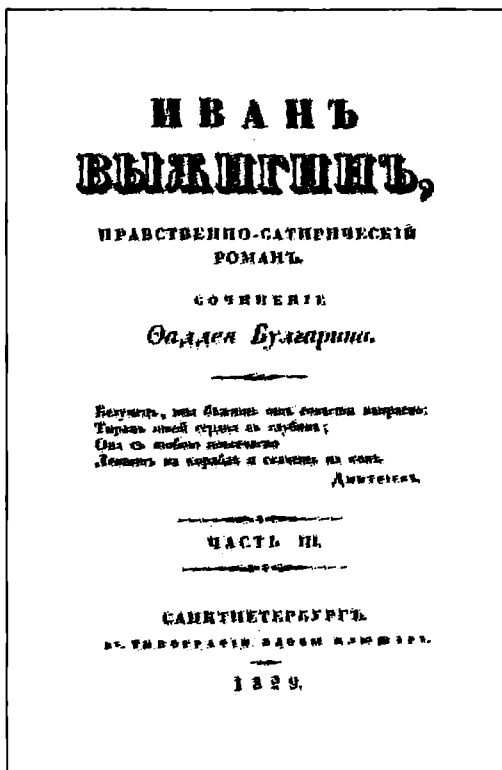
школы жужжат как шмели, публика и люди благоразумные видят и оценят все по истинному достоинству. “Пчелу” выписываю с первого года ее существования, и даже имею все листы (т.е. номера. — А.Р.), и за все годы. Книги и прочее многие из нас выписывают единственно по рекомендации вашей, и всегда бываем довольными, ибо суждения ваши беспристрастны и верно высказаны!..»⁸

Генерал-майор И.К. Арнольди «читал “Выжигина” и очень ценил <...> Говорил, что зачитывается “Северной пчелой”»⁹. П.А. Плетнев запечатлел колоритную сценку, демонстрирующую, что в начале 1840-х гг. Гоголь и Булгарин осознавались как соперники, причем часть читателей отдавала преимущество Булгарину. Плетнев пишет Я.К. Гроту 19 июня 1842 г., что барон Ю.Ф. Корф, окончивший Царскосельский благородный пансион, «из рук вон. У него совсем нет такту для общества. Мы сидим втроем с Федором Федоровичем (Корфом. — А.Р.). Ю. начал хвалить “Салопницу” Булгарина. Я отвечал, что не знаю статьи. “Разве вы не читали?” — спросил он с удивлением. Я отвечал, что, дорожа временем, не теряю его на чтение глупостей, писанных вприбавку м...и. Ему это ничего. Стали говорить о Чичикове. А он и не читал его, да еще спрашивает, что стоит ли это, чтобы читать? Разве Гоголь с талантом? Прибавил он. Вот человек, живущий в столице и трущщийся между людьми высшего разряда»¹⁰.

Приведенные примеры свидетельствуют, что у Булгарина была своя специфическая аудитория. Прежде всего следует отметить ее достаточно большой, массовый (для того времени) масштаб. Тираж «Северной пчелы» (в разные годы от 1,5 до 9 тыс. экз.) превышал тираж любой другой одновременно выходившей русской газеты, а тираж романа «Иван Выжигин», выпущенного подряд тремя изданиями, — любой другой отечественной прозаической книги того времени.

Своими романами и своей журналистской деятельностью Булгарин способствовал расширению читательской аудитории на Руси, росту ее численности и приобщению к чтению новых социальных слоев.

Хороший материал для характеристики булгаринской аудитории дает история «Ивана Выжигина». Когда в 1829 г. вышло первое издание, то весь тираж (2000 экз.) был раскуплен за несколько дней (обычно книги лежали долгое время), в том же году было выпущено и тут же разошлось второе издание, а на следующий год — третье. Книга стала литературной сенсацией. Можно сказать, что почти все, кто в России читал книги, сочли нужным ознакомиться с романом, он стал предметом споров и обсуждений, как в устных беседах, так и в переписке. Интерес к книге затронул различные социальные и культурные слои, от аристократии до купеческих приказчиков и грамотных дворовых. Н. По-

Титульный лист романа Ф. В. Булгарина «Иван Выжигин»

левой писал в рецензии на роман: «В кабинетах, в гостиных, на бирже, в городах, в деревнях, в целой России сочинения г-на Булгарина, и особенно “Иван Выжигин”, составляют предмет разговоров. Просвещенные и невежды, умные и неразумные, дамы, старики, офицеры, купцы, чиновники, даже девушки и дети толкуют о Булгарине, о его успехах литературных. Разговоры о “Иване Выжигине” составляют приправу холодных визитов, скучных посещений, столкновений деловых людей и сборищ за сытными обедами»¹¹.

Приведенные слова — не лесть Полевого, в тот период литературного союзника Булгарина. Есть и другие свидетельства широкого распространения романа в разных социальных средах. Н. И. Надеждин писал в рецензии на роман, что его «шумная слава облетела уже *будуары и гостиные* и раздаётся теперь — *в передних*»¹². А. А. Шаховской в водевиле «Еще Меркурий, или Роман-

ный маскарад», впервые представленном через несколько месяцев после выхода книги, писал (от лица романа): «Я, Выжигин Иван, к услугам всех — // От бар до слуг и от дворян до дворней...»¹³

Однако широкое распространение еще не означало всеобщего успеха. Сразу же выявилось, что восхищение одних очень резко контрастирует с презрением и насмешками других. При первом соприкосновении с материалом возникает искушение «разнести» читателей романа по сословным категориям, отождествив противников с родовитым дворянством, а поклонников — со средними социальными слоями. Например, кн. Е.Н. Мещерская, опираясь на наблюдения в своей социальной сфере, писала из Петербурга в Москву поэту И.И. Дмитриеву вскоре после публикации романа: «Куда ни приедешь, везде говорят об “Иване Выжигине” — но редко с похвалою; куда ни взглянешь — в гостиных, в дамских комнатах, везде увидишь “Ивана Выжигина” даже с разрезанными страницами, занимающего почетное место на столах»¹⁴.

Приятель Пушкина А.Н. Вульф так резюмировал в дневнике впечатления от новой книги: «...я с жадностью и без порядку прочитал четыре части, в которые разделен роман. Он назван нравственно-сатирическим, но сатиры я мало встретил в нем. Ход романа совсем не занимателен, происшествия не связаны, а рассуждения нравственные несносны, описание чувств и страстей вяло и холодно. Зато описание образа жизни наших дворян, некоторых лиц, сделанных представителями всех пороков и недостатков, которые встречаешь в их сословии, злоупотреблений, которые мы всякой день видим, и наконец разных степеней общества нашего в столице и губерниях. Слог сочинения вообще чист, но в нем нет ни живости, ни остроты, ни разнообразия рассказа: качества слога, *требуемые* от сатирика»¹⁵.

П.А. Вяземский находил в романе «плоскость»¹⁶, И.В. Киреевский — «пустоту, безвкусию, бездушность, нравственные сентенции, выбранные из детских прописей, неверность описаний, приторность шуток»¹⁷. Е.А. Боратынский утверждал, что там «Вы не найдете не только ни одной мысли, ни одного положения, ни одной картины, ни даже того достоинства, которого можно ожидать от Булгарина, т.е. особенного знания некоторого рода людей, с которыми не знают порядочные люди...»¹⁸ Для А.А. Дельвига это — «пошлая и скучная книга»¹⁹.

Критики обычно подчеркивали, что роман адресован совсем иной аудитории (правда, в полемических целях ее место в социальной иерархии снижалось): «вся дворян, говорят, не нарадуется им: так и рвут — из рук в руки»²⁰; он «по плечу простому народу и той части нашей публики, которая от азбуки и катехизиса приступает к повестям и путешествиям»²¹. И.Н. Скобелев, офицер, а впоследствии и литератор, не получивший систематического образования (по собственному признанию, читал в юности только цер-

ковные книги и лубочного «Милорда Георга» М. Комарова), писал Булгарину про «на святой Руси небывалого, а потому драгоценного Выжигина <...> сочинение толико превосходное, неподражаемое»²². (Ср. с мнением светской читательницы о Гоголе в 1847 г.: «...все его прежние сочинения были грязны, салны и наполнены ругательствами, так же и Булгарина, они годны для лакейской, да и того не позволят в благочестивом доме <...>»²³.)

Однако дальнейшее знакомство с материалом ломает эту схему. Оказывается, роман понравился Николаю I и А.Х. Бенкендорфу²⁴, молодому Н.В. Станкевичу²⁵. Юный М.А. Бакунин писал сестрам в марте 1830 г.: «Русская литература обогащается романами. Булгарин открыл путь своим “Иваном Выжигиным”, очень хорошим романом <...>»²⁶. Художник А.А. Иванов в письме знакомому из Петербурга от 27 апреля 1829 г. дал следующую неоднозначную характеристику книге: «Везде кричат о романе “Иван Выжигин”. Его здесь превозносят; и я <...> прочитал сии четыре части и нашел, что Булгарин столько же имеет дара описывать пороки, сколько сам в них неподражаем; в отношении же добродетели — во всем романе чувствуешь натяжку»²⁷.

Водораздел определялся не столько социальными, сколько культурными критериями. Вместе с аристократами роман резко осуждали и разночинцы М.П. Погодин²⁸ и Н.И. Надеждин²⁹.

Можно утверждать, что отвергли роман лишь элитарные культурные группы, характеризующиеся высоким уровнем образования. И лишь поскольку подобных лиц именно среди аристократии было довольно много, а среди представителей «среднего» сословия и социальных низов — мало, можно говорить и о том, что среди одних социальных слоев преобладали поклонники, а среди других — противники романа.

Проведенный В.А. Покровским анализ списка подписчиков на первое издание «Выжигина» (список помещен в самой книге и включает 440 чел.) показал, что чиновники и помещики составляли 66%, офицеры — 27,5%, купцы — 6% (в территориальном аспекте соотношение следующее: Петербург — 42%, Москва — 6%, провинция — 52%)³⁰. Покровский заключил на этой основе, что «главная масса читателей “Ивана Выжигина” состояла из дворян, поместных и служащих, по преимуществу провинциальных. Читатели буржуазного круга составляли очень небольшую часть»³¹. Соглашаясь в целом с этим выводом, следует сделать некоторые уточнения. Покровский не принимает во внимание специфический характер самого института подписки и отождествляет его с покупкой книг и даже чтением. Подписка по своему происхождению представляет собой форму коллективного меценатства. (Позднее подписка на одну книгу перестала практиковаться, а подписка на собрание сочинений или серию книг, как и на периодическое издание, стала служить гарантом получения издания и позволяла в

ряде случаев рассрочить плату.) Поэтому вполне естественно, что в число подписчиков входили самые состоятельные из числа покупателей (книги можно было легко приобрести по выходе в книжных магазинах) и тем более читателей (так как книги были весьма дороги в то время, купить интересующее издание мог далеко не каждый желающий). Исходя из этого, мы склонны считать, что доля недворян (мелкие чиновники, купцы, мещане, грамотные крестьяне и т.д.) среди читателей «Выжигина» была существенно выше, чем среди подписчиков. Безусловно, у социальных низов роман не мог иметь успеха (в круг их чтения, как писал и сам Булгарин, входили лубочные и религиозные книги, «Выжигин» для этих читателей был слишком сложен и чужд). Основным потребителем романа являлся «средний слой» читателей, чьим вкусом и потребностям он соответствовал в наибольшей мере. Это, по сути дела, был первый заметный бунт русской читающей публики против законодателей вкусов из среды литературной элиты: несмотря на почти единодушное осуждение романа в критике и в литературных кругах, он в краткий срок выдержал три издания.

Многие свидетельства демонстрируют тесную связь Булгарина с его аудиторией. Он делил читателей на четыре категории: 1) «знатные и богатые люди»; 2) «среднее состояние. Оно состоит у нас из: а) достаточных дворян, состоящих на службе; б) помещиков, живущих в деревнях; в) бедных дворян, воспитанных в казенных заведениях; г) чиновников гражданских и всех тех, которых мы называем приказными; д) богатых купцов, заводчиков и даже мещан. Это состояние самое многочисленное, по большей части образовавшееся и образующееся само собою, посредством чтения и сообщения идей, составляет так называемую русскую публику»; 3) «нижнее состояние. Оно включает в себе мелких подьячих, грамотных крестьян и мещан, деревенских священников и вообще церковников и важный класс раскольников»; 4) «ученые и литераторы»³². Своим адресатом он выбрал «среднее состояние», или «публику». Характерный жест — вразрез с традицией, предписывавшей посвящать книги влиятельным покровителям, друзьям или родственникам, он свои «Сочинения», вышедшие в 1827 г., посвятил «читающей русской публике в знак уважения и признательности». Булгарин сделал своих читателей основной точкой отсчета, стремясь удовлетворить их запросы, «угодить», как он выражался³³. Он следующим образом резюмировал позиции читателей по отношению к журналистам: «Вы действуете, мы судим; вы работаете, мы платим... будьте с нами поосторожнее и повежливее!»³⁴ Поэтому он так формулировал свое кредо: «Мы (журналисты. — А.Р.) служим публике в качестве докладчика, должны переносить все ее прихоти; терпеливо слушать изъясления неудовольствия и быть весьма осторожными во время ее милостивого расположения»³⁵.

Стремясь расширить круг читателей в России, приобщить к чтению новые социальные слои, Булгарин учитывал их интересы и вкусы, менял тематику и проблематику публикаций, заимствовал зарубежный (главным образом французский и польский) опыт.

О.А. Пржешлавский, хороший знакомый Булгарина, вспоминал, что он «в совершенстве знал свою публику; она в то время была нетребовательна, легко было удовлетворять ее вкусу <...> день купца, чиновника, делового человека начинался непременно с прочтения “Пчелки”»³⁶.

Подполковник корпуса жандармов Васильев докладывал начальству, что «газеты русские (самой популярной из них была «Северная пчела». — *А.Р.*) не читаются высшими классами, до сих пор все сведения политические гораздо удобнее прочесть в журналах иностранных, которых так много в России, но русские газеты читаются не только дворянами, но во всех лавках и в лавочках, в торговых местах, в народных харчевнях, в конторе каждой государственной волости, головами, писарями, унтер-офицерами и вожатыми многочисленного отдела народа — раскольниками...»³⁷

Советы, которые Булгарин давал П.С. Усову, секретарю редакции «Северной пчелы», демонстрируют хорошее знание им своей аудитории и стремление «попасть» ее вкусам. Булгарин исходил из того, что «большинство публики любит легкое» и при этом «ищет в журналах и газетах разнообразия». Поэтому раздел «Смесь» «составляет в каждой газете то же, что душа в теле». Он утверждал, что «публика наша любит только тогда политику, когда в политике таскают друг друга за волосы и бьют по рылу», поэтому «лучше писать, что немецкий сапожник расквасил себе рыло, чем догадки и рассуждения о судьбах царств!». Понимая, что малообразованных читателей больше интересует русская жизнь, особенно в бытовых ее аспектах, он просил то, «что получено из провинции, если можно, тотчас печатать. Наша русская блоха важнее парижского слова для русских газет». Булгарин указывал, что «при недостатке политики “Пчелу” можно поддержать только литературой и оригинальною болтовнею»³⁸. «Болтовню» (в форме еженедельного фельетона) он поставлял в газету сам, и это был один из наиболее любимых читателями разделов «Пчелы». Фельетон этот был построен как беседа с читателем, что сразу же создавало некоторого рода интимную связь Булгарина со своей публикой.

Однако близость значительной части читателей к Булгарину во многом определялась и тем, что в «Северной пчеле» он долгие годы формировал и направлял их вкусы, в результате чего был весьма авторитетен и как писатель, и как литературный критик. Читатели хвалили его произведения и публикации, прислушивались к его мнениям, следовали его советам и рекомендациям. Вот, например, в 1832 г. знакомый с Украины пишет Гоголю о книге «Вечера на хуторе близ Диканьки»: «Я читал и рекомендацию ей от Булга-

рина³⁹ в Северной пчеле очень с хорошей стороны и к поощрению сочинителя. Это видеть приятно»⁴⁰. Я.Н. Толстой, который жил в Париже, «поверив “Северной пчеле” <...> считал “Мертвых душ” скучною книгою...»⁴¹.

Своей литературной деятельностью Булгарин отчетливо выразил наступление нового типа взаимоотношений между писателем и читателем. Ранее структурообразующим фактором литературной жизни был салон (по крайней мере, на высоких уровнях, низовая литература была и тогда чисто рыночной)⁴². В салоне нет жесткого подразделения на творцов и публику. Потенциально здесь все — художники, литература является дилетантской и рассматривается как средство проведения свободного времени. Каждый может окатиться автором, да на практике значительная часть посетителей салона и выступала в этой роли. Репутация автора формируется в салоне на основе мнения немногих знатоков.

Булгарин представляет совсем иную литературу, в основе которой лежат книжный рынок и журнал. Читателей стало больше, среда их демократизировалась, и местом встречи стали не гостиная, а страницы периодического издания. Здесь роли четко разделены: есть профессиональные литераторы (они выступают как журналисты, регулярно пишущие для журналов и газет) и публика, своего рода «профессиональные читатели», выступающие в роли подписчиков (т.е. дающие заявку на регулярное чтение). Репутация теперь определяется не в узком кружке, а публично — отзывами критики и особенно коммерческим успехом — продажей книги и подпиской на журнал.

Именно конфликт между двумя этими типами литературной жизни (и, в скрытом виде, столкновение между отношением к литературе дворян-помещиков и «средних слоев») стоит за литературной борьбой пушкинской группы писателей («литературные аристократы») и Греча, Булгарина, Н. Подевого.

Сравним программные заявления Булгарина и Вяземского.

Булгарин, имея в виду «литературных аристократов», утверждал: «гораздо легче прослыть великим писателем в кругу друзей и родных, под покровом журнальных примечаний, нежели на литературном поприще в лавках хладнокровных книгопродавцев и в публике»⁴³. О себе он писал: «Для уловления оного (внимания публики. — А.Р.) я не употребляю никаких из известных средств: не читаю предварительно сочинений моих в рукописи в посещаемых домах; не ищу милости и покровительства людей, имеющих вес в обществе, и не выманиваю журнальных приговоров. Напротив того, в удалении от светских обществ, я пишу в тишине моего кабинета, печатаю и отдаю на суд беспристрастной Публики <...> Публика очевидно благоволит ко мне — и вот вся награда, которой я желаю»⁴⁴.

П. А. Вяземский же в стихотворении «Литературная исповедь» утверждал противоположную стратегию литературного поведения:

В угоду ли толпе? Из денег ли писать?
Всё значит в кабалу свободный ум отдать.
И нет прискорбней, нет постыдней этой доли,
Как мысль свою принести на прихоть чуждой воли!
Как выражать не то, что чувствует душа.
А то, что принесет побольше барыша.
Писателю грешно идти в гостиннодворцы
И продавать лицом товар свой! Стихотворцы,
Прозаики должны не бегать за толпой!
.....
И я желал себе читателей немногих,
И я искал судей сочувственных и строгих;
Пять-шесть их назову, — достаточно с меня,
Вот мой ареопаг, вот публика моя⁴⁵.

Собственно говоря, каждый получил, что публично просил. У Булгарина в 1830 — 1840-х гг. была массовая (для того времени) аудитория, у Вяземского и других «литературных аристократов» — «немногие» читатели. Другой вопрос — насколько искренними были декларации писателей пушкинского круга, ведь они постоянно возобновляли попытки создать печатный орган и бороться с Булгариным и его союзниками за подписчика. Симптоматичны и постоянные нападки на Булгарина, Греча и Сенковского с обвинениями в монополизме. Так или иначе, битву за читателя лет на 20 Булгарин выиграл. Ситуация изменилась лишь во второй половине 1840-х гг., когда Булгарин «с каждым годом утрачивал свой авторитет, потому что поколение, веровавшее в него, старело, теряло вес и сходило со сцены. Его протекции и рекомендации потеряли всякую силу»⁴⁶. Конечно, дело обстояло не совсем так, просто читатель булгаринских книг стал другим — они (книги) «мигрировали» к простонародной и детской аудитории, чему есть масса мемуарных свидетельств⁴⁷.

Однако на высоких этажах литературы обновленные «Отечественные записки» (с 1839 г.) и особенно некрасовский «Современник» (с 1847 г.), совместившие пушкинскую литературно-эстетическую программу с практикой «промышленного направления» в журналистике, успешно вели с Булгариным борьбу за читателя.

СТАНОВЛЕНИЕ АВТОРСКОГО ПРАВА

Историки, изучающие экономические, правовые и этические аспекты книжного и литературного дела, постоянно сталкиваются с проблемами авторского права. Во второй половине XIX — начале XX в. был опубликован ряд содержательных работ по истории авторского права в России¹. Однако в дальнейшем, хотя оставался еще целый ряд совершенно не разработанных вопросов в этой области, изучение этой темы было приостановлено, начиная с 1930-х гг. ей были посвящены буквально считанные работы². Поэтому, прежде чем переходить к углубленной разработке истории авторского права, необходимо расширить источниковедческую базу. В архивах хранится большое число документов (прежде всего соглашений издателей с авторами), дающих ценный материал для суждений по этой проблеме. В данном очерке мы опираемся на ряд документов первой трети XIX в., отложившихся в фонде Московского цензурного комитета³, которые позволяют уточнить и дополнить представления об авторском праве в этот период.

Исследователи отечественного авторского права отсчитывают его историю с 1828 г., когда были утверждены цензурный устав, впервые включивший соответствующие параграфы, и «Положение о правах сочинителей»⁴. Действительно, законодательное закрепление авторского права в России сильно затянулось, что было во многом связано с причинами общекультурного характера, и прежде всего с медленным формированием идеи авторства. Со времени проникновения письменности на Русь долгое время основу книжности составляли богослужебные и богословские книги, а также летописи — тексты надличностного характера, порожденные как бы церковью и государством, а не индивидуальным автором. Следует также учесть, что длительное время большинство текстов было иностранного происхождения, распространялись они в переводе. Все это способствовало укреплению представления, что письменные тексты не принадлежат определенному лицу, а являются общей собственностью, и следовательно, все могут читать и переписывать их. Зато высоко ценился труд переписчика. По наблюдениям П.Д. Калмыкова, в Древней Руси «сочинители, редко встречавшиеся, пользовались по большей части только честию авторства, и то не всегда; имена немногих из них сохранились в послесловиях рукописей; простые светские писатели обыкновенно скрывали свои имена, и их творения, правда чрезвычайно редкие, делались собственностью всех; переписчик или тот, *замышлением* которого он переписывал, делался полным хозяином *созданной*

книги, пользовался ею сам или продавал ее и иным образом отчуждал. Все это способствовало преобладанию понятия об общей собственности всех над книгами...»⁵.

Академик Д.С. Лихачев подобную ситуацию, когда позднейший автор нередко ограничивается компилированием или небольшой обработкой существовавших ранее текстов и при этом может оставить труд неподписанным, а может и подписать своим именем, объясняет тем, что «коллективность творчества, характерная для фольклора, еще не была изжита в Древней Руси»⁶.

Практически только после петровских реформ в XVIII в. оформляется идея авторского права на книгу. Однако по отношению к большинству книг потребность в закреплении авторских прав не возникла в силу экономической невыгодности контрафакции. Образованный человек читал иностранные книги либо на языке оригинала, либо в переводе (а по отношению к переводам формирование авторского права было затруднено), книги же отечественных авторов пользовались гораздо меньшей популярностью.

С последней четверти XVIII в. в среде низовых читателей существовал высокий спрос на книги, прежде всего на календари, учебную и развлекательно-нравоучительную литературу. Поэтому уже в этот период началось законодательное закрепление прав на издание (прежде всего — книг повышенного спроса). Вначале оно осуществлялось в форме так называемых привилегий и фиксировало не индивидуального, а, выражаясь современным языком, «коллективного» автора. В 1780 г. Сенат издал указ о воспрещении перепечатывать календари и другие книги, печатаемые Академией наук (в 1800 г. право на выпуск календарей было закреплено только за Академией наук), в 1784 г. последовал аналогичный указ о неперепечатывании книг, издаваемых Комиссией народных училищ, в 1787 г. — о том, что только Синод имеет право издавать молитвенники и другие церковные книги (в том числе Часослов и Псалтырь, использовавшиеся для обучения грамоте).

Что касается художественной литературы, то здесь преобладали переводы и обработки фольклора, оригинальных авторских книг было мало. Кроме того, к этой сфере книжности представители образованного общества (в том числе и правительственная администрация) относились пренебрежительно или, в лучшем случае, игнорировали ее, что, естественно, не способствовало законодательному оформлению собственности на литературные произведения.

Тем не менее в последней четверти XVIII в. авторское право частного лица на написанную или переведенную им книгу осознавалось (и юридически закреплялось) достаточно четко. Уже в конце 1780-х гг. при продаже авторских прав писали специальный документ, который фиксировался в маклерской книге (так офор-

млялись любые торговые сделки)⁷. Аналогичным образом осуществлялась передача авторских прав и в начале XIX в.⁸ В первой трети XIX в. стандартная форма условия, возникающая еще в конце XVIII в., почти не менялась. Вот текст такого условия, датированного 1813 г. и написанного на гербовой бумаге, т.е. предназначенного для использования в качестве юридического документа: «Я, нижеподписавшийся, дал сие условие московскому купцу Степану Федотову сыну Романчикову в том, что продал я ему оригинал собственного моего перевода [книги К.Г. Крамера], под названием “Жизнь, мысли и странные приключения Павла Изоба, отставного придворного шута”, во всегдашнее его, Романчикова, владение, с тем однакож, что ежели по распродаже первого издания он вознамерится [выпустить] оную книгу вторым или более изданием, то должен отдавать мне ее для поправок, и следующие за труды деньги по обоюдному согласию платить. — Я же не имею права никому предоставлять моей книги, кроме его, Романчикова, для напечатания, дабы чрез то не причинить ему какого-либо убытка. При заключении сего условия деньги получены мною за оную книгу все сполна.

К сему условию магистр 9-го класса Петр Озеров руку приложил. 1813-го года 9 июня 23-го дня»⁹.

Документы предшествовавшего периода в фонде Московского цензурного комитета сохранились очень плохо, однако схожесть приведенного договора с опубликованным аналогичным документом 1801 г. показывает, что к этому времени заключение подобных «условий» составляло обычную процедуру.

Цензура и ранее занималась вопросами авторского права. Так, в 1811 г. И. Александров обратился в Петербургский цензурный комитет, обвинив священника Б. Вигилянского в перепечатке под своим именем ранее опубликованной его «Похвальной речи князю Пожарскому». Поскольку речь шла о духовном лице, цензура передоверила разбирательство церковным властям, а митрополит, по установлении факта плагиата, распорядился сжечь все изданные Вигилянским экземпляры речи, заключив, что самому ему «по учинении заслуженного выговора, оставляется в наказание стыд, какой он навлек себе таковым поступком»¹⁰.

По сути дела, цензурные комитеты гораздо раньше, чем был издан устав 1828 г., стали требовать от издателей доказательств их права на рукопись, а устав лишь упорядочил и законодательно закрепил уже существовавшую практику. Так, в 1816 г. по поводу появления двух книг, совпадавших по тексту, но имевших разные названия и приписанных разным авторам, министр народного просвещения дал распоряжение при предоставлении рукописей в цензурный комитет прилагать к ним доказательства прав издателя «к подаче и напечатанию рукописи»¹¹. Это распоряжение было опубликовано

ликовано в газетах и с тех пор стало регулировать издательскую деятельность.

Приведем еще одно условие на передачу авторских прав, датированное 1820 г. (написано также на гербовой бумаге): «1820-го года мая 20-го дня мы, нижеподписавшиеся, генерал-майор и кавалер Михайла и полковник и кавалер Иван Александровы фон-Визины и коллежский асессор Сергей Павлов сын фон-Визин, будучи законными наследниками после покойного родного дяди нашего статского советника Дениса Ивановича фон-Визина, предоставили право господину премьер-майору и кавалеру Платону Петровичу Бекетову по особому учиненным между нами и им, господином Бекетовым, кондициям все сочинения и переводы означенного дяди нашего издать в печать по получении на то позволения цензуры» (далее следуют подписи)¹².

В том случае, когда авторы или их наследники опасались незаконной перепечатки принадлежащих им произведений, они просили цензуру об охране своих прав. Так, в 1821 г. И.А. Крылов обращался в Петербургский цензурный комитет со следующим прошением: «Намереваясь печатать новое издание басен моих, но поелику гг. издатели различных собраний в стихах, удостоивши и прежде печатать в них мои произведения в числе весьма значительном, могут и впоследствии то же сделать и таким образом нанести вред новому изданию моему, могут лишить меня плода от моей собственности, я покорнейше прошу Цензурный комитет о запрещении печатать басни мои в каком бы то ни было собрании стихотворений, издаваемых посторонними лицами»¹³. Цензурный комитет постановил «принять к сведению» эту просьбу¹⁴. В 1822 г. вдова Г.Р. Державина обращалась в московскую цензуру с просьбой «никому не позволять без ее согласия печатать сочинения ее супруга, в каких бы то ни было изданиях»¹⁵.

В 1824 г. отец А.С. Пушкина обращался в Петербургский цензурный комитет по поводу перепечатки Е.И. Ольдекопом «Кавказского пленника» (вместе с немецким переводом). В ответ на прошение комитет постановил: «...хотя в *высочайше* утвержденном Уставе о Цензуре нет постановления, которое обязывало бы Цензурный Комитет входить в рассмотрение прав издателей и переводчиков книг; но как г. чиновник 5-го класса Сергей Пушкин вошел ныне в Комитет с вышеподписанным прошением: то дать знать об оном г. Ольдекопу, сообщением ему копии с сего прошения, по содержанию которого впредь уже не позволять печатать никаких сочинений сына просителя без письменного позволения самого автора, предъявленного от него издателем, или, по крайней мере, без личного удостоверения его отца о таковом на сие позволении...»¹⁶

Участившиеся просьбы и претензии вынудили ввести необходимые положения в цензурный устав 1828 г. Там в § 135 впервые было зафиксировано, что «каждый сочинитель или переводчик

книги имеет исключительное право пользоваться во всю жизнь свою изданием и продажей оной по своему усмотрению, как имуществом благоприобретенным»¹⁷. Устанавливался 25-летний срок после смерти автора, в течение которого его наследники также могли пользоваться исключительным правом издания, давалось определение контрафакции и предусматривалось наказание за нее.

Теперь каждый акт передачи авторских прав (обычно автором или его наследником — книгоиздателю, но нередко одним издателем — другому) обязательно оформлялся «условием», подобным приводимому ниже: «1828 года, июня 13 дня я, нижеподписавшийся, 12 класса чиновник Андрей Николаев сын Пеше, дал сие условие московскому второй гильдии купцу Василию Васильеву Логинову в том, что я, Пеше, продал ему, Логинову, оригинальные рукописи моего сочинения, составленные, переведенные и одобренные Московским цензурным комитетом, под названиями: 1. “Подробное и верное описание монастырей, находящихся в Российской империи <...>”, 2. “Училище для детей или собрание повестей <...>”, 3. “Приключение двух детей <...>”, 4. “Мормион”, сочинение Вальтера Скотта в 2-х частях, 5. “Видение Дани Родерика”, сочинение Вальтера Скотта, 6. “Азбука французская для начинающих <...>”, 7. “Азбука немецкая <...>” ценою за тысячу рублей государственными ассигнациями, которые я, Пеше, от него, Логинова, сполна получил, почему он, Логинов, волен вышепоименованные семь рукописей печатать и перепечатывать сколько и когда и в какой форме он, Логинов, заблагорассудит и право печатания оных рукописей может перепродать и другим; словом, продал я, Пеше, ему, Логинову, в полное его собственное и потомственное владение, а мне, Пеше, и моим наследникам из оных вышеперечисленных оригинальных семи рукописей, как с исправлением, так и дополнением, не печатать и права на оное никому на напечатание не давать. Сие условие записать в книге маклерских дел в Москве.

К сему условию чиновник 12 класса Андрей Николаев сын Пеше руку приложил. — 1828 года июня тринадцатого дня сие условие к определенному в Москве публичному нотариусу явлено и в книгу под номером двадцать седьмым записано и с приложением казенной печати возвращено. — Публичный нотариус Николай Ратьков»¹⁸.

Однако вскоре после утверждения цензурного устава выяснилось, что издатели начали сталкиваться с рядом специфических проблем. Одна из них была связана с переизданием анонимных произведений, в большом количестве выходивших в XVIII — первой трети XIX в. Так, в 1829 г. министр народного просвещения К.А. Ливен писал главному попечителю Московского учебного округа, в чьем ведении находился цензурный комитет, следующее: «По одобрению Московского цензурного комитета напечатана сего года в Университетской типографии книга под названием “Не-

слыханное диво, или Честный секретарь”, 1-го Кадетского корпуса поручик Судовщиков подал ныне мне прошение по сему предмету, в котором изъяснил, что на основании положения о правах сочинителей никто, кроме его и брата его как единственных наследников после покойного отца их, автора помянутой комедии, не имеет права на издание оной. Посему и просит об узнании, кто именно есть издатель напечатанного ныне издания вышеозначенной комедии и какое имел на сие право.

Вследствие сего согласно определению Главного управления цензуры покорнейше прошу Ваше превосходительство предложить Московскому цензурному комитету об объявлении г. Судовщикову сведений, какие имеются в Комитете об издателе комедии “Неслыханное диво”, также и о праве, на основании которого сделано сие издание»¹⁹.

Издатель книги, известный московский книгопродавец А.С. Ширяев, в ответ на запрос цензурного комитета сообщил:

«...сим имею честь объяснить, что желая напечатать вновь означенную комедию, изданную в первый раз в 1802 году, *без имени автора*, я, по разведываниям моим узнал от бывшего содержателя университетской типографии, московского купца Ивана Васильевича Попова, у коего она комедия в Университетской типографии тогда печаталась, что сочинитель оной был известный литератор русский *Иван Васильевич Нехачин*, что сей Нехачин печатал и продавал оную за свое сочинение. Сие известие подтвердили мне и другие, знающие прежнюю книжную торговлю. А как со времени кончины Нехачина протек означенный § 7 положения о правах сочинителей срок, то напечатать оную вновь я не находил никакого сомнения»²⁰.

Поскольку обе стороны настаивали на своей правоте, а в цензурном уставе в § 139 значилось, что «все споры между сочинителями, переводчиками и издателями о законной принадлежности какой-либо книги должны быть разрешаемы третейским судом, или же, по несогласию на оный тяжущихся, надлежащими судебными местами, равно как и споры о всякой иной собственности, установленным в гражданском судопроизводстве порядком», Петербургский цензурный комитет оказался в затруднительной ситуации. Он обратился в Главное управление цензуры с запросом: каковы вообще задачи цензуры в определении права литературной собственности и как поступить в данном случае? В своем ответе Главное управление цензуры указывало, что, пока Судовщиков с Ширяевым не разберутся, кому принадлежат авторские права, одобрять к выходу уже отпечатанную книгу не следует, «что касается до степеней, в какой комитету надлежит наблюдать за исполнением постановлений о литературной собственности, то Главное управление цензуры признало, что оный обязан не одобрять к печатанию книг, о которых комитету известно, что издание оных будет нарушением чьего-либо права собственности»²¹.

Сложные проблемы возникали также при издании книг, включающих обработки фольклорных текстов — сказок, анекдотов, преданий и т.п. Для того чтобы снять с себя ответственность, цензура требовала в подобном случае от издателя расписку, где он подтверждал, что авторское право на книгу принадлежит ему. Вот типовая расписка такого характера: «1835 года марта ... дня я, нижеподписавшийся, московский купеческий сын Михаил Петров сын Щуров, дал сию подписку Московскому цензурному комитету в том, что представил я на рассмотрение оного Комитета на основании § 14-го мнения Государственного Совета оригиналы книг под заглавием сказки: 1) о Аодоре Королевиче, 2) о Брунцвике Королевиче, 3) о Иване купеческом сыне, — и что если кто-либо вопреки вышеприведенному § 14 мнения Государственного Совета станет доказывать право собственности на оные, то в сем случае предоставляю Московскому цензурному комитету предать меня законной по суду ответственности. К сему объяснению московский купеческий сын Михайла Петров Щуров руку приложил»²².

В результате каждый издатель имел свой вариант популярных низовых книг фольклорного происхождения (повести о Бове-королевиче, Францыле Венциане, Гуаке и др.). Любопытно, что некоторые авторы лубочных книг умудрились поставлять различные версии одного и того же текста разным издателям. Характерным примером этого является деятельность И.Г. Гурьянова, автора и переводчика более полусотни книг, рассчитанных на невзыскательного читателя из среды купечества, мещанства и провинциального дворянства. Публикуемые ниже документы показывают, что он ухитрялся продавать различные обработки широко известных анекдотов о Балакиреве, шуте Петра I, разным издателям. Сами по себе анекдоты, как разновидность фольклора, не являлись объектом авторского права, их одновременно издавали многие книгопродавцы. Например, В. Алексеев в 1836 г. представил в цензуру рукопись, сопровождавшуюся следующим прошением:

«В Московский цензурный комитет
книгопродавца Василия Алексеева

ПРОШЕНИЕ

Желяя издать книгу в свет под названием “Анекдоты о Балакиреве”, которые по давней известности своей каждому не могут нарушить ничего права собственности, я имею честь покорнейше просить Московский цензурный комитет прилагаемую при сем рукопись “Анекдоты о Балакиреве” дозволить мне отпечатать, присовокупляя при том, что если бы кто и решился бы отыскивать на оные Анекдоты право собственности, то я в таком случае подвергаюсь законной ответственности.

К сему прошению книгопродавец Василий Алексеев руку приложил»²³.

В том же году И. Гурьянов обратился в цензурный комитет с прошением такого характера:

«...Имея честь представить в оный Комитет рукопись, составленную мною из преданий, под названием “Избранные анекдоты придворного шута Балакирева”, всепокорнейше прошу принять оную для процензурования; причем обязанностью поставляю почтеннейше объяснить, что, хотя подобные сим анекдоты, под другим заглавием, были представлены в оный комитет, процензурованы и мною в оригинале проданы книгопродавцу Андрею Глазунову, как продал я тот оригинал Глазунову без условия таковых уже никому не делать, то, почитая себя вправе составить и для другого таковые, я исправил первые и пополнил оные многими новыми и по узаконенному условию, засвидетельствованному в маклерской конторе, передал книгопродавцу Степану Васильеву. Почему всепокорнейше прошу оный комитет, приняв в уважение мною объясненное, представленную рукопись рассмотреть и не причитать, как мою собственность, к контрфакции»²⁴.

С книгопродавцем С. Васильевым он уже заключил условие, обязавшись больше никому не продавать сборник анекдотов шута Балакирева:

«1836-го года февраля 14-го дня я, нижеподписавшийся, дворянин Иван Гаврилов сын Гурьянов, дал сие условие московскому книгопродавцу московскому мещанину Степану Васильеву в том, что продал я ему составленную мною рукопись под заглавием “Полные избранные анекдоты придворного шута Балакирева” во всегдашнее его право, с тем, что может он, Васильев, оные печатать и перепечатывать и продать самый оригинал кому угодно без всякого с моей стороны препятствия; я же обязуюсь никому таковых под сим заглавием не делать и не продавать. Сумму же за сии анекдоты четыреста пятьдесят рублей государственными ассигнациями я от него, Васильева, всю сполна получил и более требовать не должен. Анекдоты же сии состоят в трех частях, а четвертую обязуюсь я доставить ему, Васильеву, в непродолжительном времени»²⁵.

Эта история показывает, с какими сложными проблемами приходилось сталкиваться издателям и цензуре при закреплении авторского права на тексты, широко известные в устной передаче (в 1860-х гг. близкие по характеру сложности возникали в связи с авторским правом на стенограммы судебных заседаний).

В приведенных материалах обращает на себя внимание то, что писатели и издатели всегда связывали авторское право с рукописью. Право собственности рассматривалось прежде всего как право на материальный носитель текста — рукопись, а не на текст как таковой. Поэтому передаче прав обычно сопутствовала передача рукописи (оригинала), хотя у автора могли, конечно, остаться копии, черновики и т.д.

На рукописи делалась передаточная запись такого характера:
«Рукопись сию в вечное право предоставляю Андрею Лаврентьеву Фролову и деньги за оную получил сполна.

Дворянин Иван Гурьянов»²⁶.

Эти документы показывают, что и до устава 1828 г. в повседневной издательской практике нормой было юридическое закрепление авторских прав на произведение. Более того, утверждение устава не решило всех проблем, связанных с авторским правом, в нем никак не оговаривалось авторство на некоторые весьма многочисленные разновидности книг (анонимные публикации, лубочные издания фольклора). Таким образом, признавая устав 1828 г. важной вехой в истории авторского права в России, период его фактического существования следует отсчитывать, по нашему мнению, с конца XVIII в.

ВОЗНИКНОВЕНИЕ РЕДАКТУРЫ

В конце 1828 г. известный журналист, профессор М.Т. Каченовский опубликовал в своем журнале следующее заявление: «В продолжение многих лет быв *редактором* “Вестника Европы”, желаю в следующем 1829 году потрудиться еще и в качестве *издателя*, т.е. беру на свою ответственность как составление, так и печатание сего журнала»¹. Эти слова вызвали отклик А.С. Пушкина, который отметил, что русская публика «худо понимает различие между сими двумя учеными званиями»². Пушкин тем самым, с присущей ему языковой чуткостью, зафиксировал неопределенность взаимоотношений между термином «издатель», имеющим к тому времени более чем вековую историю в русском языке, и термином «редактор», который стал употребляться совсем недавно (сам Пушкин, кроме упомянутой статьи, больше никогда им не пользовался). Действительно, в «Новом словотолкователе» Яновского (Ч. 3. СПб., 1806), куда впервые включено слово «редактор», ему дано такое пояснение: «Издатель, уложитель, составщик чего-либо на письме; в литературе значит того, кто собирает разные материи, рассеянные по разным книгам, в одну, располагает их по порядку и потом издает в свет». Как «издатель» толковали или переводили слово «редактор» «Французский и российский словарь» И. Гейма (М., 1809), «Новый и истинный толкователь слов» (Харьков, 1817), «Карманная книжка для любителей чтения русских книг, газет и журналов» И. Ренофанца (СПб., 1837) и многие другие словари. Лица, выделенные в Вольном обществе любителей российской словесности (создано в 1816 г.) для подготовки трудов членов общества к публикации и доработки их в случае необходимости с авторами, назывались «цензорами». Наконец, «Словарь Академии Российской», пятый том которого, включающий слова на букву «Р», вышел в 1822 г. (СПб.), вообще не содержал слова «редактор», т.е. оно еще не считалось в это время вошедшим в русский язык. И дело не только в слове! По сути дела, тогда только начинала возникать такая социальная фигура, как редактор, до этого его функции выполняли (да и то не всегда) издатели, корректоры, наконец, сами авторы. За полтора века, отделяющие нас от пушкинского высказывания, произошло становление редакторской профессии, редактор стал таким же закономерным участником создания книги, как автор и издатель, а слово «редактор» обязательно присутствует в выходных данных каждой книги и каждого периодического издания³.

При этом, хотя только в советское время редактирование полностью отчленяется от смежных профессий и выделяется довольно большое число лиц, для которых это — основное и главное (а подчас и единственное) занятие, однако уже в XIX в. возник ряд важных предпосылок этого явления. Нам представляется, что рассмотрение таких типов литературной жизни, которые характеризуются отсутствием фигуры редактора или совмещением редактирования с другими формами литературной работы, позволит глубже понять место и функции редактора.

Речь здесь пойдет главным образом о редактировании художественной литературы (и смежных сфер — публицистики, литературной критики и т.п.), поскольку становление научной редактур связано с целым рядом специфических особенностей, связанных с процессами развития науки, научной периодики и т.д.⁴

Прежде всего охарактеризуем «безредакционное» состояние литературы, когда создатели и потребители ее близки по уровню своих знаний и культуры (а нередко круг потребителей вообще почти совпадает с кругом создателей). Так, во второй половине XVIII в. читатели немногочисленны и в значительной степени представлены лицами, которые и сами выступают в качестве литераторов, и авторы и читатели обладают довольно высоким и, что особенно важно, близким уровнем образования.

Представления о том, какой должна быть литература, о ее законах, у них в высокой степени согласованы. Беллетристическая книга издается обычно самим автором, а типография осуществляет только техническую функцию репродуцирования текста. Существует уже цензура, но она либо дает разрешение на публикацию, либо нет, а даже если и купит текст, то по политическим или идеологическим, но не по эстетическим основаниям. Ответственность за текст, за его литературные качества несет только автор, и потребности в посреднике между ним и читателем не возникает. В это время, по сути дела, автор, издатель и редактор совмещаются в одном лице.

Такое отношение к публикации прозаических и стихотворных книг продолжало существовать и в XIX в. Как известно, тогда любой автор мог сам издать свою книгу, и доля подобных изданий была весьма высока. Ни о какой посторонней редактуре в этих случаях не могло быть и речи (в лучшем случае корректор мог исправить грамматические ошибки). Но и у большинства издателей не было специальных редакторов — либо они сами занимались редактированием, либо (что было чаще всего) книга вообще не подвергалась редактуре.

Наряду с охарактеризованным «безредакционным» сектором литературного процесса уже в XVIII в. возникает и редактирование художественной литературы⁵. Это было связано с попытками ряда литераторов расширить круг читательской аудитории, привлечь

к чтению недостаточно образованных лиц. Здесь необходимо упомянуть первый русский научно-популярный и литературный журнал «Ежемесячные сочинения, к пользе и увеселению служащие» (1755—1764, название менялось), который издавала Академия наук. Хотя ответственный за его выход академик Г.Ф. Миллер именовался тогда издателем, однако, по сути дела, он выполнял редакторские функции (в современном понимании): подбирал сотрудников, правил слог статей, составлял номер. Выпуск журнала не был основной его работой, но все же он получал за это прибавку к жалованью. Любопытно, что, несмотря на недостаток материала, он публиковал не все получаемые произведения, правда, руководствуясь при этом нередко собственными симпатиями и антипатиями. Так, отказавшись печатать стихи Тредиаковского, он поместил их, когда они поступили от другого лица⁶.

В XVIII — начале XIX в. подобные популяризаторские издания выходили очень редко. В литературных же журналах того времени, адресовавшихся «просвещенной», избранной аудитории, многие привычные для нас компоненты редакторской деятельности совершенно отсутствовали. Круг литераторов (и, соответственно, «самотек») был тогда невелик, поэто́му, заполняя журнал своими «пьесами» и трудами своих немногочисленных друзей, издатель обычно печатал (почти не вмещиваясь в текст) и почти все «доставляемые» ему произведения. Показательна в этом плане фигура Н.М. Карамзина. В предисловии к издаваемому им альманаху «Аониды» (М., 1796) он писал: «Я не позволил себе переменить ни одного слова в сообщенных мне письмах». Хотя Карамзин первым стал получать деньги за редакторскую работу (формально он именовался издателем) в журнале «Вестник Европы» (вначале две, а потом три тыс. руб. в год — большая по тому времени сумма) от реального издателя-книгопродавца, однако редактурой в современном смысле слова его деятельность назвать трудно. Карамзин был основным автором журнала, почти полностью заполняя его номера своими произведениями и переводами. Приходившие иногда со стороны произведения он печатал без изменений, «но не только не было у него, по-нынешнему, сотрудников, но даже и постоянных участников. <...> Кого нашел бы Карамзин в сотрудники, если бы и искал? Кто тогда, в 1802 и 1803 годах мог бы писать по-карамзински? — Это была бы такая пестрота в его журнале, которая тогда бросилась бы в глаза <...>»⁷.

Схожий подход к редакторской работе был представлен в изданиях пушкинского круга литераторов — альманахе «Северные цветы» и близком по типу к сборнику журнале «Современник» (выходившем в 1838—1846 гг. под редакцией П.А. Плетнева). Публикуя произведения высокообразованных литераторов, они адресовались к читателям *своего* круга, людям высокой культуры. Соответственно основной акцент в них делался на привлечении

подходящих, достойных сотрудников и в меньшей степени на отборе соответствующих произведений. Названные издания мыслились трибуной кружка, и редакционное вмешательство в текст, как правило, отсутствовало. Характеризуя подобную практику, Белинский писал в середине XIX в.: «Редактор сборника — не то, что редактор журнала. По общему мнению, быть редактором сборника, значит набрать статей, сделать их выбор и расположить их, а потом присмотреть за изданием»⁸.

Однако дальнейшее развитие литературы, связанное с количественным ростом читательской аудитории и ее постепенным расслоением, неизбежно приводило к усилению разделения социальных ролей в деле производства книги. Каждая сфера (написание книги, издание ее, впоследствии — редактирование) из умения постепенно превращалась в профессию, основное жизненное занятие. Процесс дифференциации литературных профессий затянулся надолго (собственно, до конца он не завершен и сейчас), но принципиальные перемены можно датировать уже второй половиной 1820-х — 1830-ми гг. В это время ведущее место в сфере книгоиздания стало принадлежать профессиональным издателям и, что еще более важно, русская литература сосредоточилась в журналах (решающую роль в этом сыграло создание журнала «Библиотека для чтения» в 1834 г.), и с 1840-х гг. почти все мало-мальски заметные произведения (исключения были единичны) печатались вначале там и лишь потом (да и то не всегда) выходили отдельным изданием. Основными причинами «журнализации» литературы явились, как нам представляется, следующие. Как указывалось выше, тогда к чтению приобщались значительные по численности слои провинциального дворянства, чиновничества, купечества, плохо ориентирующиеся в мире культуры, слабо подготовленные к восприятию литературных произведений. Чтение литературы, таким образом, перестало быть прерогативой столичного дворянства и становилось атрибутом образа жизни все более широких слоев населения. Одновременно шло накопление книжных богатств (число напечатанных на русском языке книг отечественных и зарубежных авторов исчислялось тысячами), выделились классики русской литературы и признанные современники-писатели. И, наконец, в литературе постоянно усиливалась установка на современность. Читатели стали стремиться прочесть не просто хорошее произведение, но произведение новое, актуальное, злободневное. В условиях дифференциации литературы и ее аудитории необходим был посредник между читателями-неофитами и миром литературы, обеспечивающий оперативную информацию о всех научных, литературных и политических новостях и новинках. Таким посредником стал толстый энциклопедический журнал, а лицом, ответственным за это посредничество, — его руководитель — редактор. Между уровнем лиц, создающих журнал (авторов, издателей,

редакторов и т.д.), культурных, образованных, просвещенных, и уровнем читателей, знающих гораздо меньше и нуждающихся в просвещении, существовал разрыв. Журнал и должен был *отобрать* из всего богатства и многообразия культуры наиболее важные тексты, привести их в *систему* и в *доступной* форме предложить читателю.

Почти с первых лет своего существования русский «толстый» журнал представлял не культуру или литературу в целом, а какую-либо мировоззренческую и эстетическую группировку, течение. На своих страницах журнал выстраивал свой образ литературы, общества, науки и т.д. Н.А. Полевой писал по этому поводу: «Для изображения *совершенного* журнала вообразите зеркало, в котором отражается весь мир нравственный, политический и физический. Такой журнал едва ли не более многих книг принесет пользы <...> Не все могут уделять время на чтение огромных томов: многие ли привыкли к обдуманному, систематическому чтению? — Здесь преимущество на стороне журналов: истинно полезное, истинно изящное предлагает вам журналист, не пугая обширными определениями, пестротой выписок, толщиной книги»⁹. В основе различия журналов лежало различие «задаваемых» таким образом «миров», а факт подписки на журнал (рядовые читатели подписывались обычно лишь на один) означал принятие того, а не иного «образа мира».

Произведение, не прошедшее журнальную публикацию или, по крайней мере, не отрецензированное в нескольких журналах, не становилось литературным фактом, не считалось современниками литературой.

В середине 1840-х гг. П.А. Плетнев отмечал, что «в нашу эпоху журналы сделались исключительно чтением публики. Ими удовлетворяет она двум своим потребностям: знакомится с новостями в области наук и словесности, и в то же время наполняет досуги тем чтением, которое необходимо для самого полуобразованного человека»¹⁰. Подобное издание требовало человека, который сможет объединить разнородные материалы, придать журналу целостность, и именно в качестве руководителя журнала формировался в России редактор.

Литература стала довольно сложно устроенным «хозяйством», в которое не так-то просто было войти «со стороны». Значительно более жесткими стали к тому времени нормы правописания и правила «хорошего слога». Редактор и становится промежуточной инстанцией между автором и литературой, его задача — привести новое произведение, являющееся продуктом индивидуального творчества, в соответствие с уже сложившимися в литературе (или каком-либо ее секторе — течении, направлении и т.п.) нормами и, таким образом, включить его в литературу.

Правда, через руки редактора проходила основная часть, но не весь литературный поток. Самый верхний его уровень («высокая» литература, произведения признанных писателей, выходившие только отдельными изданиями, — например, «Мертвые души» Гоголя) и самый низкий — т.е. лубочная литература — не редактировались и печатались в таком виде, в каком выходили из-под авторского пера (если не считать цензурных исправлений). Под редакторским контролем была «средняя», количественно преобладающая промежуточная часть литературы, создаваемая не для своего круга (как наверху или внизу), а для другого, людьми просвещенными для людей просвещающихся.

По сути дела, собирая произведения различных авторов и komponуя их определенным образом, редактор создавал новый текст, определяемый конструкцией журнала. Для достижения этой цели у него были две основные возможности — работа с людьми и работа с текстами.

Во-первых, редактор мог подобрать близких по убеждениям авторов, наладить с ними постоянные отношения, предусматривающие их работу в духе данного издания, и в ряде случаев даже заказ им необходимых произведений. Например, в некрасовском «Современнике», где обычно практиковались подобные формы работы, по воспоминаниям Г.З. Елисеева, «набирались подходящие к направлению журнала сотрудники, им предоставлялось писать в каждый данный момент, что им бог на душу положит. Никто не следил ни за мыслями, ни за фразами. Иногда казалось, что точно редакторы не читают никаких статей в своем журнале, а между тем само собой выходило все ладно. Почему? Да потому, что в журнале-то главным образом и нужно, чтобы все говорили в одно. Не только удачные фразы, но и неудачные, то есть слабые, целые статьи, если только они бьют в одну цель, в общем нисколько не вредят делу»¹¹. Конечно, Г.З. Елисеев несколько идеализирует редакционную ситуацию в «Современнике», и, как известно из других мемуарных источников, там также допускалось редакционное вмешательство в текст, однако, и в этом Елисеев прав, явление это носило эпизодический характер.

Редактор мог, во-вторых, проводить отбор среди поступающих (в том числе и в «самотеке») произведений, в случае необходимости перерабатывать их (сокращать, исправлять, переписывать фрагменты и т.д.), сопровождать предисловиями и примечаниями и, что очень важно, соответствующим образом komponовать различные тексты в структуре номера, стремясь к его цельности и внутренней уравновешенности.

В результате редакторской работы включенные в журнал тексты представляли уже не только их непосредственных авторов, но и какую-то общность — журнал, направление, издательство, литературу в целом.

В принципе каждый редактор в той или иной степени использует все названные должности, но в силу ряда обстоятельств на первый план выходят те или иные из них.

Любопытно в этой связи рассмотреть редакторскую практику О.И. Сенковского, создателя и редактора «Библиотеки для чтения». Сенковский считал, что редактор должен «быть не просто передатчиком всяких, наудачу взятых, мыслей, взглядов и фактов, а передатчиком рассудительным и совестливым, сообщаящим своей публике те мысли, взгляды и данные, которые, во-первых, согласны с его собственным убеждением, и, во-вторых, доступны и полезны для ее образованности»¹². Однако при реализации этой программы Сенковский оказался в трудном положении. С одной стороны, адресатом журнала стали не университетская интеллигенция и образованное столичное дворянство (как это было, например, у «Телескопа» Н.И. Надеждина), а провинциальные помещики, уровень образования и культуры которых был не очень высок и которые ждали прежде всего интересного и увлекательного, легкопонимаемого материала для чтения. С другой стороны, беллетристов и переводчиков, ориентирующихся на интересы и вкусы подобного читателя, было мало и, соответственно, сотрудниками, подходящими для выполнения его программы, Сенковский не располагал. Это обусловило гипертрофированное вмешательство Сенковского в текст публикуемых произведений.

По свидетельству мемуариста, хорошо знавшего Сенковского по редакционной работе, «все оригинальные и переводные статьи известных литераторов проходили через его редакцию, т.е. получали форму и изложение, принятые в “Библиотеке для чтения”». Повести же и рассказы второстепенных писателей подвергались нередко значительным переделкам, и большею частью изменялись к лучшему. Не раз случалось, что он не дочитывал рукописи: повесть нравилась ему по своему сюжету — в голове его рождалась при ее чтении счастливая идея, как следовало бы ее заключить, — он отдирает конец рукописи и приписывал свой». В результате он достигал «единства духа, направления, формы и изложения во всех статьях журнала, как будто все они были написаны одною рукою»¹³. Справедливость наблюдений Старчевского подтверждают и другие мемуаристы, например Е.Н. Ахматова, в повести которой, опубликованной на страницах «Библиотеки для чтения», «целые страницы написаны не мною; сюжет, характеры и происшествия не были изменены, но вставлены были рассуждения, которыми я не совсем была довольна, но мирилась с этим, потому что не хотела огорчить Осипа Ивановича и притом не была уверена в себе»¹⁴. Более того, Сенковский сам печатно изложил (в присущей ему ироничной манере) принципы своей редакторской работы: «У “Библиотеки для чтения” есть ящик — что уж таиться в этом! — есть такой ящик с пречудным механизмом внутри, работы одного ча-

родея, в который стоит только положить подобный рассказ, чтобы, повернув несколько раз рукоятку, рассказ этот перемололся весь, выгладился, выправился и вышел из ящика довольно приятным и блестящим, по крайней мере четким. Многие, многие им пользуются!.. В “Библиотеке для чтения” редакция значит *редакция* в полном смысле этого слова, то есть сообщение доставленному труду принятых в журнале форм, обделки слога и предмета, если они требуют обделки...»¹⁵

Характеризуя масштабы редакторского вмешательства в текст, следует учитывать и специфичность представлений того времени об авторской личности и авторском праве. Тогда читателей, да и литераторов, не всегда интересовало, кто является автором произведения, большее внимание уделялось его содержанию и литературным достоинствам. В этом сказывались традиции предыдущих этапов развития литературы, когда большое число книг издавалось анонимно, а авторское право только начинало формироваться. Публицистические и критические статьи, а тем более рецензии печатались, как правило, без подписи, поскольку считалось, что они выражают не личное мнение, а точку зрения всего журнала. Нередко без подписи печатались и беллетристические произведения (как прозаические, так и стихотворные). Определенную роль играл при этом литературный (и общекультурный) уровень читателей, которым адресовался журнал.

Интерес к авторской личности был сильнее всего в «культурных», образованных слоях. У низового, народного читателя он отсутствовал, и значительная часть лубочной продукции выходила в XIX в. без обозначения имени автора. Соответственно, в зависимости от близости периодического издания к тому или иному полюсу, в нем большее или меньшее значение придавалось специфичности и неповторимости идей и стиля данного конкретного автора и, следовательно, допускалось большее или меньшее вмешательство в текст.

Но если редактор позволял себе принимать решение о публикации или непубликации текста, переработке его и т.д., то что же давало ему право на это? На каком основании он считал себя более компетентным в этом вопросе, чем автор произведения?

Сам по себе факт занятия должности редактора, обладания реальной властью еще не давал такого права. Необходимы были литературные основания для редакционной работы. Нам представляется, что редакторское право основывалось на том, что в сношениях с автором редактор выступал от имени существующей литературы, а степень его авторитетности определялась литературным престижем и известностью. В этом плане характерно, что редакторами влиятельных русских журналов становились, как правило, литераторы с прочной литературной репутацией: Н.И. Греч, А.С. Пушкин, Н.А. Некрасов, О.И. Сенковский и т.д. Если ли-

тературные заслуги редактора были высоки, а автор был дебютантом или не приобрел еще литературной известности, то степень редакторской правки могла быть очень высока. Считалось, что автор в полной мере еще не отвечает за себя и его произведения нужно «довести» до литературной нормы. Но если в журнале печатался известный автор, сделавший себе «литературное имя», его сочинение обычно не правилось или подвергалось минимальной правке.

Описывая содержание и характер деятельности журнального редактора в первой половине XIX в., необходимо подчеркнуть, что одной из важнейших его задач было обеспечение взаимоотношений издания с правительственными учреждениями, и прежде всего цензурой. В любопытном документе, представляющем собой проект договора между издателем А.Ф. Смирдиным и редакторами газеты «Северная пчела» и журнала «Сын Отечества и Северный архив» (1832) Ф.В. Булгариным и Н.И. Гречем, где подробно расписаны обязанности каждого, отмечено, что на Грече «лежит ответственность перед правительством; он заведывает сношениями с цензурою, с III отделением Канцелярии Е.И.В. и с Министерствами Иностранных дел и Императорского Двора»¹⁶. Во взаимоотношениях с указанными инстанциями необходимо было проводить гибкую политику, позволяющую сохранить интересность, а для либеральных органов — и оппозиционность издания, не допустив в то же время его закрытия. Для темы данной работы важно, что редактор, будучи ответственным перед правительством, делал «цензурность» компонентом своих требований к литературному произведению, обуславливающим, наряду с эстетическими и мировоззренческими требованиями, его возможную доработку.

Выше шла речь о журнальных редакторах. Редактирование произведений для книжного издания было распространено гораздо меньше.

Сфера, в которой зарождалась профессия редактора книги, — это издание классической литературы. Здесь принципы редакторской работы во многом были противоположны журнальным. Если журнальный редактор заинтересован в отборе и публикации наиболее удачного, то редактор классики — в максимально возможной полноте подбора, если в журнале произведение правится с целью его улучшения, то при издании классики важно как можно точнее сохранить авторский текст и т.д. Правда, подобные принципы редакторской работы над произведениями классических писателей сформировались не сразу. Хотя посмертные издания признанных писателей осуществлялись еще во второй половине XVIII в. [первым можно считать издание «Слов и речей...» Феофана Прокоповича С.Ф. Наковальным (Ч. 1—3. СПб., 1760—1765)], однако при этом нередко допускались вкусовая правка и переделка текста. Так поступали И.С. Барков при издании «Сатир и других стихотворных произведений» А.Д. Кантемира (СПб., 1762), Н.А. Львов

и В.В. Капнист при издании «Сочинений и писем» Хемницера (СПб., 1799) и многие другие. Рецидивы подобной редакторской практики можно было наблюдать и в первой половине XIX в., например в издании «Сочинений» А.С. Пушкина, осуществленном В.А. Жуковским, П.А. Вяземским, П.А. Плетневым (Т. 1—8. СПб., 1838). Лишь во второй половине XIX в. в изданиях П.В. Анненкова, П.А. Ефремова, Я.К. Грота в достаточно явном виде выступают привычные для нас принципы редакторской работы над текстами классиков: максимально точное воспроизведение наиболее авторитетного текста, приведение вариантов, перенос акцента редакторской работы на комментирование и т.д. Характерно, что в этом случае можно наблюдать зарождение редакторской профессии в среде литературоведов.

Отмеченные случаи книжной редактур, осуществляемые «по долгу службы», в XIX в. весьма редки. Чаще можно встретиться с фактами неофициальной, дружеской редактур со стороны друзей литератора. Давая знакомым рукопись для прочтения, читая ее вслух в кружках и салонах, литератор производил «обкатку» произведения, нередко учитывая сделанные замечания.

Любопытно, что И.С. Тургенев, не занимая никакой редакторской должности, неоднократно выступал тем не менее в качестве редактора. Хотя у него не было никакого формального права на вмешательство в текст, однако его друзья — А.А. Фет, Ф.И. Тютчев, Я.П. Полонский — доверяли ему редактировать свои стихи и обычно принимали его советы и требования. Так, в сборник стихов Фета, выпущенный под редакцией Тургенева в 1856 г., не была включена половина стихов из предыдущего сборника, а почти все остальные подверглись изменениям. Право Тургенева на редакционное вмешательство основывалось в глазах Фета на его тонком вкусе, знании законов поэзии, литературной известности и т.д. В результате стихи Фета были сглажены и нивелированы в соответствии с господствующими литературными представлениями и издание, по собственному признанию Фета, «вышло настолько же очищенным, насколько и изувеченным»¹⁷.

Таким образом, в первой половине XIX в. редактур художественной литературы как самостоятельная профессия почти отсутствовала. Значительная часть произведений либо вообще не редактировалась, либо редактировалась в порядке дружеской услуги друзьями автора или при публикации в периодическом издании. Именно в последнем из названных случаев можно видеть предпосылки формирования профессии редактора художественной литературы. Процесс этот был связан с нарастающим сложностью и дифференцированности литературного труда, четким формулированием мировоззренческих и литературно-эстетических программ и, что особенно важно, стремлением пропагандировать эти программы и приобщить к ним широкие слои недостаточно мировоз-

зренчески и эстетически развитой читающей публики. Широкое распространение представлений о том, что произведение представляет не только автора, но и, с одной стороны, литературу в целом, а с другой — определенное идейно-политическое направление, способствовало укоренению в среде литераторов и читателей мнения о необходимости редактуры. Одновременно шло накопление навыков и умений редакторского труда (привлечение нужных сотрудников, сплочение авторского коллектива, умение «доводить» текст и т.д.). И тем не менее редакторы художественной литературы существовали тогда как важный, но не всегда обязательный компонент издательского процесса. Авторредактуру и редактуру издателей и друзей не сменила еще деятельность редактора по специальности.

ПИСАТЕЛИ И III ОТДЕЛЕНИЕ

III отделение Собственной Его Императорского Величества канцелярии, созданное Николаем I в 1826 г., издавна привлекало интерес исследователей. Однако архивы этого учреждения, без которых невозможен научный анализ его функций и содержания его деятельности, долгое время были почти недоступны, поэтому вся литература о III отделении ограничивалась воспоминаниями¹, пересказами анекдотов и слухов² и редкими случайными публикациями³. Лишь с книги М.К. Лемке, вышедшей в 1908 г.⁴, началось основанное на документальных источниках научное его изучение. Однако в подборе материала и в его интерпретации М.К. Лемке был чрезвычайно тенденциозен, используя архивные данные главным образом о репрессиях по отношению к литературе и за редкими исключениями оставляя «за кадром» все остальные аспекты. В своем подходе к историческим событиям Лемке предстает не столько как исследователь-аналитик, сколько как публицист, для которого важно не понимание прошлого, а достижение сегодняшних целей.

В том же ключе, хотя гораздо более компетентно и основательно, были выполнены работы советских исследователей 1920—1930-х гг.⁵ Затем в изучении III отделения наступил долгий перерыв. Только в 1960-х гг. вышли две содержательные монографии зарубежных исследователей, предлагающие более объемный взгляд на III отделение, «вписывающие» его в социальный и культурный контекст николаевской России⁶. Однако авторы их не имели возможности работать в советских архивах и в силу этого были во многом ограничены характером ранее введенных в научный оборот источников, что существенно предопределило делаемые ими выводы.

В России же с тех пор по данной теме была издана лишь книга И.В. Оржеховского «Самодержавие против революционной России (1826—1880)» (М., 1982), подготовленная на основе архивного материала и проясняющая ряд аспектов деятельности этого учреждения, но, как и другие работы советских исследователей, слишком односторонняя и декларативная в своих выводах (что явствует уже и из ее названия).

Настало время более объективно и беспристрастно охарактеризовать III отделение, принимая во внимание все многообразие его функций.

До сих пор российские исследователи рассматривали III отделение только как секретную полицию, осуществляющую политику

ческий сыск и выполняющую репрессивные, карательные функции. Так, М.К. Лемке полагал, что «в лице Третьего Отделения в русскую жизнь первой половины XIX столетия вступала припомаженная, завитая и вычищенная древняя тайная канцелярия»⁷, А.А. Кизеветтер писал, что III отделение «сделалось органом политического сыска, который в царствование Николая подавлял всякую общественную самодеятельность»⁸. Согласно И.М. Троцкому, «основной задачей III отделения была борьба с крамолой»⁹; «Советская историческая энциклопедия» определяет его как «орган политического розыска и управления высшей (жандармской) полицией в России»¹⁰. И.В. Оржеховский также считает, что «это учреждение на протяжении полувека возглавляло всю систему организации политического сыска в России <...> являлось одним из важнейших звеньев карательного механизма царизма»¹¹. И даже Н.П. Ерошкин, который в своей работе фиксирует многообразие функций III отделения, полагает тем не менее, что тут «все-таки при <...> безгранично широкой, не определенной никакими законодательными границами компетенции выделялась самая важная функция <...> это политический сыск»¹².

Зарубежные исследователи более взвешенно характеризуют деятельность III отделения, но и у них репрессальный аспект выходит на первый план. Особенно это ощутимо у П. Сквайра, который пишет следующее: «Задачи, решение которых приняла на себя высшая полиция в первые тридцать лет своего существования, были необычайно широки. К концу царствования [Николая I] она взяла на себя полную ответственность за всю разнородную деятельность, которую можно объединить одним словом — “разведка”, касалось ли это общего руководства политическими расследованиями, организации высших полицейских сил [жандармов], охвативших всю обширную империю, или повседневного надзора за русской внутренней администрацией»¹³. Но и у С. Монаса можно найти схожие высказывания¹⁴.

Трудно, конечно, ожидать, что организация, которая создавалась как орган высшего политического надзора, не будет собирать информацию о проявлениях недовольства правительством и попытках антиправительственных выступлений. Тем не менее и сводить к этому деятельность III отделения — значит существенно упростить и в итоге исказить реальную картину.

В указе от 3 июня 1826 г. о создании III отделения, подписанном Николаем, значилось следующее: «Предметами занятий сего 3 Отделения Собственной Моей Канцелярии назначаю: 1. Все распоряжения и известия по всем вообще случаям высшей полиции. 2. Сведения о числе существующих в государстве разных сект и расколов. 3. Известия об открытиях по фальшивым ассигнациям, монетам, штемпелям, документам и проч., коих розыскания и

дальнейшее производство остается в зависимости министерств: финансов и внутренних дел. 4. Сведения подробные о всех людях, под надзором полиции состоящих, равно и все по сему предмету распоряжения. 5. Высылка и размещение людей подозрительных и вредных. 6. Заведывание наблюдательное и хозяйственное всех мест заточения, в кои заключаются государственные преступники. 7. Все постановления и распоряжения об иностранцах, в России проживающих, в предел государства прибывающих и из оного выезжающих. 8. Ведомости о всех без исключения происшествиях. 9. Статистические сведения, до полиции относящиеся»¹⁵. Кроме того, с 1828 г. III отделение осуществляло и цензурирование текстов для публичных театральных представлений. Приведенный список демонстрирует многообразие функций, исполняемых этим учреждением.

Но ознакомление с делами, отложившимися в фонде III отделения, показывает, что постепенно важнейшими задачами стали сбор информации об отношении населения к власти и влияние на это отношение в желательном для власти направлении.

Поскольку Николай стремился лично руководить всеми отраслями государственного управления, ему было необходимо информационное обеспечение — сведения о положении дел в различных сферах. Однако он не знал ни страны, ни ее проблем. Он лишь однажды (в 1816 г.) проехал по России, в дальнейшем же занимался только военными делами.

Став царем, он нуждался в информации о реальном положении дел, в ознакомлении с существующими мнениями о путях выхода из кризиса (с этой целью была сделана сводка на основе показаний декабристов, а также разрешено частным лицам подавать свои записки по государственным вопросам). Но, самое главное, он хотел знать настроения и мнения «народа». На примере восстания декабристов Николай убедился, что совсем не учитывать общественные настроения уже нельзя.

Хотя Россия оставалась сельской страной с почти неграмотным крестьянством, составлявшим подавляющее большинство населения (почти 90%), все же шел постепенный рост городов, развивались рыночные отношения и все большая часть населения переходила к городскому образу жизни¹⁶. Традиционные системы социальной регуляции уже не могли решать стоящие перед обществом задачи. «Место обычая или нерушимого, неспециализированного канона заняли обобщенные — надлично и ситуативно незакрепленные — правила и руководства, рекомендации, оставляющие значительную свободу выбора или интерпретации действия»¹⁷. Соответственно, усилилась роль печатного слова.

По мнению историка, «1801—1815 гг. стали начальным этапом складывания в России общественного мнения. <...> Однако ма-

лочисленность дворянского просвещенного общества, отсутствие гласности и необходимых условий для постоянного открытого проявления общественного мнения обусловили его невысокую эффективность и периодичность проявлений»¹⁸. Именно поэтому декабристский Союз благоденствия ставил своей целью формирование общественного мнения посредством устного и печатного слова: через служебные записки, книги и публикации в прессе, распространяемые в рукописях сочинения, научные и литературные общества, кружки и салоны и т.д.

В социологии общественным мнением принято называть «такое проявление общественного сознания, в котором отражается отношение (оценка) больших социальных групп, народа в целом к актуальным явлениям, представляющим общественный интерес, на основе существующих общественных отношений»; «оно возникает только по проблемам, представляющим общественный интерес. Причем этот интерес выражается не в строго теоретической форме (что характерно, напр., для идеологии), а в виде симбиоза положений “здорового смысла”, отдельных теоретических положений и заблуждений»¹⁹. В современном обществе основным механизмом выработки общественного мнения являются средства массовой коммуникации, а основными формами его проявления — опросы населения, голосование на выборах, референдумы, митинги и демонстрации и т.д. В государстве с патримониальной властью подобного, разумеется, не было. Конечно, в России в первой половине XIX в. выходили газеты и журналы, однако сфера обсуждения политических проблем была в них чрезвычайно сужена. Отдел политики имели немногие органы печати, и в нем помещалась лишь скупая фактическая информация о событиях за рубежом и официальные государственные акты (императорские указы, манифесты и т.д.).

Тем не менее постепенно складывалось если не общественное мнение в западноевропейском смысле слова, то все же его зачаточная форма. Разумеется, в качестве «общества» выступала не совокупность всех жителей страны, а главным образом светское общество, небольшое в количественном отношении, где точки зрения вырабатывались и распространялись через салоны, но тем не менее это была иная по отношению к правительственной позиция.

Определенную роль играла и печать. Можно назвать различные формы участия ее в выработке общественного мнения: произведения с ключом (например, стихи Рыльева на Аракчеева и Пушкина на Уварова), статьи о событиях на Западе, литературные полемик, исторические статьи и повести и т.д.

С повышением уровня грамотности и образования населения, с увеличением числа чиновников, количество читателей в стране росло. Выходило все больше книг и периодических изданий, и,

что важнее всего, расширялась сфера их распространения, охватывая не только дворянство, но и другие социальные слои: купечество, мещанство, духовенство.

Временем перелома была середина 1820-х гг., когда всем бросался в глаза достаточно быстрый рост читательской аудитории. В крупных городах даже «простонародье» приобщается к чтению газет. М.П. Погодин свидетельствовал в 1827 г.: «...газет печатается гораздо большее количество экземпляров, нежели прежде; а сидельцы и дворовые люди, приходящие за ними (речь идет о «Московских ведомостях». — *А.Р.*) по средам и субботам в университетскую книжную лавку, собираются кружками и читают их на улице, прежде своих хозяев <...>»²⁰.

Однако в условиях неграмотности значительной части населения, с одной стороны, и жесткой цензуры, не допускающей в печать немалую часть информации и мнений, с другой, важную роль в российских условиях выполняли рукописная литература («самиздат» того времени) и особенно устная коммуникация — слухи. Связь между общинами и с более широким миром, государством поддерживали как немногие лица, ездившие в город (торговцы, дворовые), так и странствующие нищие, юродивые, калики перехожие и т.д. И те и другие разносили по стране различные слухи. Некоторые из них имели реальную основу, но сильно искажали и деформировали ее, некоторые же были совершенно беспочвенны. Исследователи выделяют как оптимистические слухи, содержащие надежду на улучшение жизни, так и пессимистические, нередко апокалиптического характера²¹. Слухи активно циркулировали не только в крестьянской, но и в купеческой и даже дворянской среде. Особенно много слухов и толков вызвало восстание декабристов²². Это будоражило общество и вызывало тревогу у властей.

Ю. Хабермас, в своих работах подчеркивавший значение коммуникации в социальной жизни, указывал, что «через свои коммуникативные действия взаимодействующие разделяют также ту совокупность знания, что обеспечивает основу для легитимизации общества...»²³. В России же того времени существовал значительный разрыв между коммуникативными структурами власти и узкого слоя богатого и хорошо образованного дворянства, с одной стороны, и подавляющего большинства населения — с другой. Первые через прессу (отечественные и зарубежные газеты) и салоны были хорошо и в значительной степени адекватно информированы о законах и установлениях власти, ее намерениях и конкретных шагах. Вторые же не только плохо знали фактическую сторону действий власти, но и обладали иной коммуникативной системой (слухами и толками), к которой власти даже не были подключены. В то же время восстание декабристов наглядно продемонстрировало как

наличие серьезных социальных проблем в стране, так и готовность части населения к массовым выступлениям. Необходимо было сохранить социально-политическое и имперское единство в многонациональном государстве, обеспечить равенство всех подданных, отменить крепостное право, подключиться к мировому политическому и экономическому порядку²⁴. Николай же практически не сделал шагов в этом направлении. Была осуществлена попытка «заморозить» ситуацию, уйти от решения проблем, не допускать население не только к управлению страной, но даже и к обсуждению вопросов государственной жизни. Император хотел контролировать и общественное мнение, руководить им и направлять его. Ставка была сделана на управление сознанием подданных путем установления монополии на регулирование потоков информации, т.е. сбор и аккумуляцию ее, с одной стороны, и доведение до населения благоприятных для власти точек зрения и оценок — с другой.

Важнейшую роль в реализации этой программы было призвано сыграть III отделение. Во-первых, через него осуществлялись сбор информации о положении в стране и подготовка аналитических записок о различных проблемах русской жизни и о существующем в обществе отношении к ним. Во-вторых, III отделение должно было обеспечить выдержанное в нужном направлении освещение не только деятельности власти, но и всех происходящих в стране и за рубежом событий. Это достигалось целым рядом мер, причем использовался метод кнута и пряника. На внешнем уровне, особенно на начальном этапе, были осуществлены демонстративные шаги, имитирующие либерализацию режима: опубликован доклад Следственной комиссии по делу декабристов; в 1828 г. утвержден достаточно корректный, отнюдь не жесткий цензурный устав, в годы Русско-турецкой войны 1828—1829 гг. печатались реляции с фронта и т.д. И если цензура должна была пресекать попытки трактовать события в негодном духе, то III отделение, напротив, нередко помогало провести в печать тот или иной материал. Оно стремилось действовать не репрессиями и запретами, а путем заключения своего рода негласного и неформального соглашения с руководителями периодических изданий, благодаря чему возникала возможность без особого нажима направлять их деятельность, заказывать нужные публикации или просто посылать статьи в газеты для напечатания.

В результате информационный обмен власти и общества имел несимметричный характер. Путь от общества к власти, точнее — от подданных к самодержцу, не носил публичного характера: в прессе были запрещены любые суждения о власти, не только отрицательные, но даже положительные; о мнениях подданных власть узнавала либо из адресованных императору (непосредственно либо через предназначенные для этой цели органы: III отделение, комиссия прошений) доносов, прошений и мнений частных лиц;

либо из секретных агентурных записок, обзоров и даже подготовливаемой в 1828—1829 гг. в одном экземпляре рукописной «Секретной газеты».

Существовал и другой канал — частная переписка. Для ознакомления с ней в больших масштабах практиковалась перлюстрация, кроме того, лояльные журналисты нередко передавали в III отделение письма, содержащие важную в политическом отношении информацию.

Обратно (от власти к подданным) шли через прессу официальные манифесты и официозные (как правило, анонимные) статьи, которые либо подготовливались непосредственно в самом III отделении, либо заказывались им и в дальнейшем санкционировались, а нередко и редактировались императором.

В результате пресса в Николаевскую эпоху представляла не общественное мнение, как на Западе, а точку зрения власти; соответственно, она не выражала, а формировала, или, как тогда выражались, «направляла», общественное мнение. Это был своего рода инструктаж, как нужно относиться к тому или иному вопросу. Подобную программу «направления умов», целенаправленного формирования благоприятного по отношению к правительству общественного мнения сформулировали и активно предлагали царю как руководители III отделения²⁵, так и многие литераторы (Ф.В. Булгарин, Н.А. Греч, М.П. Погодин, А.С. Пушкин).

Поскольку прессе принадлежала важная роль, немалое место в деятельности III отделения занимало выстраивание оптимальной линии взаимодействия с журналистами и литераторами. Распространена точка зрения, что III отделение по отношению к литературе выполняло исключительно репрессивную функцию. Например, М.К. Лемке писал, что «в 1826—1855 годах мало заметное революционное начало сосредоточивалось исключительно в литературе, бывшей единственным орудием борьбы общества с деспотизмом власти. Власть, разумеется, отвечала цензурой и была в организации ее удивительно изобретательна <...> самая настоящая борьба, — и притом всегда непосредственно с участием самого Николая I, так умевшего налагать печать на все, что делалось правительством, — велась, собственно, не в министерстве народного просвещения, а в застенке Третьего Отделения»²⁶.

Разумеется, осуществляя функцию контроля по отношению к литературе, III отделение карало и наказывало литераторов. Однако ознакомление с архивными материалами позволило нам установить, что, во-первых, эти репрессии осуществлялись, как правило, по инициативе не III отделения, а царя или влиятельных сановников, а во-вторых, это была не только не единственная, но, возможно, и не главная форма «работы» этой инстанции с литераторами. Помимо репрессий III отделение:

*Неизвестный художник. Приемная графа А.Х. Бенкендорфа.
Конец 1820-х гг.*

- наблюдало за деятельностью литераторов (знакомясь с печатными изданиями и собирая агентурную информацию);
- поощряло литераторов, деятельность которых расценивалась императором как полезная;
- использовало литераторов для реализации своих целей, главным образом — для «руководства умами»;
- выступало в роли посредника в сношениях литераторов с царем и цензурой, а иногда и в качестве арбитра в конфликтах одних литераторов с другими.

Для реализации этой программы III отделение нуждалось в образованных людях, хорошо разбирающихся в политической и культурной ситуации, умеющих формулировать свои мысли и излагать их на бумаге.

Нижив мы, используя как архив III отделения, так и печатные источники, обобщим имеющиеся данные о различных аспектах сотрудничества литераторов с III отделением.

Прежде всего отметим, что среди **чиновников III отделения** было довольно много литераторов.

Секретарем А.Х. Бенкендорфа в 1828—1829 гг. служил прозаик и поэт, издатель альманаха «Альбом северных муз» (1828) *Андрей Андреевич Ивановский* (1791—1848). Его литературные связи и знакомства использовались III отделением; по крайней мере, когда потребовалось успокоить Пушкина, обиженного отказом в зачислении в состав русской армии во время Русско-турецкой войны, это поручили сделать Ивановскому в частной беседе²⁷.

Переводчик и издатель детских книг *Борис Алексеевич Врасский* (1795—1880) служил в III отделении с 1830 по 1866 г. (сначала экспедитором, с 1841 г. — старшим чиновником, с 1856 г. — чиновником для особых поручений²⁸). Он использовал свое служебное положение для распространения журнала «Отечественные записки», акционером которого являлся.

Прозаик и издатель альманаха *Владимир Андреевич Владиславлев* (1808—1856) с 1836 г. был адъютантом начальника штаба корпуса жандармов Л.В. Дубельта, с 1842 по 1846 г. он занимал должность дежурного штаб-офицера при корпусе жандармов. В составлении издаваемого Владиславлевым альманаха «Утренняя заря» (1839—1843) принимал участие А.Х. Бенкендорф, обращавшийся с письмами к известным писателям с просьбой дать свои произведения в альманах. Владиславлев неоднократно выступал в качестве посредника между литераторами и III отделением: «вел переговоры об утверждении А.А. Краевского редактором “Отечественных записок”, устраивал разрешение Николая I на празднование юбилея И.А. Крылова, предупреждал А.В. Никитенко о грозящих ему неприятностях за цензурные упущения (а по службе — выписывал ордер на его арест)»²⁹. Он опубликовал хвалебную статью об имени своего начальника А.Х. Бенкендорфа «Замок Фальль» (Северная пчела. 1838. № 195).

В 1829 г. был причислен к III отделению «для наблюдения за всеми выходящими в Москве периодическими сочинениями» *Николай Андреевич Кашинов* (1799—1870), не чуждый литературных занятий (автор известной песни «Прощание с соловьем») и вхожий в московские литературные круги. Он опубликовал отдельными брошюрами стихотворения «Видение Соломона» (М., 1828), «К портрету Генриха IV», «Стихи на прибытие в Москву чрезвычайного посла персидского принца Хозрева Мирзы, июля 14 июня 1829 года» (М., 1829), в журнале «Московский телеграф» поместил стихотворение «Застрахование сердца» (1828. № 16). По 1850 г. он присылал в III отделение свои записки о московской литературе и журналистике, а также по другим вопросам³⁰.

Павел Павлович Каменский (1812—1871) также служил в III отделении (в 1837—1838 гг. — младшим помощником экспедитора, в 1841—1842 гг. — помощником цензора драматических сочинений). Его сборник «Повести и рассказы» (Ч. 1—2. СПб., 1838), роман «Искатель сильных ощущений» (Ч. 1—2. СПб., 1839) и многочис-

ленные публикации в периодике были необычайно популярны в конце 1830-х — начале 1840-х гг., многие считали его наследником А.А. Бестужева-Марлинского в русской литературе³¹.

Цензором драматических сочинений в III отделении был (в 1828—1840 гг.) *Евстафий Иванович Ольдекон* (1786—1845), который активно переводил на немецкий язык и издавал отдельными книгами русских писателей (от Пушкина до Булгарина), выпустил книги «Russische Grammatik für Deutsche» (Spb., 1834), «Geographie des Russischen Reiches, nach den neuesten Quellen» (Spb., 1842), французско-русский и немецко-русский словари; написал (опять-таки по-немецки) ряд стихотворений, в 1822—1825 гг. издавал газету «St. Petersburgische Zeitschrift», а в 1838—1845 гг. (т.е. и во время службы в III отделении) — газету «St.-Petersburger Zeitung»³².

С 1842 г. по 1844 г. чиновником III отделения по особым поручениям был поэт и переводчик *Василий Евграфович Вердеревский* (1801—1872). Во второй половине 1820-х — первой половине 1830-х гг. он много печатался (в «Северной пчеле», «Вестнике Европы», «Благонамеренном», «Сыне Отечества», альманахах), выпустил перевод поэмы Байрона «Паризина» (СПб., 1827)³³.

Не лишены были, наконец, литературных амбиций и связей в литературной среде и руководители III отделения. Управляющий III отделением в 1826—1831 гг. *Максим Яковлевич Фок* был знаком со многими литераторами (о нем с похвалой отзывались не только Греч с Булгариным, но и А.С. Пушкин) и был еще в 1816 г., когда он возглавлял Особую канцелярию Министерства полиции, избран почетным членом Вольного общества любителей российской словесности³⁴. Не исключено, что ему принадлежат какие-то статьи политического характера, которые передавались из III отделения в газету «Северная пчела» и печатались там без подписи.

Леонтий Васильевич Дубельт (на службе в корпусе жандармов с 1830 г., начальник штаба корпуса с 1835 г., управляющий III отделением в 1839—1856 гг.) сам занимался литературой и выступал в печати. В молодости он вступил в масонскую ложу «Соединенных славян» и даже стал там наместным мастером³⁵, более того, он был близок к декабристам. Н.И. Греч писал в воспоминаниях, что «одним из первых крикунов-либералов в Южной армии был <...> Леонтий Васильевич Дубельт. Когда арестовали участников мятежа, все спрашивали: “Что же не берут Дубельта?”»³⁶. Правда, Следственная комиссия по делу декабристов, рассматривая донос на него, формального членства его в тайном обществе не установила³⁷, однако он, по-видимому, оставался под подозрением. Хотя Дубельт продолжал командовать Старооскольским пехотным полком (командиром его он был назначен в 1822 г.) и непосредственное начальство было им довольно (на хранящемся в Российском государственном военно-историческом архиве экземпляре «Списка полковникам по старшинству» на 1827 г., который попал

туда, по-видимому, из Главного штаба, против фамилии Дубельта сохранилась карандашная пометка: «Гр[аф Ф.В. Остен-]Сакен [:] Достоин повышения. Полк в хорошем состоянии»), однако повышения Дубельт не получил и в 1828 г. ушел со службы.

Интересовался Дубельт и литературой. В 1824—1825 гг. он представлял в Московский цензурный комитет переводы стихов и прозы В. Скотта (с французского)³⁸, однако сведениями о том, были ли они опубликованы, мы не располагаем. В дальнейшем Дубельт печатался, но в основном анонимно, с подписью вышла лишь его статья об императрице Елизавете в «Литературных приложениях к Русскому инвалиду» (1831. № 5). В 1833 г. жена Дубельта писала ему о том, что «описание кадетского праздника, которое вы сочинили с Гречем (в «Северной пчеле»? — *А.Р.*), прекрасно...»³⁹. П.С. Усов вспоминал, как в 1861 г. (т.е. уже после увольнения из III отделения) Дубельт прислал без подписи в «Северную пчелу» свою заметку о верных царю крестьянах, но она не была опубликована, как анонимная. Известны его заметки дневникового характера, написанные вполне литературно⁴⁰.

Таким образом, среди сотрудников III отделения (а число их было невелико) можно обнаружить довольно много литераторов или людей, в той или иной степени связанных с литературой; явно больше, чем в каких-либо иных государственных учреждениях (за исключением ведомства Министерства народного просвещения). Это позволяло III отделению хорошо ориентироваться в литературе и журналистике того времени, быть в курсе идейных течений эпохи, а в случае необходимости подготавливать официозные статьи, осуществлять негласную редактуру сомнительных в цензурном отношении текстов, «направлять» литераторов.

Николая I всегда волновало, что о нем пишут и печатают на Западе, и он стремился по мере возможности контролировать этот процесс. Так, в 1827 г. он, читая немецкие газеты, нашел там присланные из Петербурга статьи, которые счел неблагонамеренными. Когда по его указанию нашли автора, оказалось, что это отставной надворный советник Л. Будберг. Император выразил желание «положить конец такой вредной переписке, которая часто не имеет другой цели, как представлять происходящее в России в виде неправильном и неблагоприятном»⁴¹. Николай передал Бенкендорфу, чтобы тот вызвал к себе Будберга и приказал ему прекратить сотрудничество в зарубежных газетах, при этом в объяснениях с издателями не ссылаться на этот запрет, а объяснить все своими личными обстоятельствами. И впоследствии, хотя Будберг в своих прошениях пояснял, что еще в 1822 г. он обращался к Александру I за разрешением посылать корреспонденции в зарубежные газеты и неофициальным образом получил такое разрешение, позволения на возобновление своей журналистской деятельности он не получил⁴².

С 1832 г. III отделение стало создавать сеть зарубежных агентов, в функции которых входило не только наблюдение за ситуацией в западноевропейских странах и находящимися там русскими, но и контрпропаганда за рубежом.

Агентом III отделения во Франции долгое время был литератор *Яков Николаевич Толстой* (1791—1867). Будучи старшим адъютантом дежурного генерала Главного штаба и членом Союза благоденствия, он принимал довольно активное участие в литературной жизни конца 1810-х — начала 1820-х гг.: возглавлял литературное общество «Зеленая лампа» (1819—1820), выпустил сборник стихотворений «Мое праздное время» (СПб., 1821); в театрах шли осуществленные Толстым переделки французских комедий. В 1823 г. он уехал на лечение во Францию и стал печатать в русских журналах статьи о французской литературе⁴³, а во французской — о русской.

После восстания декабристов он остался во Франции, прислав в Петербург на имя императора оправдательное письмо. В результате в ноябре 1826 г. он был уволен со службы с сохранением чина⁴⁴. Я. Толстой жил в Париже, печатаясь в русской⁴⁵ и французской⁴⁶ прессе. Кроме того, он нередко выпускал брошюры, в которых полемизировал с французскими авторами, критически отзывавшимися о России и русской литературе, а в 1835 г. опубликовал выдержанную в панегирических тонах биографию фельдмаршала И.Ф. Паскевича⁴⁷. Паскевич походатайствовал за Я. Толстого перед царем, а тот дал указание Бенкендорфу облегчить его участь. В результате в 1837 г. Я. Толстой был назначен на должность корреспондента Министерства народного просвещения в Париже, а реально стал чиновником по особым поручениям III отделения, получая там солидное содержание. Я. Толстой регулярно посылал из Парижа донесения о политической и культурной жизни Франции, а во французской периодической печати занимался опровержением статей, не нравящихся русскому правительству, и, напротив, нередко защищал и восхвалял его действия. Всего он опубликовал во Франции более 20 брошюр и поместил более 1000 статей. Лишь в 1866 г. он вышел в отставку⁴⁸.

Аналогичную деятельность в прессе сначала Пруссии, а затем Австрии осуществлял с 1832 г. *К.Ф. Швейцер*⁴⁹. А.Х. Бенкендорф писал о нем в своих воспоминаниях, что «послал в Германию одного из моих чиновников, с целью опровергать посредством дельных и умных газетных статей грубые нелепости, печатаемые за границей о России и ее монархе, и вообще стараться противодействовать революционному духу, обладавшему журналистикой»⁵⁰.

С 1833 г. агентом III отделения становится французский журналист *Шарль Дюран*⁵¹. На русские, австрийские и прусские деньги он издавал во Франкфурте газету «Journal de Francfort» (1833—1839), в который весьма искусно защищал политику русского правительства. Как отмечает В.А. Мильчина, «в лице Дюрана

российское правительство нашло чрезвычайно ценного пропагандиста — внешне совершенно неангажированного, которого нельзя упрекнуть в пристрастности, по сути же послушно исполняющего желания тех, кто платит ему деньги»⁵².

Ряд публикаций в зарубежной прессе, полемизирующих с критиками русского правительства, осуществил тесно связанной с III отделением издатель газеты «Северная пчела» Н.И. Греч⁵³.

В середине 1840-х гг. Ф.И. Тютчев установил контакты с III отделением, пытался наладить систему русской печатной контрпропаганды за рубежом, для чего подал через III отделение царю специальную записку, однако его замыслы не осуществились⁵⁴.

С 1848 г. по рекомендации Н.И. Греча агентом III отделения в Германии стал журналист Луи Шнейдер. Он в течение многих лет (по 1870-е гг.) за солидную субсидию присылал в III отделение (до 1855 г. — через Греча) свои письма, в которых характеризовал политическую и социальную ситуацию в Германии⁵⁵, во Франции аналогичные обязанности (также по рекомендации Греча) выполнял журналист де Кардон⁵⁶.

Среди агентов III отделения также было немало литераторов.

Редактор и издатель популярной газеты «Северная пчела» (совместно с Гречем), журналист и романист Ф.В. Булгарин с 1826 г. и до смерти по собственной инициативе и по заказу III отделения писал консультативные записки по разным вопросам, характеристики чиновников, литераторов и других лиц, давал справки при необходимости, информировал о слухах в обществе и в народе, знакомил с приходящими в редакцию письмами и т.д. Сотрудничая с III отделением, Булгарин обеспечивал успешный выход «Северной пчелы» (защита от царя, цензуры, влиятельных сановников) и укреплял свои позиции в обществе. Деятельность Булгарина освещена в упоминавшейся книге М.К. Лемке и в изданном нами сборнике его писем и записок в III отделение⁵⁷. О сотрудничестве Греча с III отделением исследователи писали гораздо меньше. Нам удалось выявить в архиве значительное число его записок для III отделения (в частности, атрибутировать ему комплекс материалов в рукописной «Секретной газете», подписанных псевдонимом *Наблюдатель*), и мы планируем посвятить сотрудничеству Греча с III отделением специальную работу.

Степан Иванович Висковатов (1786—1831), беспоместный дворянин, служил мелким чиновником в Особенной канцелярии Министерства полиции в 1811—1825 гг., затем членом ученого комитета по горной и соляной части, с 1828 г. — переводчиком в контуре императорских театров⁵⁸. Он получил некоторую литературную известность переводом «Гамлета». Висковатов постоянно испытывал бедность и унижения (в 1825 г. он пишет А.В. Казадаеву о «тяжелых бурях жизни» и просит: «молю убежища от тюрьмы и какой-нибудь кусок хлеба»⁵⁹, в 1831 г. сообщает П.Г. и

Е.С. Дивовым, что «дошел до <...> крайности нужд в необходимости» и «должен просить милостыню во имя Христа Спасителя», и просит «дать какую-нибудь благодетельную денежную помощь несчастному — прожившему полвека в довольствии и на эту минуту не знающему, чем пропитать себя и не имеющему даже приличной одежды»⁶⁰).

После создания III отделения он стал его агентом, поставлял туда небольшие записки о разного рода слухах и получал за это денежное вознаграждение. В своих записках он предстает политическим конформистом и литературным архаистом. А.С. Пушкин для него — всего лишь «известный по вольнодумным, вредным и развратным стихотворениям титулярный советник», который «при буйном и развратном поведении открыто проповедует безбожие и неповиновение властям»⁶¹. М.Я. Фок высоко ценил записки Висковатова⁶², однако из-за своей неосторожности тот навлек на себя неприятности. 13 октября 1826 г. Бенкендорф отправил петербургскому полицмейстеру Б.Я. Княжнину следующее отношение:

«Милостивый государь Борис Яковлевич!

По дошедшим до меня многократным верным сведениям, титулярный советник Степан Иванович *Висковатов* позволяет себе во многих частных домах и обществах называться чиновником, при мне служащим или употребляемым под начальством моим по делам, будто бы, высшей или секретной полиции. Смешное таковое самохвальство, ни на чем не основанное, может произвести неприятное впечатление насчет распоряжений правительства, и потому я долгом считаю объяснить Вашему Превосходительству, что г. Висковатов не служит под моим начальством и никогда служить не может; что я, когда он написал Оду на восшествие на Престол ныне блаженно царствующего Государя Императора, представил оную Его Величеству и удостоился получить от щедрот Монарших алмазный перстень взамен Высочайшего благоволения к сему произведению г. Висковатова. Вот на чем основывается все мое знакомство с сим чиновником.

По сим уважениям, я покорнейше прошу Ваше Превосходительство пригласить к себе г. Висковатова и подтвердить ему усиленно, дабы не осмеливался впредь называть себя ни служащим при мне, ни употребленным по высшей полиции; ибо, в противном случае, я принужденным найдусь употребить меры строгости, кои г. Висковатов должен будет приписать собственному легкомыслию и нескромности.

С совершенным почтением имею честь быть Вашего Превосходительства покорнейший слуга А. Бенкендорф»⁶³.

Б.Я. Княжнин вызвал Висковатова, сообщил ему требования Бенкендорфа и взял с него расписку, что он ознакомлен с отношением начальника III отделения. Этим и закончилась его агентурная карьера.

Другим агентом III отделения при Фоке была прозаик и поэтесса *Екатерина Наумовна Пучкова* (1792—1867). Она печатала переводы, стихи, статьи в «Аглае», «Вестнике Европы», «Российском музее», «Сыне Отечества», «Дамском журнале», «Русском инвалиде» и др., а также выпустила сборник «Первые опыты в прозе» (М., 1812). Е. Пучкова была близка к «Беседе любителей русского слова» и стала адресатом двух юношеских эпиграмм Пушкина. Она также придерживалась архаических литературных ориентаций. В журнальной статье 1809 г. она риторически восклицала: «Что может быть злее и безумнее как вооружаться на веру, на все законы, гражданские и церковные и, так сказать, — во имя нового просвещения разрывать все связи общественные. Такова цель новой философии. Но кто привязан душевно к стороне родной и языку русскому, тот будет упражняться в чтении славянских книг — следственно <...> познакомится с добродетелью и прямотушием предков своих; полюбит их и сам сделается добродетелен...»⁶⁴

В прошении императрице Елизавете Алексеевне в 1818 г. она писала: «Я сирота, отец мой был полковник и георгиевский кавалер, тридцать лет служил он престолу и отечеству, был в Турецких и Шведских бранях и неоднократно получал глубокие и тяжкие раны <...> походы и раны изнурили совершенно здоровье его: он был уволен от службы — и потом скончался. По кончине родителя моего я жила в доме одной нашей родственницы <...> [В 1814 г.] она скончалась, и я увидела себя без имущества, родства и покровительства, совершенно одну в мире сем <...>. Я нахожусь теперь в самой крайней бедности и тем еще ужаснее мое состояние, что я и трудами рук своих не могу снискивать себе пропитание, ибо от природы имею весьма слабое зрение»⁶⁵. Пучкова несколько раз получала денежное вспомоществование от императрицы, но этих денег ей не хватало, и, видимо, по этой причине она стала агентом III отделения. В письме Бенкендорфу Фок сообщила, что Пучкова, «писательница и умная женщина», вернувшись из Парижа, рассказывала ему о поведении и настроениях Н. Тургенева⁶⁶.

Активным агентом III отделения, передававшим туда немало число записок на разные темы, была жена придворного актера *Екатерина Алексеевна Хотяинцова* (урожд. Бернштейн). Она оказывала услуги полиции еще при Александре I. Хотяинцова постоянно нуждалась, выпрашивала у III отделения деньги, а в 1830 г. была арестована за финансовые махинации⁶⁷. Писала она вполне литературно и в значительной степени на темы, близкие литературе, — о театре, книжной торговле и т.п.⁶⁸ Но в научных работах, где речь идет о Хотяинцовой⁶⁹, никогда не упоминалось о ее литературной деятельности. Однако она занималась литературным трудом, нам удалось выявить осуществленный ею стихотворный перевод немецкой трагедии А. Мюльнера «Преступление» (СПб.,

1833). Пьеса эта в ее переводе шла и на сцене, в Александринском театре⁷⁰.

Осведомителем Бенкендорфа был журналист и литератор *Амлий Николаевич Очкин* (1791—1865)⁷¹. Свои переводы, стихи, критические статьи он печатал в «Благонамеренном», «Соревнователе просвещения и благотворения», «Северной пчеле» и был довольно известным литератором своего времени. Впоследствии он издавал журнал «Детская библиотека» (1835—1838), редактировал «С.-Петербургские ведомости» (1837—1862)⁷².

Имеются данные, что из Вильно информацию в III отделение поставлял *Иван Николаевич Лобойко* (1786—1861)⁷³, ординарный профессор Виленского университета в 1822—1832 гг. (он преподавал там русскую литературу, а также русский и старославянский язык), профессор Медико-хирургической академии и Духовной римско-католической академии в Вильно в 1833—1840 гг. Он принимал довольно активное участие в литературной жизни: был членом Вольного общества любителей российской словесности с 1818 г., исполнял обязанности библиотекаря Общества и редактора его периодического издания, а уехав в Вильно, вел деятельную переписку со многими московскими и петербургскими литераторами и учеными⁷⁴.

Как видим, число литераторов, являвшихся агентами III отделения, достаточно велико. Однако для характеристики общей ситуации литературы того времени гораздо более показательны не «внутренние», а внешние отношения III отделения с литераторами.

Известно, что в 1820—1830-х гг. началось формирование массовой публики, готовой платить за периодику и книги и тем самым поддерживать литератора. К 1840-м гг. подобная аудитория практически сформировалась (что продемонстрировал успех журнала «Библиотека для чтения»), и с этого времени можно говорить о возникновении в России литературы как социального института в современном понимании (т.е. определяемой рынком, с выделенными ролями писателя, издателя, книготорговца, редактора, критика и т.д.). Однако социально-политические порядки в стране блокировали автономизацию литературы. Сведя к нулю обсуждение политических проблем, власть в то же время максимально расширила сферу политического в реальной жизни. Правительственные органы вмешивались в торговлю, промышленность и даже частную жизнь. То же происходило и с литературой. Она не была самодостаточна, рассматривалась как средство нравственного и идеологического воздействия на население и подвергалась контролю не только официальных цензурных органов, но и через другие каналы. Так, служащие (а среди авторов того времени многие состояли на государственной службе) могли подвергнуться выговору начальства, а кроме того, наказание мог наложить сам царь (например, передав через III отделение выговор или посадив на

гауптвахту за пропущенное цензурой произведение). В подобной ситуации литераторы в той или иной степени зависели от власти.

По сути дела, каждый, кто хотел тогда **выпускать периодическое издание**, затрагивающее политическую и общественную тематику, был вынужден сотрудничать с III отделением, иначе его задушила бы цензура, он не смог бы опубликовать ничего мало-мальски интересного и в итоге издание было бы закрыто из-за недовольства властей, и прежде всего царя. Подобное сотрудничество предполагало политическую лояльность (контролируемую III отделением) и использование частного издания для изложения угодных правительству взглядов в обмен на «прикрытие» со стороны III отделения, т.е. защиту от цензуры и влиятельных сановников. Речь идет прежде всего об уже упомянутых Булгарине и Грече. Они печатали в газете свои и поступавшие из III отделения статьи, разъясняющие и пропагандирующие правительственную политику и конкретные правительственные акции, согласовывали публикации в газете и т.д.

Однако Булгарин и Греч не были исключением.

Когда в 1829 г. начальник Московского округа корпуса жандармов генерал А.А. Волков по указанию царя вызвал к себе редактора журнала «Московский телеграф» Н.А. Полевого (из-за публикации в журнале сатирического очерка) и сделал ему строгое предупреждение, Полевой в ответ написал Волкову объяснительную записку, где извинялся за свой проступок и просил разрешения «прежде обыкновенной цензуры подвергать статьи сего рода <...> цензуре особенной, доставляя их для рассмотрения к Вашему Превосходительству. Я осмеливаюсь думать, что тогда ревность моя действовать сочинениями к исправлению нравов и тем споспешествовать благодетельным видам правительства не вовлечет меня в неумышленную ошибку <...>»⁷⁵. Письмо это Бенкендорф доложил царю, а тот на докладе наложил резолюцию: «Дозволить г. Волкову рассматривать критические статьи»⁷⁶. Полевой получил защиту от цензуры и гарантировал себя от преследований за подобные публикации в дальнейшем.

В 1830 г. по поручению III отделения Полевой написал для «Московских ведомостей» верноподданническое описание пребывания Николая в Москве⁷⁷. И в дальнейшей своей журналистской деятельности он не раз исполнял просьбы и советы, исходившие из III отделения, и пользовался его поддержкой.

Аналогичным образом по отношению к III отделению вел себя и Пушкин, когда решил вступить на журналистскую стезю. В июле 1831 г. он пишет Бенкендорфу следующее весьма характерное прошение: «Если государю императору угодно будет употребить перо мое, то буду стараться с точностию и усердием исполнять волю его величества и готов служить ему по мере моих способностей. В России периодические издания не суть представители различных

политических партий (которых у нас не существует) и правительству нет надобности иметь свой официальный журнал; но тем не менее общее мнение имеет нужду быть управляемо. С радостью взялся бы я за редакцию *политического и литературного журнала*, т.е. такого, в коем печатались бы политические и заграничные новости. Около него соединил бы я писателей с дарованиями и таким образом приблизил бы к правительству людей полезных, которые все еще дичатся, напрасно полагая его неприязненным к просвещению»⁷⁸. Эта программа полностью тождественна той, которую формулировал М.Я. Фок и которую реализовывали Греч и Булгарин.

В мае 1832 г. Пушкин подал Бенкендорфу ходатайство о разрешении на издание газеты, где, с одной стороны, обвинял издателей «Северной пчелы» в том, что и критика, и политика сделались их монополией, а с другой — писал, что «направление политических статей зависит и должно зависеть от правительства, и в сем случае я полагаю священной обязанностью ему повиноваться <...>»⁷⁹. Разрешение на издание газеты Пушкин получил, но, не обладая знаниями и умениями для ведения редакционно-издательской деятельности, пытался привлечь к редактированию газеты Н.И. Греча, а потом и вовсе отказался от своего замысла⁸⁰.

Вновь решив вступить на поприще редактора газеты в 1835 г., Пушкин оказался в той же ситуации, что и другие журналисты: недоброжелательство министра народного просвещения С.С. Уварова, угроза цензурных придинок и т.д. И показательно, что выход он видит в том, в чем видели его ранее критикуемые им Булгарин и Полевой, — в обращении в III отделение за поддержкой. Около 11 апреля 1835 г. он пишет письмо Бенкендорфу, где вновь просит разрешить издание газеты, причем выражает желание, чтобы ее цензурировали в III отделении, объясняя это следующим: «...я имел несчастье навлечь на себя неприязнь г. министра народного просвещения, так же как князя Дондукова, урожденного Корсакова. Оба уже дали мне ее почувствовать довольно неприятным образом. Вступая на поприще, где я буду вполне от них зависеть, я пропаду без вашего непосредственного покровительства. Поэтому осмеливаюсь умолять вас назначить моей газете цензора из вашей канцелярии; это мне тем более необходимо, что моя газета должна выходить одновременно с «Северной пчелой» и я должен иметь время для перевода тех же сообщений — иначе я буду принужден перепечатывать новости, опубликованные накануне; этого одного будет довольно, чтобы погубить все предприятие»⁸¹.

В 1834 или 1835 г. с просьбой разрешить издавать официальную газету обращался в III отделение историк и журналист М.П. Погодин (просьбление не было подписано). Погодин писал, что «цель этой газеты могла бы состоять в том, чтоб объяснять русским читателям желания правительства при том или ином постановлении...»⁸².

Редакторы других периодических изданий также вполне лояльно относились к III отделению и были готовы пользоваться его услугами.

В 1827 г. титулярный советник *Е.И. Ольдекоп*, о котором выше уже шла речь, подал в III отделение записку, что хочет издавать «Санкт-Петербургский вестник» на немецком языке, чтобы «познакомить жителей Остзейских провинций с благотворительными действиями правительства, с новыми учреждениями в пользу отечества и вообще с возрастающим усовершенствованием всех отраслей народного богатства»⁸³. Для этого он просил выдавать ему в течение шести лет по тысяче рублей в год, на что император дал свое разрешение, с тем чтобы деньги выдавались ему через императорский кабинет⁸⁴.

Редактор журнала «Отечественные записки» *А.А. Краевский* присылал Дубельту на предварительный просмотр рукописи⁸⁵, а Дубельт в 1841 г. рассылал губернаторам подписные билеты на издаваемые Краевским «Отечественные записки»⁸⁶.

Приведем также письмо 1844 г. Дубельту от *Федора Карловича Дершав* (1821 — не ранее 1862), издателя журнала «Финский вестник» (который историки журналистики считают либеральным изданием⁸⁷). Письмо это примечательно тем, что издатель отнюдь не считает, что помощь III отделения может его хоть как-то скомпрометировать:

«Милостивый Государь Леонтий Васильевич!

Принося Вашему Превосходительству мою чувствительную благодарность за милостивое содействие ваше к исходатайствованию мне Высочайшего разрешения на издание журнала, обращаюсь к Вам с покорнейшею просьбою принять его под свое покровительство и тем самым дать ему ход и известность.

Вашему Превосходительству неизвестно, что у нас в России до сих пор ни один новый журнал без содействия побочных сил не мог и в настоящее время не может приобрести многих подписчиков и заслужить репутацию, даже несмотря на достоинства свои. Цель издания «Финского вестника», как Вы изволите усмотреть и из программы, основана не на корыстных видах — цель его общепользная, и я употребляю и употреблю все средства, чтобы достигнуть ее вполне и тем оправдать лестное для меня покровительство Вашего Превосходительства, на которое смею надеяться и заслужить общее одобрение всех благомыслящих людей и читателей науки и русского слова. Но так как издание подобного журнала независимо от трудов сопряжено с огромными материальными расходами, то весьма естественно, что я, не имея возможности для пользы общей терять много собственного, забочусь о том, чтобы хотя несколько обеспечить себя с материальной стороны, и потому обращаюсь к Вашему Превосходительству с всепокорнейшею просьбою доставить мне некоторое число подписчиков, разослав

по губерниям подписные листы, которые при сем имею честь приложить. Этим милостивым обязательством Вы поставите меня в возможность успешнее продолжать начатый мною труд и вместе с тем доставите мне средство быть частию полезным доброму и богоугодному делу, ибо я с каждого подписчика на мой журнал жертвую 10% в пользу здешней С.-Петер[бургской] детской больницы, на все время существования журнала, равно как и весь излишек годовой подписной суммы пред расходом, если он по прошествии года окажется.

Еще раз повторяю Вашему Превосходительству мою просьбу и, убежденный в милостивом ко мне расположении Вашем, смею льстить себя надеждою, что она не тщетна. Поручая себя Вашей памяти и покровительству, с глубочайшим почтением и совершенною преданностью имею честь быть Вашего Превосходительства Милостивого государя покорнейший слуга Федор Дершау»⁸⁸.

И хотя Дубельт вежливо отказал Дершау в его просьбе, сам факт подобного обращения чрезвычайно показателен.

По сути дела, III отделение многими литераторами воспринималось как своего рода литературное министерство, в которое можно обращаться с предложениями и просьбами.

Многие известные русские литераторы находились в тесном контакте с руководителями III отделения.

Так, *В.А. Жуковский* в течение многих лет поддерживал с Дубельтом дружеские отношения. В 1837 г. с 7 по 28 февраля они вместе рассматривали на квартире Пушкина его рукописи⁸⁹. Жуковский писал Дубельту во вполне дружественных тонах⁹⁰ и даже называл его «дядюшкой»⁹¹, Дубельт также писал ему теплые письма и обращался с просьбами. В 1842 г., посетив квартиру Дубельта, Жуковский написал следующий стихотворный экспромт о Дубельте:

Быть может, он не всем угоден,
Ведь это общий наш удел,
Но добр он, честен, благороден,
Вот перечень его всех дел⁹².

После смерти Жуковского Дубельт называл его своим «добрым, незабвенным другом»⁹³.

Постоянные контакты поддерживал с III отделением известный журналист и литератор *А.Ф. Воейков*. В 1826 г. он рассылал в различные инстанции (в том числе и в III отделение) анонимные письма, в которых обвинял своих литературных конкурентов Греча и Булгарина в причастности к заговору декабристов, но его фальсификация была раскрыта⁹⁴.

В 1830 г. он обратился с просьбой к Бенкендорфу, прося содействовать в имущественном судебном процессе с писателем и журналистом П.П. Свиным. По этому вопросу состоялся док-

лад Бенкендорфа царю, и в итоге после рассмотрения в Министерстве юстиции Воейков добился желаемого⁹⁵. Чрезвычайно характерен тон письма Воейкова к М.Я. Фоку:

«Прибегаю под крылышко дружбы Вашей!

Для совершенного удостоверения и для убеждения [министра юстиции] Дашкова необходимо мне иметь полную копию с отношения М[аксима] Я[ковлевича Фока] к управляющему м[инистерством] ю[стиции] по делу моему с Свиным. Если это не государственная тайна, то не согласится ли М.Я. сообщить мне оно? Он бы вечно обязал меня <...>»⁹⁶.

Воейков в течение многих лет был дружен с Л.В. Дубельтом, которого, кстати, печатал в своей газете «Литературные приложения к Русскому инвалиду», выполнял его поручения. В 1830 г. он называл Дубельта своим «истинным другом»⁹⁷. В 1837 г. Дубельт совместно со многими писателями был на открытии его типографии. Перед смертью Воейков «поручил свои дела и семейство Л.В. Дубельту»⁹⁸.

Был связан с III отделением и М.Н. Загоскин. По крайней мере, такие выводы можно сделать из одного пассажа в письме Загоскина начальнику Московского округа корпуса жандармов А.А. Волкову в 1830 г. Загоскин писал: «Вы просили меня быть с вами откровенным и поверять вам всякое горе и всякую радость; на этот раз (выделено мной. — А.Р.) я пишу вам не о радости»⁹⁹. В данном письме Загоскин жаловался на П.И. Шаликова, неверно передавшего в газетной публикации содержание беседы Загоскина с царем. Но если Загоскин написал «на этот раз», возможно, были и другие разы (к сожалению, фонд Московского округа корпуса жандармов не сохранился).

В 1834 г., когда московская цензура не решалась пропустить роман Загоскина «Аскольдова могила», считая, что он должен быть рассмотрен духовной цензурой, Загоскин приехал в Петербург, встретился с Бенкендорфом и после беседы с ним получил разрешение напечатать роман с незначительными сокращениями¹⁰⁰.

О доверительных отношениях между III отделением и Загоскиным может свидетельствовать и следующая просьба Бенкендорфа, датированная 11 августа 1836 г.: «Шеф жандармов, командующий Императорскою Главною Квартирою генерал-адъютант, граф Бенкендорф, свидетельствуя совершенное почтение Его Высочайшему Императору Михаилу Николаевичу, покорнейше просит Его, как очевидца сегодняшнего шествия Его Величества Государя Императора в Успенский собор, — потрудиться написать о сем статью, которую и доставить к нему, генерал-адъютанту Бенкендорфу, завтрашнего числа к 12-ти часам утра, для помещения оной в газету «Северная пчела»»¹⁰¹. Загоскин написал заказанную статью, и она была опубликована в «Северной пчеле» (1836. 24 августа).

В 1839 г. Бенкендорф обратился к нему с просьбой дать произведение в издаваемый его подчиненным В.А. Владиславлевым альманах «Утренняя заря»¹⁰², и Загоскин в очередной раз исполнил его просьбу.

Оценив исполнительность Загоскина, Бенкендорф предлагал ему перейти на службу в III отделение¹⁰³.

Нередко литераторы обращались в III отделение за помощью и содействием.

Так, письмом Бенкендорфу от 24 апреля 1827 г. Пушкин признает за III отделением роль арбитра в литературно-издательской сфере и, столкнувшись с правовой коллизией, апеллирует к III отделению как высшей инстанции. Речь идет о том, что в 1824 г., издавая перевод на немецкий язык «Кавказского пленника», Е.И. Ольдекоп включил в ту же книгу и подлинник поэмы, нанеся тем самым материальный ущерб Пушкину. Законодательного регулирования авторского права в России в то время не было (оно появилось только в 1828 г., с утверждением нового цензурного устава и приложенного к нему Положения о правах сочинителей) и юридическая возможность призвать Ольдекопа к ответу отсутствовала. Отец Пушкина жаловался тогда же (т.е. в 1824 г.) министру народного просвещения, но ничего не добился¹⁰⁴. И вот теперь, через три года, Пушкин не находит ничего лучше, как пожаловаться на Ольдекопа начальнику III отделения, признавая тем самым, что подобные дела входят в компетенцию этого ведомства. Изложив обстоятельства этого дела, он писал: «Не имея другого способа к обеспечению своего состояния, кроме выгод от посильных трудов моих, а ныне лично ободренный *Вашим превосходительством* (выделено мной. — А.Р.), осмеливаюсь наконец прибегнуть к высшему покровительству, дабы и впредь оградить себя от подобных покушений на свою собственность»¹⁰⁵. Впрочем, успеха он не достиг. Бенкендорф в письме от 22 августа сослался на то, что это касается не его, а цензурного ведомства, и отказался содействовать Пушкину в этом деле¹⁰⁶.

Чрезвычайно любопытен в этом плане случай с драматургом и романистом *Рафаилом Михайловичем Зотовым* (1796—1871). Он участвовал в войне 1812 г., потом служил в театральной дирекции, но в 1836 г. за вызов на дуэль, посланный своему начальнику, был уволен по личному распоряжению царя. Р.М. Зотов в том же году обратился в III отделение с прошением: доложить царю о том, что он очень сожалеет о своем поступке и просит либо разрешить вернуться к старой службе, либо дать новую. Бенкендорф доложил императору о его просьбе, а тот дал Зотову разрешение вновь поступить на службу. Однако некто из должностных лиц брать его на службу не хотел. Он еще несколько раз обращался с прошением в III отделение, оттуда в течение ряда лет посылали ходатайства о месте для него в различные учреждения, но все было тщетно¹⁰⁷.

В 1828 г., после начала Русско-турецкой войны, литератор и ученый *Осип Иванович Сенковский* (1800—1858), который был тогда профессором восточных языков в Петербургском университете, подал Бенкендорфу прошение о своем желании «быть употребленным» в Главной квартире действующей армии. Об этом было доложено царю, тот поручил обсудить этот вопрос с министром иностранных дел К. В. Нессельроде, и в результате в Главную квартиру Сенковского не отправили, а поручили составить «Карманную книгу для русских воинов» — своего рода русско-турецкий разговорник для солдат. Сенковский с успехом справился с этим поручением и получил в награду бриллиантовый перстень¹⁰⁸.

Через III отделение и его начальника нередко оказывалась **финансовая помощь** лицам, испытывающим нужду в деньгах.

В феврале 1834 г. Пушкин просил у царя через Бенкендорфа ссуду в 20 тыс. руб. на печатание «Истории Пугачева» и получил ее. В 1835 г. Пушкин просил и получил еще один заем в 30 тыс. руб.

Н. А. Полевому в 1841 и 1845—1846 гг. выплачивались пособия через III отделение¹⁰⁹.

Получал деньги через III отделение и *Гоголь*. В 1842 г. по представлению (через Бенкендорфа) попечителя Московского учебного округа графа С. Г. Строганова Николай распорядился выплатить Гоголю 500 руб. серебром¹¹⁰. В 1845 г. по ходатайству А. О. Смирновой и после рекомендательного письма В. А. Жуковского шефу жандармов и начальнику III отделения А. Ф. Орлову тот доложил Николаю о том, что Гоголь вновь нуждается в деньгах, но оказалось, что представление министра народного просвещения С. С. Уварова по тому же вопросу состоялось раньше и царь уже распорядился в течение трех лет выплачивать Гоголю по тысяче рублей серебром в год¹¹¹.

Писатели нередко обращались с просьбами дать **разрешение на публикацию** или **поднести их сочинения царю**. Обычно это происходило, когда их сочинения касались императора, членов его семьи, важных исторических событий. Иногда III отделение оказывало содействие автору, а иногда указывало, что это не входит в его компетенцию.

Например, в октябре 1827 г. Б. Федоров написал стихи «На рождение Благоверного Государя Великого князя Константина Николаевича» и, адресовав их А. Х. Бенкендорфу, просил разрешения опубликовать в газете «Северная пчела». Бенкендорф ответил:

«Милостивый государь мой,

Я прочел с удовольствием стихи, которые вы мне изволили прислать, и, возвращая оные, как не подлежащие моему рассмотрению, позволяю себе заметить, что четыре строфы, карандашом означенные, завлекая в пределы политические, могут иногда не согласиться с правилами цензуры. Впрочем, суждение о сем вов-

се до меня не касается, а потому, прося Вас извинить откровенное изъяснение моего образа мыслей, честь имею быть с совершенным почтением,

Ваш, милостивый государь мой, покорнейший слуга А. Бенкендорф»¹¹².

Граф *Дмитрий Иванович Хвостов* (1757—1835) в 1828—1831 гг. несколько раз обращался к Бенкендорфу с просьбой представить его стихи царю (а в одном случае — и получить у него разрешение на публикацию). Бенкендорф первый раз исполнил его желание, а в дальнейшем вежливо отклонял его просьбы¹¹³.

Поэт *Павел Иванович Свечин* и Н.И. Греч жаловались в 1830 г. в III отделение, что министр народного просвещения отказывается поднести их сочинения императору¹¹⁴. А.С. Шишков в 1830 г. просил Бенкендорфа поднести царю книгу крестьянина-поэта Ф.Н. Слепушкина «Четыре времени года русского поселянина». Тот отказал, пояснив, что это прерогатива Министерства народного просвещения¹¹⁵.

В том же 1830 г. *Василий Туманский* просил разрешения опубликовать стихи против восставших поляков, но позволения не получил¹¹⁶. В 1831 г. отставной майор *Ф.И. Герман* из Казани представил свое сочинение «Записки о крае Оренбургском» и просил, если оно окажется достойным, представить его императору¹¹⁷. В том же 1831 г. сенатор *Павел Иванович Сумароков* (1767—1846) написал книгу, в которой доказывал, что области, присоединенные от Польши, издавна принадлежали России и что «существование Польши было порочно, возмутительно, опасно для соседственных держав», и намеревался издать ее, посвятив императору. Цензура не пропустила ее, а император, ознакомившись с прошением, наложил резолюцию: «Посвящение мне рукописи принимаю с удовольствием и прочту с любопытством, но печатать не могу дозволить». После начала военных действий против поляков Сумароков возобновил свою просьбу, но Николай ответил, что «не находит сие приличным в настоящем времени»¹¹⁸. В том же году свои стихи на взятие Варшавы представил Бенкендорфу для передачи царю *Аполлон Александрович Майков* (1761—1838), автор ряда стихотворений «на случай», управляющий московскими театрами в 1810-х гг., директор петербургских театров в 1821—1825 гг.¹¹⁹

В том же году московский литератор *Николай Дмитриевич Иванчин-Писарев* (1795—1849) подготовил книгу «Отечественная галерея, или Предметы для картин, извлеченные из российской истории от начала нашей монархии до позднейших времен». Поскольку раздел о Николае I содержал информацию, почерпнутую не из официальных источников, то, как писал в прошении в III отделение Иванчин-Писарев, «московский цензор, профессор Снегирев, сам горя желанием видеть сии строки сообщенными россиянам, не решился их пропустить единственно потому, что в них

упоминается об освященной Особе ныне царствующего Государя и что содержания их не были официально сообщены публике, между тем как они в устах многих достоверных людей <...> прошу нижайше Ваше Высокопревосходительство удостоить милостивого внимания просьбу россиянина, исполненного изумления к неимоверным подвигам своего Монарха, и разрешить его недоумение»¹²⁰.

В 1839 г. *Федор Николаевич Глинка* (1786—1880) хотел издать свои «Очерки Бородинского сражения», но московская цензура отказалась их рассматривать, сославшись на распоряжение, что все сочинения о Бородинском сражении должны рассматриваться в Петербурге. Тогда Ф. Глинка обратился с письмом к Бенкендорфу, прося «взглянуть на рукопись и дозволить напечатать ее в настоящем ее виде. Буде же таковое разрешение зависит от Высочайшей Особы Государя Императора, то я прошу Вас, со свойственным Вам великодушием, исходатайствовать Всемилостивейшее разрешение на напечатание сочинения <...>»¹²¹. Дубельт переслал рукопись в Военно-цензурный комитет, прося в краткие сроки процензурировать рукопись, и в тот же день получил ее обратно, с разрешением на публикацию (при условии исключения нескольких мест).

В 1843 г. камергер *Александр Николаевич Львов*, член московского тюремного комитета, по представлению министра внутренних дел и при содействии Бенкендорфа получил разрешение на свой счет издавать «для чтения простолюдинов книги духовного и нравственного содержания». В 1843 г. он подал в III отделение для представления императору проект Комитета для издания духовно-поучительных книг для простого народа, однако царь отказал ему, сославшись на предшествовавшее разрешение¹²².

В 1847 г. отставной майор *Дмитрий Громов* прислал в III отделение свое сочинение «Вести с Кавказа. Военная драма», в котором в диалогической форме обсуждалось, как лучше воевать на Кавказе, но оно не было представлено царю¹²³.

В 1848 г. А.П. Башуцкий обратился к Дубельту с просьбой о содействии в получении от III отделения разрешения на публикацию в издаваемом им журнале «Иллюстрация» «рисунков и кратких известий о тех событиях, которые именно способны привязывать и возбуждать правдивые чувства любви к своему»: «все события, величием и радостью которых Императорской воле и семейству Императорскому благоугодно будет делиться с огромною семьею народа; все составляющее нашу славу и честь; портреты царственных лиц; церемонии; царские жилища; виды их покоев; портреты сановников, министров; изображения памятников, монументальных построек и пр. и пр.»¹²⁴. О его просьбе было доложено начальнику III отделения А.Ф. Орлову, и в итоге Башуцкому ответили, что частично это входит в компетенцию Министерства двора, а частично — обычной цензуры, «а до 3 отделения Собственной его Императорского Величества канцелярии не относится»¹²⁵.

Некоторые литераторы, как правило консервативной идеологической и эстетической ориентации, считали своим долгом **информировать** III отделение о тех или иных прегрешениях и преступлениях политического характера. Так, 3 июня 1826 г. уездный лекарь в г. Никольске Вологодской губернии, литератор *Иван Васильевич Георгиевский* (1802 — ок. 1865)¹²⁶ отправил донос на имя императора, где писал об антиправительственных высказываниях А.Ф. Воейкова и о добавленных им в его рукописную сатиру «Дом сумасшедших» соответствующих пассажах¹²⁷.

Учитель Ревельского уездного училища и литератор *Николай Васильевич Баталин* (1803 — конец 1860-х гг.)¹²⁸ в октябре 1826 г. обратился к министру народного просвещения А.С. Шишкову с донесением о том, что «общественное воспитание <...> в Эстляндии устремлено не к пользе Отечества, но к той цели, дабы под личиною притворного благочестия образовать юношество в духе республиканском, чему доказательством служат частые бунты между дерптскими студентами, которые получили пагубный навык к своеволию в первоначальных училищах»¹²⁹. Донесение это было передано в незадолго до этого созданное III отделение. Баталин был из обер-офицерских детей (т.е. по рождению не был дворянином), окончил словесное отделение Московского университета, с 1821 г. преподавал в Прибалтике, а в 1825 г. по повелению Александра I был перемещен в Казанский учебный округ (видимо, из-за конфликта с начальством). В 1839 г. он был отстранен от должности из-за «пререканий» с начальством. Изучавший творчество Баталина А.А. Ильин-Томич пришел к выводу, что его сочинения «демонстрируют его крайнюю благонамеренность (как религиозную, так и политическую)»¹³⁰.

В 1828 г. в III отделение пришел анонимный (но явно из литературной среды) донос из Москвы с жалобами на самоуправство попечителя Московского учебного округа А.А. Писарева. Он был доложен царю, но не повлек за собой неприятностей для А.А. Писарева¹³¹.

Гораздо более серьезные последствия имел другой анонимный донос — на «Европейца» Киреевского в 1832 г. Он также был доложен царю, и по его повелению журнал был закрыт на третьем номере¹³².

Донысы в III отделение подавал и журналист, поэт, драматург и прозаик *Борис Михайлович Федоров* (1798—1875)¹³³. Дворянин, он не обладал никаким имением и с юных лет тянул чиновничью лямку (служил в Министерстве юстиции, потом в Министерстве духовных дел и народного просвещения). Не наделенный литературным талантом, он придерживался архаичных эстетических взглядов. Как отмечал В.Э. Вацуро, «уже в ранний период подчеркнутый и несколько назойливый морализм и благонамеренность определяются как основное качество литературной продукции Федорова»¹³⁴.

Придерживался он и устаревшего понимания социальной роли писателя как клиента при патроне, меценате, обязанного воспевать своего покровителя и подносить ему плоды своей музыки. Его формулярный список испещрен записями о поднесенных членам царской фамилии произведениях и полученных за это подарках. Так, за поднесенное императрице Александре Федоровне в 1826 г. сочинение «Чувства Россиянина при вести о кончине Александра I» он получил в подарок золотую табакерку, за представленную ей же в 1827 г. книгу «Детский цветник» был пожалован бриллиантовым перстнем, за стихотворение на рождение великого князя Николая Александровича в 1843 г. вновь получил бриллиантовый перстень, за стихотворение на рождение великого князя Владимира Александровича в 1847 г. — еще один, за стихотворение по случаю юбилея великого князя Михаила Павловича в 1848 г. — золотые часы и т.д.¹³⁵ Но Б. Федоров не ограничивался императорской семьей. Точно так же он посвящал стихи сенатору, адмиралу Н.С. Мордвинову и брал деньги за подносимые экземпляры¹³⁶.

Что же касается его литературной позиции, то он всегда критиковал современную литературу за аморализм. Так, в 1832 г. он негодовал в письме к К.С. Сербиновичу: «Страшно подумать, если шутки в подобном роде будут распространяться в печати и если начнут священнейшее для человека выводить в сказках для забавы. Подобные шутки, мне кажется, могут колебать в народе уважение к святыням <...> привыкнут к кощунству, а тогда чего ждать, кроме гибели для нравов»¹³⁷. В 1846 г. в стихотворении «С.Д. П[олторацкому]» он писал:

Нас журналисты с толку сбили,
И вера в истину слаба;
Словесность нашу раскрошили,
Как коршуны и ястреба¹³⁸.

В 1868 г. он писал Н.Б. Юсупову про «уклонение от истины и причуды нашего века, который все перевернул наизнанку и, хвалясь прогрессом, — многое поставил вверх дном»¹³⁹.

Завершая обзор контактов литераторов с III отделением, подведем итоги.

Во второй четверти XIX в., когда публичное выражение мнений было сужено контролем цензуры, наиболее важным представителем власти по отношению к литературе выступало III отделение. Оно было не столько репрессивно-карательным учреждением, сколько *информационно-наблюдательным и даже в определенной степени пропагандистско-воспитательным*.

Стремясь воздействовать на императора, литераторы, особенно журналисты, вступали в тесные отношения с III отделением и

оказывали ему услуги, надеясь достигнуть своих целей (и иногда добиваясь этого).

Приведенные в статье данные показывают, по нашему мнению, что связь ряда журналистов и литераторов с III отделением — не досадное исключение, обусловленное низкими моральными качествами этих людей¹⁴⁰, а закономерное явление, демонстрирующее специфические черты российской литературной системы того времени.

Конечно, обладание теми или иными материальными ресурсами, связями и т.п. могло несколько ослабить зависимость писателя от власти, а наличие той или иной литературной идеологии — либо способствовать обращению к III отделению, либо порождать стремление дистанцироваться от его деятельности.

Степень готовности литераторов сотрудничать с III отделением определялась тем, как они мыслили адресат своей деятельности, через что осуществляли ее легитимацию. Старая концепция литературного труда, распространенная в XVIII в., предполагала, что литераторы — это своего рода чиновники на службе у правительства (собственно говоря, большая их часть была чиновниками и формально, призванные прославлять власть (прежде всего — царя), нравственно воспитывать людей (восхваляя положительные образцы и критикуя, высмеивая отрицательные) и просвещать их, сообщая знания. При таком подходе любая правительственная инстанция, а тем более близкая к государю (не будем забывать, что III отделение было частью его канцелярии), расценивалась изначально положительно и была достойна поддержки и сотрудничества. Многие литераторы первой трети XIX в., как правило представители старшего поколения, литературные архаисты и люди бедные, разделяли эти представления.

Была вторая группа литераторов, ориентирующихся на публику, читателей (главным образом издатели и сотрудники частных периодических изданий, а также популярные беллетристы). Потенциально они могли бы дистанцироваться от власти и даже встать к ней в оппозицию. Но в Николаевскую эпоху власть так жестко контролировала периодические издания, они настолько были заинтересованы в правительственных инстанциях как поставщиках информации, что стремились быть в тесном контакте с властью. Более того, сотрудничество с III отделением нередко позволяло обойти цензуру или противостоять ей.

Кроме того, в этот период господствовала, о чем уже выше шла речь, патерналистская идеология, в основе которой было *единство* царя и народа, своеобразный монархический демократизм, поэтому ориентация на читателей (особенно из недворянской среды) у них отнюдь не противоречила ориентации на власть.

Так или иначе, но большинство литераторов в 1820—1830-х гг. не считало неприличным служить в III отделении или оказывать ему

услуги. Идеологии, альтернативные государственно-монархической (например, профессионально-литературная или индивидуальнo-либеральная), были очень слабы. Все в конечном счете «замыкалось» на государство и царя, и многие литераторы, стремившиеся способствовать процветанию российского общества, вынуждены были в той или иной форме сотрудничать с III отделением.

И, наконец, последняя, весьма малочисленная группа — по большей части родовитые и высокообразованные дворяне, ориентирующиеся на свою среду, светское общество, для которых был важен принцип чести. Только они в 1820—1830-х гг. имели альтернативный моральный и финансовый ресурс, позволяющий хоть как-то дистанцироваться от режима, прежде всего таких его органов, как III отделение. В определенной степени это объяснялось тем, что, как люди светские, а в значительной части и придворные (или связанные родственными и дружескими узами с придворными), они могли «напрямую» выйти на царя и не нуждались в III отделении как посреднике. С другой стороны, тут важную роль играло понятие дворянской чести, которая в ряде случаев могла оказываться более важной, чем лояльность по отношению к власти.

В 1840—1850-х гг. таких людей стало больше, прежде всего за счет разночинцев, получивших хорошее образование и унаследовавших от литераторов-аристократов соответствующий этос. Важно и то, что в эти годы на литературные доходы живут уже не единицы, а десятки людей. Именно тогда большая часть литераторов и журналистов отходит от идеологии сотрудничества с III отделением.

МОСКОВСКАЯ НИЗОВАЯ КНИЖНОСТЬ

В Москве 1820—1830-х гг. жили и печатались многие литераторы, имена которых вошли в историю русской литературы: Н.А. Полевой, М.П. Погодин, С.П. Шевырев, Е.А. Боратынский, П.А. Вяземский, В.Ф. Одоевский и другие. Однако когда просматриваешь списки книг, изданных в эти годы в Москве, то поражаешься, что на долю этих и близких им по культурным ориентациям литераторов приходится ничтожная доля общего числа прозаических и поэтических изданий. Остальные — это то, что позднее стали называть лубочной книгой. Сразу же подчеркнем, что, с нашей точки зрения, называть их лубком некорректно, поскольку и по содержанию, и по адресату эти книги отличались от лицевого лубка (как картинок, так и книжек). У них существовали связи с лубочной картинкой, но подобный обмен сюжетами и мотивами с лубком был и у высокой литературы, что, конечно, не дает оснований для отождествления ее с лубком. Эта книжность, которую мы предлагаем называть *народной* или *низовой*, культурно в некоторой степени близка лубочной картинке, но в то же время соблюдает определенную дистанцию по отношению к лубку.

Необходимо оговорить, что сама по себе народная книга — явление весьма неоднородное (о чем ниже пойдет речь), и характеризовать его как целое имеет смысл, только если противопоставлять в культурном пространстве — на одном полюсе — высокой, элитарной словесности, на другом — лубочной картинке, наименее престижной в культурном плане.

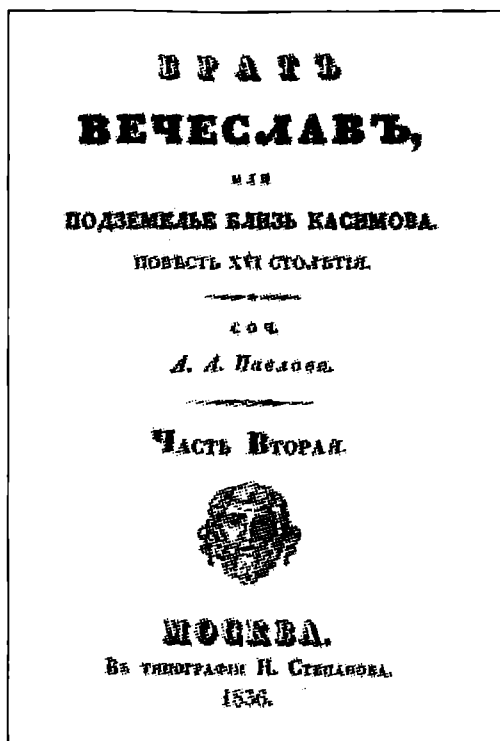
Если попытаться дать очень грубую схему социальной привязки текстов, то получится, что в эту эпоху высокая литература потребляется в основном столичным и состоятельным провинциальным дворянством, лубочные картинка и книга — крестьянством, дворовыми, слугами, а низовая литература — купечеством, мещанством, духовенством, мелкими чиновниками и офицерами, а также мелкопоместным дворянством.

Охарактеризуем теперь тот тип литературы, о котором идет речь. Возник он еще в конце XVIII в., но тогда издавались главным образом переводы и обработки зарубежных книг, выполненные, как правило, анонимными литераторами. Это были преимущественно рыцарские романы о Бове-королевиче, Францыле Венциане, Гуаке, Милорде Георге, сборники анекдотов, сказки, песенники. Позднее, особенно с середины 1820-х гг., стало выходить довольно много книг современных авторов, писавших исключительно для данного слоя публики.

Подобных литераторов Белинский называл «фризурными» — по дешевому материалу (фриз), из которого они шили свою верхнюю одежду. Выразительную характеристику их дал в свое время Ф.А. Кони. Он писал, что в Москве на толкучем рынке за Никольскими воротами (именно там располагались лавки низовых издателей и книгопродавцев) «есть свое просвещение, своя литература <...> свои философы, поэты, риторы, повествователи <...> Они не отделились от своего круга наружными формами: тот же картуз без козырька, тот же фризковый хитон, те же сквозные сапоги, превращенные временем в сандалии. Это изгнанники семинарий, выкидыши университетов, заброшенники академий (имеется в виду Медико-хирургическая академия в Москве. — А.Р.), страдальцы за излишне опозтезированный организацию души: за пьянство, буйство, ночное шатание, сбрасывание будок с места и другие сильные порывы энергических страстей. Они живут в своем, *особенном*, творческом мире, и если не создают, так подражают другим, сообразно с потребностями своего круга. Они посредники, так сказать, между высшими представителями нашей литературы и низшим классом читателей. Они создали особую книжную *производимость*, нашли издателей и насущный хлеб в мелочной литературной промышленности. Они горды самобытною своею деятельностью на поприще образования и, чувствуя свое преимущество над кругом своих читателей, не променяют своего рубища ни на какой доходный промысел столичной жизни, не отдадут своего тяжкого, мучительного напряжения за самый легкий механический труд»¹. Существовало несколько внешних признаков, по которым современники опознавали этот тип литературы: дешевая серая бумага (поэтому ее нередко называли серобумажной или серой), место печатания: чаще всего — типография Пономарева (Белинский нередко именовал подобную литературу пономаревской), унаследованная от XVIII в. традиция ставить союз «или» в заглавии, например: «Михаил Новгородский, или Нарушенная клятва», и т.п.

Неким единым целым подобная литература выглядела лишь при взгляде «сверху» — с позиции образованных и «просвещенных» читателей. Представители же этой словесности и их читатели довольно четко дифференцировали ее различные по уровню культуры слои. Нет сомнения, что, скажем, читатель из мещан и читатель из числа мелких чиновников отличались по своему культурному горизонту и интеллектуальным запросам.

В данном слое книжности можно обнаружить заимствованные на разных этапах элитарные культурные образцы, представляющие различные (стадиально) эпохи и стили: возрожденческий рыцарский роман, просветительская сатирическая нравоописательная сатира; предромантические и романтические жанры: исторический роман, готический роман, разбойничья повесть и т.п. Механизмы заимствования работали примерно те же, что и в лубочной

Титульный лист низового исторического романа

картинке (сильная переработка, переключающая текст в иной регистр, в соответствии со вкусами и ценностями низовой российской аудитории; «творческая порча», о которой писал искусствовед Б.М. Соколов², и т.д.), правда, впрямую иностранные тексты заимствовались гораздо реже, скорее речь может идти о типах сюжета, образцах стиля, тематике.

Один пласт низовой словесности представляли бесчисленные переиздания упомянутых выше рыцарских романов, анекдотов, сказок и т.п. Примерно на тот же круг читателей (мещане, менее культурные дворяне и купцы) были рассчитаны многочисленные малограмотные бытовые и сатирические книжки («Сельский колдун, или Крестьянская свадьба». М., 1835; «Москворецкие рыболовы, или Зеваки на Каменном мосту». М., 1834, и др.) крестьянина-самоучки Федота Семеновича Кузмичева (1799—1860?) и любовные романы происходившего из небогатой дворянской семьи Николая Ильича Зряхова (1782 или 1786 — конец 1840-х). Более искушенному читателю (главным образом мелким чиновникам) были

Ф.С. Кузмичев

адресованы нравственно-сатирические повести сына пономаря Александра Анфимовича Орлова (1790 или 1791 — 1840), окончившего Московский университет. Читателями Ивана Гавриловича Гурьянова (1791 — не ранее 1854) были, по-видимому, верхи этого культурного слоя — провинциальные помещики средней руки, небогатые столичные дворяне, получившие некоторое образование купцы и т.д.

Критики того времени уничижительно, даже издевательски писали о характеризуемом нами слое литературы, нередко утверждая, что подобные книги читает только простонародье, и, таким образом, по сути, отождествляли их аудиторию с аудиторией лубочных картинок, культурный статус которых был очень низок. Однако сами представители подобной словесности были иного мнения о своем творчестве. Они очень четко отделяли себя от лубочной словесности и нередко презрительно отзывались о лубочных картинках и рыцарских романах в своих книгах. Показательна, например, «снобистская» реакция повествователя в одной из книг Гурьянова, когда разговор «коснулся до литературы, или лучше и пристойнее сказать, до тех книг, которые обыкновенно читаются полутрамотными купцами-сидельцами, лакеями в передних и другими подобными им классами людей, читающих книги для того только, чтоб читать и более ничего. Долго слушал я суждение беседующих о Полиционе, о Иване гостинном сыне, о Георге, о каких-то Кручининых и Скудоумовых новейшего тиснения, описанных каким-то забавником»³, т.е. о героях многократно переиздававшихся низовых книг и персонажах недавней книги А.А. Орлова.

Страшные романы («Черный кошей, или Заднепровский хутор у Лунной горы». М., 1834; «Ведьма, или Страшные ночи за Днепром». М., 1834) поставлял на рынок происходивший из дворян Александр Иванович Чуровский (? — 1853), разбойничий («Черный гроб, или Кровавая звезда». М., 1835; «Пан Ягоджинский, отступник и мститель». М., 1836) — сын дьячка Александр Павлович Протопопов (1814—1867), исторические («Брат Вячеслав, или Подземелье близ Касимова». М., 1836; «Рыцарь креста». М., 1840) — Алексей Андреевич Павлов (1815 — не ранее 1848), а также Иван Никитич Глухарев, о котором шла речь выше, в очерке о московских «альманашниках».

За толстый роман низовой литератор мог получить рублей сто, но нередко они трудились и за гораздо меньшую плату. Один из критиков того времени писал в газете «Северная пчела», что подобные авторы «за двадцать пять копеек серебром, а иногда и за даяние “натурою”, соразмерное сей сумме, сочиняют разные разности, в том числе и эпопеи (*расскази тож*), во славу народных героев. Какой-нибудь продавец салных свеч принимает на себя звание издателя, печатает книжонку на той самой бумаге, в которую завертывается паюсная икра, печатает, разумеется, без орфографии и корректуры, неизвестных ему и по имени, да и совершенно излишних для подобных творений: потом экземпляры этого великолепного издания поступают на руки брадатых *афеней* и развозятся по “градам и селам”, где летом меняются на репу и огурцы, а зимою на старое, никуда уже не годное платье»⁴.

Поскольку подобный литературный труд в первой половине XIX в. был малопрестижен и оплачивался низко, зарабатывать на жизнь писанием книг решались лишь те, кто, обладая определенным минимумом образования, не мог в силу тех или иных обстоятельств («низкое» происхождение, «подмоченная» репутация, склонность к выпивке и т.п.) поступить на государственную службу или прозябал в мелких чинах. Вот почему среди низовых профессиональных литераторов Москвы преобладали канцеляристы (А.П. Протопопов, Д.И. Сигов, А.И. Чуровский), учителя (И.И. Башмаков, С.М. Любецкий), отставные офицеры (Н.И. Зряхов, Н.П. Гессель) и чиновники (А.А. Орлов). Сказанное не означает, как считали тогда журнальные критики, а сейчас — некоторые историки литературы, что все они были бесталанны. Как и в «большой» литературе, здесь, наряду с явными графоманами и малоспособными людьми, действовали и несомненные таланты (Орлов, Башмаков) и не лишенные литературных способностей писатели (Гурьянов, Любецкий, Чуровский). Они удовлетворяли духовные потребности читателей из «средних» слоев, по-своему просвещая, поучая и развлекая их.

Гораздо более объективно, чем критики того времени и многие современные историки литературы, подходил к книгам по-

Разносчица календарей.
Из журнала «Волшебный фонарь», 1817

добных литераторов Белинский, по мнению которого «чтение должно быть по плечу тещу, и в чтении должна быть своя постепенность, свой ход, свое развитие: иной от «Английского милорда» (популярный низовой роман М. Комарова. — *А.Р.*) доходит до «Ивана Выжигина» и на нем останавливается; а иной, начав «Гуаком, или Непокколебимую верностию» (известная рыцарская повесть. — *А.Р.*) и перешедши чрез все многочисленное поколение «Выжигиных» (имеются в виду романы Ф.В. Булгарина, Гурьянова, Орлова. — *А.Р.*), доходит до Вальтер Скотта и Купера <...> пусть читает во здравие наш православный народ, пусть с каждым днем все более и более распространяется в нем жажда к чтению! Что бы ни пробуждало и ни питало эту жажду — все хорошо! Долг рецензента — показать, для какого класса читателей писана та или другая книга, а не бранить эти добренькие серенькие книжки...»⁵.

Книгопродавцы, занимавшиеся изданием и продажей низовых книг (В.В. Логинов, С.А. Харитонов, А.С. Ширяев и др.), тор-

говали в основном на Никольской улице. Выпущенные ими книги развозились по ярмаркам (особенно много их было на Макарьевской), а там их разбирали офени и разносили по деревням. Печатали издатели 3000 и более экз., продавали книги по 10 руб. При себестоимости 1 руб. продажа 300 экз. окупала издание; в столицах книга стоила дорого, на ярмарках остаток тиража отдавался за бесценок.

Поскольку низовые литераторы 1820—1830-х гг. практически не изучены и до последнего времени биографии их были совершенно неизвестны, нам представляется необходимым рассказать о трех, наиболее значимых авторах этого типа. Судьба и творчество каждого из них весьма специфичны, но в совокупности они дают представление о характерных чертах этого слоя словесности.

И. Г. Гурьянов

Начнем с Ивана Гурьянова. Уже по количеству принадлежащих ему книг, да и нередко по исполнению, можно понять, что автор трудился ради денег и часто писал в спешке. Вот, например, «Полный и новейший песенник» в 12 частях (М., 1835), в котором Белинский нашел большое число ошибок и неточностей и охарактеризовал его как «шарлатанство и бездарность»⁶. Среди его публикаций — путеводитель «Русский в Царьграде» (М., 1828), многочисленные пособия для детей («Новейшая географико-историческая игра». М., 1824; «Новоизобретенный складной небесный глобус». М., 1824) и даже «Ручная книга для егерей и охотников» (М., 1836). Однако, читая книги Гурьянова, нередко несущие на себе следы спешки, убеждаешься в то же время, что он явно талантлив, много повидал в жизни и при этом прирожденный рассказчик: может живо и рельефно передать увиденное, верно охарактеризовать речь персонажей разных социальных слоев. Излюбленные его темы — история страны и быт средних сословий. В сфере истории он, разумеется, неоригинален. Альфой и омегой остается для него, как и для подавляющего большинства современников, «История государства Российского» Н. М. Карамзина. Он не только следует ей в описании и понимании тех или иных событий прошлого, но нередко цитирует или пересказывает ее. Ориентируясь на Карамзина, Гурьянов учитывает и народную концепцию истории, бытующие в фольклоре легенды и предания об исторических событиях. Среди книг Гурьянова на исторические темы — повесть «Битва Задонская, или Поражение Мамаю на полях Куликовских» (М., 1825), объемистый роман в четырех частях «Марина Мнишек, княжна Сендомирская, жена Димитрия Самозванца» (М., 1831), компиляция «Избранные черты из истории государства Российского» (Ч. 1—4. М., 1831).

В 1829 г., на волне успеха вышедшего недавно болгаринского романа «Иван Выжигин», Гурьянов выпустил (анонимно) «Ивану Выжигину от Сидора Пафнутьевича Простакова послание, или Отрывки бурной моей жизни», где хвалил своего адресата и, явно подражая Ф.В. Булгарину, излагал свою биографию. Булгарин импонировал Гурьянову апологетикой «среднего сословия», критикой нравов при общем оправдании существующего социального порядка. Он и позднее в своих книгах отпуская комплименты болгаринскому герою, а однажды использовал его имя в названии своего романа «Новый Выжигин на Макарьевской ярмарке, или Не люблю, не слушай, другим не мешай» (М., 1831). Именно нравственно-сатирические повести Гурьянова «Слухи о моровом поветрии в Персии...» (М., 1830), «Охотник в рекруты, или Гильдейские повинности» (М., 1831), «Илья Пройдохин. Открытая тайна некоторых, или Горе от ума и горе без ума» (М., 1831), «Комета 1832 года» (М., 1832) и представляют сейчас наибольший интерес. В этих небольших книгах нет напряженного сюжета, это скорее панорама современной жизни, автор стремится высмеять пороки различных сословий, главным образом — средних слоев. Возьмем, например, повесть «Фетинья Антоновна», где речь идет о гадалке, наживающей деньги за счет хорошего знания людских нравов. Каждая глава посвящена ее беседе с новым посетителем (горничная, мелкий чиновник, богатый купец, книготорговец и др.), что позволяет автору сатирически описать представителя каждой профессии. Чтобы дать представление о характере и уровне гурьяновской прозы, процитируем из этой повести автохарактеристику торговца книгами вразнос, который пришел посоветоваться к «ворожее» — стоит ли покупать рукопись для издания. Он рассказывает: «У нас, правда, один такой же грешный, как и я, ходил, ходил по домам, да как купил рукопись, так и давай печатать; да тут еще штуку ввернул: об имени сочинителя умолчал, а сам одному знатному барину, своему милостивцу, и посвятил ее, так — как вы думаете? Тысячку и нажил <...> Прежде, бывало, одних классиков давай, да полезное, а нынче так и даром этого не надобно: давай роман, сказку, что-нибудь нравственно-сатирическое, да уж до того и довели, что и на себя сатиры пишут и печатают и читают без зазрения совести <...> а особливо по нашей торговле — так давай хоть бессмыслицу, да смешную — заглавие все скрасит». От приобретаемой рукописи, по его мнению, «прибыль быть должна. Сочинитель-то хоть и незавидный, гроша за душой нет, и попивает немного, только не в погребах, потому что в кармане пусто, и потому-то он у нас и не в славе; да заглавие богатое. Просит безделицу, а отдает еще меньше, а напечатать немного понадобится»⁷.

Разумеется, сейчас и в этой книге, и в других, подобных ей, ценен не их нравоучительный пафос, а богатая информация о жизни и быте хорошо известной автору среды — офицеров, мелких чи-

новников, купцов и мещан. И в мемуаристике, и в художественной литературе о жизни этих сословий написано гораздо меньше, чем о столичном и провинциальном дворянстве. Гурьянов сохранил для нас ценные, увиденные зорким глазом детали и подробности повседневной жизни этой среды⁸. Часто выступал Гурьянов и в роли переводчика. В специальной брошюре, посвященной критическому разбору работы одного из известных переводчиков того времени, он следующим образом формулировал задачи перевода: «...если в землях иностранных вышла книга, полезная по каким-нибудь отношениям, тогда надлежит перевести оную для того, чтобы те, которых судьба лишила способов знать иностранные языки, могли читать это на своем природном»⁹. Однако в своей переводческой практике он был не очень верен своим декларациям, стремясь совместить «полезное» с «приятным», а нередко ограничивался интересным и увлекательным, не задумываясь о том, полезно оно или нет. С французского он переводил романы (Потоцкий А. Димитрий Самозванец. М., 1833; Биньян А. Эшафот, или Сын преступника. М., 1835), книги по истории (Тушард-Лафос и Коло. Полная история семейственной и военной жизни Наполеона Бонапарте. В 4 ч. М., 1832) и детские произведения (Бланшард П. 50 басен и повестей для детей. М., 1835; Шмидт Х. Рука господня с нами. М., 1835), с немецкого — книгу «Простонародный сказочник, или Шесть сказок и повестей о мертвецах, привидениях и колдунах» (М., 1831). Выпущенная им в 1833 г. книга о приключениях барона Мюнхгаузена (под названием «Не любо не слушай, лгать не мешай...») представляет собой, как справедливо указал А.В. Блюм, незначительно переработанный и дополненный вариант перевода Н.П. Осипова, впервые изданного еще в 1791 г.¹⁰

Заслуживает внимания выпущенная Гурьяновым анонимно четырехтомная книга «Москва, или Исторический путеводитель по знаменитой столице государства Российского» (М., 1827—1831). Это — настоящая энциклопедия жизни Москвы в Пушкинскую эпоху. Громадная по объему (порядка 1200 страниц), она подробно описывает весь город: примечательные здания, правительственные и общественные учреждения, исторические памятники. Здесь есть улицы и площади, мосты и соборы, Кремль и Китай-город, Гостиный двор и учебные заведения, тюрьмы и больницы, театры и бани, библиотеки и книжные магазины. Помимо собственных наблюдений и лично собранных сведений автор использовал несколько десятков книг и журнальных публикаций, среди которых не только такая широко известная работа, как «История государства Российского» Н.М. Карамзина, но и специальные исследования по археологии, общей и церковной истории, библиографии и т.д. Путеводитель был положительно оценен современниками (рецензент журнала «Московский телеграф» считал, что «описания Мос-

квы лучше этого сборника доньше еще не явилось»¹¹), а в дальнейшем неоднократно использовался историками как источник ценнейших сведений о жизни и быте Москвы.

Как видим, Гурьянов — фигура весьма любопытная. Однако до последнего времени о нем ничего не было известно, в справочниках и каталогах отсутствовало даже его отчество, не говоря уже о датах жизни и прочих биографических сведениях.

Например, в знаменитом словаре С.А. Венгерова значилось лишь следующее: «Гурьянов, Иван — лубочный писатель 1820—1850 гг.»¹². Лишь на основе архивного поиска удалось восстановить основные этапы его биографии. Оказалось, что жизнеописание Гурьянова выглядит увлекательнее любого плутовского романа. Буквально каждый эпизод его жизни ярко характеризует тогдашнюю русскую действительность. Правда, часть их дает материал не столько для исследователя, сколько для следователя. Приходится сталкиваться с противоречивыми версиями, разноголосицей в свидетельских показаниях, отсутствием важных документов. Поэтому в некоторых местах изложение будет давать лишь возможную версию происходившего. Но, поскольку реконструкция биографии Гурьянова сама по себе напоминает детективный сюжет, начнем с нее. Не обнаружив о нем ничего в справочниках, мы обратились к архивам, но и это дало весьма скудную информацию — в Отделе рукописей Ленинской (ныне — Российской государственной) библиотеки обнаружилось несколько его писем, которые почти не содержали биографических сведений, а в Центральном государственном историческом архиве г. Москвы, в материалах московской цензуры, отыскивались отрывочные и противоречивые (как позднее выяснилось — во многом неверные) сведения о том, что в 1824 г. Гурьянов был юнкером некоего (название написано неразборчиво) полка, в 1826 г. — коллежским регистратором, а в 1828 г. — унтер-офицером в отставке (в 1831 г. в письме в цензуру он именовал себя «уволненным за ранами дворянином») ¹³. Казалось, что разыскания зашли в тупик. Оставалось одно — искать информацию о Гурьянове в его собственных произведениях. Пришлось читать одну за другой полсотни его книг. В одной из них — сборнике военных анекдотов и документальных материалов «Ура! Слава русским. Подарок героям-победителям персов и турок» (М., 1831) — нашлось примечание к тексту, в котором он писал, что в 1812 г., «будучи поручиком Эстляндского пехотного полка <...> командовал третьей Мушкетерской ротой» и принимал участие в сражении под Смоленцами, где был ранен в ногу¹⁴. Дальше все было достаточно просто. В печатной истории Эстляндского полка обнаружилось сведения о его службе там и геройском поведении в боях (например, в сражении под Полоцком, как значилось в донесении, «сей храбрый офицер был в 1-й день употреблен со стрелками и удержал под сильным огнем неприятельским до самой ночи цепь в

лесу, в другой день командовал ротой, примером своим под сильным пушечным огнем ободрял людей и, когда шли на штыки, был ранен сильною контузией в грудь»¹⁵.

Полученные данные стали основой для поисков в Центральном государственном военно-историческом и Центральном (ныне — Российском) государственном историческом архивах. Они были осуществлены сотрудниками этих архивов Н.Ю. Муравейниковой (ЦГВИА) и А.Л. Верлинским (ЦГИА) и позволили выявить послужной список Гурьянова и различного рода сведения о нем¹⁶.

Предваряя изложение его биографии, хотелось бы обратить внимание на следующее обстоятельство. Быт и культура первой половины XIX столетия сравнительно неплохо описаны и изучены лишь в своих крайних точках — «просвещенное» дворянство (условно говоря, литераторы пушкинского круга и их окружение) и крепостное крестьянство. Образ жизни и мировоззрение различного рода «промежуточных» слоев (мещане, купцы, мелкие чиновники, мелкопоместные дворяне, священники и т.д.) известны гораздо меньше, мы почти не располагаем жизнеописаниями представителей этой среды. Поэтому биография Гурьянова интересна не только как повествование о приключениях и злоключениях конкретного человека, она дает представление об условиях жизни и культуре «средних» слоев, и прежде всего провинциального служилого дворянства и низовых столичных литераторов.

Родился он 6 (17) января 1791 г. в Оренбурге в семье капитана Озерного батальона Николая Лашкина. Однако отец вскоре умер, не успев зарегистрировать ребенка в качестве своего сына и не наделив его в результате дворянским достоинством. Мать через несколько лет, в 1795 г., вновь вышла замуж — за чиновника Гаврилу Петровича Гурьянова. До чина коллежского асессора, начиная с которого чиновник обретал право на потомственное дворянство (если, конечно, не имел его от рождения), он дослужился в 1792 г. (правда, выдача соответствующих документов затянулась надолго). Теперь все последующие (но не родившиеся ранее!) его дети тоже стали бы дворянами. Лишь в том случае, если детей больше не было, отцу дозволялось просить о пожаловании дворянства одному из ранее родившихся детей. Но Иван, как мы знаем, вообще не был сыном Гурьянова. Тем не менее Гурьянов пытался обеспечить ему дворянство и стал выдавать за своего сына. Он подал прошение о регистрации в качестве потомственного дворянина, и в марте 1796 г. состоялось повеление уфимского наместничества о внесении его с-сыном Иваном в родословную книгу Уфимской губернии.

В 1796 г. Гаврила Гурьянов получает в наследство (после смерти брата) небольшие поместья в Казанской и Нижегородской губерниях и с 1798 г. живет в Казани. Пришедший наконец (в 1797 г.) диплом на чин коллежского асессора дает возможность строго фор-

мально закрепить за собой дворянство, и после соответствующего прошения в 1798 г. состоялся указ Сената о выдаче ему диплома на дворянское достоинство. Однако в январе 1801 г. он умер, не успев закрепить дворянство за приемным сыном. Вдова подает в Герольдию соответствующее прошение, выдавая Ивана за сына Гурьянова, и, несмотря на отсутствие соответствующих метрических документов, почти добивается своего — в июне 1803 г. уже был отдан приказ об изготовлении Ивану диплома на дворянство и представлении на подпись царю. Однако, поскольку речь шла не только о дворянстве Ивана как таковом, но и о праве на наследство Гаврилы Гурьянова, родственники его не дремали. Вскоре в столицу пришло письмо сестры покойного с сообщением, что Иван — сын Лашкина, а не Гурьянова, подкрепленное свидетельствами ряда лиц. В результате все сорвалось и дворянином Иван не стал.

Тем не менее наследство у Гурьяновых отобрать не удалось, и жили они безбедно. Иван посещал иностранный пансион в Казани, где получил сравнительно неплохое для своего времени образование.

Однако нужно было закрепить за собой место в обществе, а возможность продвижения вверх давало только дворянство. Провинциалу проще всего было сделать карьеру в армии, и в 1807 г. шестнадцати лет от роду Иван (выдав себя за дворянина) поступает унтер-офицером в 26-й егерский полк и в том же году участвует в боевых действиях в Пруссии против наполеоновских войск (в 1808—1810 гг. принимал участие в Шведской кампании).

В 1812 г. он произведен в прапорщики и переведен в Эстляндский пехотный полк. Начинается Отечественная война 1812 г. Гурьянов отважно сражается, быстро растет в чинах: в июне он уже подпоручик, в октябре — поручик, а в ноябре — штабс-капитан (в 21 год!), награжден орденом Св. Анны 4-го класса.

Но тут военная карьера Гурьянова прерывается. Он был тяжело ранен в ногу, что на всю жизнь сделало его инвалидом, и в 1813 г. отправлен на излечение на родину. Выздоровев, он по предписанию коменданта Казани в январе 1814 г. принял партию рекрут, чтобы перевести ее в Белосток, однако по пути с ним случилось несчастье — по его утверждению, он потерял бумажник с 3800 руб., принадлежащих рекрутам (не исключено, конечно, что он их растратил). Прибыв в Белосток, Гурьянов заявил о потере денег и обязался выплатить их, продав дом в Казани и имение в Лаишевском уезде Казанской губернии. В казну были представлены опись и секвестр имения, а Гурьянов посажен на гауптвахту под арест, где в ожидании суда пробыл 14 месяцев. Комиссия военного суда на основе манифеста 30 августа 1814 г., по которому ряд категорий преступников подлежал помилованию, прекратила дело, сделала запрос о продаже принадлежащих Гурьянову дома в Каза-

ни и имения в Казанской губернии, а самого его возвратила в полк. Однако аудиторский департамент Военного министерства постановил возбудить судебное дело, основанием чего послужил указ Сената от 30 июня 1815 г., разъясняющий, что манифест не распространяется на лиц, которым по закону полагается смертная казнь (проступок Гурьянова по давно устаревшим, но пока не отмененным петровским уставам подлежал именно такой каре). Фактически к подобного рода преступлениям она давно не применялась, но формально не была отменена.

Во время знаменитого казанского пожара 1815 г. сгорел не только дом Гурьянова, но и присутственные места города, что задерживало продажу имения. Кроме того, пришел донос из Казани о том, что родственники Гурьянова уклоняются от продажи. В результате в 1818 г. полевой аудиториат при Бобруйском ордонансгаузе и 14-й пехотной дивизии признал Гурьянова «виновным в утрате принадлежащих порученной ему партии рекрутов собственных их и наградных денег до 5500 руб., из коих 3800 р. якобы дорогою потерял, но на то никаких доказательств, удостоверяющих сию потерю, не представил и нигде даже о том не объявлял, из чего видно, что вся сия сумма им на непозволительные свои надобности употреблена, чем самым лишил тех рекрут на долгое время их собственности и не без того, что из них многих заставил иметь нужду <...> Сверх того он, Гурьянов, имевши достаточное в Казани имение, хотя посредством оногo мог бы тех рекрут в то же или через короткое время удовлетворить; но он с 1814 г. под разными предлогами избегал платежа и еще, как по делу видно, старался закрывать свое имение, чем самым в удовлетворении сказанных рекрут по случаю распределения их по разным полкам навлек по начальству довольно важное затруднение. За что по приведенным здесь узаконениям он, Гурьянов, подверг себя смертной казни и по манифесту 1814 г. августа 30 состоявшегося не может воспользоваться прощением <...> А по сему согласно с приговором военного суда его, Гурьянова, лиша всех чинов, дворянского достоинства написать в рядовые, а утраченные им рекрутские деньги, значущиеся по сентенции 3487 р. 28 коп., взыскать с его имения»¹⁷. Вскоре имение было продано с аукциона и долг Гурьянова покрыт, а сам он в 1819 г. послан рядовым в Тульский пехотный полк.

В полку (который был расквартирован в Великих Луках) Гурьянов преподавал в полковой школе. Одновременно он начал вести длительную борьбу за улучшение своего положения. И хотя в итоге она оказалась малоуспешной, в энергии и изобретательности Гурьянову отказать нельзя. Уже в 1819 г. он подготовил, а в 1820 г. послал министру духовных дел и народного просвещения А.Н. Голицыну рукопись «Полезный подарок юношеству, или Полная арифметика в вопросах и ответах, выбранная из разных авторов Иваном Гурьяновым», которая была одобрена Ученым

комитетом при Департаменте народного просвещения, переслана по распоряжению Голицына начальнику Главного штаба и, по его резолюции, «оставлена без движения». В 1823 г. мать Гурьянова обращалась к высокопоставленным сановникам с прошением об облегчении участи сына. Однако, поскольку в 1820 г. император запретил подавать прошения о прощении и возвращении чинов тем солдатам, которые были разжалованы с лишением дворянства, никаких последствий эта просьба не имела. В том же 1823 г. командир 5-го пехотного корпуса ходатайствовал о производстве Гурьянова в офицеры (высший солдатский чин, унтер-офицера, с которого начинал 14 лет назад, он вновь получил в 1821 г.), однако царь отказал.

Тягот строевой службы Гурьянов не испытывал. Познакомившись в 1825 г. с генерал-майором и литератором А.А. Писаревым (вскоре тот стал попечителем Московского учебного округа), Гурьянов писал ему, что дает уроки детям генерал-адъютанта, барона Г.В. Розена, своего дивизионного командира, за что получает 500 руб. в год. Поскольку этих денег не хватает (не забудем, что имение было продано и на иждивении Гурьянова были мать, жена и дети), он «решился свободные минуты употребить на умножение дохода»: «переводы и другие такого рода упражнения открыли для меня источник безбедного содержания; но книгопродавцы скоро узнали, что я работаю из насущного, и не преминули воспользоваться сим случаем. Я работал, как лошадь, а получал плату как милостыню: так продолжается и теперь»¹⁸ (в другом месте он писал, что переводил для книготорговцев с 1821 г.)¹⁹. Платили ему действительно гроши — за книгу в 7 печатных листов «Битва Задонская...», к которой он сам нарисовал виньетку, давали всего 40 руб. (т.е. примерно 6 руб. за печатный лист). Это порождало конфликты с издателями. Так, в 1825 г. он писал А.А. Писареву: «Я уже не пишу для Трухачева (московский книгопродавец и издатель. — А.Р.) окрестностей Московских, ибо они, пользуясь моею бедностью и более еще несчастием (т.е. положением человека, наказанного по суду. — А.Р.) <...> меня притеснили и обидели». В связи с этим он полагал, что подготовленный им путеводитель по Москве не будет издан²⁰. Характеризуя свой жизненный путь, Гурьянов писал в упоминавшейся выше книге «Ивану Выжигину от Сидора Пафнутьевича Простакова послание...», что он прошел «множество состояний и сословий, от богатого барчонка до воина, до барина, до дядьки и проч., даже до беднейшего кропателя, для баловливых родителей, праздничных детских стишонков, или сочинителя единообразных книжных объявлений для газет, пропусаемых благосклонною редакциею и принимаемых благосклоннейшею публикою, безусловно»²¹.

В 1826 г., после смерти Александра I, по ходатайству главнокомандующего 1-й армией о возвращении Гурьянову дворянского

достоинства с увольнением от службы, за раную, прапорщиком, Николай I приказал уволить Гурьянова в отставку, не производя его в офицеры (т.е. без чина). После увольнения Гурьянов стал печататься еще активнее. Ежегодно выходило около десятка его книг, часть которых издавалась анонимно. Он переводил с немецкого и французского, подготавливал компиляции, сам писал книги. Одновременно он давал в Москве и Коломне уроки немецкого и французского языков, истории, географии, математики и рисования. Во второй половине 1830-х гг. Гурьянов, по-видимому, покинул Москву. Известно, что в середине 1840-х гг. он жил в Ельне и давал уроки (на что формально не имел права, так как не сдавал соответствующего экзамена). В 1845 г. он подавал прошение о том, чтобы считаться уволенным со службы прапорщиком и получать пенсию по инвалидности. Прошение поддержал известный генерал, герой войны и литератор, И.Н. Скобелев, который писал, что «Гурьянов служил с ним в одной роте и с Гурьяновым он, как с добрым другом хаживал и по грибы, и по ягоды. Грех Гурьянова попутал, а малый был славный и умный»²². Однако в ответ на прошение царь приказал считать Гурьянова уволенным со службы с чином коллежского регистратора и разрешил ему вновь поступить на службу. Тем не менее на службу он, по-видимому, не поступил. По крайней мере, в адрес-календарях 1840—1850-х гг. его имя не обнаружено. Известно, что в 1854 г. он издал в Москве книгу «Послание на Кавказ к Силе Андреевичу Богатыреву с берегов Дуная», после чего следы Гурьянова теряются.

Как видим, вся его жизнь была заполнена борьбой за существование. Из воспоминаний А. Фета мы знаем, какой психологической травмой стало для него лишение дворянства в детстве и сколько усилий пришлось ему затратить, чтобы вновь войти в число потомственных дворян. Схожей борьбой за получение дворянства была заполнена первая половина жизни Ивана Гурьянова. Успешно решив эту задачу, он в момент утрачивает завоеванное положение. Причем, даже если он не потерял деньги, а действительно их растратил, преступником по натуре он явно не был. Ранее он отважно защищал родину, а позднее прилежно трудился и, если использовать стандартные моральные оценки, искупил свою вину.

А.А. Орлов

Из числа московских «серобумажных» литераторов лишь один — Александр Анфимович Орлов — вошел в историю русской литературы²³. Для того чтобы подобной чести удостоили низового писателя, нужна была причина экстраординарная, и такая причина была: А.С. Пушкин не только писал о нем в статьях «Торжество дружбы, или Оправданный Александр Анфимович Орлов» и «Не-

А.А. Орлов

сколько слов о мизинце г. Булгарина и о прочем» (где называл его «почтенным другом» своим), но и вступил с ним в переписку. Дальнейшее понятно — что связано с «нашим всем», то автоматически попадает в историю литературы.

Многих, конечно, коробило и коробит, что Пушкин «не стыдился входить в сношения с неблагопристойным, продажным писакой»²⁴ и тем самым «запятнал» свою репутацию; пишущие об этом эпизоде нередко утверждают, что Пушкин только посмеивался над Орловым и использовал его для того, чтобы «поддеть Булгарина»²⁵. Ниже мы сформулируем свою точку зрения по этому вопросу, но предварительно изложим биографию и охарактеризуем творчество А.А. Орлова.

Ему посвящено несколько недавних публикаций²⁶, однако в них не был отмечен ряд важных черт писательской биографии и читательской репутации Орлова.

Годился Орлов в семье пономаря (позднее отец стал священником), учился в семинарии Троице-Сергиевой лавры (1801—1813), потом в Московском университете (1814—1821), нравственно-политической отделению которого он окончил со степенью кандидата. Несколько лет прослужил в Московской уголовной палате, а с конца 1820-х гг. стал профессиональным литератором (подрабатывал он и частными уроками). Всего он выпустил более сотни

книг (в письме И.И. Дмитриеву он сообщал, что за книгу ему платят 10 руб., а всего за год он зарабатывает литературным трудом около 200 руб.)²⁷. Орлов много пил и в результате жил и умер в нищете.

В литературе Орлов дебютировал героическими поэмами «Димитрий Донской, или Начало российского величия» (М., 1827) и «Александр Первый, или Поражение двадцати язык» (М., 1828), отнюдь не худшими образцами этого жанра, но к моменту своей публикации безнадежно архаичными, представлявшими собой «последнее эхо уходящего классицизма»²⁸.

Характерен своей патетикой следующий пассаж из «Димитрия Донского»:

Ряды мешаются, крик грозный к небу всходит,
Смерть бледная везде и ужас смертный ходит.
В крови она бежит и вопит по рядам,
Ломает стрелы, лук, ступает по телам.
Везде свирепствует, везде она ярится,
Полками целыми рать русская ложится,
Являют грозный вид их челюсти, уста,
Усланы трупами окружные места²⁹.

Поэмы эти успеха не имели, но Орлов не пал духом и через некоторое время стал выпускать в большом числе книжечки юмористическо-нравоописательного характера (сам он нередко именовал их «нравственно-сатирическими романами»). Они обладали заковыристыми названиями («Верхоглядь, приезжие за газетами, или Махнули рукой, да и поехали домой». М., 1831; «Живые обмороки, или Оттенки невежества». М., 1831; «Зеваки на Макарьевской ярмарке, или Московский купец Савва Савич, каковых купцов мало». М., 1831; «Переломанная нога, или Купеческие гуляки на ярмарке». М., 1832; и др.).

Демонстрируя хорошее знание купеческого и мелкочиновичьего быта, Орлов сатирически живописал пороки персонажей из этой среды, причем порок у него обычно наказывался, а добродетель — вознаграждалась.

Человек наблюдательный, хорошо знающий быт русского среднего сословия (купцы, мещане, приказчики, мелкие чиновники, стряпчие и т.п.), наделенный чувством юмора (причем юмора простонародного) и, что самое главное, обладающий богатыми языковыми ресурсами, Орлов умело сплавил различные речевые пласты — народное просторечие, язык приказных, семинаристов и т.д. — и создал на их основе свой самобытный сказ, например: «Ах! Боже мой! как же вы мужчины безопасливь: пристае на дороге к бедной шестнадцатилетней девушке-мещанке, не понимая, что мещанка помещать может в себе: мещанка в этом затасканном платке, в этих загрязненных, почти без подошв башмаках, может вме-

щать — в одной своей душе — все... Вы, господа, превышаете нас богатством, а мы, мещанки, знающие ставить горшки в печь, мыть полы, заплатить прорешку, мы можем превышать иных ваших барынь, знающих на всех языках, умеющих танцевать, рисовать, на всех инструментах играть, как соловушка распевать, можем превышать — чем бы, право сказать, — бедною честностью...»³⁰

Какой резкий контраст между этим фрагментом и цитируемыми выше строками из «Дмитрия Донского»!

Орлов ориентировался на традицию сатирического нравоописания XVIII в., возобновленную в новых условиях «Иваном Выжигиным» (1829) Булгарина. Академик Н.А. Котляревский отмечал, что в книгах Орлова «недурно обрисованы были некоторые типы мещанские и купеческие, очевидно списанные с натуры автором, который <...> был с жизнью этих слоев общества достаточно знаком с детства»³¹.

Грубоватый комизм изображаемых ситуаций, но, главное, богатый и сочный язык и постоянная речевая игра обеспечивали своеобразие книгам Орлова.

Игровые моменты весьма ощутимы и в сюжете книг Орлова. Он нередко использует имена персонажей и названия известных произведений («Непоколебимая дружба Чухломских жителей Кручинина и Скудоумова, или Митрофанушка в потомстве». М., 1830; «Клятва при погребке господском». М., 1832 (ср. «Клятва при гробе Господнем» Н.А. Полевого), «Смерть Ивана Выжигина». М., 1831, и другие его книги «выжигинского» цикла), причем это, конечно, не пародии, как иногда пишут, а лишь использование персонажей для своих литературных целей.

Будучи «театральными», игровыми по природе, книги Орлова имеют в то же время в описаниях среды и быта несомненную информационную ценность. Поэтому М.К. Азадовский в своей «Истории русской фольклористики» совершенно справедливо счел нужным выделить книги Орлова как ценный фольклористический и этнографический источник. Он отмечал, что Орлов «среди своих многочисленных повестей, рассказов, былей и т.д. выпускал иногда небольшие брошюры с песнями и сказками. В отличие от своих собратьев и соратников по мещанской литературе Орлов по преимуществу обрабатывал народные сказки, пользуясь ими как фабулой для своих произведений и как канвой для полемических пародий. Многие его “повести” представляют собой просто пересказы народно-сказочных сюжетов <...> Им же была выпущена брошюра под заглавием “Простонародные песни” (М., 1832), где он уже всецело является собирателем и публикатором своих записей»³².

Чрезвычайно любопытна книга Орлова «Моя жизнь, или Исповедь» (М., 1832). А.Г. Тартаковский, детально изучив русскую мемуаристику XVIII — первой половины XIX в., показал, что автобиографические повествования большого временного охвата

обычно не выходили тогда в свет при жизни авторов (в качестве единственного исключения он рассматривал «Воспоминания» Ф.В. Булгарина, изданные в 1846—1849 гг.)³³. Книга Орлова, уступающая рассматриваемым Тартаковским воспоминаниям в объеме и полноте проработки фона, тем не менее — полноценный мемуар, в котором охарактеризованы его родители и описаны детство, учеба в семинарии и университете, а частично и последующая жизнь. И вышла она за 15 лет до булгаринских воспоминаний. Если учесть к тому же, что в отличие от Булгарина и ему подобных Орлов пишет не о выдающихся деятелях и не об исторических событиях, а об обыденной жизни простых людей, значение этой книги, манифестирующей ценность и историческую значимость простого человека, становится еще выше.

Критика, исходя из господствующих в «высокой» литературе эстетических норм, относилась к Орлову с раздражением и презрением, исключительно сильно «прикладывая» его книги. Вот примеры из рецензий на его сочинения: «уродливое произведение, срамящее нашу словесность», «бумагомаратель, не чувствующий своего ничтожества и пишущий стихи, не зная правил стихосложения»³⁴, роман «блестит совершенным отсутствием всего, что подлежит владычеству здравого смысла»³⁵, «читать сии творения мы не имели сил, и поэтому говорить о них ничего не можем»³⁶. В результате подобной травли и, как следствие, преследований цензуры со второй половины 1830-х гг. Орлов практически был лишен возможности печататься и вытеснен из литературы³⁷.

Современные историки литературы обычно рассматривают Орлова как автора «откровенно торгашеских сочинений»³⁸. Однако это несправедливо. Зарабатывал Орлов, как уже было сказано, очень мало, а свою деятельность он рассматривал как просветительскую. В 1835 г., жалуясь на действия московской цензуры, он писал министру народного просвещения С.С. Уварову: «Для высшего класса людей я писал немного; я писал для среднего и низшего сословий. Я принял в соображение, что простонародие не может читать Державиных, Ломоносовых и тому подобных, а потому и избрал я другую дорогу. Я увидел, что лавочник, сидя на прилавке, фабрикант, мастеровой в свободное время занимается чтением Бовы Королевича, Еруслана Лазаревича и тому подобного, а тем самым удаляется от тех пороков, которые от праздности происходят. Но так как все это прочитано, то я и решился удовлетворить простонародию, издавая разные повести, могущие служить ему развлечением. Я увидел, что портной, сапожник с удовольствием платит гривенник и покупает мои книжки, столь дешево ему достаются, например: “Дунычка, московская междуомочка”, “Преображенские ленточки, измятая кофточка”, и тому подобное. Я увидел, что сапожник, в праздное время, собравши около себя товарищей и читая, так сказать, по складам “Неколе-

бимую дружбу чухломских жителей Кручинина и Скудоумова”, “Зевак на Макарьевской ярмонке”, “О переломленной ноге, купеческих гулянках”, толкует товарищам о этих чудаках, любит сам собою, что он чтец, видя пред собою слушателей, а потому научается сам лучше читать, в других же вперет охоту учиться грамоте. Он переходит из одной ступени в другую, старается учиться уже писать, но, видя, что не понимает цифр, с намерением мною выставляемых, принимается учиться арифметике. Таковым образом идут и его товарищи, которым никогда бы не пришла охота учиться. Но тут они, желая слыть чтецами, без учительской лозы кланяются своему товарищу, чтоб он, в свободной час от работы, показал им грамоту, и товарищ, яко учитель, видя к себе таковое уважение <...> дает им вместо указки шило и начинается учение. *Сапожническая избушка* обращается в классную залу. Таковым образом неприметно распространяется просвещение, а следовательно совершается желание правительства: водворить просвещение. Я за ничто отдавал свои оригиналы, имея постоянную мысль: распространить охоту к чтению, с собственным пожертвованием, а не обогатить себя»³⁹.

У московских простонародных читателей Орлов пользовался большой популярностью. Н.М. Языков, который был знаком с ним, утверждал в 1831 г. в письме брату, что Орлов «пользуется великою известностью в распивочных и гостином дворе»⁴⁰. Любопытно следующее высказывание о нем одного московского книгопродавца, сочувственно процитированное рецензентом «Московского телеграфа»: «Вы неправы, г-да рецензенты, нападая на творения г-на Орлова. Не будь их, что прикажете читать тому, кто учился, что называется, на медные деньги, и за книгу платит мелким серебром, а не ассигнациями? <...> Г-н Орлов пишет для своих читателей понятно, продает дешево, и его книги имеют большое преимущество пред “Милордом Георгом” и “Совестодралом”: в них описывается близкое, знакомое читателям, свое, современное; сверх того, всегда осмеивается в них порок, добродетель хвалится, добрые награждены, злые наказаны. Не читайте книг г-на Орлова, они не для вас писаны, но не браните»⁴¹. Н.В. Гоголь признавал, что «вряд ли кто умеет лучше с нею (простонародной аудиторией, «чернью» — в языке Гоголя. — А.Р.) изъясняться, как <...> Александр Анфимович Орлов...»⁴²

Постепенно осознала это и критика. В.Г. Белинский, например, писал в 1838 г.: «...не правы люди, которые некогда истощали свое остроумие над романами А.А. Орлова: у него своя публика, которая находила в его произведениях то, чего искала и требовала для себя, и в известной литературной сфере он один, между множеством, пользовался истинною славою, заслуженным авторитетом»⁴³. Ему вторил и Н.А. Полевой: «А позвольте спросить: чем, например, лучше А.А. Орлова какой-нибудь поэт либо

рассказчик, стихи и прозу которых печатают в журналах и альманахах и которые кричат горделивое “фи!” об А.А. Орлове, когда он, правда, Скаррон русский, не красив, не умыт, не брит, неопрятен, но, право, перетянет иного эфирного поэта и чопорного писачку повестей»⁴⁴.

Ценили Орлова и некоторые литераторы. Книгопродавец И.Т. Лисенков вспоминал, что И.А. Крылов следил за его творчеством и нередко покупал его книги. «Соч[инения] Орлова занимали Крылова любознательностью выражений русских редких слов, но весьма метких в его писаниях, а Ив[ану] Андреевичу нужно было заимствовать меткие слова для басен своих <...>»⁴⁵. С интересом относился к Орлову и И.И. Дмитриев. Он говорил: «В нем, право, есть дарование, но необразованность слишком далеко его заносит. Я отдал его на перевоспитание Пушкину и князю Вяземскому, но и они не могли с ним сладить: своя конура лучше ему нравится»⁴⁶. О пушкинских статьях и переписке с Орловым уже упоминалось выше. Но я полагаю, что отношение Пушкина к Орлову не сводилось к одной иронии и что он вполне серьезно считал, что «Александр Анф[имович] берет преимущество над Фад[деем] Венедиктовичем живостию и острою рассказа»⁴⁷. Напомню, что, по мнению Пушкина, «не худо нам иногда прислушаться к московским просвирням. Они говорят удивительно чистым и правильным языком»⁴⁸. Но ведь просвирни принадлежали к тому же духовному сословию, что и семинарист Орлов. Так что, возможно, Пушкин не без пользы почитывал орловские книжечки, а внимательное изучение сочинений Орлова могло бы выявить у Пушкина следы подобного чтения.

Н.И. Зряхов

Осенью 1840 г. в Москве вышла из печати «русская повесть с военными маршами и хорами певчих» Николая Зряхова — «Битва русских с кабардинцами, или Прекрасная магометанка, умирающая на гробе своего супруга». Название это, практически никому не известное в наши дни, в XIX в. было знакомо всем. Читательская судьба этой книги (как и ее автора) уникальна и заслуживает специальной главы в не написанной еще истории русских литературных репутаций. Сразу по выходе она была встречена уничижительными отзывами. Роман раздражал критиков архаизмом сюжета, примитивизмом психологических мотивировок и пейзажных описаний. Анонимный рецензент журнала «Сын Отечества» писал: «Хвала г. Зряхову! Что пред ним нелепой памяти А.А. Орлов и ныне здравствующие Сигов, Кузмичев и проч.? Никогда все подобные им соединенные воображения, работающие для московских типографий, не производили во всей полноте своего чада и хаоса ни-

чего равного сей его “Магометанке”... Его, по всей справедливости, следует провозгласить главою этой неукротимой фаланги писателей, которая столь ревностно подвизается против логики, грамматики и здравого смысла»⁴⁹. «Сыну Отечества» вторила «Библиотека для чтения»: «Роман будет иметь самый блестящий успех в передних, для которых, очевидно с намерением, написан столь блестящим ваксовым слогом...»⁵⁰ Критик оказался прав: не читающая журнальных отзывов низовая публика, которой был адресован роман, сразу же высоко оценила его.

Первое издание разошлось быстро, и потом книга долгое время печаталась практически ежегодно. Она переиздавалась около 40 раз, вплоть до Октябрьской революции, а по суммарному тиражу вышла на одно из первых мест в русской прозе.

В 1850 г., рецензируя в журнале «Москвитянин» 9-е издание, писатель И.Т. Кокорев, сам выходец из социальных низов, писал о «Битве»: «Сочинение это известно всем и каждому — одним на деле, другим по слуху <...> Книга шибко читается. Кто же ее читатели? Все, кто учился на медные деньги, а в свободный от трудов час не хочет заниматься бездельем. Мастеровой, сиделец, изредка крестьянин, — вот многочисленный круг знакомцев “Битвы русских с кабардинцами”»⁵¹.

Вскоре стали появляться подделки: «Битва русских с турками, или Ужасы балканских пещер и Таинственная мусульманка, или Красный мальчик» (М., 1852); «Битва русских с кабардинцами, или Прекрасная Земира, умирающая на могиле своего мужа» (М., 1854); Н... З... «Битва с кабардинцами, или Прекрасная мусульманка, умирающая на могиле своего друга» (М., 1856). С середины 1870-х гг., когда истек срок авторского права на роман, почти у каждого лубочного издателя появилась своя переделка «Битвы». Обработчики сокращали и модернизировали текст, осовременивая язык и вставляя новые солдатские песни, но сохраняли тем не менее сюжет и структуру конфликта романа. Меняя среду бытования, «Битва» постепенно перешла в лубочную картинку и фольклор.

Чтобы дать понятие о содержании книги, процитируем иронический ее пересказ из упомянутого выше отзыва «Библиотеки для чтения»: «В первом томе этого чудесного романа все дерутся: наконец, однако же, взяли нескольких человек в плен. Военный марш. Есаул Победоносцев тяжело ранен. Князь Узбек берет его к себе и поручает попечениям прекрасной Селимы, своей дочери. Есаул влюбляется в княжну, княжна в есаула. Хор певчих. “Что видя”, мудрый князь Узбек предлагает им жениться. Есаул не хочет. Князь Узбек, при первом случае, возвращает ему свободу, и есаул уходит к русским. Военный марш. Вдруг появляется в лагере влюбленная княжна: она принимает христианскую веру, и тогда есаул соглашается на ней жениться. Хор певчих. Великолепное описание свадьбы. После чего есаул и его супруга отправляются в

деревню. Военный марш. Но как и есаулы не бессмертны, то в деревне, после кратковременной болезни, есаул умирает. Во время погребения жена есаула бросается на его тело и тоже умирает. В заключение все с ужасом восклицают: «О боже! она лишилась жизни... Вот пример, как любят магометанки!» Хор певчих»⁵².

Как мы уже убедились, у представителей высокой дворянской литературы книга ничего, кроме насмешки, не вызывала, они воспринимали ее как глупую и бессмысленную. Однако простонародный читатель относился к ней иначе. Ф.М. Достоевский в начале 1860-х гг. причину ее популярности видел в том, что «это книга *не барская или перестала быть барскою* <...> Отвергнутая «господами», книжка тотчас же нашла кредит в народе, и, может быть, ей очень помогло, в глазах народа, именно то, что она не господская. Разумеется, она не между мужиками расходилась сначала, а попалась горничным, писарям, лакеям, приказчикам, мещанам и тому подобному народу. Попавшись раз, укоренилась и начала распространяться по казармам и, наконец, даже по деревням»⁵³.

Что же привлекло в книге народного читателя, отличавшегося по своим мировоззренческим запросам и эстетическим вкусам от «образованной публики»? Прежде всего — патриотизм, понимаемый как преданность отечеству, православию и царю-батюшке. Эту актуальную проблематику (роман вышел в разгар военных действий на Кавказе и содержал описание аналогичных сражений в начале века) автор сумел удачно изложить в традициях лубочной литературы, введя экзотическую среду действия и героя, близкого к персонажам лубочных рыцарских романов о Бове-королевиче, Еруслане Лазаревиче, Франциле Венциане и т.п. Кроме того, он смог объединить сюжетную схему «Кавказского пленника» Пушкина и стиль сентименталистской прозы (по мнению поэта Н.Ф. Щербины, залог успеха «Битвы» — «высокий чувствительный язык карамзинского времени»⁵⁴). Действительно, роман написан языком и переполнен штампами сентименталистской прозы конца XVIII — начала XIX в.: «Она томно вздохнула, и слезы выкатились из прелестных очей ее, когда она подумала, если раненый умрет...», «Лишь только Аврора разостлала свой розовый ковер на восточном небе для встречи сияющего Феба...» и т.п.

Таким образом, книга помогала низовому читателю осмыслить главные жизненные ценности и давала идеального героя для подражания, причем осуществляла это в таких жанровых и языковых формах, которые были доступны аудитории и любимы ею. В подтверждение сказанного приведем любопытное свидетельство о характере восприятия книги (при чтении вслух) крестьянской молодежи в конце 1880-х гг.: «Прежде всего описание битвы в высшей степени заинтересовало подростков-мальчиков; они так и впились глазами в учительницу; когда же герой повести, Андрей, попал в плен к кабардинцам и на сцену появилась красавица Селима, вни-

мание их значительно ослабело, зато девушки так и замерли, следя за развитием драмы. Особенно трогала их, очевидно, борьба пленника между долгом и любовью, и когда мы дошли до того места, где Селима, сраженная отказом Андрея перейти в магометанскую веру, говорит: “С твоим решением для меня окончено все. Одно мгновение, и кинжал мой окажет мне последнюю услугу — пронзит сердце любящей тебя, но несчастной Селимы!..” — среди слушательниц послышались сдержанные всхлипывания; всхлипывания эти усиливались по мере развития драмы и, наконец, при разлуке влюбленных превратились в рыдания. — “Молодец, что не сменил своей веры, — заметил горячо один из подростков, — я бы тоже не сменил!..” Счастливый брак Селимы и принятие христианства, видимо, доставили присутствующим несколько минут самой чистой радости, но зато когда раны Андрея открылись и он умер, протрадавши 12 дней, припадок уныния снова повторился в нашей аудитории...»⁵⁵

И в заключение об авторе «Битвы». До последнего времени о нем, создателе одной из самых известных в XIX в. русских книг, ничего, кроме имени и фамилии, не было известно. Нам удалось разыскать в Российском государственном военно-историческом архиве послужные списки Зряхова⁵⁶. Оказалось, что Николай Ильич Зряхов родился в 1782 г. (по другим сведениям — в 1786 г.) в Астраханской губернии. Происходил он из бедной дворянской семьи (крепостных у отца не было), детство и юность провел в Астрахани, не получив никакого систематического образования. В 1801 г. Зряхов поступил унтер-офицером в Нарвский драгунский полк, участвовал в военных действиях на Кавказе: против Персии в 1803—1804 гг., в Русско-турецкой войне в 1807 г. Это значит, что обширные описания быта кабардинцев, содержащиеся в «Битве», основываются на его собственных наблюдениях и имеют этнографическую ценность. В 1808 г. в чине поручика Зряхов ушел в отставку. В 1813 г. был вновь призван на военную службу, а в 1816-м отставлен за «дурное поведение». В конце 1820-х гг. Зряхов стал профессиональным литератором (он писал в прошение в цензуру, что трудится «для пользы моих соотечественников и для пропитания»⁵⁷). Книги он обычно издавал по подписке, обращаясь с просьбами о содействии к влиятельным чиновникам, литераторам, аристократам. Приведем в качестве примера чрезвычайно выразительное письмо, посланное им в ноябре 1825 г. генерал-майору, попечителю Московского учебного округа А.А. Писареву:

«Ваше превосходительство милостивый государь!

Как к отечественному поэту и почтеннейшему любителю словесности, прославившемуся своими отличными талантами и блестящими добродетелями, — осмеливаюсь прибегнуть с моею нижайшею просьбой, удостоить счастьем видеть имя Вашего Пре-

восходительства начертанным в каталоге моего сочинения, вместе с знаменитыми особами здешней столицы, каковая милость послужит не только благодетельным способом к отпечатанию моего труда, но и подаст пример прочим любителям литературы быть столь снисходительными к молениям бедного автора, уповающего от сего своего труда приобрести хоть тяжкое пропитание, на каковой предмет подписную книжку и билет на знаменитое имя ваше [у] сего прилагаю; сумму же, какую благоугодно будет назначить, можно вручить подателю письма. За что благодарность моя будет беспредельна.

С глубочайшим высокопочитанием и преданностью имею честь быть Вашего Превосходительства всенижайшим слугою Николай Зряхов»⁵⁸.

В 1827—1828 гг. Зряхов издал в Москве роман из французской жизни «Амалия, или Хижина среди гор. Российское сочинение», взяв за образец широко распространенные в конце XVIII — начале XIX в. переводные сентиментально-нравоучительные романы (Арно, Флориана, Дюкре-Дюминиля и др.). В дальнейшем писал романы «российско-исторические» («Прекрасная астраханка». М., 1836, издан анонимно; «Михаил Новгородский, или Нарушенная клятва». М., 1837; «Геройство и любовь, или Замок на берегах Дона». М., 1845) и «закавказские» («Дева закубанская, или Любовь до могилы. Роман, сочиненный жителем Кавказа». М., 1836; издан анонимно; «Битва русских с кабардинцами», о которой шла речь; «Дагестанский пленник, или Неуловимый мститель». М., 1848). В основе всех этих риторичных и сентиментальных книг — воссоединение юных влюбленных после ряда приключений.

В старости Зряхов жил, по-видимому, в доме призрения, в Москве: «...заключен в четырех стенах», влачу «узы обременительной, тягостной неволи», — писал он в декабре 1846 г., обращаясь за помощью к поэтессе А.П. Глинке (жене поэта-декабриста Ф.Н. Глинки)⁵⁹, занимавшейся благотворительностью и покровительствовавшей Зряхову. Умер Зряхов в конце 1840-х гг., и память о нем быстро исчезла. «Битву русских с кабардинцами...» вскоре стали издавать без имени автора. Обретя широкую популярность, она стала символом лубочной литературы⁶⁰.

ЦЕНзуРА НАРОДНЫХ КНИГ ВО ВТОРОЙ ЧЕТВЕРТИ XIX ВЕКА

Согласно устоявшейся схеме, сложившейся еще в конце XIX в. и воспроизводимой до наших дней, основная функция цензуры в России — подавление оппозиционных идей и мнений¹.

Однако изучение цензурной документации в полном ее объеме показывает, что эта схема, возможно и верная применительно к периоду второй половины XIX — начала XX в., не соответствует реальной цензурной практике второй четверти XIX в. Подобный вывод был сделан нами после анализа материалов архивного фонда Московского цензурного комитета (доклады цензоров и протоколы заседаний комитета) за период с 1828 г. (когда был введен первый цензурный устав) до середины 1850-х гг. (когда начался общественный подъем и существенно изменилась литературно-издательская ситуация).

Сплошное чтение документов цензурного комитета за указанный период показало, что основным объектом и основной жертвой московской цензуры были в эти годы не оппозиционные произведения и не «высокая» словесность, а народные книги².

В конце 1820-х — начале 1830-х гг., когда в низовую литературу стали проникать современные сюжеты и стало быстро расти число читателей подобных книг, на нее обратила внимание литературная критика. О низовых книгах и низовых литераторах писали очень резко, в пренебрежительном и уничижительном тоне. Н.А. Полевой утверждал, что книгами А.А. Орлова, Ф.С. Кузмичева и подобных литераторов «можно только топить печки, мостить плотины, кормить червей в книжных лавках, но считать литературою этой <...> печатной дряни не должно!»³. Рецензент «Молвы» сокрушался в 1832 г., что «дрянных книжонок никогда так много в Москве не выходило, как в последние два года; простонародный язык и содержание делают их понятными самому низкому классу народа, а потому они могут иметь и даже имеют читателей <...>»⁴. В той же «Молве» утверждалось, что авторы подобных книг — «не художники, это ремесленники, работающие на заказ. Чего хотите от них? Неужели святого чувства поэтического, любви к искусству? У этих жалких людей, пишущих на заказ?»⁵

Наконец, В.Г. Белинский выделил в 1835 г. следующие общие характеристики московских низовых книг: «а) Все они величиною

не превышают числа трех печатных листов и никогда не бывают менее полулиста.

б) Все они пишутся и печатаются без всякого соблюдения правил грамматики <...>

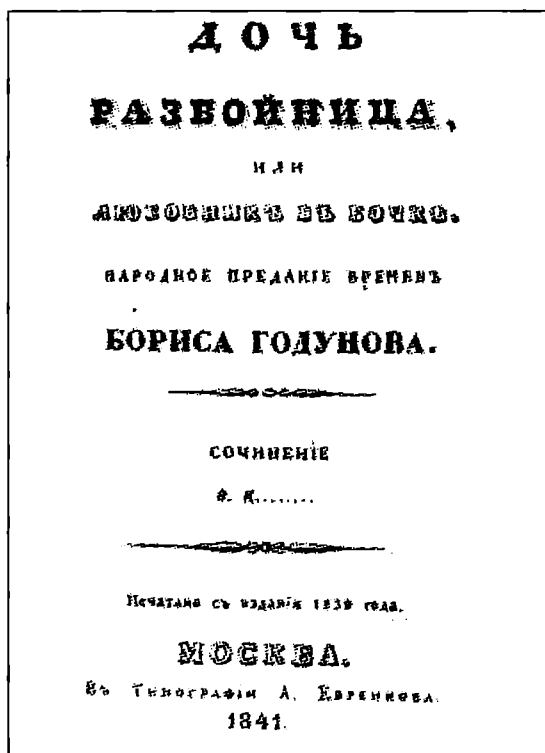
в) Все они состоят в явной вражде с логикой и здравым смыслом.

г) Большая часть из них печатается на оберточной бумаге⁶.

Подобное негативное отношение высокообразованных слоев общества к низовой литературе разделяла и цензура.

Конечно, обычно ничего прямо противоречащего цензурным установлениям у низовых авторов не было, но цензоров, людей довольно высокого образовательного и культурного уровня (большинство их были профессорами университетов), раздражали невежественные и, по их мнению, вредно влияющие на читателей низовые книги. В этих книгах им не нравилось все: язык, сюжеты, среда действия и персонажи. Язык часто был грамматически и синтаксически неправилен и, кроме того, содержал многие слова и обороты бытовой речи, которые расценивались цензорами как нелитературные, недостойные печати и квалифицировались ими как грубые и неприличные. Точно так же относились они к сюжетам и персонажам из жизни простонародья, причем взятым не в идеализированном, облагороженном, а в весьма близком к обыденной жизни виде. Сталкивались две эстетические системы, даже шире — две культуры. С одной стороны, достаточно жесткая, как правило классицистская, — у цензоров, с другой — полуфольклорная, близкая к народным анекдотам, рассказам, легендам — у низовых литераторов. Наибольшее неприятие вызывал у цензоров тот факт, что народные книги не просто издавались, но очень широко продавались и читались. Тем самым народ как бы манифестировал независимость своих вкусов и представлений, что, конечно, не поощрялось в довольно жестко иерархизированном (в том числе и идеологически) обществе того времени. Университетские профессора, которые в российских условиях были не столько учеными, сколько преподавателями и воспитателями, осознавали себя наставниками народа и были не удовлетворены тем, что кто-то конкурирует с ними и формирует вкусы народного читателя в ином, не устраивающем их духе.

Обладая цензурской властью, предоставленной им с другой целью, они использовали ее против народной литературы. Низовые писатели были беззащитны перед ними. Литераторы из культурной элиты хорошо знали положения цензурного устава и настроения в правительстве и в обществе, нередко сами были людьми чиновными и влиятельными, а если нет, то имели знакомства среди цензоров, их приятелей или сановных лиц. Поэтому они либо не

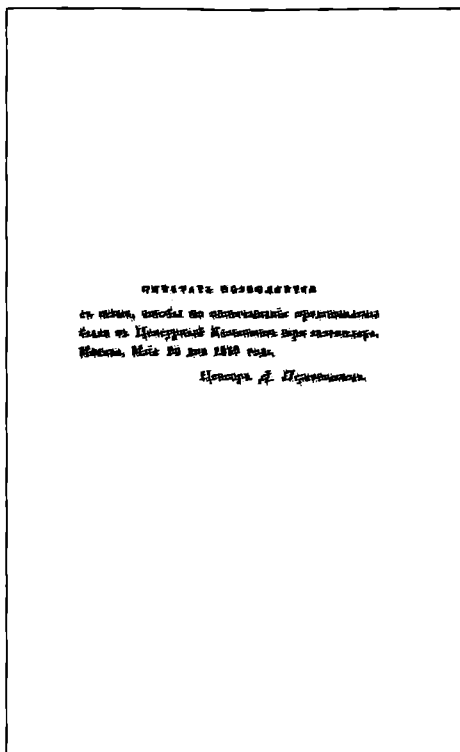

Титульный лист повести Ф.С. Кузмичева

подавали в цензуру «сомнительных» сочинений, либо могли найти пути, чтобы провести их в печать. Гоголь, например, вначале подал рукопись первого тома «Мертвых душ» в Московский цензурный комитет (обратившись при этом к знакомому цензору), а потом, почувствовав, что рукопись может быть запрещена, забрал ее и передал в Петербургский цензурный комитет (тоже знакомому цензору), где и получил разрешение печатать книгу⁷. Низовые литераторы подобными возможностями не обладали.

Запрещая их рукописи, цензоры обычно ссылались на тот весьма расплывчато сформулированный подпункт цензурного устава 1828 г., согласно которому можно было не пропускать литературные произведения, «когда в оных оскорбляются добрые нравы и благопристойность».

Первые попытки разделаться с низовой литературой цензоры предприняли еще в те времена, когда министром народного просвещения, в ведении которого была цензура, был К.А. Ливен.

Образец цензурного разрешения на обороте титульного листа

Так, цензор Л.А. Цветаев доносил Московскому цензурному комитету 12 декабря 1830 г., что не может одобрить рукописи А. Орлова «Восемь купеческих сундуков» и «Круторогий баран». Он утверждал, что эти рукописи, «содержащие в себе одна описание похождения двух распутных молодых людей, а другая — пьяницы мужа и развратной жены, совершенно противны благопристойности, и тем более нравственности; а потому не только не могут быть напечатаны по правилу 3-му § 3 Устава, но должны быть оставлены при делах Комитета, с объявлением автору, чтоб он и впредь не осмеливался представлять в оный такие соблазнительные и постыдные для него самого сочинения»⁸.

В гонениях на низовую литературу цензоров поддерживал и сам император, хотя и не из эстетических, а главным образом из политических соображений. В феврале 1832 г., прочитав книгу Елистрата Фитюлькина (псевдоним В.А. Проташинского) «Двенадцать спящих бутушников», он нашел, что «она заключает в себе описа-

ние действий московской полиции в самых дерзких и неприличных выражениях; написанная самым простонародным языком, приуровнена к грубым понятиям низшего класса людей, из чего видимо обнаруживается цель распространять чтение ее в простом народе и внушить оному неуважение к полиции. Наконец, предисловие сей книжки, равно как и следующее за оным обращение к цензуре, писаны с явным нарушением приличия и благопристойности»⁹.

С.Т. Аксаков, цензурировавший эту книгу, был по приказанию императора уволен со службы, что, разумеется, заставило быть осторожнее других цензоров. Так, 3 февраля 1833 г. Л.А. Цветаев доносил цензурному комитету, что рукопись Ф. Кузмичева «Анекдоты нового времени» «как по нелепости и неприличию своего содержания (ибо анекдоты заимствованы большею частию из быта дворовых людей), так и по совершенному нарушению не только правил синтаксиса, но даже простой грамматики и правописания, — не заслуживает быть изданною в свет. А как ныне много подобных сочинений поступает на рассмотрение цензурного комитета, то не благоугодно ли будет выйти с представлением в Главное управление цензуры и просить предписание о неодобрении к печатанию рукописей и переводов, в которых явно обнаруживается незнание русской грамматики»¹⁰.

Комитет обратился с подобной просьбой в Главное управление цензуры. Вскоре пришел ответ, который подписал министр народного просвещения К.А. Ливен. Главное управление цензуры, признавая, что рукопись Кузмичева «по нелепости и неприличию содержания не может быть дозволена к печатанию, не нашло однако возможным постановить правилом, чтоб сочинения, нарушающие правила языка и грамматики, были подвергаемы запрещению, поелику действия цензуры должны основываться на Уставе о цензуре, в котором не содержится постановления, могущего быть примененным к вышеозначенным случаям и по § 15 ошибки авторов в литературном отношении не подлежат разбору цензуры»¹¹.

С назначением в том же году министром народного просвещения С.С. Уварова московская цензура усилила борьбу против низовых литераторов. 1 февраля М.Т. Каченовский запретил басню Ф. Кузмичева «Странные любовники» «как сочинение неблагопристойное, соблазнительное и оскорбительное для духовенства»¹². Он же докладывал цензурному комитету, что запретил сказку «Путешественники поневоле, или Чудный дворец», поскольку она «содержит в себе нелепый рассказ о женитьбе медведя царя зверей на дочери знаменитого вельможи Буянова. Такой сюжет, — писал он, — по моему мнению, противен не только добрым нравам, но и всякому благоприличию»¹³. На следующий день цензор Л.А. Цветаев докладывал следующее: «По назначению комитета читал я рукопись под заглавием “Чертовы анекдоты”, сочинение Федота Кузмичева, и нашел, что оно состоит из набора нелепых, непри-

М.Т. Каченовский

личных и даже оскорбительных для иных лиц приключений черта и колдуна, а потому не могу одобрить ее к печатанию»¹⁴.

Особо много нареканий продолжали вызывать у цензоров многочисленные сочинения А.А. Орлова¹⁵.

1 февраля 1834 г. Каченовский запретил его рукопись «Союз трех братцев: голода, холода и во всем недостатка», поскольку «сочинение, написанное для низшего класса людей, может иметь весьма неприятное впечатление в читателях, особенно при нынешней дороговизне»¹⁶. Выслушав его донесение, цензурный комитет определил, что «поелику комитет неоднократно имел случай заметить, что сочинения губернского секретаря Орлова, отличающиеся нелепостью своего содержания, не только не могут споспешествовать успехам словесности нашей, но по духу и направлению оных могут еще иметь вредное влияние на нравы низшего класса людей, для коего большею частию они назначаются»¹⁷, следует довести до сведения министерства об этой рукописи. В ответ 14 марта 1834 г. последовало предписание министра народного просвещения С.С. Уварова, где сообщалось, что Главное управление цензуры подтверждает запрет рукописи Орлова и «находит нужным, чтобы Московский цензурный комитет и впредь не позволял к печатанию сочинений А. Орлова, которые по содержанию и направлению

С.С. Уваров

своему могут иметь вредное влияние на низший класс читателей»¹⁸. А еще через три недели последовало новое предписание Уварова о том, что «Главное управление цензуры с удовольствием усмотрело из представлений Московского цензурного комитета о рукописи Орлова «Союз трех братьев и пр.» <...>, что комитет с особенною внимательностью наблюдает за сочинениями, которые могут иметь неблагоприятное для правительства влияние на читающую публику. Согласно заключению управления, предлагаю комитету и впредь обращать тщательное внимание на направление в сем отношении как книг, так и преимущественно периодических изданий»¹⁹.

Не удовлетворившись этим, в ноябре 1834 г. по предложению Каченовского комитет испросил у министерства разрешения вообще не пропускать в печать сочинения Орлова, и Уваров 30 ноября ответил, что комитет «имеет право не представлять к печатанию представленных г. Орловым и другими подобными писателями сочинений»²⁰.

Следует отметить, что подобное запрещение находилось в вопиющем противоречии с цензурным уставом, не предусматривавшим ничего подобного.

После этого для низовых литераторов настали трудные времена. Ссылаясь на процитированное предписание министра, цензоры десятками отклоняли подаваемые ими рукописи²¹, Орлов в течение двух лет вообще не мог пробиться в печать, да и впоследствии ему удалось опубликовать лишь несколько книг. По сути дела, цензура вытеснила из литературы его и ряд других низовых литераторов. Но совсем тяжелые дни для народной словесности наступили в 1848 г., когда гонениям подверглись уже не отдельные литераторы, а вся эта разновидность книжности. Теперь запрещались такие «классические» низовые книги, как «Милорд Георг» и «Битва русских с кабардинцами», ранее выходившие не один раз.

В июле 1848 г., прочитав книгу «Похождения и приключения гостинодворских сидельцев, или Поваливай! наши гуляют», император «изволил заметить, что она, будучи, по дешевизне своей, доступною нижнему классу народа, для которого естественно и содержанием своим и самым заглавием предназначена, не только не может приносить никакой пользы по нелепому и безнравственному ее содержанию, но даже может почитаться вредною, по некоторым встречающимся в ней неуместным выходкам.

Для отвращения на будущее время подобных неуместностей Государь Император Высочайше повелеть соизволил: предписать цензорам обращать самое строгое внимание на мелкие сочинения сего рода, не допуская в них ничего безнравственного и особенно могущего возбуждать неприязнь или завистливое чувство одних сословий против других»²².

И, наконец, в апреле 1850 г. император дал четкие указания касательно цензурирования престонародных книг. Цензор должен был следить:

1. «Чтобы в них не было не только никакого неблагоприятного, но даже и неосторожного прикосновения к православной церкви и установлениям ее, к правительству и ко всем постановленным от него властям и законам. Он не дозволяет также соблазнительных рассказов и неблагоприятных выражений, допуская, впрочем, соответствующую обычаям и образу жизни читателей, хотя и грубые, но невинные шутки».

2. «Цензор не должен допускать описания особенных бедствий или нужд того состояния, к которому принадлежит многочисленный класс читателей этого рода книг, ни современных происшествий, сильно действующих на престонародье с невыгодной стороны».

3. Не пропускать «ничего, что бы могло ослабить в мнении простолюдинов уважение к святости браков и повиновение власти родительской».

4. Не пропускать «сочинения, в которых изъясняется сожаление о состоянии крепостных крестьян, описываются злоупотреб-

ления помещиков, или доказывалось, что перемена в отношениях первых к последним принесла бы пользу <...>»²³.

Что стояло за всеми этими цензурными преследованиями? Напомним, что низовые книги подвергались жесточайшим нападкам и в газетах и журналах самых разных направлений (от «Московского телеграфа» до «Северной пчелы», от «Москвитянина» до «Отечественных записок»). Дело в том, что и государственные чиновники, и литераторы (в том числе и оппозиционные) сходились в своем патерналистском отношении к народу. Ему отказывали в праве на самостоятельный выбор, относились к нему как к несмышленому ребенку, не понимающему, что ему вредно, а что полезно. Печатные произведения, пользующиеся популярностью в народе, квалифицировались как «нелепые», «глупые», «неблагопристойные». Запрещая любимые народом книги, образованные слои стремились заставить его читать то, что могло «просветить» и «воспитать» народ, приобщив к господствующей в «приличном обществе» идеологии. Тем самым осуществлялось доминирование в культуре группы «образованных», «просвещенных» над «невежественными» и «непросвещенными».

Симптоматично, что цензурные репрессии против народной литературы усилились при С.С. Уварове, сформулировавшем концепцию «официальной народности» (православие, самодержавие, народность). Поскольку народу в ней были нормативно предписаны повышенная религиозность и повышенная монархичность, все попытки проявления реальных вкусов народа безжалостно пресекались.

РУССКИЕ «БЕСТСЕЛЛЕРЫ» ПЕРВОЙ ПОЛОВИНЫ XIX ВЕКА

Историки русской литературы в своих рассуждениях о тенденциях литературного развития, интертекстуальных связях, читательской судьбе книг и т.д. обычно оперируют очень узким кругом имен и названий — речь идет, как правило, о литераторах, вошедших в канонические курсы истории литературы и вузовские учебники. В результате реальный книгоиздательский и читательский контекст тех или иных произведений, о которых идет речь в историко-литературных исследованиях, оказывается зыбким, «смазанным», а то и просто неверным. Помочь бы тут могла «читательская» история русской литературы — описание реального круга чтения в его динамике, «хроника» популярных, широко читавшихся произведений. Однако мы не располагаем какими бы то ни было репрезентативными данными по этому вопросу: из мемуарных, эпистолярных и прочих подобных источников можно, затратив большие усилия, извлечь ценную информацию, но она будет носить достаточно фрагментарный и несистематичный характер.

Более продуктивно, как нам представляется, составить список книг, которые достаточно быстро и хорошо раскупались на книжном рынке. Тут можно использовать четко фиксируемый показатель — наличие переиздания. В условиях, когда читательская и книгопокупательская аудитории были невелики, книги, как правило, расходились медленно, и редко какая из них удавалась переиздания. Например, анонимный рецензент «Северной пчелы» свидетельствовал в 1836 г.: «Многие из наших писателей жалуются на равнодушие публики к их сочинениям, на недостаток поощрения, на малый расход книг их на Руси»¹. Булгарин утверждал, что «едва было несколько примеров, чтоб книги куплено было 3000 экземпляров. И об этом кричали, как о чуде»². Поэтому факт переиздания свидетельствует в большинстве случаев о широком распространении и чтении книги (следует учесть при этом, что исходный тираж книг редко отклонялся от величины так называемого «завода» — 1200 экз.; лишь стихи, случалось, выпускали тиражом в половину «завода», а романы популярных прозаиков — в 2 «завода»³). Случалось, конечно, что книга переиздавалась, хотя предыдущее ее издание еще не разошлось (причиной могли быть авторские амбиции, как у графа Д. Хвостова), но это бывало очень редко. Скорее уж нужно говорить о том, что ряд имевших успех у читате-

Разносчик книг и литератор.
Из журнала «Волшебный фонарь», 1817

лей книг не удостоились переиздания из-за противодействия цензуры, неудовлетворенности автора своей книгой, отсутствия у него денег на переиздание или иных причин. Так что список переиздававшихся книг — это важный источник для реконструкции круга чтения, но отнюдь не единственный и не окончательный.

Оговорив характер и границы применимости получаемого списка, охарактеризуем методические принципы его составления. Прежде всего укажем, что подготовлен он на основе библиографических источников — просмотреть весь массив литературы в условиях, когда Российская государственная библиотека закрыта на длительный срок, не представлялось возможным. Мы использовали основные указатели и справочники по русской книге того времени: Сопиков В.С. Опыт российской библиографии / Ред., примеч., доп. и указатель В.Н. Рогожина: В 5 ч. СПб., 1904—1906; Роспись российским книгам для чтения, из библиотеки Александра Смирдина / Сост. В.Г. Анастасевич: В 4 ч. СПб., 1828; Систематический реестр русским книгам с 1831 по 1846 год / Сост. И.П. Быстров. СПб., 1846; Третье прибавление к Росписи российскими книгам для чтения из Библиотеки Петра Крашенинникова / Сост. И.П. Быстров. СПб., 1852; Геннади Г. Справочный сло-

варь о русских писателях и ученых, умерших в XVIII и XIX столетиях, и список русских книг с 1725 по 1825 г.: В 3 т. Берлин; М., 1876—1908; Венгеров С. Русские книги: В 3 т. СПб., 1895—1899; Русская словесность с XI по XIX столетия включительно: Библиогр. указ. <...> Ч. II. Русская словесность XVIII и XIX ст. / Сост. А.В. Мезиер. СПб., 1902; История русской литературы XIX века: Библиогр. указ. / Под ред. К.Д. Муратовой. М.; Л., 1962; Русские писатели 1800—1917: Биографический словарь. М., 1992—1999. Т. 1—4; Сводный каталог русской книги гражданской печати XVIII века. 1725—1800: В 5 т. М., 1962—1967. Использовались при подготовке указателя также каталоги РГБ. Поскольку все эти источники не дают полного свода русской книги первой половины XIX в., а также поскольку названия книг иногда менялись при переиздании либо, напротив, к старому изданию через несколько лет припечатывался новый титульный лист с новым годом «издания», а нередко и новым названием, то в подготовленном указателе возможны пробелы и неточности.

В свой указатель мы включали только художественную литературу, адресованную взрослому читателю (единственное исключение сделано для «Истории государства Российского» Н.М. Карамзина, поскольку он был писателем, а не профессиональным историком и многие современники в своих отзывах подчеркивали именно литературные достоинства этого труда). Отбирались книги, которые в первой половине XIX в. удостоились хотя бы двух изданий, причем интервал между этими изданиями не превышал 5 лет (книги, удостоившиеся трех и более изданий, выделены жирным шрифтом). Тут также было сделано исключение — не учитывались книги уже упоминавшегося Д. Хвостова, поскольку из многочисленных источников известно, что он переиздавал свои книги, хотя они плохо расходились в книжных лавках. В случаях, когда книга впервые вышла в XVIII в., при переиздании ее в XIX в. указывался номер издания. В списке при переиздании в том же городе указывается только год издания; если год повторен, это значит, что в том же году книга была издана повторно. Учитывая издания иностранных книг, мы считали разные переводы разными произведениями и, соответственно, учитывали их отдельно. Иногда при переиздании название книги и число составляющих ее частей менялись, что не всегда отражено в указателе.

РУССКАЯ ЛИТЕРАТУРА

Аблесимов А. О. Мельник, колдун, обманщик и сват: [Комическая опера]. В 3 д. М., 1817 (5-е изд.); Орел, 1821; СПб., 1831; М., 1843.

Аврамов М. [М.А. Знаменский]. Москва, оплакивающая бедствия свои, нанесенные ей в 1812 году рукою жестокого и злочестивого врага: [Стихи]. М., 1813, 1814.

А.А. [А. Андреев]. Иоанн Грозный и Стефан Баторий: Исторический роман: В 4 ч. М., 1834, 1843, 1845, 1849.

Алипанов Е.И. Сказка о мельнике колдуне Федоте, хлопотливой старухе, о двух жидках и о двух батраках. СПб., 1837, 1842, 1843, 1846.

Алипанов Е.И. Ханский чай: Сельский водевиль в 1 д. СПб., 1835, 1840, 1846.

Базилевич Н.Я. Groшевый мертвец, или Испуганные разбойники: Новейшая сказка. М., 1842, 1843, 1845, 1845, 1847.

Базилевич Н.Я. Козел бунтовщик, или Машина свадьба: Новейшая повесть. М., 1841, 1842, 1845, 1847.

Балясы. М., 1844, 1845.

[Бегичев Д.Н.] Семейство Холмских: Некоторые черты нравов и образа жизни, семейной и одинокой, русских дворян: В 6 ч. М., 1832, 1833, 1841.

Бенедиктов В.Г. Стихотворения: [Кн. 1]. СПб., 1835, 1836, 1842.

[Билевич Н.И.] Святочные вечера, или Рассказы моей тетушки: В 2 т. М., 1836, 1839.

Богданович И.Ф. Душенька: Древняя повесть в вольных стихах. СПб., 1809 (5-е изд.); М., 1811, 1815, 1818, 1824, 1830, 1832; СПб., 1837; М., 1837, 1837, 1838; СПб., 1841; М., 1844.

[Бранкевич М.С.] Кровопролитная война у Архипыча с Еремеевной. М., 1810 (2-е изд.), 1814.

Булгарин Ф.В. Иван Выжигин: Нравственно-сатирический роман: В 4 ч. СПб., 1829, 1829, 1830.

Булгарин Ф.В. Димитрий Самозванец: Исторический роман: В 4 ч. СПб., 1830, 1830.

Ваненко Иван [И.И. Башмаков]. Пара новых русских рассказов. М., 1841, 1845, 1846, 1847, 1848.

Ваненко Иван [И.И. Башмаков]. Семейные приключения животных: Басни иного манера: [В стихах]. М., 1847, 1849.

Вельтман А.Ф. Беглец: [Поэма]. М., 1831, 1836.

Волков А.А. Освобожденная Москва: [Эпическая поэма]. М., 1820, 1825.

[Глухарев И.Н.] Князь Пожарский и нижегородский гражданин Минин, освободители России от польского ига: Картины событий смутных времен России, с кончины Годунова до восшествия на престол благословенного дома Романовых: Историческое сказание XVII века: В 3 ч. М., 1845, 1848.

[Гоголь Н.В.] Вечера на хуторе близ Диканьки: Повести, изданные пасичником Рудым Паньком: В 2 ч. СПб., 1831—1832, 1836.

Гоголь Н.В. Похождения Чичикова, или Мертвые души: Поэма. М., 1842, 1846.

Гоголь Н.В. Ревизор: Комедия в 5 д. СПб., 1836, 1841.

Григорьев П.Г. Филатка и Мирошка соперники, или Четыре жениха и одна невеста: Водевиль в 1 д. СПб., 1833, 1833, 1835, 1838, 1841, 1848.

Грузинцов А.Н. Петриада: Поэма эпическая. СПб., 1812, 1817.

Гуак, или Непреоборимая верность: Рыцарская повесть: В 2 ч. М., 1826 (3-е изд.); СПб., 1834; М., 1837, 1841; СПб., 1842; М., 1847, 1849.

Дедушкины прогулки, содержащие в себе десять русских сказок. СПб., 1815 (3-е изд.); М., 1819.

Державин Г.Р. Сочинения: В 5 ч. СПб., 1808—1816; В 4 ч. СПб., 1831, 1833—1834, 1843; В 1 т. СПб., 1845; В 2 т. СПб., 1847.

Дмитриев И.И. Сочинения и переводы: В 3 ч. М., 1803—1805, 1810, 1814, 1818; В 2 ч. СПб., 1823.

Докучаев [И.] Стенька Разин, атаман разбойников: Историческое сказание, взятое из времен царя Алексея Михайловича. М., 1843, 1844, 1846, 1847.

[**Долинский А.**] Как любят женщины?: [Роман]: В 3 ч. М., 1839; переизд. под назв.: Жизнь сердца, или Как любят женщины. М., 1843.

Дьячков С.П. Деньги: Комическая поэма. СПб., 1839; М., 1841.

Ермак, покоритель Сибири: Исторический роман: В 2 ч. М., 1839, 1841, 1843, 1845, 1846, 1848.

Ершов П.П. Конек-горбунок: Русская сказка: [В стихах]: В 3 ч. СПб., 1834; М., 1840, 1843.

Жар-Птица и сильный могучий богатырь Иван Царевич, победитель Змея Горыныча и братьев его: Русская сказка. М., 1834, 1839.

Жукова М.С. Повести: В 2 ч. СПб., 1840; под загл.: Русские повести. СПб., 1841.

Жуковский В.А. Стихотворения: В 2 ч. СПб., 1815—1816; В 3 ч. СПб., 1818, 1824; В 9 ч. СПб., 1835—1844, 1849.

Загоскин М.Н. Кузьма Петрович Мирошев: Русская быль времен Екатерины II: В 4 ч. М., 1842, 1847.

Загоскин М.Н. Рославлев, или Русские в 1812 году: [Исторический роман]: В 4 ч. М., 1831, 1832.

Загоскин М.Н. Юрий Милославский, или Русские в 1612 году: [Исторический роман]. В 3 ч. М., 1829, 1830, 1830, 1832, 1838, 1841, 1846.

Зряхов Н.И. Битва русских с кабардинцами, или Прекрасная магометанка, умирающая на гробе своего супруга: Русская повесть: В 2 ч. М., 1840, 1840, 1842, 1843, 1844, 1845, 1846, 1846, 1847, 1848, 1849.

Зряхов Н.И. Михаил Новгородский, или Нарушенная клятва: Российско-исторический роман: В 3 ч. М., 1837, 1844, 1847.

Измайлов А.Е. Басни и сказки. СПб., 1814, 1816, 1817, 1821, 1826, 1839.

Измайлов В.В. Путешествие в полуденную Россию: В 4 ч. М., 1800—1802, 1805.

Ильин Н.И. Великодушие, или Рекрутский набор: [Драма]: В 3 д. М., 1804; СПб., 1807.

Ильин Н.И. Лиза, или Торжество благодарности: [Драма]: В 3 д. СПб., 1803, 1808; М., 1817.

История о славном и сильном витязе Еруслане Лазаревиче, о его храбрости, и о невообразимой красоте царевны Анастасии Вахрамеевны. М., 1829, 1836, 1838, 1839, 1841, 1844, 1846, 1847, 1848, 1849, 1850.

История о храбром рыцаре Францыле Венциане и о прекрасной королевне Ренцывене. М., 1801 (5-е изд.); Смоленск, 1812; М., 1819, 1826, 1829, 1829; СПб., 1832; М., 1834, 1834; СПб., 1835; М., 1836, 1837, 1837, 1839, 1841, 1842, 1843, 1844, 1844, 1846, 1847, 1847, 1848, 1849, 1850.

Калашников И.Т. Дочь купца Жолобова: Роман, извлеченный из иркутских преданий: В 4 ч. СПб., 1831, 1832, 1842.

Карамзин Н.М. История Государства Российского: В 8 ч. СПб., 1816—1817, 1818—1829, 1830—1831, 1833; В 12 кн. СПб., 1842—1843, 1844.

Каратыгин П.А. Булочная, или Петербургский немец: Водевиль в 1 д. СПб., 1843, 1844.

Каратыгин П.А. Ложа 1-го яруса на последний дебют Тальони: Анекдот-водевиль в 2 картинах. СПб., 1838, 1839.

Козлов И.И. Собр. стихотворений: В 2 ч. СПб., 1833, 1834, 1840.

Козлов И.И. Чернец: Киевская повесть: [В стихах]. СПб., 1825, 1825, 1827.

[Комаров М.] Повесть о приключении английского милорда Георга и о бранденбургской маркграфине Фридерике Луизе; с присовокуплением к оной истории бывшего турецкого визиря Марцимириса и сардинской королевы Терезии: В 3 ч. М., 1815 (6-е изд.), 1819, 1829, 1829, 1834, 1837, 1838, 1839, 1840, 1844, 1847, 1847, 1848, 1849, 1849.

Кондрашка Булавин бунтовщик, бывший в царствование Императора Петра I: В 2 ч. М., 1841, 1843, 1847, 1849.

Коровкин Н.А. Три оригинальные водевиля. СПб., 1840; М., 1843.

Крылов И.А. Басни. СПб., 1809, 1811; В 3 ч. СПб., 1815; В 6 ч. СПб., 1819; В 7 кн. СПб., 1825; В 8 кн. СПб., 1830, 1830, 1831, 1833, 1834, 1834, 1835, 1837, 1840; В 9 кн. СПб., 1843, 1847, 1848, 1849.

Крюковский М.В. Пожарской: [Трагедия]: В 3 д., в стихах. СПб., 1807, 1810, 1828, 1834.

Кузмичев Ф.С. Дочь разбойница, или Любовник в бочке: Народное предание времен Бориса Годунова. М., 1839, 1841, 1842, 1846, 1847.

Кухольник Н.В. Рука Всевышнего отечество спасла: Драма в 5 актах, в стихах. СПб., 1834, 1834.

Куражсковский М.Д. Бедокур: Русская сказка: [В стихах]. М., 1843, 1847, 1849.

Лажечников И.И. Ледяной дом: [Исторический роман]: В 4 ч. М., 1835, 1838.

Лажечников И. Последний Новик, или Завоевание Лифляндии в царствование Петра Великого: Исторический роман: В 4 ч. М., 1831—1833; 1833; СПб., 1839.

Лекарство от задумчивости и бессонницы, или Вторая часть настоящих русских сказок. СПб., 1815 (4-е изд.); М., 1819, 1830, 1839.

Лермонтов М.Ю. Герой нашего времени. СПб., 1840, 1841, 1843.

Лермонтов М.Ю. Стихотворения. СПб., 1840; В 4 ч. СПб., 1842—1844.

Ломоносов М.В. Собр. соч.: В 3 ч. СПб., 1840; В 3 т. СПб., 1847, 1850.

Марлинский А. [А.А. Бестужев]. Русские повести и рассказы: В 8 ч. СПб.; М., 1832—1834; СПб., 1835—1837; 1838 [Припечатан титульный лист с надп.: Полн. собр. соч.]; Второе полн. собр. соч.: В 12 ч. СПб., 1847 [«Русские повести и рассказы» в ч. 1—8].

Меркли М.М. Стихотворения. М., 1836, 1837.

Могила Марии, или Притон под Москвою: Русский роман с картинами нравов в конце XVI века: В 2 ч. М., 1835, 1846, 1848, 1850. Московская сказка о чуде-поганом. М., 1842, 1846.

Муромский лес: Рассказ из времен царствования Петра Великого: В 2 ч. М., 1846, 1850.

Нахимов А.Н. Сочинения в стихах и прозе. Харьков, 1815, 1816; М., 1822.

Н.К. [Н.В. Кукольник]. Торквато Тассо: Большая драматическая трилогия, в стихах. СПб., 1833, 1836.

Новиков С. Видение наяву, или Разговор Н[аполеона] с с[атаною] после сожжения Москвы <...>: [В стихах]. СПб., 1812, 1813, 1815, 1816.

Озеров В.А. Димитрий Донской: Трагедия в 5 д. СПб., 1807, 1816, 1824, 1827.

Озеров В.А. Сочинения: В 2 ч. СПб., 1816—1817, 1819, 1824, 1827.

Озеров В.А. Эдип в Афинах: [Трагедия]: В 5 д., в стихах. СПб., 1804, 1805, 1816, 1823, 1828.

Окулов Г.А. Встреча Суворова с Кутузовым, или Вести, приннесенные в Царство Мертвых князем Смоленским. СПб., 1813, 1814.

Орлов А.Ф. Дунычка, московская междуумочка, или Узенький корсетец. М., 1831, 1834.

[*Орлов А.А.*] Разгулье купеческих сынков в Марьиной роще, или Поваливай! Наши гуляют!: Истинно-сатирическая повесть. М., 1836, 1837, 1839, 1839, 1840, 1842.

Орлов А.А. Сказки. Сказка 1. О черте и сером кафтане. М., 1833, 1833.

Основьяненко Грицко [Г.Ф. Квитка] Пан Халыавский: В 2 ч. СПб., 1840, 1842.

Полежаев А.И. Кальян. М., 1833, 1836, 1838.

Потапов В.Ф. Ерш Ершевич Шетинников, или Волшебная сказка о гусях-самогудах с присказками и шуточками, с песнями и прибауточками: В 4 ч., в стихах. М., 1847, 1850.

Потапов В.Ф. Конек-Горбунок с золотой щетинкой: Новая русская сказка (в стихах). М., 1847, 1849, 1850, 1850.

Потапов В.Ф. Кот в сапогах: Русская народная сказка в 3 ч. (в стихах). М., 1845, 1850.

Потапов В.Ф. Раскольники: Исторический роман: В 2 ч. М., 1846, 1848.

П—в А. [А.П. Протопопов] Пан Ягожинский, отступник и мститель: Роман, взятый из древних польских преданий: В 3 ч. М., 1836, 1843.

[Протопопов А.П.] Волшебные сказки, изданные Юркою Трынковенко в 1225 году от сотворения мира. М., 1836, 1841.

Протопопов А.П. Незаконнорожденный, или Жизнь и смерть: Нравственно-фантастический роман, переделанный с польского: В 2 ч. М., 1835, 1836.

Пушкин А.С. Бахчисарайский фонтан. М., 1824; СПб., 1827, 1830.

Пушкин А.С. Евгений Онегин: Роман в стихах: [Глава первая]. СПб., 1825, 1829.

Пушкин А.С. Евгений Онегин: Роман в стихах: [Глава вторая]. СПб., 1826, 1830.

Пушкин А.С. Евгений Онегин: Роман в стихах: [Полное издание]. М., 1833, 1837.

Пушкин А.С. Кавказский пленник. СПб., 1822, 1824.

Русанов Ф.А. Русские простонародные рассказы: Опыт издания для народного чтения. М., 1842, 1843, 1844, 1845, 1847, 1848.

С—в Петр [П.А. Салманов]. Черное время, или Некоторые сцены из жизни Емельки Пугачева: Исторический роман XVIII века: В 2 ч. М., 1839, 1842, 1845.

Свечин П.И. Александроида: Современная поэма: В 2 ч. М., 1827—1828, 1833.

[Сенковский О.И.] Фантастические путешествия Барона Брамбеуса. СПб., 1833, 1835.

Сказка в стихах о Дадоне, или О том, как дурак сделался умным. М., 1838, 1843, 1849.

Сказка о Заиграе Королевиче, о старике и сыне его журавле. М., 1833 (2-е изд.), 1838.

Сказка о семи Семионов, родных братьях. М., 1833, 1838, 1838.

Сказка о сильном и славном могучем богатыре Илье Муромце и Соловье разбойнике. СПб., 1816, 1819, 1833; М., 1833, 1838.

Сказка о славном и сильном витязе Еруслане Лазаревиче, о его храбрости и невообразимой красоте царевны Анастасии Вахрамеевны. СПб., 1820 (2-е изд.); М., 1822; СПб., 1825; М., 1838, 1847, 1849.

Сказка о славном и храбром витязе Бове Королевиче и о прекрасной королевно Дружневне и о смерти отца его Гвидона. СПб., 1815; М., 1829; СПб., 1834, 1837, 1839, 1839; СПб., 1839; М., 1844, 1846, 1847, 1849.

Скобелев И.Н. Переписка и рассказы Русского Инвалида: В 2 ч. СПб., 1838, 1841, 1844.

Слепушкин Ф.Н. Досуги сельского жителя: Стихотворения. СПб., 1826, 1828.

Словцов П.А. Два дня из римской истории, или Двое Сципионов Африканских. М., 1830; 2-е изд. под назв.: Двое Сципионов Африканских. СПб., 1835.

Соколов Н.С. Купеческая дочка и чиновник 14-го класса: Комедия-водевиль, в 1 д. М., 1837, 1839, 1842.

[*Соколов Н.С.*] Приезд жениха, или Святочный вечер в купеческом доме: Водевиль в 1 д. М., 1838, 1842, 1842.

Соколовский В.И. Мироздание: Опыт духовного стихотворения. М., 1832, 1837.

Соллогуб В.А. На сон грядущий: Отрывки из вседневной жизни: [Повести]: В 2 ч. СПб., 1841—1843, 1845.

Старинная пословица во век не сломится, или Опытные основания самобытного русского народного мудрословия: В 2 ч. Харьков, 1847, 1848.

Старичек-весельчак, рассказывающий давние московские были: [Сказки]. СПб., 1815 (3-е изд.), 1818, 1829; М., 1830, 1833; СПб., 1833; М., 1833, 1837, 1837, 1837, 1838, 1838, 1841, 1842, 1843, 1846, 1848.

Теллова Н.С. Стихотворения. М., 1833, 1838.

Тимофеев А.В. XII песен: В 3 отд. СПб., 1833—1834; 2-е изд. под назв.: Песни: В 2 ч. СПб., 1835.

Три водевиля [Д.Т. Ленского и П.С. Федорова]. СПб., 1838; М., 1839.

М.Т. [М. Туманов]. Колдун, или Приворотный корень: Быль XIX века. М., 1839, 1843.

Ушаков В.А. Киргиз-кайсак: Повесть: В 2 ч. М., 1830, 1835.

Фан-Дим [Е.В. Кологривова]. Голос за родное: Повесть. СПб., 1842, 1843.

Федоров П.С. Крестный отец: Водевиль в 1 д. СПб., 1837, 1839.

Хемницер И.И. Басни и сказки: В 2 ч. СПб., 1811 (4-е изд.), 1820; В 3 ч. М., 1830; СПб., 1832; М., 1832, 1833, 1836, 1836, 1837; СПб., 1838, 1838; М., 1839; СПб., 1841; М., 1842; СПб., 1842, 1844; СПб., 1849.

[*Чуровский А.И.*] Атаман Бурия, или Вольница заволжская: Русский роман из преданий старины: В 3 ч. М., 1835, 1843, 1846.

Чуровский А.И. Ведьма, или Страшные ночи за Днепром: Русский роман, взятый из народного предания: В 3 ч. М., 1834, 1843, 1848.

Чуровский А.И. Черной Кашей, или Заднепровский хутор у Лунной горы: Русский роман из времен Петра Великого: В 3 ч. М., 1834, 1844, 1849.

[*Шаховской А.А.*] Сват Гаврилыч, или Сговор на яму: Картина на русского народного быта: [Пьеса]. СПб., 1833, 1836.

Шаховской А.А. Урок кокеткам, или Липецкие воды: [Комедия]: В 5 д., в стихах. СПб., 1815, 1819.

Я—в А. Кривой бес. Русская сказка: [В стихах]. СПб., 1835, 1839, 1845.

ЗАРУБЕЖНАЯ ЛИТЕРАТУРА

Бильдербек Л.Б.Ф. Могильщик: В 5 ч. / Пер. с нем. Смоленск, 1804, 1806.

Бильдербек Л.Б.Ф. Урна в уединенной долине: В 4 ч. / Пер. с нем. Смоленск, 1804, 1806.

Буало-Депрео Н. Наука о стихотворстве: В 4 песнях / Пер. с фр. Д.И. Хвостов. СПб., 1808, 1813, 1818, 1824.

Виньи А. де. Сен-Марс, или Заговор при Людовике XIII / Пер. с фр. А.Н. Очкин: В 2 ч. СПб., 1829—1830; В 4 ч. СПб., 1834.

Вольтер Ф.М. Гурон, или Простодушный: Справедливая повесть / Пер. с фр. Н.Е. Левицкий. СПб., 1802 (2-е изд.); М., 1805.

Вульпиус Х.А. Жена разбойника: В 8 ч. М., 1815, 1818.

Дюкре-Дюминиль Ф.Г. Алексис, или Домик в лесу: В 4 ч. / Пер. с фр. А. Печенегов. М., 1800 (2-е изд.), 1804.

Дюкре-Дюминиль Ф.Г. Целина, или Дитя Тайны: В 6 ч. / Пер. с фр. М., 1802—1803 (4-е изд.), 1807.

Жанлис С.Ф. Геройство семнадцатилетней знатной девицы, или Оклеветанная невинность: В 3 ч. / Пер. с фр. И. Кобранов. М., 1808—1809; Орел, 1816; М., 1816—1817.

Живая похороненная Генриэтта, супруга милорда NN: Истинная повесть / Пер. с нем. М., 1802, 1806.

Жирарден Э. Лорнет: Роман / Пер. с фр. А.В. Зражевская. СПб., 1834, 1839.

Коттен С. Елисавета Л*, или Несчастье семейства, сосланного в Сибирь и потом возвращенного: Истинное происшествие: В 3 ч. / Пер. с фр. М., 1807, 1810, 1816, 1824.

Коцебу А.Ф. Леонтина: В 4 ч. / Пер. с нем. Н.И. Греч. М., 1808, 1811, 1815.

Коцебу А.Ф. Прекрасная незнакомка: Драматическая повесть / Пер. с нем. И. Нелидов. СПб., 1801; Смоленск, 1803.

Кювельер [Ш.Г.А. Кювелье де Три] Разбойник поневоле, или Ужасы лесов Шварцвальдских: В 3 ч. / Пер. с фр. М., 1816, 1818.

Лафон Ж. Невеста трех женихов: Комедия в 1 д. / Пер. с фр. К.Н. Баранов. Орел, 1824; М., 1826.

Лафонтен А.Г.Ю. Федор Д. и княжна М., или Верная любовь по смерти: В 2 ч. / Пер. с нем. М., 1804, 1808, 1830, 1831.

Льюис М.Г. [на титуле — Радклиф]. Монах, или Пагубные следствия пылких страстей: В 4 ч. / Пер. с фр. И. Павленков и И. Росляков. СПб., 1802—1803, 1805.

Мильтон И. Потерянный рай: Поэма: В 2 ч. / Пер. с англ. [Ф.А. Загорский]. М., 1810 (3-е изд.); В 3 ч. М., 1827; В 4 ч. М., 1829, 1835, 1839, 1842—1843, 1848, 1850.

[*Монтолье И.*] Каролина Лихтфильд: В 3 ч. / Пер. с фр. М. Яценко]. М., 1800, 1815—1816; Орел, 1821.

Не люблю, не слушай, а лгать не мешай: [Вольный перевод Н.П. Осипова с нем. переделанной Г.А. Бюргером кн. Р.Э. Распэ о бароне Мюнхаузене]: В 2 ч. СПб., 1811 (4-е изд.), 1815, 1818, 1829; М., 1837, 1844, 1845.

Опи А. Отец и дочь, или Пагубные следствия обольщения / Пер. с фр. Н. Старынкевич. СПб., 1803; М., 1808, 1815.

Пиго-Лебрюнь [Ш.А. Пиго-Лебрен]. Прекрасный паж, или Арестант в Шпандау: В 4 ч. / Пер. с фр. [А.В. Иванов]. М., 1811—1812; В 6 ч. М., 1816—1817.

Радклиф А. Монастырь Св. Екатерины, или Нравы XIII века: В 4 ч. М., 1811; Орел, 1815.

Радклиф А. Таинства Черной башни: В 2 ч. / Пер. с англ. М., 1811—1812, 1816.

Расин Ж. Андромаха / Пер. с фр. стихами Д. Хвостов. СПб. 1811 (2-е изд.); 1815, 1815, 1821.

Сю Э. Парижские тайны: Роман: В 8 ч. / Пер. с фр. В.М. Строев. СПб., 1844, 1847.

Тассо Т. Освобожденный Иерусалим: В 20 песнях / Пер. с фр. С.А. Москатильников. М., 1819, 1820—1821.

Улло, горный бард, или Страшилище в скалах Хиллы: В 6 ч. / Пер. с англ. П.Т. М., 1809—1810, 1813.

Шпис Х.Г. Приключения рыцаря Бенно фон Эльзенбург в 1225 году, не волшебная, но удивительная повесть: В 4 ч. М., 1812, 1816.

Эзоп. Езоповы басни с нравоучением и примечаниями / Пер. с фр. С.С. Волчков. СПб., 1810 (5-е изд.), 1815.

Эккартсгаузен К. Путешествие младого Костиса от востока к полудню / Пер. с нем. А.Ф. Лабзин. СПб., 1801, 1803, 1816.

Эккартсгаузен К. Терпимость и человеколюбие, изображенные в трогательных повестях: В 2 ч. / Пер. с нем. М., 1805; В 4 ч. М., 1817; Орел, 1818.

Юнг Э. Юнговы ночи: В стихах. М., 1803, 1806, 1820.

Даже беглый просмотр этого списка показывает, что он весьма разнороден. В то же время совершенно очевидно, что «случайных» книг тут почти нет и что представленные издания четко распадаются на несколько категорий.

Для полноценной их характеристики необходимо детальное знакомство с представленными в списке книгами. Однако уже на

Книжная лавка А.Ф. Смирдина.
Виньетка из сборника «Новоселье»

основе жанровых и тематических обозначений в подзаголовках, а также информации о широко известных произведениях можно сделать некоторые предварительные выводы.

В список вошли прежде всего популярные низовые книги, на которые был постоянный спрос. Большинство — фольклорного происхождения или впервые опубликованные в XVIII в. Самый популярный жанр — это сказки (их тут 22, а если прибавить рыцарские романы («Бова», «Еруслан», «Франццль», «Гуак»), то эта цифра достигнет 26). Такие книги, как «Повесть о милорде Георге» М. Комарова или сказочный сборник «Старичек-весельчак», регулярно переиздавались, но они не являлись бестселлерами, тут не было эффекта модной литературной новинки, за которой все гоняются и хотят прочитать.

В списке присутствуют, далее, сочинения классиков, прославившихся уже в XVIII — начале XIX в.: Богдановича, Державина, Крылова, Ломоносова, Хемницера.

К явлениям собственно бестселлера в нашем списке можно отнести лишь немногочисленные книги, вокруг которых возник шум в прессе, они быстро раскупались и срочно требовалось переиздание. Это «История» Карамзина, «Иван Выжигин», «Димитрий Самозванец» Булгарина, «Юрий Милославский» и «Рославлев» Загоскина, стихотворения Бенедиктова, «Чернец» Козлова, «Рука

Всевышнего отечество спасла» Кукольника, «Бахчисарайский фонтан» и «Кавказский пленник» Пушкина, ряд популярных водевилей, стихотворных сборников и исторических романов.

Системы бестселлера тогда (как, впрочем, и сейчас) в России не существовало, поскольку у читателей не было установки на новую отечественную книгу, факт коммерческого успеха издания редко становился публичным, и т.д. Так что можно говорить лишь о зарождении элементов системы бестселлеров в русском книжном деле 1830—1840-х гг.

Да и сам феномен частого переиздания книги складывается в эти годы: в нашем списке 19 книг впервые вышли в XVIII в., 24 — в 1800-х, 21 — в 1810-х гг., 13 — в 1820-х, на 1830-е приходится 62 книги, на 1840-е — 23. (Если бы мы учли переиздания книг конца 1840-х гг. в начале 1850-х, число «бестселлеров» 1840-х несколько выросло бы. Кроме того, в 1840-х литература ушла в журнал, поэтому книжное издание не являлось, как правило, первым представлением произведения читателю. Сыграло свою роль и ужесточение цензуры в конце 1840-х гг.)

Отметим, что в первой четверти XIX в. значительную часть часто переиздающихся книг составляют переводные произведения, а во второй четверти века таковых практически нет, даже весьма популярные романы В. Скотта не удостоивались скорого переиздания.

Если «разнести» книги списка по хронологическим периодам, то мы увидим преобладание в первой четверти века отечественной поэзии и переводного сентиментального и авантюрно-приключенческого романа, в 1830-х гг. — отечественного исторического романа, в 1840-х гг. — водевиля.

При этом большое число изданий (5 и более) выдерживают только низовые книги. Причины этого видятся нам в следующем. В чтении высокообразованных слоев населения ведущую роль играли книги на иностранных языках (французском, в меньшей степени — немецком), спрос на книги на русском языке был гораздо меньше, и даже если они переиздавались, то через значительный промежуток времени. Менее образованные слои обращались только к отечественной книге. Здесь уже в конце XVIII в. складывается рыночная ситуация: с профессиональными авторами (главным образом переводчиками), профессиональными книгопродавцами-издателями, рекламой в газетах («Московские ведомости» и «Санкт-Петербургские ведомости») и стабильным читательским спросом.

В высокой литературе массовый читатель, ориентированный на книжную новинку и способный обеспечить переиздание новой книги; равно как и развитая система рецензирования, «раскручивающая» недавно вышедшую книгу, складывается только в 1860—1870-х гг.

ПРИЛОЖЕНИЕ

КОМУ И ЗАЧЕМ НУЖЕН ПУШКИН?

(О книге Пола Дебрецени)

Когда листаешь пухлые библиографические указатели пушкинианы, возникает впечатление, что исследователи поражены странной слепотой: уделяя пристальное внимание одним темам, они в упор не видят других, не менее, а может быть, и более значимых. Тысячи книг и статей посвящены мельчайшим деталям пушкинской биографии, каталогизации мест, где он был, и людей, с которыми он встречался; в тысячах работ интерпретируются его произведения, характеризуются их поэтика и мир идей, выявляются творческие связи с отечественными и зарубежными литераторами и т.д. Но попробуйте найти исследования восприятия пушкинских книг: как широко они читались и кем, как трактовали их современники, как влияло на читателей его творчество? Работы на эти темы можно пересчитать по пальцам, все они носят частный характер и построены, как правило, на узкой источниковой базе¹. Не лучше обстоит дело и с изучением пушкинской литературной репутации, прижизненной его славы и посмертной канонизации и т.д.

В этой перспективе пионерскую по своей проблематике книгу американского слависта Пола Дебрецени «Социальные функции литературы: Александр Пушкин и русская культура»² нельзя оценить иначе как революционную по своему характеру попытку по-рвать с обветшавшими канонами и штампами современного пушкиноведения.

Предпринята она, разумеется, не на пустом месте. Дебрецени опирается, с одной стороны, на сложившиеся в рамках социологии, социальной психологии и антропологии традиции анализа социальных функций искусства (почти половина ссылок приходится на работы по этим дисциплинам, в том числе на классиков социологии и антропологии Т. Парсонса, Р. Мертона, Дж.Г. Мида, Б. Малиновского, П. Бурдьё, К. Гирца и виднейших специалистов по социологии искусства Х. Данкана, Р. Уилсона, Я. Мукаржовского), а с другой — на бурно развивающийся в США социокультурный подход к русской истории, предполагающий тщательный анализ культурной мифологии (упомяну таких авторов, как Р. Вортман, М. Левитт, Дж. Брукс, У.М. Тодд, Н. Тумаркин и др.).

Посвятив свою книгу исследованию социальных функций литературы (Пушкин взят тут не как уникальный предмет изучения, а как удобный материал, на котором можно выявлять общие за-

кономерности), Дебрецени рассматривает все основные аспекты проблемы: индивидуальная реакция читателей на пушкинские произведения, обусловленность читательской реакции социальным окружением и, наконец, социальная мифология и место писателя в ней. В первой части («Читательская реакция на текст»), изучая влияние литературы на формирование личности, Дебрецени рассматривает свидетельства, почерпнутые из мемуаров, дневников и переписки (наряду с печатными источниками им использованы и рукописные воспоминания Г. Тельберга, хранящиеся в США в Библиотеке Конгресса). Свидетельства эти Дебрецени интерпретирует, привлекая концептуальный аппарат и круг идей символического интеракционизма и психологии развития (Р. и Б. Кернс, Н. Маркус и П. Нуриус). Он исходит из того, что человек существует как личность, лишь «отражаясь» в других. Реакции окружающих могут быть запечатлены в сознании и восприняты как общие нормы поведения, и мы наблюдаем себя как бы извне, чтобы убедиться, что наши мысли и действия соответствуют социальным нормам. Причем эксперименты психологов показывают, что самооценка ребенка обычно выше, чем оценка его другими. Подобная высокая самооценка обусловлена тем, что большинство людей исходит не из образа своего «я» в данный момент, а из своих прошлых «я-образов» и потенциальных «я-образов» в будущем. Обрести их в непосредственном окружении трудно. Но контакт с другими не обязательно требует их физического присутствия рядом с нами, они могут существовать в памяти или воображении. Символическое общение с более широкой культурной средой осуществимо через искусство и литературу и способно породить более разнообразные и утонченные образцы мышления и поведения. «И когда судьбы литературных героев, комментируемые повествователями, разыгрываются на глазах читателей, читатели имеют возможность познакомиться с установками и стилями жизни, о которых они и мечтать не могут в своем повседневном социальном окружении. Они имеют возможность испытать свое потенциальное «я» на этих моделях, приняв их, или отбросив как непригодные, или частично приспособив» (С. 31). «Проигрывая» в воображении различные ситуации и свои реакции на них, читатель «вписывает» себя в социальную жизнь. Он ищет точку опоры в более широком культурном контексте, в ином, более высоком по уровню типе человеческой общности. Такой тип общности создают произведения литературы и искусства, «общности чисто символической, но очень значимой для лиц, ограниченных непосредственным окружением» (С. 32). Выходя за пределы своего окружения, человек ищет в литературе другие типы и формы реагирования на мир, идентифицируя себя не с непосредственным окружением, а, скажем, с населением или страной в целом.

Свидетельства мемуаристов показывают, что литература выполняла для них эту роль, особенно произведения Пушкина. Причем

если на формирование политических и философских взглядов влияли многие литераторы (Гоголь, Писарев, Достоевский и др.), то внутреннее «я» формировал именно Пушкин.

В качестве второго «ключа» к пониманию психологических функций литературы Дебрецени использует фрейдизм. Он полагает, что «чувства, которые не могут найти освобождения в практической жизни, сублимируются через поэзию» (С. 56). Эстетический опыт выступает как суррогат реальной жизни, предоставляя читателю форму замещающего исполнения желаний в фантазии.

Представители психоаналитического подхода в литературоведении исходят из того, что, получая удовлетворение в мире фантазии, индивид сублимирует свои сексуальные и/или агрессивные импульсы и тем самым избавляется от них. Предоставляя клапан для разрядки эмоциональных напряжений и очистки чувств, литература тем самым усиливает социальную связь. Потребность же в поиске такого удовлетворения желаний в воображении возникает из-за «хаотического давления бессознательного» (формула Б. Беттельгейма). Проецируя свои чувства на литературных персонажей, читатель создает условия для отчуждения неприятных переживаний и катартической разрядки эмоциональных напряжений. Функцию литературы (и Пушкина) в подобном освобождении от страхов и тревог Дебрецени демонстрирует на примере М. Цветаевой, тонко анализируя и интерпретируя ее мемуарные произведения.

Однако автор не рассматривает подробно механизм проекции, используемые для ее достижения приемы, а без этого общие рассуждения, может быть и справедливые, «провисают», лишаются доказательности.

Дебрецени убедительно показывает в своей книге, что восприятие и конкретных произведений, и всего творчества поэта различными читателями весьма неодинаково. Лишь небольшая часть сочинений Пушкина переписывалась, выучивалась, читалась вслух и получала широкое распространение. Причём в этих произведениях акцентировались и актуализировались (и толковались очень вольно) лишь определенные аспекты (например, пушкинские стихотворения интерпретировались декабристами как призыв к бунту и революции, хотя у Пушкина речь идет о необходимости законности и эпически трактуются и тираны, и заговорщики). Таким образом, лишь несколько произведений, тенденциозным образом проинтерпретированных, представляли в общественном сознании за творчество Пушкина. Соответственно, в период до 1826 г. Пушкин предстал перед читателями в значительной степени как политический поэт («Кинжал», «Вольность», «В деревне» и др.) и влиял на политические взгляды читателей, в Николаевскую же эпоху он стал восприниматься как представитель искусства для искусства, далекий от социальных и политических проблем («Поэт и толпа»).

Во второй части своего исследования («Социальные детерминанты эстетических норм») Дебрецени от индивидуальной реакции на пушкинские произведения переходит к обуславливающей ее реакции групповой. (Собственно говоря, рассуждения в первой части о восприятии Пушкина декабристами и теми читателями, которые трактовали его как сторонника теории искусства для искусства, касаются не индивидуальной, а групповой рецепции.)

Он выделяет три основные группы среди пушкинских современников. На одном полюсе была небольшая группа элитных читателей, в значительной части его друзей и знакомых, которым пушкинский код был доступен в полной мере, на другом — читатели, воспитанные на классицизме или раннем сентиментализме, которые пушкинский код не воспринимали вообще, полагая, что он просто нарушает существующие моральные и эстетические нормы. И, наконец, промежуточную позицию занимали представители «среднего» (middlebrow) вкуса, ориентирующиеся на образцы высокой культуры, но способные усвоить их лишь в ограниченном объеме и в адаптированной форме. К этой группе принадлежали, по мнению Дебрецени, мелкие помещики, купцы, ремесленники, но главным образом чиновники. Рост масштабов чтения и расширение данной читательской группы Дебрецени связывает с урбанизацией и ростом социальной мобильности, усиливающейся стратификацией культуры, развитием образования, коммерциализацией литературы.

Для того чтобы выявить, как воспринимал Пушкина среднечитательный читатель, Дебрецени анализирует многочисленные подражания «Руслану и Людмиле» и южным поэмам. Он справедливо полагает, что подражатели служат выразителями общего мнения, выбирая для подражания те аспекты произведений, которые нравятся стандартизированному вкусу. В соответствии с господствующими эстетическими нормами подражатель одни черты оригинала гипертрофирует, другие модифицирует, а третьи вообще опускает. В результате исчезают противоречивость, неоднозначность, недосказанность, свойственные пушкинским героям, у подражателей этот герой идеализируется: с него снимается всяческая вина, он оказывается чувствительным и благородным человеком; логика характера исчезает — заявленный в начале поэмы как разочарованный байронический персонаж, герой в дальнейшем раскаивается, женится и т.д. Если Пушкин демонстрировал сложность мотивов действия человека, то у подражателей герой прост, «плоскостен», в нем использовано лишь несколько модных внешних байронических черт.

Дебрецени вслед за многими социологами культуры полагает, что когда некая тенденция в культуре становится модной и получает широкое распространение, то элита начинает дистанцироваться от нее и подвергать критике. Он подробно рассматривает реакцию Пушкина на «среднюю» литературу (отношение его в 1830-х гг.

к байронизму, романтизму, альманахам и т.п.) и анализирует «Полтаву» как ответ на литературу этого типа, где Пушкин вырабатывает новый эпический и фаталистический взгляд на мир, в котором автономно существуют и исторические силы, и страсти человека, и вдохновение поэта.

В качестве еще одного примера реакции элиты на «средний» вкус Дебрецени рассматривает Гоголя, который вышел из «средней» культурной среды, к которой принадлежал на раннем этапе своего литературного пути («Ганц Кюхельгартен»), но потом отвернулся от нее и высмеял в своих книгах. Именно это обеспечило ему признание со стороны элиты.

Дебрецени отмечает, что «средняя» читательская группа с 1830-х гг. быстро росла, и, используя различные приемы, пытается выяснить, в какой степени пушкинское творчество доходило до этих читателей. Проанализировав 24 школьных хрестоматии и 19 школьных курсов истории русской литературы за период с 1820-х гг. до 1917 г., он сформировал списки наиболее часто включаемых в хрестоматии и рассматриваемых в учебниках произведений. Справедливо полагая, что именно эти произведения представляли творчество Пушкина в массовом сознании, Дебрецени в качестве основной черты подобной репрезентации выделяет «русскость» (создание национального литературного языка, показ русского характера, показ деревни, любовь к отечественной истории, близость к фольклору и т.д.). Отмечая, что Пушкин был представлен в очень упрощенном и препарированном виде, Дебрецени тем не менее полагает (сравнив историю его популяризации с судьбой шекспировского наследия), что «такой процесс селекции и упрощения — это, возможно, единственный путь, которым национальный поэт может достичь аудитории со средним уровнем образования» (С. 167).

Характеризует Дебрецени также пути и формы популяризации Пушкина посредством театра, однако тут он в основном следует известной книге С.Н. Дурьлина «Пушкин на сцене» (1951).

Весьма интересен раздел, где исследуется рост авторитетности Пушкина в среде лидеров литературного мнения. Тут использована методика, разработанная известным шведским социологом К. Розенгреном, основывающаяся на учете числа упоминаний писателей в отзывах на новые книги. В рецензиях постоянно встречаются конструкции: «Писатель X похож (или не похож) на писателя Y», «Писатель X принадлежит к той же литературной группе, что и Y», «X подражает Y» и т.д. Если подсчитать число упоминаний разных литераторов, стоящих в позиции Y, в течение года, то можно выстроить карту литературных ориентаций критического сообщества, поскольку наиболее значимые фигуры будут, естественно, упоминаться чаще³. Несколько модифицировав методику Розенгрена, Дебрецени проанализировал высказывания о литературе (учитывались не только рецензии, но и биографии, критические и публицистические статьи и т.д., в результате были выявлены ориентации не только литературных рецензентов, но

вообще пишущего, образованного слоя) в пяти журналах за определенные периоды. В эстетически консервативном «Вестнике Европы» (1820—1828) Пушкин по числу упоминаний занимает двадцать второе место (на первом был Гомер), в «Сыне Отечества» (1820—1829) он был на пятом, в «Современнике» (1862) вышел на первое место, в «Отечественных записках» (1882) был на втором после Шекспира и, наконец, в «Русском богатстве» (1902) вновь вышел на первое место. Приведенные данные любопытны, но, как нам кажется, опираются на достаточно узкую и одностороннюю (в 1860—1900-х гг. учитывались только «демократические» журналы) источниковую базу. Позволю себе сослаться на собственное исследование (проведенное по методике Розенгрена совместно с Б.В. Дубиным), где были учтены все рецензии во всех литературных журналах Москвы и Петербурга за два года с лагом в 20 лет. По нашим данным, в 1840—1841 гг. Пушкин возглавлял список, в 1860—1861 гг. он был вторым по числу упоминаний (после Тургенева), в 1880—1881 гг. разделил 10—15 места (во главе списка был Гоголь), а в 1900—1901 гг. разделил с Достоевским 2—3 места (на первом месте был Л. Толстой)⁴. Таким образом, если иметь в виду группу рецензентов, задающих и формирующих литературные вкусы, то репутация Пушкина в этой среде была не столь прочной, как это представляется по данным Дебречени.

Третий, заключительный раздел книги («Миф поэта») знаком русскому читателю⁵. Здесь автор рассматривает историю и механизмы канонизации Пушкина в русской (а затем и советской) культуре. Опираясь на таких классиков социальной антропологии, как К. Клакхон и К. Гирц, Дебречени пишет о том, что социальное мифотворчество полезно обществу, поскольку помогает осмыслить сферы опыта, лежащие за пределами технологического и рационального контроля, и способствует созданию устойчивых форм социальной организации. Систему мифов порождают наиболее острые проблемы и тревоги данного общества. Дебречени полагает, что тревоги и беспокойства, связанные с ключевой для того времени проблемой национальной идентичности, привели к поискам национального поэта.

Употребленный Дебречени термин «канонизация» не совсем метафоричен. Дело в том, что закрепление его статуса шло по образцу канонизации русских святых (ср. совпадения в метафорике: Одоевский в некрологе Пушкину писал: «Солнце русской поэзии закатилось», а митрополит Кирилл после смерти Александра Невского сказал в проповеди, что «зайде солнце земли Суждальска», а вдова Дмитрия Донского после его смерти сетовала: «Солнце мое, рано заходиши», с. 224); поэт воспринимался как страсто-терпец, покорный судьбе и погибший в результате предательства, но ставший в итоге покровителем нации. Дебречени полагает, что «в эпоху Пушкина цари и князья уже утратили былую привилегию символизировать собой народ». Поиск символов национальной

идентичности шел уже в иной сфере. «Воплотив дух своего народа в боговдохновенной поэзии и смиренно приняв мученичество, Пушкин явился, таким образом, его заступником перед ликом Вселенского Духа, обеспечив русским почетную роль в дальнейшем ходе мировой истории» (С. 228; цит. перевод И. Гуровой).

Дебрецени прослеживает, как в советский период была сделана попытка заменить пушкинский миф ленинским и как все же пришлось реанимировать пушкинский миф. «Если официальная версия личности Ленина, предложенная обществу, была лишена сложности человеческой природы, образ Пушкина все-таки до такой степени выутюжен не был, а потому открывал возможность хотя бы опосредованно получить радость от ярких образов в убогой серости советской действительности» (С. 244, цит. перевод И. Гуровой).

П. Дебрецени отважно взялся дать целостную характеристику рецепции Пушкина в России. Хотя он рассматривает свою работу как теоретическую, нам все же представляется, что основное ее достоинство — в социологическом подходе к анализу конкретного историко-литературного материала. Общетеоретические идеи монографии не новы (и автор добросовестно ссылается на предшественников), а вот подобного исследования восприятия пушкинского творчества не осуществил пока никто (в этом плане корректнее было бы, как нам представляется, поменять местами заглавие и подзаголовок книги).

Разумеется, работая почти без предшественников, в одной книге автор не смог с должной глубиной охватить все аспекты проблемы. Если бы он сосредоточился на каком-нибудь одном, ему удалось бы привлечь более широкий круг источников, более глубоко проанализировать их, и если не «закрыть тему», то, по крайней мере, фундаментально проработать ее. В предложенной же панорамности охвата есть, конечно, свои достоинства, но, скорее, именно в плане привлечения интереса к проблеме и обоснования подходов к ее изучению. Дебрецени впервые столь четко и убедительно продемонстрировал необходимость и плодотворность изучения восприятия творчества Пушкина современниками и потомками. Пусть не все аспекты этой темы освещены им достаточно детально и не во всем можно согласиться с его итоговыми выводами, но в любом случае это исследование станет, по нашему мнению, этапным в пушкинистике. Теперь можно будет полемизировать, развивать, идти вперед — так или иначе, но у тех, кто занимается изучением восприятия пушкинских произведений, его места в общественном сознании, его литературной репутации и т.д., будет фундамент, опираясь на который можно идти дальше.

ГРУППОВАЯ ДИНАМИКА И ОБЩЕЛИТЕРАТУРНАЯ ТРАДИЦИЯ: ОТСЫЛКИ К АВТОРИТЕТАМ В ЖУРНАЛЬНЫХ РЕЦЕНЗИЯХ 1820—1978 ГОДОВ*

Общественные и культурные сдвиги последних полутора десятилетий проявились, в частности, в том, что одно за другим публикуются произведения, на долгие годы и даже десятилетия вычеркнутые из обозримой для всех и общепризнанной литературы. Введение их в круг читательского внимания и открытого специализированного обсуждения не может не ставить под вопрос укрепившиеся каноны и сложившиеся иерархии, образовывавшие само собой разумеющуюся, общепринятую картину развития отечественной словесности XX в. (на самом деле событиями последних лет проблематизирован, конечно же, материал всего корпуса русской литературы). Историками литературы, литературными критиками, рецензентами прочерчиваются неведомые прежде линии развития, выявляется множественность перспектив, в рамках которых видится всякий раз несколько другая, а порой и совершенно иная, «история». Сколько бы беспокоящим ни казалось все это ревнителям единогласия, дело, думается, никак не в том, чтобы вставить (или не пустить) полтора десятка имен и три-четыре десятка произведений в эталонный список представителей «лучших», «коренных», «ключевых» традиций российского слова. Вопрос, на наш взгляд, стоит иначе: как осмыслить начавшее проявляться разнообразие, как сохранить его в качестве конструктивного принципа различных подходов к литературе? Как при этом не утратить связанности картины, понимания взаимообусловленности различных участков и траекторий литературного процесса? Эти драматические проблемы встают сегодня перед литературоведением¹, значимы они и для социологии литературы, и даже шире — социологии культуры. Помочь тут может сложившаяся на рубеже 1970—1980-х гг. социологическая концепция литературы как социального института. Согласно этой концепции, литература существует как результат множества взаимодействий вокруг письменных и печатных текстов и, соответственно, структурируется связанными между собой ролевыми позициями участников этого взаимодействия — от автора

* Статья написана в соавторстве с Б. В. Дубиним.

до читателя². Вместе с тем эмпирическое исследование функционирования литературы как социального института невозможно без учета реального многообразия действующих в рамках этого целого различных инициативных групп. Системное соединение институционального и группового планов анализа открывает возможность истолковать обращение книги и литературы в обществе как литературный процесс, увидеть его социально-структурные (статусные, ролевые) и культурные (мировоззренческие, идейные) аспекты, обнаружить как направления динамики исследуемых взаимодействий, так и механизмы поддержания их устойчивости, способы воспроизводства их принципиальной структуры³.

В данной работе предложенная концепция развивается и уточняется применительно лишь к одной из функциональных позиций в рамках социального института литературы — обобщенной фигуре журнального рецензента.

Эмпирическое изучение рецензионной работы велось достаточно плодотворно в конце 1920-х — начале 1930-х гг.; тогда же увидели свет статьи, в которых рассматривались особенности теории и практики рецензирования художественной литературы⁴. Сейчас подобных работ почти нет, за исключением немногочисленных публикаций о наблюдениях за характером рецензий в журналах. Работ же, суммирующих и обобщающих эти наблюдения, и тем более теоретического характера, по этой проблематике явно не хватает⁵.

Попыткой прояснить некоторые закономерности рецензирования текущей художественной литературы, критерии, структуру и механизм критической оценки является проведенное в 1979—1982 гг. в секторе книги и чтения Государственной библиотеки СССР им. В.И. Ленина (ныне — РГБ) эмпирическое исследование, по результатам которого была подготовлена данная статья. Стремление выявить стабильные структуры рецензионной деятельности, с одной стороны, и ситуативные компоненты, меняющиеся со временем, — с другой, обусловило ретроспективно-сопоставительный характер работы.

В исследовании ставилась задача проследить структуру и динамику литературных авторитетов рецензентов, воспользовавшись для этого специфическим материалом — упоминаниями в журнальной рецензии на беллетристическую новинку имен тех авторов, которые значимы для рецензента как образец в том или ином отношении. При этом литература понималась как сложная система, существующая на основе соотносительности различных социальных ролей (писатели, издатели, книгопродавцы, читатели и т.д.). Представители каждой роли, исходя из характера своей деятельности и своих профессиональных интересов, с одной стороны, и понимания своей принадлежности к той или иной литературной группе, соотносящейся с иными группами, — с другой, по-своему видят

литературу, в своей смысловой перспективе «выстраивают» различные литературные события, явления, связи.

Осознание разрыва между неупорядоченной современностью с ее конкурирующими групповыми интересами, с одной стороны, и искомым в прошлом или будущем состоянием согласованности представлений о литературе — с другой, стимулирует возникновение на определенном этапе литературной жизни нового времени специфических ролей — литературного критика и рецензента. С этим же общим процессом формирования социального института литературы связано складывание такой устойчивой формы межгрупповой литературной коммуникации, ориентированной на соединение традиционных литературных представлений с новыми проблематическими значениями, как литературный журнал, обязательно содержащий отделы критики и библиографии. В задачи этих отделов входит регулярное воспроизводство устойчивой системы критериев группового самоопределения в форме оценки новейших и постоянно сменяемых образцов.

Необходимо пояснить, как понимается в данной работе апелляция к авторитетным образцам. Подобная конструкция представляет собой сопоставление двух компонентов. Оценивая литературную новинку, рецензент называет важные для него имена, демонстрируя и подкрепляя тем самым значимость собственного суждения, т.е. собственную значимость. Иными словами, литературные авторитеты рецензента — символы его авторитетности. Тем самым в оценке литературного произведения, в конструкции литературного факта появляется возможность увидеть механизмы и элементы самоопределения рецензента. Однако сколько-нибудь общезначимым суждением (и в этом смысле — признанным социальным фактом) данная оценка может быть лишь при потенциальном учете точек зрения других участников литературного взаимодействия в их возможном многообразии, при включении этих референтных персонажей в саму структуру выносимой оценки. Тогда в подобном суждении о литературной новинке можно видеть еще и систему адресации рецензента, точнее — символы его адресатов, значимых для него именно в множественности и разнокачественности потенциальных партнеров по взаимодействию. В таком случае правомерно трактовать отсылку к значимому имени как символ значимых для рецензента других — иных ролей (издатель, писатель, читатель) или иных групп участников литературного процесса (соратников, партнеров, конкурентов и т.п.). Возникает возможность аналитически разложить конструкцию рецензионного сравнения, видя в степени обобщенности «упоминания» (отсылки к имени того или иного автора, который персонафицирует норму литературного качества) указание на различный характер ориентации рецензента — внутригрупповой, межгруппо-

вой, институциональный. Границы значимости оцениваемого образца (и выносимой ему оценки) можно определить в таком случае, измерив символический потенциал называемого имени — богатство его связей с другими (количество одновременно упоминаемых имен), его ценностный ранг (место в иерархии по количеству упоминаний), ценностный масштаб (символический возраст упоминаемого автора). Авторы, лидирующие по сумме этих признаков, выступают символами идентичности самого института литературы (или даже символами культуры, национальной истории и т.д., декларируемыми в этом качестве во внелитературные среды); единичные же или немногочисленные упоминания можно расценивать как отсылки к символическим фундаментам действующих в рамках института групп современников. Такая трактовка предполагает в дальнейшем изучение, с одной стороны, источников и трансформаций этих символов в ретроспекции (кто вводил, истолковывал и передавал соответствующие имена — не просто Пушкина, но Пушкина из таких-то рук), с другой же — границ их устойчивости при репродукции и трансляции во времени (накопление или убывание символического потенциала, смену интерпретаций и т.д.).

Устойчивую совокупность значимых для рецензентов имен и воспроизводящую их смысловую структуру мы трактуем как достояние социального института литературы, институциональную традицию, тогда как изменчивые компоненты литературных ориентаций рецензентов соотносим с их групповой принадлежностью, видим в них символы группового самоопределения. Пределом всеобщности литературных значений (согласованности координат литературного взаимодействия) так или иначе выступает «прошлое» (хотя степень его «глубины» может меняться). Соответственно, настоящее при этом трактуется как область относительного разнообразия ценностных позиций и содержательных определений литературы, и тут правоммерно судить о мере согласованности этих определений или о характере их соотношения (конкуренция, диалог и т.д.). Таким образом, можно говорить о трех различных уровнях литературных значений, кодируемых упоминаемыми в рецензиях именами: 1) всеобщих институциональных ценностей и символов (устойчивая классика); 2) групповых норм и авторитетов (динамический «средний состав» кандидатов в классики); 3) индивидуальных образований (единичные упоминания представителей проблематической инновации). Переход значений одного уровня на другой (смена ориентации обобщенного рецензента, переадресация к иным партнерам, в нелитературные инстанции — системы социального контроля, социализации и другие) в данном случае и составляет собственно реальное содержание литературного процесса.

Исследуемая конструкция рецензионного сравнения может тогда быть типологизирована по степени обобщенности второго компо-

нента — имени того или иного автора, который персонифицирует для рецензента представление о литературе. Минимальная степень генерализации — сравнение нового автора (или произведения) с автором (или произведением) того же уровня значимости (например, с авторами того же «возраста»). Их можно интерпретировать следующим образом. На начальной стадии консолидации группы, с которой отождествляет себя рецензент, средством продемонстрировать принадлежность к ней выступает указание на наличный состав данного направления, школы, кружка либо столь же конкретная адресация к литературному противнику (тогда меняется «знак» отсылки). В той мере, в какой удастся с достаточной жесткостью связать состав отсылок с наличным составом данной группы, не упоминаемой другими рецензентами, можно говорить о стадии «заявок» группы на признание и авторитет. Тогда возрастание значимости отдельных имен (в том числе — для оппонентов) будет означать переход литературной группы на стадию демонстрации достигнутого признания, а далее — на стадию расширения области влияния. При этом значимые фигуры из состава группы все более жестко связываются с авторитетами прошлого (и тем самым претендуют на будущее). Стало быть, степень разнообразия упоминаемых современных авторов можно считать индикатором напряженности взаимодействия множества наличных течений и групп (фаза выхода на литературную сцену), а все большую согласованность списка избранных авторитетных имен современников — указанием на преобладание авторитета со стороны той или иной группы (фаза демонстрации достигнутого).

Поскольку настоящее выступает для рецензентов неоднозначным и проблематичным, они предпринимают специальные действия по нормативному определению этого настоящего, так сказать, по закреплению его образа. Этим и объясняется апелляция к предшествующему состоянию, которое уже упорядочено и оценено, обретя при соотнесении с ценностью статус образца. Этот эталон выступает теперь, в свою очередь, ценностным критерием «действительности настоящего», удостоверением его качества. Разнородные актуальные значения при этом упорядочиваются в очерченных границах: они соотнесены с обобщенными или даже «всеобщими» точками отсчета.

Утверждение через соотнесение с уже имевшими место явлениями образует устойчивую конструкцию литературных оценок и самооценок, групповых манифестов и индивидуальных творческих программ, т.е. отлаженную и эффективную культурную форму, лежащую в основе практически любого взаимодействия в рамках социального института литературы. Выделяемая с ее помощью «высокая классика» является центральным компонентом актуальной литературной культуры, задавая ей на каждый данный момент

общую для участников взаимодействия систему координат и обеспечивая их тем самым сознанием принадлежности к социальному институту литературы.

Можно полагать, что совокупность писательских имен, представляющих «классику», должна быть довольно жестко замкнута и длительное время постоянна; чем обобщеннее символы, тем уже их набор (и наоборот), поскольку ему предписана способность соотносить и связывать в принципе неисчерпаемое многообразие все увеличивающихся в объеме значений и образцов, служить средством их перевода друг на друга, т.е. способом поддержания границ социального института литературы.

Чем более отвлеченным от непосредственной литературной борьбы (а стало быть — обобщенным и многозначным) является приравнивающий компонент отсылки, тем в большей мере можно говорить о переходе группы, принадлежность к которой демонстрирует рецензент, на следующую фазу — символического, собственно культурного самоопределения, задаваемого теми или иными институциональными ценностями, общими идеями литературы. Апелляция к сверхавторитету — указание на такую позицию, с которой становится обозримой и понимаемой вся полнота смысловой реальности (включая современность), и, соответственно, на предельно широкие рамки рассмотрения и оценки. Возрастание ценностного ранга имени автора (образца) коррелирует с увеличением его ценностного масштаба, радиуса его значимости. Символический сверхавторитет — это тот, кто мог бы наилучшим, единственным и исчерпывающим образом выразить все происходящее как осмысленное целое. Отсылка к подобному рода символу со стороны той или иной конкретной литературной группы представляет собой возвышение своей позиции над современностью в область «всеобщего». Расширение же спектра имен прошлого, не ограничивающегося такого рода избранными сверхавторитетами, будет указывать на множественность культурно самоопределяющихся групп, готовых к сосуществованию и диалогу, а не к конкуренции и доминированию.

В данной статье фигура рецензента принята за «единое» условно действующее «лицо». Иначе говоря, здесь имеется в виду лишь социальная позиция рецензента в рамках литературы как социального института, т.е. исключительно нормативные компоненты его роли, характеристики более или менее постоянно воспроизводящейся в его работе системы общелитературных координат. Принимаемый нами здесь усредненный способ описания представляется наиболее удобным как раз для позиции рецензента. Последний, как правило, исходит именно из общих норм, безымянных и «естественных» правил поведения в системе литературы, что, видимо, связано с основной функциональной нагрузкой его роли —

обращенностью к внешним (межгрупповым, надситуативным) контекстам и подсистемам, которые он либо представляет, либо имеет в виду как адресата и которые, наконец, инструментально используют его оценку. Примечательно, что и сам рецензент в большинстве случаев как бы анонимен: важна его оценка, а не ее автор или критерии, которые полагаются общеизвестными.

Понятно, что при таком понимании рецензентом может быть любой носитель основных стандартов литературной культуры при наличии минимума соответствующих технических навыков. С этим связана и высокая «текучесть кадров» в сфере рецензирования, и фактическое отсутствие хотя бы каких-нибудь форм обсуждения и осмысления оснований работы рецензента, кроме, может быть, чисто технических.

Характерно, что подобные инструктивные материалы относятся к сфере журналистики, либо им обучаются просто «на ходу»; для самих рецензентов их деятельность есть социализация к литературной современности и потому не включает методических указаний относительно управления этой социализирующей деятельностью (не может быть рационализирована «изнутри»).

Исходя из этого, приводимые далее эмпирические данные следует понимать как характеристики постоянно воспроизводящейся системы литературных координат обобщенного рецензента. Те или иные отклонения от этой базовой структуры при данном способе рассмотрения трактуются лишь в самом общем смысле — именно как отклонения. Не будучи подвергнуты анализу в своей исторической конкретике, они принимаются за симптом какого-то изменения нормативного согласия. Эти изменения будут связываться с ситуациями умножения культурных позиций в воззрениях на литературу (соответственно — увеличения группового разнообразия).

Поскольку журнальный рецензент размечает литературный поток и дает оценки новинкам на основе определенных представлений о литературе, то через производимые им сопоставления можно реконструировать систему его «литературных координат». Рецензент находит новинке место на «литературной карте», показав ее соотношение (сходство или отличие) с другим, менее проблематичным авторитетным произведением. Идею анализа «литературных координат» рецензентов на основе упоминаний в рецензиях на новые книги выдвинул и применил известный шведский социолог литературы К.Э. Розенгрэн в своих работах о динамике шведской литературной системы в XIX—XX вв.; он же дал статистико-математическое обоснование возможности их изучения на основе рецензий на новые книги⁶. В России близкую по характеру работу (на материале энциклопедий, т.е. на более высоком «этаже» литературной системы) провел В.А. Конев⁷.

На основе модифицированного варианта методики К.Э. Розенгрэна нами было осуществлено эмпирическое исследование структу-

ры литературных авторитетов журнальных рецензентов XIX—XX вв. (в сборе и первичной обработке материала принял участие М. Г. Ханнин). Учитывались все упоминания в рецензиях московских и петербургских (петроградских, ленинградских), выходивших не чаще трех раз в месяц литературных журналов за двухгодичный срок с двадцатилетним интервалом — с 1820 г. до наших дней (т.е. 1820—1821, 1840—1841, 1860—1861 гг. и т.д.). Были сделаны два небольших отступления от указанного принципа: 1) чтобы получить более «чистую» картину развития литературы в довоенной ситуации (1939—1940) и 2) для 1977—1978 гг., так как исследование было проведено в 1979—1982 гг. Кроме того, позднее для уточнения литературной динамики в пореволюционный период был проведен дополнительный замер по 1930—1931 гг.⁸. Под «упоминанием» в работе понималась фамилия автора художественного произведения (или какая-либо аллюзия на него), появившаяся в рецензии на недавно опубликованную художественную книгу, написанную другим лицом, а не тем писателем, упоминание которого регистрируется.

В качестве координат для анализа изменений в структуре рецензионных авторитетов в работе были использованы «пространственные» («отечественное—иностранное») и особенно «временные» параметры оценки («старое—новое» или, иначе, «классическое—современное»⁹).

Объем статьи не позволяет в равной степени охарактеризовать все уровни литературных авторитетов рецензентов, выделенные во вводной части данной работы. Основное внимание было уделено наиболее общим литературным ориентациям рецензентов (классика и т.п.); сфера групповой борьбы и групповых авторитетов почти не затрагивалась.

* * *

Анализ зафиксированных упоминаний позволил сделать ряд обобщений, касающихся характера работы рецензента. Так, выяснилось, что отсылка рецензента к тому или иному авторитету — неотъемлемая характеристика его ориентаций и содержится не менее чем в одной пятой части рецензий (1840—1841 гг.) и может присутствовать более чем в половине их (1930—1931 гг.). Было также установлено, что в каждом замере среди упоминаемых писателей преобладают авторы, названные в данный период впервые: они составляют от 77% (в 1840-х гг.) до 55% (в 1900-х гг.). Иначе говоря, литературный горизонт рецензентов приближен к настоящему и задан ценностями современности. Даже если отсылки следуют к писателям прошлого — а доля их даже среди упомянутых лишь в этот период и далее «забытых» составляет от чуть более половины (в 1820-х гг.) до 6% (в 1930-х гг.), — они «авторизованы» со-

временностью, актуализированы рецензентами по собственным основаниям. Об ориентации на современность свидетельствует и тот факт, что от четверти (в 1860-х гг.) до половины (в 1930-х гг.) авторов, упоминаемых в данный период, не «переживают» его грани и далее не упоминаются.

Фактически с 1860-х гг. базовая структура ориентаций рецензентов при всех изменениях в наборах конкретных авторских имен остается постоянной. Она сосредоточена на отечественных авторах, причем в большинстве своем это писатели «старших возрастных» групп: классики и «кандидаты» в классики. Утвердившиеся на протяжении первых двух-трех замеров лидеры упоминаний далее не выпадают из совокупной памяти рецензентов, не сменяются другими их современниками. Вновь вводимые авторы получают истолкование в перспективе предшественников. Ретроспективного переструктурирования системы авторитетов, иных версий отечественного прошлого, как и иных представлений о прошлом, кроме как в форме подобной преемственности, сознание рецензента, видимо, не знает.

Охарактеризуем теперь вкратце специфику каждого периода. В качестве исходной точки отсчета в исследовании были взяты 1820—1821 годы, поскольку именно к этому времени складывается в русской литературе система регулярного рецензирования новых произведений. Общее количество рецензий еще крайне невелико (в сравнении с последующими замерами — минимально), место их в журнале четко не определено, а по форме они представляют собой то литературно-критическую статью, то письмо читателя, то информацию о факте выхода и содержании книги. Характерно, что необходимость обосновать литературную оценку ссылкой на авторитет уже достаточно высока (насыщенность рецензий упоминаниями — самая высокая за все годы), но набор значимых имен достаточно однороден: упоминаются, и при этом с положительной оценкой, лишь представители «настоящей» литературы прошлого. Но сверхавторитетов нет, как нет и дисквалификации того или иного образца. Иначе говоря, ценность литературы, особенно литературы национальной, в качестве регулятивного принципа осознается еще не настолько, чтобы имеющиеся групповые разногласия перешли в открытую литературную борьбу. Хотя среди лидеров упоминаний преобладают отечественные авторы, принадлежащие как «старой» (И. Дмитриев), так и «новой» (К. Батюшков, В. Жуковский) словесности, в целом для рецензентов более значима иностранная литература — старинные, античные образцы (Гомер, Вергилий), авторы эпических поэм более позднего времени (Т. Тассо, Д. Мильтон, Ф.Г. Клопшток). Можно говорить о преобладании ориентации на более давнюю словесность: в среднем доля

упоминаний наиболее «старых» авторов (126 лет и более) в данные годы максимально высока — 41%, тогда как в другие периоды она никогда не превышает 26%. Примечательно и то, что лидеры упоминаний этого периода никогда впоследствии не входили в ведущую группу: структура литературных авторитетов рецензентов претерпела кардинальные изменения.

В период **1840—1841** гг. мы имеем дело с принципиально иной литературной ситуацией. Значительно расширяется литературный горизонт рецензентов, теперь в поле их внимания попадает почти вся печатающаяся художественная литература (в эти годы было опубликовано в девять раз больше рецензий, чем в 1820—1821 гг.), существенно выросло и количество упоминаемых писателей. Повидимому, из-за ориентации рецензента на широкого читателя, ожидающего от литературы завлекательности и интересности, лишь одна пятая рецензий содержит упоминания литературных авторитетов (самый низкий показатель по всем замерам).

Почти полностью меняется (по сравнению с 1820-ми гг.) набор наиболее часто упоминаемых писателей, причем на первое место выходит А.С. Пушкин. Однако значимость зарубежной словесности для рецензентов по-прежнему чрезвычайно высока: две трети упомянутых в этот период писателей — зарубежные. Но теперь это именно современная словесность: почти половина рецензируемых книг принадлежит иностранным авторам (уровень, который в дальнейшем уже никогда не был достигнут). Значимы для рецензента не только новые авторы, но и новые литературные регионы: Америка, Скандинавия, Восток. Среди наиболее часто упоминаемых авторов абсолютное большинство — иностранцы, прежде всего представители романтизма. Видимо, в этом замере мы фиксируем формирование столь значимой и впоследствии уже практически не исчезающей установки рецензентов на «современность» (если в предшествующий период доля упоминаний писателей не старше 50 лет составляла лишь 18%, то в 1840-е гг. она достигает 33%, увеличиваясь и в последующем замере).

Данный период — время значительного разнообразия литературных установок, широты сосуществующих вкусов и программ, что, отметим, находит выражение в частых упоминаниях (пусть и с отрицательной оценкой) немалого числа писателей, уже и в то время причислявшихся к «низкой» литературе (П. де Кок, А.А. Орлов, М. Комаров), а также в возможности иронической или отрицательной оценки многих совсем еще недавно причисленных к авторитетам (Сумароков, Державин). С этим, видимо, связано и присутствие в этот период на литературном горизонте рецензентов ряда «современных» авторов, значимость которых подтверждена и последующими поколениями. С этой же тенденцией к выявлению многообразия возможных определений литературы связана и высо-

кая (высшая для всех замеров) доля авторов, упоминавшихся лишь в эти годы и никогда более не упомянутых.

Характерным примером выборочного отношения к прошлому может быть деятельность рецензентов в период 1860—1861 гг. Образ литературы в сознании рецензентов в эти годы крайне единообразен и нормативно упорядочен. В результате значительная часть имеющегося литературного потока вообще не рецензируется, поскольку оценивается лишь то, что достойно быть введенным в литературу (общее количество рецензий минимально в сравнении с последующими замерами). Литература теперь понимается прежде всего как литература отечественная: рецензируются в подавляющем большинстве книги русских писателей, их имена абсолютно преобладают и среди упоминаний. Среди восьми чаще всего упоминаемых писателей нет ни одного иностранного. Представления об отечественных литературных авторитетах в высокой степени согласованы: число их в целом невелико, а средняя частота упоминаний каждого, напротив, гораздо выше, чем по всем другим замерам.

Рецензенты ориентируются преимущественно на современную словесность: 81% упоминаний составляют имена писателей, родившихся не более 70 лет назад. Только в этом замере лидером по количеству упоминаний выступает активно действующий в литературе писатель — И. Тургенев (он же, что примечательно, лидирует и по количеству рецензий на его произведения в эти годы). Кроме того, стоит заметить, что Тургенев — «новый» авторитет, введенный лишь в данном замере и впоследствии постоянно присутствующий на литературном горизонте рецензентов.

В целом можно считать, что именно в этот период наиболее отчетливо проступили характеристики и тенденции, базовые для отечественной литературной культуры. В этом смысле сконструированный тогда образ русской литературы служил далее ценностным масштабам при оценке литературного потока рецензентами, и, вероятно, он чаще всего и имеется в виду, когда говорят о русской литературе XIX в.

Сформировавшиеся в предшествующий период конститутивные нормы литературной культуры рецензентов сохранили свою значимость и в 1880—1881 гг. Однако, рутинизируясь, они несколько потеряли свою отчетливость, уменьшилась необходимость предъявления литературных авторитетов при оценке нового (снизилась доля рецензий с упоминаниями), повысилась значимость зарубежной литературы (выросла доля рецензий на произведения иностранной словесности и доля зарубежных авторов в общем корпусе упоминаний). Основная совокупность авторитетов этих лет — авторы, значимые и в предыдущие периоды (характерно, что в среднем упоминаемые писатели несколько «постарели», доля упоминаний писателей в возрасте до 70 лет уменьшилась с 81 до 69%, тогда как

доля их среди авторитетных лишь в это время возросла с 65 до 81%, т.е. большинство позднее неавторитетных имен принадлежит писателям, в этот период в литературе действующим).

В 1900—1901 гг. структура литературных ориентаций рецензентов также не претерпевает принципиальных изменений — преобладают ориентации на отечественных писателей, отмеченных как авторитеты в двух предыдущих замерах (стабильной остается как их доля в общем массиве упоминаний, так в основном и набор конкретных имен). Данный период можно, с определенной мерой условности, считать временем наиболее выраженных классицистских ориентаций в отношении к отечественной словесности. Для рецензентов этой эпохи вполне устанавливается нормативный состав высокозначимой русской литературы прошлого (следует принимать во внимание, что это была ситуация осознания конца столетия, подведения его итогов), оценки и средства ее интерпретации согласованы, «система координат» позволяет рецензенту без особых проблем классифицировать и оценивать поток текущей словесности. «Окостенению» набора классических авторитетов (58% упоминаний приходится на писателей, родившихся более 70 лет назад) сопутствует сравнительно низкая авторитетность большинства современных авторов (37% упомянутых в этом замере писателей больше никогда не упоминались, что существенно выше, чем в двух предыдущих замерах), ни один из которых не вошел в число лидеров упоминаний. Многие современные писатели, ставшие символами данного периода для последующих поколений, малоавторитетны (А. Чехов, М. Горький и В. Короленко не входят в число лидеров, а И. Бунин вообще не упомянут). Для этого периода характерно явственно выраженное расхождение между списками лидеров рецензий (наиболее проблематичными, спорными писателями) и лидеров упоминаний (наиболее авторитетными, бесспорными именами). Тем самым можно диагностировать наличие в рамках устоявшейся системы ориентации рецензентов своего рода «очага» проблематичности, т.е. симптома вероятных перемен. Останавливает на себе внимание и довольно резкий рост склонности рецензентов сопоставлять новинки отечественной словесности с иностранными авторитетами (вдвое чаще, чем раньше). Если же сказать, что среди подобных авторитетов чаще других встречаются такие «новые» и проблематичные фигуры, как Э. По, Г. Флобер, Ги де Мопассан (к ним, видимо, близок уже известный рецензентам Э. Золя), Д'Аннунцио, М. Метерлинк и другие, то можно с большой обоснованностью утверждать, что система литературных координат рецензентов находится в данный период накануне возможных перемен.

Первый из рассматриваемых в статье периодов развития советской литературы, 1920—1921 гг., можно характеризовать как состояние разлома литературной системы, порожденное произошед-

шими социальными изменениями. Это выражается в трансформациях состава писателей и литературных критиков, в проблематичности авторского самоопределения. Резко снижается число выходящих книг, многие журналы недолговечны, соответственно уменьшается количество рецензий (почти вдвое меньше, чем 20 лет назад) и упомянутых в них писателей. В целом можно говорить об «упрощении» социального института литературы — разрушении существующей иерархии и сложившейся системы связей литераторов, о синхронном существовании нескольких литературных групп, не принимающих друг друга во внимание и занятых преимущественно внутренней консолидацией.

Несмотря на преобладание явственно антиклассикалистских установок различного содержания, объединенных общим пафосом жизнестроительства, «прорыва» сквозь наличную культуру в будущее, и в этот период апелляции к авторитетным литературным образцам, маркированным достоинством осуществившегося прошлого, составляли основание литературного взаимодействия.

Понятно, что ожидать появления упоминаний литераторов далекого и «чужого» прошлого в рецензиях, написанных представителями тех групп, которые ориентировались исключительно на настоящее или будущее, вряд ли возможно, кроме, пожалуй, отсылок к единомышленникам, соратникам и т.п. Ориентации на литературу так или иначе поддерживались либо в связи с задачами сохранения традиции, либо с потребностями в ее создании, включая освоение, переоценку, селекцию уже авторизованного (иными группами, в других обстоятельствах и по иным поводам) прошлого. Обе эти тенденции дали в совокупности резкий рост количества рецензий, содержащих апелляцию к предшественникам, по сравнению с рубежом веков (более чем в полтора раза; так что в среднем каждая третья рецензия отсылала произведение текущей словесности к тому или иному авторитету). При этом наиболее актуальной оказалась эпоха «начала» русской литературы (ее «золотой век», прежде всего А. Пушкин). Как и во всех последующих случаях, Пушкин выступал, с одной стороны, «горизонтом» и пределом в истолковании более поздней литературы (ссылки на «пушкинские традиции» оказывалось достаточно), с другой же — самым ее центром, так что вокруг его имени всякий раз выстраивалась новая традиция, его же именем скрепляемая с целостностью русской литературы, да и литературы как таковой. Упоминание именно Пушкина характерно в данном случае еще одним: возглавляемый им вместе с А. Блоком список лидеров упоминаний состоит по преимуществу из поэтов. В первые революционные годы литературный поток состоял почти исключительно из лирики и драматургии, что, видимо, вообще характерно для эпох, осознающих и подчеркивающих свою актуальность, «новизну». Блок, явственно опережающий по количеству упоминаний совре-

менников, выступал, очевидно, символом искомого единства «старого» и «нового», классической традиции и революционной современности. Примечательно, что В. Шекспир — практически единственный представитель зарубежной словесности среди лидеров упоминаний. Набор упоминаемых иностранных авторов в этот период вообще резко сокращается, как и количество рецензируемых произведений зарубежной литературы (равно как и издаваемой иностранной словесности); доля зарубежных авторов в общем объеме упоминаемых писателей в этот период самая низкая за все исследуемые периоды. Можно полагать, что это «замыкание» традиций вокруг символов национальной культуры связано как с представлением об уникальности актуальных проблем и задач, стоящих перед литературной системой и перед национальным сообществом в целом, так и с обстановкой культурной изоляции, характерной для периода войны и революции.

К 1930—1931 гг. ситуация в литературе по сравнению с 1920-ми гг., насколько можно судить по рецензионным упоминаниям, существенно изменилась. Ориентации рецензентов стали повышенно «литературными» (доля рецензий, содержащих отсылки к литературным авторитетам, наибольшая за все замеры), резко выросло и количество упоминаемых писателей. Другая характерная черта этого периода — повышенная значимость современников: писатели в возрасте до 50 лет составляли 64% всех упоминаемых, в то время как в начале 1920-х гг. — 35%, а в конце 1930-х — 36%. (Еще показательнее данные по самой молодой когорте упоминаемых — авторах до 30 лет: обычно доля их колеблется на уровне 3—5%, а в этот период они составили 16%.) Стоит, впрочем, отметить, что почти половина упоминаемых авторов больше не встречается в упоминаниях последующих периодов. В сравнении с концом 1930-х гг. в группе лидеров упоминаний разительно преобладают писатели-современники, причем это авторы, как правило, не упоминавшиеся в 1920-х гг. Можно сказать, что лидирующая группа фактически полностью обновилась, за исключением В. Маяковского. В конце же 1930-х гг. среди лидеров уже нет ни одного действующего в литературе автора.

Таким образом, сложившуюся на рубеже 1920—1930-х гг. ситуацию можно характеризовать как наиболее антиклассикалистскую в истории советской литературы. Авторитет литературной классики и традиции вообще предельно низок и определяется не историческим пониманием ее значимости или наличными традициями в истолковании классических текстов, а прежде всего актуальными задачами отдельных групп современных деятелей литературы.

Стабилизация системы литературных координат рецензентов, фиксируемая в замере 1939—1940 гг., нашла, в частности, выражение в количестве упоминаемых авторов: если за 1920-е гг. число их выросло почти втрое, то за 1930-е оно осталось на том же уров-

не. Однако внутри самого массива упоминаемых авторов произошли существенные изменения. Так, доля «молодых» авторов в общем объеме упоминаемых писателей уменьшилась, особенно это коснулось самых молодых — до 30 лет; их число сократилось сравнительно с 1920-ми гг. более чем вдвое. Вместе с тем значительно выросла доля наиболее «старых» классиков — условно говоря, Гоголевской и предыдущих эпох, равно как возросла и доля зарубежных писателей, приближаясь к половине всех упоминаемых авторитетов (особенно это касается авторов XIX и предшествовавших веков). Меняется и соотношение поэзии и прозы: значимость поэзии возрастает, но относится это прежде всего к поэзии прошлого, причем к наиболее бесспорным авторитетам — Пушкину, Некрасову, Лермонтову; новую классику знаменует Маяковский.

Показательно изменение списка ведущих. Из первой десятки лидеров 1920-х гг. сохранили свое ведущее положение лишь четыре автора — Л. Толстой, Чехов, Горький, Маяковский. Весьма примечательно, что два первых места в списке принадлежат (и это — единственный раз за все замеры) Горькому и Маяковскому — советским писателям, выдвинувшимся и приобретшим высокий авторитет и статус еще до революции, принявшим ее и активно присоединившимся к строительству новой культуры. Современники, отметим, в этот период не входят в лидирующую группу упоминаемых.

Таким образом, перед нами, с одной стороны, время стабилизации литературной культуры, с другой — эпоха ее повышенной литературности. Практически не происходит выдвижения новых литературных авторитетов. Скорее осуществляется перестановка и закрепление уже ранее отмеченных и оцененных писателей, которые сами по себе не проблематичны: они осознаются и принимаются как «естественная» традиция, «наследие». Поэтому ведущим аспектом литературного поведения становится демонстрация правильности, в том числе прямого и законного владения традицией. Помимо того, демонстрируется именно литературное поведение, важным для рецензентов становится подчеркнуть, что речь идет именно о литературе. Так, в этот период количество рецензий с упоминаниями весьма значительно: доля их наибольшая за все периоды исследования. Высока насыщенность каждой рецензии упоминаниями и частота упоминания каждого писателя в среднем (она также наивысшая за все периоды).

Начало 1960-х гг. (1960—1961) условно можно назвать антиклассикалистским периодом, хотя и в эти годы авторитетность определенных традиций в литературе прошлого оставалась значительной. В целом здесь можно зафиксировать сдвиг литературы в сторону «жизни» с заметным понижением значимости собственно литературных оценок. Это нашло свое выражение в резком падении доли рецензий, содержащих упоминания. В конце 1930-х гг. их можно

было встретить в каждой второй рецензии, теперь же они встречаются лишь в каждой четвертой. При этом весьма заметную, гораздо более выраженную, чем во все другие периоды, долю упоминаемых авторов составляют писатели, активно действующие в литературе, современники, люди до 70-летнего возраста. На их долю приходится почти две трети упоминаемых литераторов, что сопоставимо, пожалуй, лишь с 60-ми гг. прошлого столетия (в другие периоды доля современников приближается лишь к половине всего корпуса авторитетных фигур). Характерно, что доля писателей, вошедших в литературу между началом 1930-х и началом 1960-х гг. (т.е. современников и ближайших предшественников), в этот период наибольшая из всех известных по другим замерам, что также близко к ситуации 1860-х гг., тогда как значимость авторов, введенных в литературу ранее, в целом снижается, а авторитет до- и пушкинской эпохи (и самого Пушкина) в это время минимален. Вместе с тем примечательно, что установка литературы в этот период на обновление, актуальность, саму жизнь, ведя к «омоложению» корпуса авторитетов, сказывается, видимо, и на его устойчивости: доля писателей, упоминаемых лишь в этот период, весьма высока и приближается к половине всех упоминаемых (эти данные близки к характеристикам начала 1930-х гг.).

Испытание на устойчивость определенных традиций в чисто культурном плане было в эти годы одним из наиболее радикальных. Ряд писателей прошлого практически выпал в эти годы из круга актуальной современности. Горизонт упоминаний существенно снизился, в первой десятке авторитетов нет ни одного писателя, умершего или завершившего свой творческий путь в XIX в. Однако из этого отнюдь нельзя сделать вывод, что падает значимость системы литературных координат. Видимо, определения литературы в терминах жизненной правды попросту приглушают на время значимость альтернативных определений и традиций, в том числе традиций, функционально предназначенных представлять литературу в целом (а также целостность культуры, нации, народа и др.).

Завершая рассмотрение эмпирического материала концом 1970-х гг. (1977—1978), полагаем необходимым отметить, что объем и границы системы литературных авторитетов в этот период в целом стабилизируются: высока и сама степень согласия относительно ведущих имен, сглажены черты различия между ними (каждый из них истолковывается в терминах другого). В целом усиливается ориентация на собственно литературных предшественников, хотя она и не приближается к степени, достигнутой в конце 1930-х гг. Менее подчеркнутой становится апелляция к современности, в то время как ретроспективистские тенденции усиливаются. Понятно, что значение классики (и особенно «высокой», общепринятой и бесспорной) возрастает. В качестве обоснования убедит-

тельности литературных оценок чаще используется отсылка к традиции и авторитету. С другой стороны, наряду с устойчивым «ядром» общей литературной культуры, прорисовывается «размытая» область многочисленных направлений, течений и традиций, знаменуемых одиночными именами отечественных, а еще чаще — зарубежных авторов. Плюрализм литературных ориентаций в этой сфере не сфокусирован: вводится множество имен, общее количество которых более чем вдвое превышает данные по двум предыдущим эпохам. Особенно это характерно для специализированных оценок иностранной литературы. В этом последнем случае многообразие вводимых в обиход национальных литератур и традиций опознается рецензентами-специалистами в терминах национальных же авторитетов (что дает массу разовых упоминаний), а не выделенных символических фигур русских или советских классиков, как это было, скажем, в 1960-е гг. Но именно поэтому в число лидеров иностранные писатели в эти годы не попадают, более или менее выражена авторитетность лишь таких символических фигур, как Шекспир и Гете. В целом литературная культура в этот период сконцентрирована все же на отечественном прошлом. Общую классикализацию литературных ориентаций можно было бы продемонстрировать на двух показателях, обычно чутких к этому процессу: авторитетности поэзии прошлого (в сравнении с современной прозой) и значимости Пушкина. По обоим этим показателям рассматриваемый период существенно превышает начало 1960-х и приближается к концу 1930-х гг.

В целом об этом же свидетельствует и состав группы лидеров. В ней, как и в конце 1930-х гг., практически отсутствуют активно действующие авторы. Лидирует (и с большим преимуществом) Пушкин, за ним следует Л. Толстой. Далее идут советские классики поэзии (Маяковский) и прозы (Горький). Ориентация на отечественную традицию дополняется столь же сверхавторитетными именами Блока, Достоевского, Гоголя и Чехова.

Анализ показывает, что изменения в ориентациях рецензентов проявляются главным образом в «омоложении» когорты упоминаемых писателей. Ключевыми периодами здесь являются 1860-е и 1930-е гг., когда треть и более упоминаний относится к 30—40-летним авторам, а в целом доля упомянутых в возрасте до 50 лет составляет около двух третей когорты. Эта характеристика — динамика наличных сил, выходящих на литературную арену, — и есть основная независимая переменная в работе системы: данный процесс сопровождается повышением доли суждений от авторитета (количества рецензий с упоминаниями) и снижением доли упоминаний зарубежных авторов. Связь трех этих показателей — по крайней мере, между 1840-ми и 1940-ми — остается постоянной, а направление изменений по ним согласованным: чем выше доля упоминаний «молодых» авторов, тем выше и доля упоминаний

отечественных писателей при возрастающей же доле рецензий с упоминаниями в общем массиве откликов (литературность). И наоборот, «постарение» авторитетов обычно сопровождается делитературизацией системы (падением доли рецензий с отсылками) и возрастанием значимости зарубежной словесности (исключение составляет лишь замер 1960-х гг., когда усиление ориентации на старшие возрастные категории — авторов в возрасте более 50 лет — и делитературализация тем не менее сопровождаются возрастанием авторитета отечественной литературы).

Ориентация на иностранную словесность, вообще преобладающая лишь в первых двух замерах, в дальнейшем не дает столь значимых колебаний. Уменьшаясь по мере роста авторитетности молодых отечественных авторов, она в остальные периоды гораздо более стабильна, чем другие показатели, т.е. представляет собой постоянно действующий фактор, нормативный «фон» оценки.

Доля зарубежной словесности в общем массиве упоминаний между 1880-ми и 1970-ми гг. вообще оставалась бы практически неизменной (около 36%), если бы не два исключения — замеры 1930—1931 и 1960—1961 гг., когда она снижается. Но это именно те периоды, когда идет бурное — в первом случае — и более мягкое — во втором — «омоложение» авторитетов. Изменения же в других случаях относятся не к совокупному авторитету зарубежной словесности, а к именам ее представителей (наличие в первой десятке лидеров в замерах 1880—1881 гг. — Золя и Диккенса, 1900—1901 — Ибсена и Золя, 1920—1925 — Шекспира, 1930—1931 — Ремарка, 1939—1940 гг. — Хемингуэя) и не меняют общего положения дел.

В целом доля писателей, введенных в структуру литературных авторитетов, после 1860-х гг. от периода к периоду уменьшается. Незначительные отклонения от общей тенденции здесь относятся к 1939—1940 гг., когда несколько растет доля авторов, включенных в упоминания; к 1880—1881 гг. и 1977—1978 гг., когда увеличивается доля писателей пушкинской эпохи. В целом это согласуется с общей реставрирующей тенденцией системы в эти периоды и с тем, что некоторое ретроспективное повышение оценки отечественного прошлого наблюдается на нашем материале лишь применительно к эпохе Пушкина и Толстого—Достоевского. Так, доля упоминаний отечественной сверхклассики (авторов в символическом возрасте более 125 лет) среди всего массива отсылок вообще невелика, а для более старших возрастных групп еще ниже. Отклонения от этой общей тенденции — замедление спада в 1939—1940 гг., некоторое повышение в 1960—1961 гг. и более значительное в 1977—1978 гг. — относятся именно к этим двум референтным периодам.

Подводя итоги проведенного исследования, отметим, что, несмотря на известную неполноту (слишком большой интервал

между замерами, затрудняющий локализацию периодов «сдвигов» в литературной системе), оно позволило зафиксировать ряд важных закономерностей динамики рецензионного авторитета и в результате глубже понять характер и функции рецензионной работы, реконструировать критерии, которыми руководствуется рецензент при оценке литературных новинок, и т.д.

Перспективой дальнейшего изучения является вторичное «погружение» в материал с использованием уже полученных итоговых данных, сопровождаемое учетом контекстов употребления различных отсылок, но подобная работа весьма трудоемка и возможна лишь для частных разработок по определенному периоду, писателю, литературной группировке.

Думается, что исследовательские разработки в предложенном направлении должны быть продолжены. Анализ динамики литературных авторитетов (с использованием иных исследовательских техник) на более высоком «этаже» литературы (литературоведение) и на более низком (рядовые читатели) позволил бы создать целостную картину изменений «образа литературы», фиксирующего как совпадения, так и расхождения у представителей различных «этажей» литературной системы.

Многообещающим представляется и иной, групповой уровень анализа — выявление меняющейся системы авторитетов того или иного литературного направления, группы, журнала (и, напротив, возникновение и исчезновение их символов на горизонте других групп). Подобная работа показала бы, в какие эпохи совокупность литературных авторитетов тяготеет к единству, более или менее совпадая с институциональной традицией, а когда наблюдаются выбросы групповых символов — периоды борьбы, выяснения принципиальных отношений, обостренной динамики. В частности, обрели бы свою функциональную характеристику и явления литературного замедления, стагнации — времена, когда блокируется групповой уровень литературного взаимодействия, различными социально-организационными средствами разрушается этот «этаж» литературного сообщества. Характерно, что выходы из такого рода «промежутков» (если использовать тыняновский термин) сопряжены, как в настоящее время, возвращением прав журналам как органам группового самоопределения. С позиций уже пройденного этапа это воспринимается как «групповщина», а сильнее всего задевает такую сложившуюся систему воспроизводства нормативного ядра литературной культуры, как школа с ее стандартным учебником.

Наконец, необходимо подключить к такого рода исследованию динамики и устойчивости литературных авторитетов историческую социологию и статистику печати. Тогда обнаружится, кем, когда и как поддерживаются, обобщаются и воспроизводятся одни образцы и сужается ценностный масштаб других.

ПРИЛОЖЕНИЕ К СТАТЬЕ¹⁰

Лидеры по количеству упоминаний
(указано число упоминаний в данный период)

1820—1821 гг.		Гоголь Н.	23
Дмитриев И.	9	Гончаров И.	20
Батюшков К.	7	Писемский А.	15
Жуковский В.	7	Лермонтов М.	14
Крылов И.	6	Кольцов А.	13
Вергилий	5	Некрасов Н.	11
Вольтер Ф.	5	Байрон Д.	8
Гомер	5	Островский А.	8
Мильтон Д.	4	Гете И.	7
Расин Ж.	4	Майков А.	7
Тассо Т.	4	Фет А.	7
Шиллер Ф.	4	Щедрин Н.	7
Богданович И.	3	Грибоедов А.	6
Державин Г.	3	Мей Л.	6
Клопшток Ф.	3	Шекспир В.	5
Ломоносов М.	3		
1840—1841 гг.		1880—1881 гг.	
Пушкин А.	28	Гоголь Н.	16
Скотт В.	21	Золя Э.	14
Гете И.	19	Тургенев И.	14
Шекспир В.	14	Достоевский Ф.	12
Байрон Д.	11	Толстой Л.	11
Гюго В.	9	Успенский Г.	9
Кок П. де	9	Гончаров И.	8
Шиллер Ф.	9	Диккенс Ч.	7
Державин Г.	8	Щедрин Н.	6
Орлов А.	8	Некрасов Н.	5
Сумароков А.	8	Островский А.	5
Карамзин Н.	7	Писемский А.	5
Комаров М.	7	Пушкин А.	5
Бестужев А.	6	Теккерей У.	5
Гоголь Н.	6	Понсон дю Террайль П.	5
Гомер	6		
Ломоносов М.	6	1900—1901 гг.	
Мильтон Д.	6	Толстой Л.	20
		Достоевский Ф.	12
		Пушкин А.	12
1860—1861 гг.		Лермонтов М.	11
Тургенев И.	26	Некрасов Н.	11
Пушкин А.	25	Тургенев И.	10

Ибсен Г.	8	Чехов А.	15
Гоголь Н.	7	Либединский Ю.	14
Золя Э.	7	Фадеев А.	14
Фет А.	7	Безыменский А.	13
Боборыкин П.	6	Панферов Ф.	13
По Э.	6	Тихонов Н.	12
Толстой А.К.	6	Пушкин А.	11
Шекспир В.	6	Бабель И.	10
Д'Аннунцио Г.	5	Федин К.	10
Метерлинк М.	5	Бедный Д.	9
Мопассан Г.	5	Есенин С.	9
Надсон С.	5	Асеев Н.	8
Успенский Г.	5	Барбюс А.	8
Флобер Г.	5	Гоголь Н.	8
Гейне Г.	5	Золя Э.	8
		Куприн А.	8
1920—1921 гт.		Лондон Д.	8
Блок А.	18	Светлов М.	8
Пушкин А.	16	Багрицкий Э.	7
Маяковский В.	9	Блок А.	7
Шекспир В.	9	Никифоров Г.	7
Клюев Н.	8	Пильняк Б.	7
Брюсов В.	7	Стендаль	7
Ахматова А.	6	Андреев Л.	6
Бальмонт К.	6	Гладков Ф.	6
Достоевский Ф.	5	Клычков С.	6
Есенин С.	5	Клюев Н.	6
Кузмин М.	5	Кудрейко А.	6
Садовской Б.	5	Куклин Г.	6
Северянин И.	5	Леонов Л.	6
Франс А.	5	Льюис С.	6
Хлебников В.	5	Сельвинский И.	6
Белый А.	4	Ставский В.	6
Гоголь Н.	4	Тургенев И.	6
Горький М.	4	Уткин И.	6
Мандельштам О.	4	Флобер Г.	6
1930—1931 гт.		1939—1940 гт.	
Толстой Л.	23	Горький М.	31
Достоевский Ф.	22	Маяковский В.	31
Ремарк Э.	22	Пушкин А.	27
Горький М.	20	Блок А.	24
Олеша Ю.	18	Некрасов Н.	22
Пастернак Б.	18	Чехов А.	22
Маяковский В.	16	Толстой Л.	21

Гоголь Н.	17	Горький М.	19
Лондон Д.	17	Шолохов М.	18
Бальзак О. де	16	Тендряков В.	12
Лермонтов М.	15	Толстой Л.	12
Шолохов М.	15	Багрицкий Э.	11
Диккенс Ч.	13	Луговской В.	11
Тютчев Ф.	13	Толстой А. Н.	11
Багрицкий Э.	10	Ремарк Э.	10
Золя Э.	9	Твардовский А.	10
Пастернак Б.	9	Блок А.	9
Толстой А.Н.	9	Овечкин В.	9
Флобер Г.	8	Гоголь Н.	8
Шекспир В.	8	Пушкин А.	8
Райт Р.	7	Светлов М.	8
Тихонов Н.	7	Хемингуэй Э.	8
Фет А.	7	Погодин Н.	7
Хемингуэй Э.	7	Солоухин В.	7
Брюсов В.	6	Гайдар А.	6
Гете И.	6	Леонов Л.	6
Зошенко М.	6	Тургенев И.	6
Олеша Ю.	6	Фадеев А.	6
По Э.	6	Чернышевский Н.	6
Твардовский А.	6		
Тургенев И.	6	1977—1978 гг.	
Шевченко Т.	6	Пушкин А.	56
Щедрин Н.	6	Толстой Л.	44
Ахматова А.	5	Маяковский В.	38
Боратынский Е.	5	Горький М.	32
Гамсун К.	5	Твардовский А.	29
Грин А.	5	Блок А.	28
Ильф И., Петров Е.	5	Достоевский Ф.	28
Катаев В.	5	Чехов А.	20
Костер Ш. де	5	Гоголь Н.	19
Островский А.	5	Шукшин В.	19
Рабле Ф.	5	Тихонов Н.	17
Роллан Р.	5	Некрасов Н.	16
Симонов К.	5	Шолохов М.	16
Синклер Э.	5	Лермонтов М.	15
Стивенсон Р.	5	Ахматова А.	12
Фадеев А.	5	Пастернак Б.	12
Шолом-Алейхем	5	Тургенев И.	12
		Тютчев Ф.	12
1960—1961 гг.		Шекспир В.	12
Маяковский В.	28	Брект Б.	11
Чехов А.	24	Гете И.	11

Евтушенко Е.	11	Пришвин М.	8
Бунин И.	10	Айтматов Ч.	7
Вознесенский А.	10	Фолкнер У.	7
Заболоцкий Н.	10	Цветаева М.	6
Манн Т.	10	Гомер	5
Хемингуэй Э.	10	Флобер Г.	5
Симонов К.	9		

БЕЗЫМЯННЫЕ ЛИТЕРАТОРЫ

(Из опыта массовой атрибуции книг
второй четверти XIX в.)

В современной культуре значение личностного начала гораздо выше, чем в прошлом. Поэтому закономерно, что имя автора является сейчас одним из важнейших элементов библиографического описания. В случае его отсутствия исследователь стремится провести дополнительные разыскания, чтобы восполнить существующий пробел. Библиографической классикой стали труды Г.Н. Геннади и И.Ф. Масанова, посвященные атрибуции анонимных и псевдонимных произведений¹. Особенно актуальна эта работа на современном этапе, когда параллельно и независимо друг от друга ведется подготовка «Сводного каталога русской книги XIX в.» и биобиблиографического словаря «Русские писатели. 1800—1917». Однако выявление авторов анонимных и псевдонимных изданий осуществляется пока недостаточно последовательно и систематично, главным образом на основе уже опубликованных сведений².

Сложные задачи, стоящие перед историками русской литературы и библиографами в связи с изучением русской книги XIX в., требуют, как нам представляется, обращения и к архивным материалам. Специалисты по методике библиографической работы уже давно подчеркивают значение архивов как источника ценной информации для библиографа. Более полувека назад Е.И. Шамурин отмечал, что «архивные и всяческие иные рукописные материалы <...> служат первоисточниками, исследование которых дает библиографу, ведущему углубленное библиографическое разыскание, фактические данные, документальные подтверждения, свидетельства современников, имеющие громадное значение для установления библиографических данных произведения печати <...> Особое значение среди архивных материалов имеют архивы цензурных учреждений и органов дореволюционной России...»³. Аналогичной точки зрения придерживался Е.И. Рыскин, считавший, что «при собирании сведений о печатных трудах полезно и целесообразно привлекать и архивы, извлекая из них библиографические сведения: об авторстве, о цензурной истории и т.д. Библиография исследовательского типа не может и не должна совершенно обходить архивы, принципиально отказываясь от обращения к рукописям»⁴.

Опыт подобной работы у библиографов уже есть, достаточно сослаться на образцовые труды В.Э. Бограда, посвященные «Современнику» и «Отечественным запискам»⁵, где на материале редакционных архивов (прежде всего—гонорарных ведомостей) и ряда

других источников атрибутировано большое число анонимных и псевдонимных публикаций. Аналогичную работу нужно провести и применительно к книгам. Пока ценнейшие сведения, находящиеся в архивохранилищах (например, отдел рукописей РНБ располагает архивом Литературного фонда⁶), используются лишь изредка, при выявлении авторов отдельных книг. Составители «Сводного каталога русской книги гражданской печати XVIII века. 1725—1800» (М., 1962—1967. Т. 1—5) использовали архивные данные, но В.А. Западов справедливо упрекал их за неполноту и несистематичность этой работы⁷. Необходим, по-видимому, иной, комплексный подход к обработке архивных источников.

В данной статье описаны методика и некоторые результаты проведенной нами массовой атрибуции прозаических книг, вышедших в Москве в 1830-х и 1840-х годах. Необходимость в подобной работе возникла в ходе написания статей о ряде низовых московских прозаиков для названного выше словаря «Русские писатели. 1800—1917». У нас были основания полагать, что часть книг выпущена упомянутыми писателями анонимно или псевдонимно, поэтому было решено подвергнуть сплошной проверке *все* вышедшие в Москве прозаические сюжетные книги указанного периода. При этом мы шли следующим путем. Вначале на основе «Систематического реестра русским книгам с 1831 по 1846 г.» И.П. Быстрова (СПб., 1846) была составлена картотека опубликованных в Москве романов, повестей, рассказов и сказок отечественных авторов. Систематическое расположение записей в указателе существенно облегчало эту работу. Картотека была дополнена на основе «прибавлений» к «Росписи...» библиотеки Смирдина⁸, а также библиографических отделов в периодических изданиях («Московский телеграф», «Северная пчела» и др.).

Создав картотеку интересующих нас изданий (более 450 названий), мы сверили ее со «Списком русских анонимных книг» Г.Н. Геннади (СПб., 1874), словарем псевдонимов И.Ф. Масанова и библиографическим указателем «Русские анонимные и подписанные псевдонимами произведения печати (1801—1926 гг.)». В результате оказалось, что примерно треть зарегистрированных в картотеке произведений изданы анонимно или псевдонимно (при этом сохранялась возможность того, что еще часть обозначенных на книгах фамилий также окажется псевдонимами). Из числа анонимных и псевдонимных изданий лишь для трети в этих пособиях указаны авторы, а две трети (немногим более 100 изданий), подписанные криптонимами или вообще не подписанные, не атрибутированы.

Занеся на карточки имеющиеся атрибуции, мы расположили всю картотеку в алфавите заглавий и приступили к работе с архивными источниками по фонду Московского цензурного комитета, хранящемуся в Центральном историческом архиве г. Москвы

(ф. 31). Историки литературы и журналистики неоднократно обращались к материалам этого фонда, но всегда по конкретным поводам (разыскания об определенном авторе, периодическом издании и т.д.). Мы же поставили своей целью сплошное обследование двух разновидностей материалов фонда за указанные годы с целью установления (или уточнения) авторства более чем ста книг.

Главным источником информации явились книги подачи рукописей, в которых фиксировалось, от кого рукопись поступила в цензуру и кому она была выдана⁹. Кроме того, была обследована вся переписка цензурного комитета с авторами, Петербургским цензурным комитетом и рядом других учреждений за указанный период. (Другие материалы фонда — книги выдачи разрешительных билетов на выпуск изданий в свет, внутренняя документация цензурного комитета и т.д., — как выяснилось, не содержат интересующей нас информации и не обрабатывались в ходе данной работы.) Для установления полной формы имени и отчества авторов мы обращались также к фондам Московского университета (ф. 418) и Медико-хирургической академии (ф. 433), хранящимся в том же архиве.

Сведения, приводимые в указанных источниках, и прежде всего — в книгах подачи рукописей, позволили произвести атрибуцию значительной части книг, учтенных в нашей картотеке. Следует сразу же оговорить степень достоверности и убедительности этой атрибуции: здесь мы следовали П.Н. Беркову, который считал, что «установление автора анонимного и псевдонимного произведения до тех пор, пока не будут найдены неопровержимые документальные подтверждения принадлежности его предполагаемому лицу, должно считаться рабочей гипотезой, и только»¹⁰. Ведь, по сути дела, ни рукопись, написанная рукой предполагаемого автора, ни его собственное признание, ни указания современников, ни другие источники не могут с абсолютной достоверностью свидетельствовать в пользу принадлежности данного произведения конкретному лицу. Всегда остается доля вероятности, что в силу тех или иных причин (цензурных, престижных, финансовых и т.д.) один человек выдавал себя за автора произведения вместо другого, или произошли ошибки в документе, или мемуаристу изменила память и т.д. И тем не менее при сочетании ряда доводов в пользу авторства того или иного лица (П.Н. Берков выделяет три группы подобных доводов: биографические, идеологические и стилистические) можно, по-видимому, в библиографической работе оперировать результатами подобных разысканий. Как будет показано ниже, степень убедительности произведенных нами атрибуций различна — от явно достоверных до гипотетических, которые станут основой для дальнейших поисков.

Исходным моментом для большинства атрибуций служил факт представления рукописи в цензуру определенным лицом. В принципе сдать рукопись в цензуру мог любой человек, а не обязатель-

но автор. И действительно, в этом качестве нередко выступали друзья, знакомые и родственники писателя, издатели, типографы и т.д. Однако в подавляющем большинстве случаев рукопись поступала все же от самого автора. Это связано с тем, что дело было довольно хлопотным; нужно было явиться в цензуру как минимум два раза — сдать и получить рукопись, а если у цензора были замечания, то и больше. Хотя цензор кое-что вычеркивал сам, но в ряде случаев он мог дать указания по переделке текста, и в этом случае автору лучше было выслушать их самому, а не пользоваться услугами посредников. Иногда бывало, что автор продавал издателю нецензурованную рукопись, и тот сам представлял ее в цензуру. Но обычно издатели не хотели рисковать, так как цензура могла запретить публикацию, и в этом случае издатель нес убытки. Если автор проживал не в Москве, он обязательно сопровождал рукопись письмом, в котором просил процenzуровать ее и выслать ему по такому-то адресу.

Однако при определении авторства наивно было бы, разумеется, исходить лишь из факта подачи рукописи в цензурный комитет. Это только отправной пункт, дающий возможность в дальнейшем использовать традиционную методику литературоведческой атрибуции, подробно охарактеризованную в специальных публикациях¹¹.

Легче всего было производить атрибуцию, когда книга подписана криптонимом. Так, исторический роман «Аннушка Водорацкая, сирота, дочь боярская» (М., 1832. Ч. 1—2), изданный под инициалами «М.В.», принадлежит, как выяснилось, штабс-капитанше М. Видняпиной. Книги «Привидение на кладбище» (М., 1845. Ч. 1—2), «Мстиславлев, или Сдача города Могилева» (М., 1846. Ч. 1—2), помеченные криптонимом «Н. Г....ль» (явная попытка выдать свои произведения за гоголевские, высмеянная в печати того времени), — коллежскому регистратору Николаю Петровичу Гесселю¹². Автором повести «Дубовый венок» (М., 1837), изданной под криптонимом «П—л Г—ий», был титулярный советник Павел Дмитриевич Голембовский¹³. Повесть «Игра судьбы, или Отец поневоле» (М., 1836. Ч. 1—2), подписанную «А. Е—р—в», написал титулярный советник А. Евреинов. Выпущенный под криптонимом «М—р—к—» исторический роман «Борис Годунов и Россия в XVII столетии» (М., 1837. Ч. 1—3) принадлежал студенту Медико-хирургической академии Михаилу Марковичу Меркли, издавшему до этого под своей фамилией два сборника стихотворений. Автор повести «Вячеслав и Елена» (М., 1839), подписанной «В.П.», — учитель русского языка Василий Андреянович Перфильев; повести «Два маскарада» (М., 1837. Ч. 1—3), подписанной «В.С.», — сын купца В. Серебренников, опубликовавший в следующем году под своей фамилией книги «Искусство брать взятки» и «Три безделки»; романа «Основание Москвы, или Смерть боярина Степана Ивановича Кучки»

(СПб., 1836. Ч. 1—4), подписанного «И. К—в» и проходившего цензуру в Москве в 1833 г., — студент Московского университета И. Курышев. Роман «Искушение, или Игра на жизнь и смерть» (М., 1840. Ч. 1—3), подписанный «А. Ш...р», принадлежал иностранному подданному Антону Шмейсеру. Подписанный криптонимом «А..... Г.....» роман «Добромирский и президент Шукайло, или Французские войска в Белоруссии в 1812 году» (М., 1833. Ч. 1—2) и анонимный роман «Семейственные сплетни» (М., 1835. Ч. 1—2. Подан в цензуру с подписью «А... Г.») принадлежат А. Герасимову, от которого поступали и многочисленные переводы.

Автор популярных в низовой аудитории романов «Ведьма, или Страшные ночи за Днепром» (М., 1834. Ч. 1—3), «Черной Кашей, или Заднепровский хутор у Лунной горы» (М., 1834. Ч. 1—3), поэмы «Дворянские выборы» (М., 1834) и других книг А. Чуровский был, как выясняется из цензурных материалов, дворянином, звали его Александром Ивановичем, и он выпустил еще целый ряд произведений: романы «Зодиак, или Тайны судьбы и благодетельный дух счастливой Аравии, или Видение Набаба <...>» (М., 1837. Ч. 1—3; подп.: А.Ч.), «Запорожские наезды» (М., 1837. Ч. 1—3; подп.: А—р —вский), «Атаман Буря, или Вольница Заволжская» (М., 1835. Ч. 1—3; без подписи). Его книга «Ротмистр-чернокнижник, или Москва в 1812 году. Роман из походных записок артиллерийского полковника, собранных Н. Вельтманом» (М., 1837. Ч. 1—3) вызвала настоящий скандал. Воспользовавшись для обеспечения ее сбыта фамилией известного русского писателя А.Ф. Вельтмана, Чуровский ввел в заблуждение не только своих современников, но и нынешних библиографов¹⁴. Узнав об отпечатании тиража этой книги, Вельтман писал в цензурный комитет: «Не желая, чтоб выставленный псевдоним вводил в заблуждение покупателей, с худой или с хорошей стороны для меня, я почитаю обязанностью довести об этом до сведения цензурного комитета, уверенный, что неудачный выбор моего имени за псевдоним послужит удобным случаем к обращению внимания на злоупотребления выдачи книг под чужими заглавиями и именами; ибо г. сочинитель или издатель “Ротмистра-чернокнижника” не в состоянии будет ничем доказать существование иного Вельтмана, кроме меня» (Оп. 5. Ед. хр. 127. Л. 29). После долгой переписки и выяснения подлинной фамилии автора лишь в 1839 г. было разрешено выпустить книгу в продажу с перепечатанным титульным листом без имени автора.

Сложнее было атрибутировать издания, вышедшие анонимно и не позволяющие опереться хотя бы на криптоним. Здесь мы столкнулись с тремя вариантами. Первый, самый легкий, когда в книге подачи рукописей имеются прямые указания на автора. Например, анонимно вышедшую книгу «Как любят женщины» (М., 1839. Ч. 1—3; 2-е изд. 1843 — под назв. «Жизнь сердца, или Как любят

женщины») в цензуру подал Д. Штейнберг как произведение Александра Долинского. Студент Медико-хирургической академии А. Долинский был литератором¹⁵. Под своей фамилией он опубликовал романы «Три сердца» (М., 1835) и «Страсть и мщение» (М., 1836. Ч. 1—2), причем второй из них также поступил в цензуру от Д. Штейнберга. Принадлежность книги «Я рисовал очерки. Рассказы улана» (М., 1839. Ч. 1—2) штаб-ротмистру Николаю Дмитриевичу Данилову установлена нами на основании поданной им в цензуру, но непропущенной третьей части этого сборника. Стоящее на ней имя автора — «Волинадо» — представляет собой его фамилию, прочитанную от конца к началу¹⁶. На рукописи вышедшей анонимно книги «Талисман, или Заклинатель духов» (М., 1839), поданной в цензуру обер-офицерским сыном Павлом Фортунатовичем Лукиным, он обозначен как автор (ему же принадлежит выпущенная в 1834 г. под псевдонимом «Павел Павленко» повесть «Барон Брамбеус»)¹⁷.

Во втором случае, когда рукопись подавал человек, о котором известно, что он занимался литературой, имелась возможность сравнить атрибутируемые произведения с опубликованными им под своей фамилией и на основе особенностей тематики, поэтики и стиля, оформления книг, формы заглавий и подзаголовков убедиться в правильности наших предположений. Так было установлено авторство анонимно изданной книги известного низового прозаика Ивана Гавриловича Гурьянова «Новое “Не люблю, не слушай, а лгать не мешай”», или Любопытные отрывки из жизни Мины Миныча Евстратенкова» (М., 1835). Аналогичные основания позволяют дополнить списки печатных работ ряда литераторов следующими анонимно изданными книгами: П.Ф. Лукина — «Брак в царствование Петра I» (М., 1836); кандидата коммерции Аркадия Ивановича Маркова — «Дмитрий Иванович Донской, или История о Мамаевом побоище» (М., 1843); известного графомана мещанина Александра Михайловича Пуговошника — «Наказанное преступление» (М., 1839) и «Рассвет» (М., 1843); мелкого чиновника в ведомстве горных заводов Дмитрия Ивановича Сигова — «Путешествие в Солнце и на планету Меркурий и во все видимые и невидимые миры» (М., 1832); коллежского секретаря Александра Ануфриевича Волкова¹⁸ — «Соперники в любви, или Неразгаданная тайна красавицы» (М., 1839); упомянутого выше Н.П. Гесселя — «Вечерние беседы русских инвалидов» (М., 1845. Ч. 1—2); тогда студента Медико-хирургической академии, а впоследствии известного водевилиста Николая Семеновича Соколова — «Евгения» (М., 1837).

Третий, самый сложный, вариант представляют те случаи, когда анонимно вышедшую книгу подавал человек, другие публикации которого исследователю неизвестны. Например, повесть «Саур-Могила, атаман разбойников» (М., 1841) поступила в цен-

зуру от дворянина Дмитрия Герасимова, о котором мы не располагаем никакими другими сведениями. В подобных случаях приходится ограничиваться лишь условной атрибуцией, которая, как уже было сказано, может стать основой для дальнейших разысканий. Так, при первой публикации этой статьи мы указали, что повесть «Последний год власти герцога Бирона» (М., 1833. Ч. 1—4) поступила от титулярного советника А. Курбатова, но позднее нам удалось выяснить, что она принадлежит упоминавшемуся выше П.Д. Голембовскому, а Курбатов был его знакомым и просто передал рукопись повести в цензуру¹⁹.

Особенно сложные проблемы встают перед исследователем в тех случаях, когда писатель из-за смены фамилии «раздваивается» или даже «растраивается» и фиксируется в каталогах библиотек как несколько авторов. С такой ситуацией мы столкнулись при изучении творчества С.М. Любецкого и А.П. Протопопова. Дело в том, что если и сейчас фамилия не накрепко «приклеена» к человеку и в ряде жизненных ситуаций (совершеннолетие, брак и т.п.) он может сменить ее, то в первой половине XIX в. она была еще более «подвижной», особенно у таких сословий, как купечество, мещанство, духовенство, крестьянство. Специалисты по антропониимике считают, что у названных сословий фамилия в современном смысле слова стала всеобщим явлением только к середине XIX в., а у крестьян этот процесс затянулся до начала XX в.²⁰.

До этого времени духовенство нередко обходилось без фамилий (дети получали фамилию при поступлении в семинарию или духовное училище), у купечества и мещанства в роли фамилии иногда выступало отчество или бытовое прозвище. Встречались случаи, когда один и тот же человек имел «в одно и то же время сразу две фамилии: одну, так сказать, официальную, в деловых сношениях, другую же житейскую, под которой и известны эти лица в обществе... Вторая из этих фамилий обыкновенно есть ничто иное, как личное прозвище, данное иногда самому лицу, обладающему двумя фамилиями, а иногда его отцу и даже деду»²¹. В своей работе нам пришлось столкнуться с двумя подобными случаями. Известный низовой литератор Александр Павлович Протопопов выпустил в 1830-е гг. ряд книг. По архивным данным ему принадлежат также анонимно вышедшие книги «Повести покойного Грицко. Изданные другом его П.» (М., 1836), «Похождения и странные приключения лысого и безносого жениха Фомы Фомича Завардынина. Юмористическое чудо XIX века, рассказанное поклоннику Шекспира демоном юной словесности» (М., 1840) и «Ночные шалости молодого человека, написанные в духе новейшей словесности» (М., 1841. Кн. 1—2). В 1839 г. он поступил в драматическую труппу московского театра под сценическим псевдонимом А. Славин, ставшим его фамилией, которой он в дальнейшем подписывал свои публикации. Однако из книг регистра-

ции рукописей выясняется, что печататься он начал под другой, по-видимому бытовой, фамилией, образованной от отчества. В 1832 г. в восемнадцатилетнем возрасте, обучаясь в семинарии, он подал в цензуру под фамилией Протопопов свою первую рукопись (не была разрешена к публикации); в дальнейшем, с конца того же года, представлял рукописи под фамилией Павлов, а в 1836 г., когда служил в канцелярии, одни рукописи значатся как поданные канцеляристом Павловым, другие — канцеляристом Протопоповым. Тождество автора этих рукописей удалось установить на основании одной из записей, где он зафиксирован как канцелярист А. Павлов Протопопов (Оп. 5. Ед. хр. 88). В результате выяснилось, что Протопопову принадлежат также книги «Русские повести и рассказы» (М., 1834. Ч. 1—3. Подписана «А. Павлов»), «Домовой, или Любовь старого подьячего» (М., 1834. Ч. 1—2. Подписана «Александр П-л-в»). Сейчас же эти книги стоят в каталогах библиотек в одном ряду с книгами дворянина Алексея Андреевича Павлова, автора романов «Брат Вячеслав, или Подземелье близ Касимова» (М., 1836. Ч. 1—3), «Рыцарь Креста» (М., 1840. Ч. 1—2) и др. По данным архива А.А. Павлову принадлежат также выпущенные анонимно исторический роман «Крамольники» (М., 1838. Ч. 1—2), «Повести из событий русской старины» (М., 1839. Ч. 1—4) и под криптонимом «А.А.П.» повести «Мстительница. Касимовская повесть» (М., 1837), «Русский богатырь» (М., 1837)²².

Близкий по характеру случай представляют публикации Сергея Михайловича Любецкого. В каталогах библиотек отдельно стоят книги, изданные под этой фамилией, и романы, напечатанные под криптонимами «Сергей ...ский» («Сокольники, или Поколебание владычества татар над Россиею». М., 1832. Ч. 1—3) и «Сергей ...кий» («Падение Великого Новгорода». М., 1833. Ч. 1—4; «Танька, разбойница Ростовинская, или Царские терема». М., 1834. Ч. 1—4; «Рождение благословенного дома Романовых на Российском престоле». М., 1834. Ч. 1—4). Из книг подачи рукописей обнаруживается, что все эти романы представил в цензуру студент Медико-хирургической академии Сергей Вяземский, а из свидетельства П.А. Бессонова (в кн.: Песни, собранные П.В. Киреевским. М., 1872. Вып. 9. С. 188—189) выясняется тождество его с С.М. Любецким. Нет сомнения, что Любецкий (а он действительно числится под этой фамилией в списках студентов Медико-хирургической академии) не пользовался вымышленной фамилией, так как в случае обнаружения обмана мог сильно пострадать. Скорее всего он подписывался в книге подачи рукописей своей второй фамилией — бытовой или существовавшей до поступления в Медико-хирургическую академию. Известный историк И.М. Снегирев, не только цензуровавший его книги, но и снабжавший его литературой, также знал этого автора под фамилией Вяземский²³.

Это предположение подтверждает и тот факт, что Любецкий был «дворянским воспитанником генерал-майорши княгини Вяземской» (ЦИАМ. Ф. 433. Оп. 51. Ед. хр. 303)²⁴.

Архивные документы позволили атрибутировать Любецкому еще три книги, изданные под различными псевдонимами: «Русская Шехерезада. Повести, изданные S.S.» (М., 1836. Ч. 1—3), «Вечера на кладбище. Оригинальные повести из рассказов могильщика» (М., 1837. Ч. 1—3. Подп.: X) и «Рыцарство XIX века. Современный рассказ с летописью нравов в роде были» (М., 1839. Ч. 1—4. Подп.: Гиероглиф).

Материалом для атрибуции ряда изданий служили прошения авторов. Они подавались в тех случаях, когда автор проживал в другом городе, или просил внести изменения в уже поданную рукопись (чаще всего — изменить название), или обращался с жалобой на цензора. На основании такого обращения в цензуру удалось атрибутировать Николаю Ильичу Зряхову, автору многократно переиздававшейся и вошедшей в лубочную литературу книги «Битва русских с кабардинцами...» (М., 1840), два анонимно изданных романа — «Дева закубанская, или Любовь до могилы» (М., 1836) и «Прекрасная астраханка, или Хижина на берегу реки Оки» (М., 1836. Ч. 1—2), которые в книге подачи рукописей значатся как поступившие от работника типографии. Иногда приходилось использовать одновременно данные и переписки, и книг подачи рукописей. Например, роман «Иоанн Грозный и Стефан Баторий» (М., 1834. Ч. 1—4), вышедший под криптонимом «А.А», подавал Л.П. Непорожнев, но из его письма в цензуру выясняется, что первоначальное название романа — «Георгий Венетский...». В книге же подачи рукописей значится, что роман с таким названием поступил от студента политического отделения университета А. Андреева.

В ходе работы удалось установить имя и отчество ряда писателей, обозначенных на книгах (помимо фамилии) только инициалами или одним именем. По данным фонда цензуры отчество автора книги «Повесть и рассказ» (М., 1838) Николая Андреева — Федорович; книги «Русские простонародные рассказы» (М., 1842) Федора Русанова — Александрович; имя и отчество автора книг «Шпион» (М., 1843) и «Бедокур» (М., 1843) М. Куражковского — Михаил Дементьевич; сказок «Обманутый купец, или Счастливый барабанщик» (М., 1840), «Грошевый мертвец, или Испуганные разбойники» (М., 1842) Н. Базилевича — Николай Яковлевич.

По материалам других источников отчество Ивана Глухарева, опубликовавшего романы «Ольга Милославская» (М., 1831. Ч. 1—2), «Графиня Рославлева...» (М., 1832. Ч. 1—2) и др., — Никитич (ОР РГБ. Ф. 233. Карт. 56. Ед. хр. 12. Л. 14, 15); Петра Голоты, выпустившего романы «Иван Мазепа» (М., 1832. Ч. 1—4), «Наливайко, или Времена бедствий Малороссии» (М., 1833. Ч. 1—

4) и др., — Иванович (ЦИАМ. Ф. 418. Оп. 100. Ед. хр. 106); Петра Евпсихиева, автора романов «Виктор Бельский» (М., 1832. Ч. 1—2) и «Графиня Евгения» (М., 1839), — Алексеевич (Там же. Ед. хр. 32); Федора Фоминского, автора романа «Неведомые Теодор и Розалия, или Высочайшее наслаждение в браке» (М., 1832), — Ильич (Там же. Ф. 459. Оп. 1. Ед. хр. 3618); имя и отчество автора повести «Осужденный» (М., 1835. Ч. 1—4) А. Крылова — Алексей Иванович (см.: Крылов В.А. Прозаические сочинения. СПб., 1908. Т. 1. С. VIII, IX).

Подведем итоги. В результате проделанной нами работы с той или иной степенью вероятности удалось выявить авторов примерно трех четвертей до сих пор не атрибутированных анонимных и псевдонимных книг нашей картотеки. Остались анонимными лишь два десятка книг, поступивших главным образом от издателей или типографов, которые можно в дальнейшем попытаться атрибутировать, опираясь на традиционные литературоведческие методы.

С нашей точки зрения, описанный в статье опыт массовой атрибуции книжной продукции оказался достаточно эффективным. Он показал, что использование материалов архивов с целью атрибуции поэтических, драматических произведений, путевых записок и т.д., книг других периодов и других регионов может дать ценную библиографическую информацию для уточнения репертуара русской книги XIX в. Подобное обследование архивов, и прежде всего фондов цензурных комитетов, позволит полнее и точнее описать мир русской книги XIX в. и предоставить тем самым ценный материал историкам русской литературы, науки и общественной мысли.

ИЗДАТЕЛЬ, АВТОР И ПОЛИЦИЯ В НАЧАЛЕ XIX ВЕКА

Издательское дело России первой четверти XIX в. изучено весьма слабо, историки его опираются, как правило, на достаточно узкий круг печатных источников. Между тем в архивах сохранились разного рода документы (цензурные дела, воспоминания, переписка и т.д.), позволяющие нарисовать гораздо более объемную и детализированную картину книгоиздания того времени. Иногда даже материалы вроде бы частного значения выразительно высвечивают те или иные аспекты взаимоотношений между авторами, издателями, цензурой, правительством и т.д. К их числу принадлежит курьезная и в то же время весьма показательная переписка, довольно ярко характеризующая нравы и правовые отношения в издательском деле второго десятилетия XIX в., которая извлечена нами из следственного дела Особенной канцелярии Министерства полиции, хранящегося ныне в Государственном архиве Российской Федерации (Ф. 1165. Оп. 1. Ед. хр. 286).

Началась она письмом-прошением довольно известного литератора того времени Павла Петровича Свиньина (1787—1839) к Сергею Козьмичу Вязмитинову (1749—1819), который тогда управлял Министерством полиции и одновременно был санкт-петербургским генерал-губернатором. Прошение это Свиньин передал в апреле 1818 г. через своего хорошего знакомого Максима Яковлевича Фока (1773—1831), директора Особенной канцелярии Министерства полиции, изложив свою просьбу и в сопроводительной записке, обращенной к самому Фоку. Вот эти два послания:

Ваше Высокопревосходительство! Милостивый государь!

По возвращении моем из Америки в 1815 году, желая познакомить публику с любопытною странюю сею и, так сказать, отдать отчет моему отечеству во времени, проведенном мною в сем отдаленном краю, я вручил для напечатания книгопродавцу Заикину некоторые выбранные статьи из записок моих об Америке, без всякой платы, между тем как от других книгопродавцев мог я получить значительную сумму, но с священным условием, что книга сия издана им будет самым лучшим образом, т.е. на лучшей бумаге, лучшими литерами и виды сделаны будут лучшим гравюром. Имею честь приложить при сем экземпляр оной книги, из коей Ваше Высокопревосходительство изволите усмотреть, колико я был обманут на счет всех сих условий; кроме величайшего небрежения во всех частях оного издания, кроме ошибок, коими она наполнена, рисунки мои совершен-

но искажены и испорчены. Но я терпел неудовольствия и обиду единственно в надежде, что вторым изданием, пополненным, исправленным г. Заикин оправдается передо мною и перед публикою, как с величайшим удивлением и прискорбием узнаю, что он тайком и украдкою от меня напечатал ныне второе издание оной книги в том же искаженном виде. Г. Заикин лучше всякого другого знает, что интерес не был предметом моих занятий, а потому есть ли б совесть не упрекала его в проступке против меня, то верно бы отнесся ко мне для поправок.

Я не отымаю от г. Заикина права печатать книгу сию, права, которое я ему дал на вышесказанном условии, а потому требую единственно, чтоб она издана была лучшим образом и все гравюры переменены и отданы для сделания лучшему граверу, а потому и прошу покорнейше Ваше Высокопревосходительство приказать ему, Заикину, выполнить его обещания или остановить продажу нового издания.

С глубочайшим почтением
имею честь быть
Вашего Высокопревосходительства,
милостивый государь,
покорнейшим слугою
Павел Свиньин
20 марта 1818. С.-Петербург.

Апреля 1818 года

Милостивый государь Максим Яковлевич!

Имею честь приложить при сем просьбу мою к Сергею Кузьмичу, которую вручаю в ваше ходатайство, уверен будучи, что защитите меня противу корыстолюбия книгопродавца, и книгу, из коей извольте увидеть, колико обманут им я был на шет всех условий; ибо, отдавши ему оригинал безденежно, мог ожидать и требовать от него, чтоб книга сия была издана лучшим образом — ставя сие единственным возмездием и наградою за труды. Не любя жаловаться, я не просил на него прежде, но теперешний поступок его слишком уже бесчестен и обиден, а потому и прошу покорнейше приказать Заикину переменить совершенно новое его издание, т.е. отдать гравюры лучшему граверу и исправить все ошибки и упущения, коими наполнено первое, иначе прикажите опечатать у него новое его издание, ибо я не могу согласиться так выдать его в свет в другой раз.

Замечу еще, что приложенная при сем книга, несмотря что весьма дурна, есть еще лучший сорт сего издания, Заикин напечатал еще низший разбор и совершенно на рогоже.

Заметь также, почтеннейший Максим Яковлевич, что на обертке поставлено: с шестью искусно выгравированными картинами.

При сем напоминаю вам об обещании ссудить меня английскими газетами месяца за три или за четыре, т.е. «Morning cronicle», «Curier» и «Times», и нельзя ли других периодических журналов. С искренною благодарностию и исправностию возвращаю их и с истинным, совершенным почтением навсегда пребываю

вашим покорнейшим слугою
Пав. Свиньин.

П.П. Свињин

Для того чтобы лучше понять предысторию и дальнейший ход этого дела, необходимо кратко обрисовать основных действующих лиц.

П.П. Свињин был весьма колоритной фигурой. Печататься он начал еще в 1803 г., во время учебы в Благородном пансионе при Московском университете. Потом он в течение довольно длительного времени служил в Министерстве иностранных дел (в том числе в 1811—1813 гг. — секретарем русского генерального консула в Филадельфии). По возвращении выпустил книгу «Опыт живописного путешествия по Северной Америке Павла Свињина» (СПб., 1815), посвятив ее князю Александру Николаевичу Салтыкову (1775—1837), сенатору и члену Государственного совета, сыну генерал-фельдмаршала Н.И. Салтыкова. Книга эта, по мнению современного исследователя истории русско-американских отношений, «до сих пор сохраняет значительную познавательную ценность прежде всего по богатству своего фактического содержания, а также ряду интересных обобщений и выводов об особенностях исторического развития Соединенных Штатов»¹. Позднее Свињин активно занимался описанием памятников старины и разного рода достопримечательностей, издавал журнал «Отечественные записки» (1818—1830), выпустил книги «Достопамятности Санкт-Петербурга и его окрестностей» (в 6 ч. СПб., 1816—1828), «Картины России

и быт разноплеменных ее народов» (СПб., 1839) и др. По воспоминаниям К.А. Полевого, «неподдельною страстью в нем было отыскивать все замечательно русское, в том числе и русские дарования; но так как он не обладал ни достаточною образованностью, ни проницательностью для этого, то часто впадал в смешные ошибки, поощрял бездарность, наживал себе врагов в людях неблагодарных и <...> сделался предметом злых насмешек <...>»².

В литературных кругах Свинын имел репутацию (судя по всему, вполне заслуженную) лгуна и хвастуна. Известный баснописец А.Е. Измайлов в посвященной ему басне, которая так и называлась «Лгун» (1824), писал, что Свинын «имел ко лжи большое дарованье. // Мне кажется, еще он в колыбели лгал!». Пушкин изобразил его в пародийной детской сказочке «Маленький лжец» (1830), а пушкинские рассказы о его похождениях в Бессарабии были использованы Гоголем в работе над «Ревизором»³. Известен случай, когда Свинын пытался в 1833 г. обмануть издателя А.Ф. Смирдина, утверждая, что министр народного просвещения назначил его редактором смирдинского журнала «Библиотека для чтения»⁴.

Другое главное действующее (или, точнее, бездействующее) лицо этой истории — М.Я. Фок, на поддержку которого рассчитывал, судя по всему, Свинын. Директор Особенной канцелярии Министерства полиции (выполнявшей в то время функции тайной полиции) с 1812 г., а с 1826 г. и до смерти — директор канцелярии III отделения, Фок, по признанию современников, «был человек прекрасной души, умный и образованный; в исполнении своих обязанностей он соединял строгую справедливость с возможною снисходительностью»⁵.

И, наконец, третье действующее лицо — книготорговец Иван Иванович Заикин, переселившийся в 1788 г. в Петербург из Москвы. Вначале он был приказчиком у книгопродавца И.И. Глазунова, а через десять лет открыл собственное дело. Заикин «издавал много книг юридических, хозяйственных, детских, также много карт и атласов»⁶. Мемуаристы и историки книжного дела дают о нем очень скудные сведения (мы не знаем даже дат его рождения и смерти, известно только, что умер он от холеры в начале 1830-х гг.⁷).

Получив прошение Свинына, С.К. Вязмитинов 12 апреля передал его петербургскому обер-полицмейстеру, генерал-майору И.С. Горголи, поручив ему «призвать немедленно книгопродавца Заикина, взять с него против оного объяснение» и представить Вязмитинову. Горголи поручил вести дело следственному приставу И.С. Никонову. Никонов вызвал Заикина, ознакомил с жалобой Свинына и запросил объяснительную записку. Это «объяснение», которое воспроизводится ниже, писал, конечно, не малограмотный Заикин, а какой-то стряпчий, набивший руку на составлении такого рода документов.

Его высокоблагородию г-ну следственному приставу надворному советнику Илье Степановичу Никонову Санкт-Петербургского купца Ивана Заикина

Объяснение

На объявленное мне от вашего высокоблагородия, поданное к Его Высокопревосходительству господину Санкт-Петербургскому военному генерал-губернатору и разных орденов кавалеру Сергею Кузмичу Вязмитинову от г-на Павла Петровича Свинына прошение относительно законным образом уступленной им мне в 1815-м году для всегдашнего правопечатания книги под названием «Опыт живописного путешествия по Северной Америке», с жалобой на меня, будто бы я, взяв сию книгу с священным договором издать ее самым лучшим образом, то есть на лучшей бумаге, лучшими литерами, и виды работы лучших граверов, во всем том его обманул и издал книгу с величайшим небрежением, наполненную множеством ошибок и с дурными картинками; — честь имею объяснить:

1) Г-н Свинын, желая издать в свет оную книгу, в начале 1815 года, пришел ко мне, просил о напечатании оной, изъясняясь, что он не желает ничего иного, как чрез сие издание ознакомиться с публикою, и что ежели я приму на себя все издержки, сопряженные с сим изданием, то он уступит мне оную во всегдашнее правопечатание и продажу в собственную мою пользу; кроме же сего никаких условий у меня с ним не было; и я, не зная и не могши знать, успешна ли или невыгодна будет распродажа сей книги, несмотря на значительные издержки мне подлежащие, склонился издать оную не иначе, как по убедительной просьбе его, г-на Свинына, обещавшего, что книга его непременно будет иметь успех, тогда как все прочие книгопродавцы не решались издать оную.

2) Подлинный его, г-на Свинына, сей книги экземпляр представил я в цензурный комитет, в котором оный 21-го февраля 1815 года одобрен и мне к печатанию дозволен. Рисунки, к сей книге принадлежащие, им самим рисованные, были печатаемы не прежде, как после собственного его, господина Свинына, одобрения и утверждения; как равно и самое печатание книги со стороны формата, литер и бумаги произведено с его назначения и под собственным его надзором.

3) В таком точно виде книга сия была напечатана и посвящена им его светлости князю Александру Николаевичу Салтыкову, и потом уже обращена в продажу, во время коей получал он от меня требуемые для него экземпляры и заблагорассудил дать мне мая 22-го того ж 1815 года за собственноручным его подписанием уступной акт, на всегдашнее оной книги правопечатание, который с засвидетельствованием маклерским и имею честь при сем представить. После того прошло уже три года и во все сие время даже донныне г-н Свинын мне ни в чем не противуречил и на счет издания его книги не оказывал мне ни малейшего неудовольствия.

4) Все вышеобъясненное сколь ни доказательно, что г-н Свинын, одобряя старания мои и благовидный успех в издании и отпечатании сей книги с тщательною картин гравировкою, недешево мне стоюще, ви-

дел даже и то, что после дозволения цензурного комитета была она напечатана без наималейшего от оригинала его, в цензурном комитете хранящегося, отступления, на бумаге существу и достоинству книги весьма приличной, литерами очень хорошими; как равно и рисунки выгравированы сообразно его оригиналам, так что публика на счет издания сей книги не делала ни малейшего осуждения.

5) Как всякой обоюдный договор или акт долженствует заключать в себе все то, что между условливающимися или имеющими дело к взаимному исполнению назначено, по сему самому ежели бы г-н Свиныйн договаривался со мною об издании книги его впредь на лучшей против прежнего бумаге и с лучшею против прежней гравировкою, то сие долженствовало бы быть упомянуто в акте, законным образом им мне данном, чем самым и обязывался бы я исполнить все вышеозначенное. Но как в акте о сем несколько не упомянуто, то сим самым и опорочивается навет г-на Свиныйна, желающего принудить меня сделать новое издание сообразно его прихотям. Вящим же доказательством, что г-н Свиныйн был первым моим изданием доволен, служит то, что уступной акт выдан им мне уже по совершенном окончании отпечатания и выходе книги его в продажу.

6) Вознамерясь ныне, имея полное на печатание право, приступить ко второму сей книги изданию, я был в полной мере независим от мнения и желания г-на Свиныйна и приступил к оному по предварительному позволению цензурного комитета. Несмотря однако же на сие, я не преминул в течение печатания, которое еще и ныне продолжается, известить о том г-на Свиныйна, но он, сверх всякого моего чаяния, отозвался, что будет сам печатать и продавать сию книгу, о чем не устыдился известить даже и почтенную публику жалобю своею, помещенною в журнале «Сын Отечества», в марте месяце сего 1818 года, в 12-м номере.

7) По всем сим уважениям г-н Свиныйн не только не может иметь на меня какое-либо неудовольствие, ни даже останавливать меня в принятом книги его втором издании, но обидными насчет чести моей выражениями, как, например, в поданной его высокопревосходительству господину Санкт-петербургскому военному генерал-губернатору и разных орденов кавалеру Сергею Кузмичу Вязмитинову жалобе говорит, будто бы я издаю второе издание тайком и украдкою, и в помянутом журнале называет меня корыстолюбивым обманщиком, присовокупляя к тому, что ежели сие новое мое издание выйдет в свет, то он признает оное незаконнорожденным, как равно и тем, что предпринял сам издавать сию книгу, на которую один только я могу иметь право, к явному моему оскорблению и подрыву, приводит меня в необходимость испрашивать от справедливого правительства во всех его обидных наветах защиту и удовлетворение.

Представляя все сие вашему высокоблагородию, покорнейше прошу, по начальственному рассмотрении сего моего объяснения, выдать мне обратно представляемый при сем подлинный г-на Свиныйна уступной акт, оставя с оного при деле копию.

Санкт-Петербург, 1818 года, апреля 26 дня.

К сему объяснению с.-петербургский купец и книгопродавец Иван большой Заикин руку приложил.

К «объяснению» Заикин приложил «уступной акт» П.П. Свинына такого содержания:

1815 года мая 22 дня. Мною сочиненную книгу под названием «Опыт живописного путешествия по Северной Америке, с картинами» во всегдашнее право печатания здешнему купцу Ивану Заикину уступил. Государственной коллегии иностранных дел ассессор и кавалер Павел Свинын».

На нем маклер сделал следующую запись:

1818 года февраля двадцать шестого дня в С.-Петербурге сия уступочная подписана для ведома, с приложением гербового листа три рубли. Второй Адмиралтейской части у маклерских дел явлено и в книгу под № тридцать четвертый записано.

Частной маклер Осип Андреев⁸.

«Объяснение» Заикина написано очень убедительно и логично. В нем подчеркнута, что Свинын уступил свои права на данную книгу и лишился тем самым возможности воспрепятствовать ее переизданию. Судя по всему, книга расходилась неплохо, и Свинын понял, что допустил оплошность, безвозмездно уступив право на нее не на одно издание, что было бы вполне оправдано, а навсегда. Он, по-видимому, надеялся, что ему что-то перепадет со второго издания, а когда узнал, что Заикин выпускает книгу снова, не поставив его в известность, попытался помешать ее выходу. В апреле он, как мы видели, подал прошение Вязмитинову, а незадолго до этого, в конце марта, поместил в журнале «Сын Отечества» «Авторскую жалобу», которую цитирует Заикин, где писал следующее: «По возвращении моем из Америки я желал сколько познакомиться публике с любопытною странкою сею, столько и отдать, так сказать, отчет моему отечеству во времени, проведенном мною в сем отдаленном краю, и вручил книгопродавцу З..... для напечатания некоторые выбранные статьи из записок моих об Америке, сохраненные мною с великим пожертвованием из любви к отечеству. Рукопись мою я отдал без всякой платы, но с священным уговором издать ее как можно лучше, т.е. на лучшей бумаге, лучшими литерами и чтоб виды сделаны были лучшим гравером. Публике известно, соответствовало ли издание условиям нашим. Опыт живописного путешествия моего по Америке издан, как издаются сказки о Бове Королевиче для Спасского моста: на самой худой бумаге, почти на рогоже, наполнен ошибками и гравюры похожи на лубочные. Хотя весьма прискорбно было мне видеть любимое детище мое столь изуродованным, больно было слышать справедливые насмешки и колкости журналистов, <...> хотя очень желал я оправдаться пред публикою, которая, вероятно, относилась к неисправности издания более на счет автора и может быть приписывала оное даже излишнему его корыстолюбию, но я молчал, терпел и надеялся, что вторым изданием — исправлен-

ным, пополненным, — оправдаюсь некоторым образом пред благосклонными читателями. Но к крайнему сожалению моему узнаю, что без ведома моего книга сия печатается новым изданием в типографии Края и в прежнем, искаженном виде. Издатель, кажется, лучше всякого другого знает, что интерес не был никогда предметом моих занятий, а потому крайне удивляюсь, почему не отнесся он ко мне при сем новом издании для поправок и совета.

Надеюсь, что справедливое правительство даст мне должное удовлетворение противу поступка г. издателя, а вас, м[илостивые] г[оспода], прошу покорнейше уведомить публику, что если второе издание сие выйдет в свет, то автор признает его — незаконнорожденным, и намерен в непродолжительном времени представить просвещенному свету Опыт живописного путешествия своего по Америке в новом, лучшем виде, не только исправив ужасные ошибки и недостатки первого издания, но дополнив его новыми любопытными статьями и украсив видами трудов лучших художников наших — и все за ту же цену, за какую продавалась книга сия прежде, т.е. по пяти рублей»⁹.

На подобное издание Свиныйн права не имел, да и жалобы его на качество печати несправедливы: отнюдь не являясь полиграфическим шедевром, оно тем не менее было напечатано на приличном, вполне приемлемом для того времени уровне.

Ознакомившись с объяснениями Заикина, Свиныйн написал следующий отзыв на них:

Его высокоблагородию г-ну следственному приставу надворному советнику Никонову

от надворного советника и кавалера Свиныйна

Объяснение Заикина на просьбу мою наполнено безстыдною ложью и противоречиями, как Ваше Высокоблагородие усмотрите из следующих опровержений моих:

На 1-й пункт. Несправедливость того, чтоб я убедительно просил Заикина о напечатании моей книги может доказать и то даже, что я отдал ему рукопись без всякой платы, между тем как другие книгопродавцы с удовольствием предлагали мне 500 руб. и более за нее, как то гг. Сленин, Плавильщиков и проч., а обещать наперед хорошую распродажу книги не мог я и по здравому рассудку, и по тогдашней моей неопытности, ибо я только что возвратился из чужих краев; хотя последствия доказали, что я бы в том не ошибся, ибо Заикин не с большим в два года распродал все издание, выручив более 5000 рублей, и я сам купил у него моей книги на чистые деньги более чем на 200 рублей.

На 2 и 3-й пункты. В доказательство, что я не только не был доволен гравюрами и печатанием, но почитал Заикина обманщиком, [— то,] что я хотел тотчас же на него жаловаться, но остановился единственно по убедительной просьбе его и обещанию издать книгу мою в другой раз в лучшем, совершеннейшем образе.

На 4 и 5-й. Не только при первом взгляде на издание всякий ясно может видеть бесстыдное хвастовство или невежество Заикина, изъясненное в сем пункте, на шет искусства печати и гравюр, но все журналы, одобряя сочинение, изъясняли негодование на издателя, например, «Сын отечества», 1815 года № XXIII, ст. 146, говорит между прочим: «Жаль одного — что сия книга напечатана неисправно и изобилует типографскими ошибками» и проч. — но главною, огорчительною потерею для меня и следствием худого, безобразного издания сей книги было то, что я не осмелился в сем невыгодном виде представить и поднести ее Его Императорскому Величеству и Августейшей фамилии, удостоивших милостиво принимать все другие мои сочинения, а удовольствие сие и щастие, конечно, было главною причиною, что я уступил Заикину рукопись мою безденежно, полагаясь на обещание его — издать ее самым лучшим образом. — Равномерно и акт выманил у меня Заикин сими заклинаниями, и я дал ему оный в таком виде, полагаясь на слова его, как на слова честного человека, для коего словесное обещание должно быть столь же твердо и свято, как и письменное.

На 6-й пункт сей могу возразить самым неприятным для Заикина образом. Во-первых, он пришел ко мне уже 10 дней после подавания мною просьбы на него Его Высокопревосходительству, во-вторых, о печатании им второго издания книги моей известился я не прежде, как уже 6 или 7 листов оной было напечатано, и то нечаянным образом, именно чрез г-на коллежского советника Измайлова, к коему Заикин посылал поправлять корректуру от имени моего, между тем как я совершенно про то ничего не ведал.

Но сии последние поступки служат вместе в похвалу и честь г-на Заикина, ибо доказывают, что совесть напоминала ему о данном его мне обещании выдать второе издание в лучшем виде, несмотря, что выгоды купечества заглушали его; а потому-то он и хотел издать книгу мою вновь без моего ведома и не сдержал своего слова в первом обезображенном виде. — Я уже не говорю, что есть ли б отнесся он ко мне, как водится, к автору, при втором издании, то я мог бы сделать весьма нужные и полезные поправки, кои укрылись при первом.

Впрочем, я нисколько не отымаю права, дайнного мною Заикину на напечатание моей книги, но прошу единственно, чтоб не позволено было ему издать ее в первом виде, а на лучшей бумаге, лучшими литерами, исправнее, уничтожить старые гравюры, а новые отдать сделать лучшим граверам нашим — ибо не интерес, а честолюбие шитаю я себе наградою за труды мои.

14 июня 1818

Надворный советник и кавалер Павел Свиньин

Эта записка Свиньи́на еще менее убедительна, чем предыдущая. Если известные и уважаемые книгопродавцы Иван Васильевич Сленин (1789—1836) и Василий Алексеевич Плавильщиков (1768—1823), издания которых относятся к числу лучших для своего времени, предлагали ему гонорар за рукопись, то почему он предпочел отдать ее Заикину безденежно? Некорректна и ссыл-

ка на рецензию в журнале «Сын Отечества», поскольку там буквально перед цитируемыми словами сказано, что каждая статья «снабжена рисованною сочинителем с натуры и *хорошо выгравированною* (выделено мной. — А.Р.) картинкою»¹⁰. Ничего не говорилось о низком полиграфическом уровне издания и в положительной рецензии на эту книгу в журнале «Российский музеум» (1815. № 10/11), хотя и тут упоминалось о гравированных картинах. Отметим, кстати, что гравюры были выполнены по рисункам Свинына, который некоторое время учился в Академии художеств и обладал, по мнению историка изобразительного искусства, «жадным интересом к виденному, умением рисовать и исключительной способностью точнейшим образом фиксировать виденное»¹¹.

Юридически Заикин был неуязвим, но дворянин и чиновник, каковым был Свинын, мог тем не менее найти какую-нибудь возможность помешать переизданию книги (как мы видим, он и пытался это сделать), и окажись на месте Фока другой человек, готовый «порадеть» знакомцу, плохи были бы дела Заикина. Вот почему он пытался осуществить переиздание тайком от Свинына и корректуру дал читать не ему (тем более что в первом издании он сделал это некачественно), а известному писателю Александру Ефимовичу Измайлову (1779—1831), в будущем — литературному врагу Свинына.

Вторую записку Свинына также дали прочесть Заикину, и он подготовил новое, последнее «объяснение».

Его высокоблагородию господину надворному советнику и следственному приставу Илье Степановичу Нионову от Санкт-Петербургского купца и книгопродавца Ивана Заикина

Объяснение

На объявленное мне вашим высокоблагородием объяснение г-на надворного советника Свинына, написанное в опровержение прежнего моего возражения, сим честь имею объявить.

Не знаю того, по здравому ли рассудку или неопытности своей г. Свинын предпочтительно другим уступил мне сочиненную им книгу «Опыт живописного путешествия по Северной Америке», но показание его на счет того, чтоб я получил от распродажи оной более 5000 рублей, совершенно неосновательно. Оной книги было напечатано только 700 экземпляров, из коих сама малейшая только часть продана за наличные деньги, едва равняющиеся моим издержкам, а остаток частью променян на другие книги, не менее оной невыгодные по продаже их по опубликованной даже цене по пяти рублей в каждый, за исключением издержек на публикации, переплеты, уступки и другие расходы, я не мог бы выручить более 2000 рублей. Несправедливо также и то, будто бы г. Свинын за добровольным его мне уступлением книги своей не имел никакой платы, ибо ему отпу-

шено оной до тридцати экземпляров, и сверх того других книг по цене на 80 рублей, за кои он никогда не платил мне и я не требовал с него никаких денег.

В вящее доказательство того, что г. Свинын был первым изданием книги его совершенно доволен, в дополнение прежде сказанного мною служит еще и то, что он, спустя потом около трех лет, приглашал меня заняться изданием книги его «Описание Санкт-Петербурга», в утверждении чего имеется у меня собственноручное его письмо, в коем он именно объясняется, что дает мне преимущество пред всеми прочими книгопродавцами. Из сего следует, что он совсем не имел на меня ни малейшего неудовольствия.

Совершенно не все журналы (хотя, впрочем, сии произвольные периодические издания не могут иметь к делу никакого отношения) говорили о неисправности издания книги г. Свинына, а «Сын Отечества», объяснявшийся только на счет типографских ошибок, которые по собственному его, г. Свинына, держанию корректуры, коей имеются еще у меня доныне некоторые листы, нисколько не могут быть отнесены на мой счет. Впрочем, приступая ныне ко второму сей книги изданию, я просил заняться корректурою особо известных сведений в литературе, и твердо уверен, что сие второе издание, ныне уже совершенно отпечатанное, гораздо исправнее, нежели первое, произведенное под личным надзором самого г-на сочинителя.

В заключение всего долгом моим поставляю повторить, что по печатанию книги «Опыт живописного путешествия по Америке», за получением от г. Свинына на оную уступного акта в вечное владение, я нисколько не зависю от его мнений и желаний и потому почитаю себя изъятым от всякого по сему случаю ответствения, как и он с своей стороны не должен и не может иметь ко мне никакого притязания.

Представляя сие благоусмотрению вашего высокоблагородия, покорнейше прошу приобщить вторичное мое объяснение к прежде поданному мною 26 апреля сего года, и за тем отклонить меня от дальнейших каких бы то ни было с г. Свиныным по сему делу соотношений.

Июня 17 дня, 1818 года.

К сему объяснению с.-петербургский купец и книгопродавец Иван большой Заикин руку приложил.

Эта записка содержит ряд аргументов, еще более укрепляющих позицию Заикина. Правда, он, по-видимому, недостоверно излагает историю распространения первого издания (хотя, впрочем, это никак не связано с предметом тяжбы). Возникает вопрос: если первое издание так плохо расходилось, то зачем Заикин решил выпустить новое?

Получив записки с обвинениями и объяснениями обеих сторон, Никонов счел свою задачу выполненной и на следующий день, 18 июня, обер-полицмейстер представил Вязмитинову «на благорассмотрение» рапорт с изложением хода следствия, приложив записки Свинына и Заикина.

Ознакомившись с делом, Фок решил, судя по всему, что тут нет повода для вмешательства, поскольку требования Свинына не имели под собой законного основания, и не дал дальнейшего хода жалобе Свинына.

В декабре 1818 г. книга благополучно вышла в свет. Правда, не исключено, что были еще какие-нибудь закулисные, не нашедшие отражения в деле обстоятельства и переговоры, связанные с ее изданием. Слишком уж долго шло печатание, и, кроме того, в библиотеках она сохранилась в двух вариантах, отличающихся титульным листом. На одном стоит старая дата цензурного разрешения (полученного для издания 1815 г.) и нет указания на то, что это переиздание; во втором проставлено новое цензурное разрешение (18 января 1818 г.), а на титуле напечатано: «Второе издание».

В деле сохранился еще один документ — письмо недоумевающего Свинына:

Милостивый государь, Максим Яковлевич!

С благодарностью честь имею препроводить при сем английские газеты ваши — в совершенной целости, прося покорнейше ссудить меня следующими нумерами.

К крайнему моему удивлению я увидел сегодня в газетах публикацию Заикина о продаже второго издания моего «Путешествия по Америке»; мне желательно знать, с позволения ли он сделал сие министра полиции или сам по себе? Ибо как известно вам, милостивый государь, что я подавал прошедшею еще зимою просьбу с достаточными доказательствами о воспрещении Заикину делать новое издание в том безобразном виде, в коем распродано им первое. Картинки нынешнего издания еще несравненно хуже, а сие составляет главное достоинство оной книги.

Покорнейше прошу взять на себя труд известить меня по сему предмету и верить отличному почтению и совершенной преданности
вашего покорнейшего слуги

Пав. Свинына

12 декабря 1818

Что ответил Свиныну Фок, нам неизвестно. Но и без этого ясно — попытка Свинына воздействовать на книгопродавца через полицию провалилась: книга вышла, а он остался ни с чем.

ПУТЬ К ИСТИНЕ (История одной статьи)

Известны слова С.Т. Аксакова: «Писатели второстепенные приготавливают поприще для писателей первоклассных <...> Всякий кладет свой камень при построении здания народной литературы; велики или малы эти камни, скрываются ли внутри стен, погребены ли в подземных сводах, красуются ли на гордом куполе — все равно, труды всех почтенны и достойны благодарных воспоминаний»¹. Однако что делать с литераторами, имеющими плохую политическую (реакционеры), литературную (низовые писатели, графоманы) или нравственную (доносчики, плагиаторы) репутацию, отнюдь не принадлежащими к числу тех, кто достоин «благодарных воспоминаний»? Представляется справедливым решение редакции словаря «Русские писатели. 1800—1917» не игнорировать их, а дать объективную научную трактовку их творчества и места в литературном процессе. Притом, учитывая, что репутация нередко формируется в ходе ожесточенной борьбы, когда противники прибегают к преувеличениям и критическим перехлестам, в подобной работе чрезвычайно важно придерживаться, так сказать, «презумпции литературной невиновности» и не поддаваться давлению сложившегося ранее образа. Важность указанного принципа можно продемонстрировать, рассмотрев ход работы над словарной статьей о журналисте и мемуаристе Илье Александровиче Арсеньеве (1818, по другим данным 1820 — 1887) — личности, скажем сразу, не очень привлекательной.

Малоизвестный журналист конца 1850-х гг., он, однако, приглянулся сильным мира сего. В 1861 г. по приглашению князя М.Д. Горчакова, наместника Царства Польского, он приезжает туда для освещения в печати напряженного положения в крае. Одновременно, по поручению министра внутренних дел П.А. Валуева, собирает там для него информацию. В конце того же года возвращается в Петербург, и Валуев поручает ему редактору политического отдела газеты «Северная почта», офиса своего министерства. Накопив опыт редакционной работы, Арсеньев совместно с поэтом М.П. Розенгеймом создает в 1863 г. юмористический журнал «Заноза». Хотя, на первый взгляд, это издание не имело определенной политической линии, однако по сути оно было направлено главным образом против демократического лагеря. В этот период Арсеньев в обществе начинают считать агентом III отделения, в 1864 г. в «Колоколе» появляется сообщение, что «Арсеньеву был поручен обвинительный разбор сочинений Чернышевс-

кого», сидевшего под следствием в Алексеевском равелине. По рукам ходит памфлет Н.Ф. Щербины «Вопросы спиритов», в котором дух Ф.В. Булгарина, олицетворяющего рептильную журналистику, дает оценку своим наследникам — Андрею Краевскому как издателю газеты «Голос» и Илье Арсеньеву:

Нет продажнее Андрея,
Нет гнуснее Илии.

В 1865 г., прекратив издание «Занозы», Арсеньев становится редактором-издателем газеты «Петербургский листок», которую в том же «Колоколе» характеризовали как «помойную яму всяких правительственных, полицейских и общественных нечистот», а в 1876 г. уходит оттуда и основывает «Петербургскую газету». Как издатель он продемонстрировал свою нравственную и финансовую нечистоплотность — не платил гонорар сотрудникам, печатал клеветнические материалы, занимался финансовыми махинациями. Опубликованную им в «Петербургской газете» в 1868 г. (№ 44) «Библиографическую заметку» о журнале «Отечественные записки», где утверждалось, что там возрождается «умерший насильственной смертью» «Современник», Н.А. Некрасов назвал «гнусным доносом». Газеты тех лет полны сообщений о возбужденных против него судебных процессах. Нередко он проигрывал их и проводил по несколько месяцев в тюрьме. В 1871 г. разразился большой скандал, связанный с совершенным им подлогом в редакционных книгах «Петербургской газеты», он был вынужден уехать из Петербурга в Москву. В 1870-х — первой половине 1880-х гг. Арсеньев не печатался, его литературную репутацию в этот период хорошо передает «Фельетонный словарь современников» В. Михневича «Наши знакомые» (СПб., 1884): «Арсеньев, Илья — ныне забывает и относится уже больше к субстанциям ископаемым, коллекции окаменелостей. В свое время был известен отменно литературным изложением доносов, для чего специально предпринимал даже периодические издания».

Лишь незадолго до смерти он вновь стал выступать в печати — теперь уже с воспоминаниями. Наибольший интерес представляет цикл мемуарных фрагментов «Слово живое о неживых» (Исторический вестник. 1887. № 1—4), где он писал об А.С. Пушкине, М.Ю. Лермонтове (своем дальнем родственнике), П.И. Шаликове и других литераторах, с которыми, по его утверждениям, встречался в доме отца, сенатора А.А. Арсеньева. Отметим, что Пушкин и Лермонтов были изображены неприязненно, с акцентированием отрицательных сторон их житейского облика. Например, о Пушкине он вспоминал: «...великий наш поэт оставил во мне, как ребенке, самое неприятное впечатление», приходя в гости, он «находил нужным испортить нам (детям. — А.Р.) наши рисунки, нарисовав очки на глазах, нами нарисованных, а под

носами черные пятна, говоря, что теперь у всех насморк <...> и в заключение ушипнет меня, или брата, довольно больно...».

Однако пора перейти от характеристики И.А. Арсеньева к рассказу о своеобразном историко-литературном расследовании, произведенном в ходе работы над посвященной ему статьей для упомянутого выше словаря. Исходной точкой явился первоначальный вариант статьи, подготовленный ленинградским историком Ю.И. Штакельбергом на основе печатных источников и материалов Отдела рукописей Публичной библиотеки (ныне РНБ), где в целом довольно полно и выразительно была обрисована фигура Арсеньева (в данных заметках использованы некоторые материалы его статьи). Там, в полном соответствии с опубликованными данными, значилось: «...из старинного дворянского рода. В доме отца, предводителя дворянства Московского уезда, бывали А.С. Пушкин, М.Ю. Лермонтов, И.И. Дмитриев, П.Я. Чаадаев, Н.И. Надеждин, М.И. Глинка». Однако вскоре, по заведенному в редакции словаря порядку, статья была послана в архивы. В ответ из ЦГАОР (ныне — ГАРФ) пришли дополнения и уточнения по частным вопросам, а вот из ЦГИА (ныне — РГИА) — справка, где ставилось под сомнение происхождение Арсеньева. Автор ее, Д.И. Раскин, проделав сложные и трудоемкие разыскания, нашел и сопоставил сведения об учебе Арсеньева в Московском университете, его формулярные списки за разные годы и формулярный список отца. По документам выходило, что у сенатора А.А. Арсеньева не было сына Ильи, что Илья Арсеньев, обучавшийся на юридическом факультете Московского университета, был «из купцов», а также, что Илья Александрович Арсеньев, служивший в канцелярии московского генерал-губернатора, а позднее в канцелярии Межевого корпуса (что соответствует фактам биографии «нашего» Арсеньева) был «сыном купца 2-й гильдии».

Ситуация выглядела вполне однозначной. В результате во втором варианте статьи возник следующий текст: «Сын купца 2-й гильдии (сведения, что он сын предводителя дворянства Московского уезда, перешедшие в справочники из мемуаров Арсеньева, опровергаются документами...)». Но в таком случае сам собою вставал вопрос и об общей достоверности мемуаров И. Арсеньева: все, что сообщалось в них о Пушкине, Лермонтове, Надеждине и пр., превращалось, мягко говоря, в литературную мистификацию. И, надо сказать, редакция словаря уже склонялась к тому, чтобы принять эту версию. Наряду с доверием к архивам, с помощью которых в работе над словарем действительно удалось исправить и уточнить тысячи биографических фактов, в ее пользу, казалось, говорили и все прочие неблаговидные поступки нашего героя, человека, от которого «всего можно ждать...». Думается, что, если бы подобные свидетельства были получены по поводу автобиографических признаний литератора с хорошей репутацией, например

А.А. Фета, произведена была бы еще не одна проверка, а итоговые выводы сформулированы не столь резко.

При всем том, получив статью (уже во втором ее варианте) на рецензию, я, в свою очередь, решил перепроверить «уличающие» Арсеньева факты. Почему? Отчасти потому, что по опыту прежних своих занятий людьми с испорченной литературной репутацией (Ф.В. Булгарин, В.П. Буренин, А.А. Дьяков, А.С. Суворин и др.) остерегался нередкой в подобных случаях заданности и упрощающей однозначности оценок и интерпретаций. Да и не очень верилось, чтобы человек мог решиться на такой дерзкий обман; ведь некоторые современники описываемых им событий были еще живы.

Отправился в Центральный государственный исторический архив г. Москвы. Там хранится фонд Московского университета, где учился Арсеньев, и можно было попытаться отыскать его личное дело. Обычно в таком деле находится копия метрического свидетельства (у дворян) либо какой-нибудь иной документ, содержащий информацию о возрасте и происхождении (у купцов, мещан и др.).

Дело Арсеньева нашлось, однако все в нем было необычно. Он представил лишь свидетельство из магистрата (орган городского купеческого самоуправления), где значился купцом 3-й гильдии в возрасте 17 лет, а в прошении о поступлении (в 1835 г.) писал: «Получив первоначальное образование в науках в доме воспитателя и благодетеля моего, тайного советника и кавалера Александра Александровича Арсеньева <...> желаю вступить в сей университет для дальнейшего образования»². Этого, по-видимому, хватило для поступления, поскольку А.А. Арсеньев пользовался большим влиянием в бюрократических и светских кругах. Однако университетское начальство в дальнейшем все-таки, по всей вероятности, настаивало на предоставлении необходимых сведений. В результате в 1837 г. по прошению самого А.А. Арсеньева попечитель Московского учебного округа запросил у московской консистории сведения о рождении и крещении И. Арсеньева и его брата, А. Арсеньева. В своем ответе консистория не предоставила точных данных, ограничившись информацией о том, что «воспитанники г. тайного советника сенатора Александра Александровича Арсеньева, Александр и Илья Арсеньевы, в исповедных Николаевской на Мясницкой церкви книгах, с 1827 по сей год включительно, показываемы, при означенном тайном советнике Арсеньеве у исповеди и св. причастия бывшими <...> Илья за 1836-й 17 и за 1837-й — 18 лет»³.

Как все это понять и как согласовать со сведениями, полученными из ЦГИА? Наиболее правдоподобной представляется следующая интерпретация названных фактов. В первой половине XIX в. существовала официально узаконенная группа так называемых «дворянских воспитанников» (т.е. лиц, воспитывавшихся в дворянских семьях). Значительную часть этой группы составляли внебрачные

дети дворян, в том числе и от крепостных крестьянок. По достижении совершеннолетия они либо записывались в сословие отца (если он был известен и признавал воспитанника своим ребенком, причем для этой роли нередко подыскивался «номинальный» отец), либо становились крепостными своих воспитателей, которые могли при желании дать им свободу. Для Ильи Арсеньева, по-видимому, в купеческой среде был найден человек, который согласился признать его своим сыном, и Арсеньев был записан в купеческое сословие (по окончании же университета он, в соответствии с законодательством, получил чин и личное дворянство).

Не противоречат этой версии и генеалогические справочники. В двух родословных росписях (Бороздин К.М. Опыт исторического родословия Арсеньевых. СПб., 1841; Арсеньев В.С. Род дворян Арсеньевых. Тула, 1903), кстати, воспроизводящих и одну из линий генеалогии Лермонтова, указано, что у А.А. Арсеньева от второй жены был сын Илья. Если второй справочник мог основываться на первом, то в первом, создававшемся пря жизни А.А. Арсеньева, сведения о его детях были скорее всего получены непосредственно от него самого.

Как бы то ни было, не подлежит сомнению, что «наш» Арсеньев воспитывался в доме сенатора А.А. Арсеньева и, таким образом, мог встречаться с упомянутыми в мемуарах лицами.

Установлено, казалось бы, немного — деталь биографии какого-то морально нечистоплотного и не очень талантливого литератора. Но это и не так уж мало. Нетрудно теперь объяснить такие особенности биографии и социально-бытового облика Арсеньева, как хорошая информированность и связи в «верхах», светские манеры и тяга к богатой барской жизни. Кроме того, возможность доверять его мемуарам позволяет исследователям использовать содержащуюся в них информацию о литературной жизни Москвы 1830—1840-х гг.

СЛУЖИЛ ЛИ ГОГОЛЬ В III ОТДЕЛЕНИИ?

Начальный период жизни Н.В. Гоголя в Петербурге изучен явно недостаточно. В наших знаниях о нем много пробелов, неясностей, спорных гипотез. Особенно это касается взаимоотношений Гоголя с Ф.В. Булгариным и службы Гоголя в III отделении¹.

Основной источник сведений о знакомстве Гоголя с Булгариным, которое состоялось в конце 1829 или начале 1830 г., — воспоминания самого Булгарина. Они были написаны в связи с выходом книги Николая М. [П.А. Кулиш] «Опыт биографии Н.В. Гоголя» (СПб., 1854) и опубликованы в составе фельетона Булгарина «Журнальная всякая всячина» (Северная пчела. 1854. № 175). Учитывая важность этого текста для данной статьи и не очень широкую его распространенность², процитируем полностью мемуарный фрагмент. Булгарин писал:

«Господин биограф утверждает, что Гоголь, прожив год в Петербурге, определился на службу в Департамент уделов, заняв место столоначальника, но не прослужил в этом месте даже одного года. Не знаю, по какому случаю, господин биограф Гоголя, описывая величайшие мелочи, позабыл одно важное обстоятельство, которое я ему напомяну.

В конце 1829 или в начале 1830 года, хорошо не помню, один из наших журналистов, живший тогда в Почтамтской, в доме господ Яковлевых (ныне А.М. Княжевича), сидел утром за литературную работу, как вдруг зазвенел в передней колокольчик, и в комнату вошел молодой человек, белокурый, низкого роста, расшаркался и подал журналисту бумагу. Журналист, попросив посетителя присесть, стал читать поданную ему бумагу — это были похвальные стихи, в которых журналиста сравнивали с Вальтер-Скоттом, Адиссоном и так далее. Разумеется, что журналист поблагодарил посетителя, автора стихов за лестное об нем мнение, и спросил, чем он может ему служить. Тут посетитель рассказал, что он прибыл в столицу из учебного заведения искать места, и не знает к кому обратиться с просьбой. Журналист просил посетителя прийти чрез два дня, обещая в это время похлопотать у людей, которые могут определять на места. Журналист в тот же день пошел к покойному Максиму Яковлевичу Фон-Фоку, управлявшему III отделением Собственной канцелярии Его Императорского Величества, рассказал о несчастном положении молодого человека, и усердно просил спасти его и пристроить к месту, потому

что молодой человек казался близким к отчаянию. Кто только знал покойного М.Я. Фон-Фока, тот умел ценить его добрую, благородную, нежную душу. Журналиста знал М.Я. Фон-Фок еще в детстве, в родительском доме, быв сам молодым человеком и офицером в Легкоконном Харьковском полку, и потому охотно согласился помочь приезжему из провинции, и дал место Гоголю в канцелярии III-го отделения. Не помню, сколько времени прослужил Гоголь в этой канцелярии, в которую он являлся только за получением жалованья; но знаю, что какой-то приятель Гоголя принес в канцелярию просьбу об отставке и взял обратно его бумаги. Сам же Гоголь исчез куда неизвестно! У журналиста до сих пор хранятся похвальные стихи Гоголя и два его письма (о содержании которых почитаю излишним извещать); но более Гоголь журналиста не навещал. Вот истина, которую можно подтвердить стихами и двумя письмами!» (1854. № 175)³.

Это свидетельство Булгарина, по сути дела, отвергнуто современным отечественным литературоведением. Биографы Гоголя либо вообще не упоминают о версии Булгарина⁴, либо подозревают его в обмане⁵, либо прямо пишут о «клеветническом сообщении»⁶ или «инсинуации»⁷. Зарубежные исследователи не столь шепетилы и нередко склонны с доверием отнести к воспоминаниям Булгарина⁸.

Попробуем непредвзято оценить степень достоверности этого мемуарного источника. Прежде всего отметим, что, с нашей точки зрения, в отношении воспоминаний, как и в сфере права, должна действовать презумпция невиновности. Это значит, что источник должен считаться достоверным, пока путем прямых или косвенных доказательств (улик) не будет установлена его недостоверность. Причем дисквалификация источника должна вестись на основе фактов (путем регистрации неверных утверждений мемуариста в этом или, по крайней мере, в других принадлежащих ему мемуарных текстах), а не на основе отказа в доверии автору из-за низких его моральных качеств, нечестности в других сферах жизненного поведения. Опыт показывает, что даже самые непорядочные, имеющие подорванную литературную репутацию мемуаристы могут оставить вполне достоверные воспоминания⁹. Это означает, что исходной должна быть критика мемуаров Булгарина, обнаружение в них ошибок, обмана и т.д., а отнюдь не доказательство их достоверности. В противном случае исследователь не сможет доверять громадному числу воспоминаний о Гоголе, так как значительную часть мемуарных свидетельств ничем подтвердить нельзя. Оговорим также, что со стопроцентной уверенностью нельзя, по нашему мнению, принимать ни один мемуарный текст ни за абсолютно истинный, ни за абсолютно ложный. Речь может идти о степени доверия к источнику, и, по сути дела, даже самые малодостоверные воспоминания (к которым литературоведы относят, например,

мемуары П.В. Быкова или В.П. Бурнашева) при критическом использовании могут послужить источником ценной информации.

Сформулировав исходные посылки, попробуем оценить степень достоверности болгаринских воспоминаний. Прежде всего рассмотрим, на каком основании они были отведены исследователями.

В начале XX в., после долгого периода чисто идеологического, ничем не обоснованного недоверия к словам Булгарина, А.И. Кирпичников, для разрешения ряда неясностей и противоречий в гоголевской биографии, был вынужден принять болгаринскую версию о службе Гоголя в III отделении и привел ряд аргументов в пользу ее достоверности¹⁰. Точка зрения Кирпичникова получила широкое распространение, ей следовал такой авторитетный исследователь Гоголя, как Вас. Гиппиус¹¹. Однако после того, как в 1936 г. тем же Гиппиусом были опубликованы документы о службе Гоголя в Департаменте государственного хозяйства и публичных зданий и приведены аргументы против болгаринской версии¹², она стала считаться недостоверной. Так ли это? Рассмотрим доказательства Гиппиуса. По его мнению, после обнаружения публикуемых им документов «для “болгаринской версии” в биографии Гоголя не остается <...> места»¹³. Но из болгаринских воспоминаний следует, что Гоголь числился на службе в III отделении очень недолго. Следовательно, все три отводимые Гиппиусом хронологические точки вполне подходят для этого. Гиппиус утверждает, что «поступление на службу до заграничной поездки невероятно. Если еще можно было допустить, что Гоголь для успокоения матери выдумывал несуществующие службы, то обратное было бы абсурдом; скрывать от матери свою службу, зная, как она ждет от него известий о поступлении, Гоголь, конечно, не стал бы»¹⁴. Это не совсем так. Если Гоголь, поступив в III отделение, сразу пожалел об этом и решил не служить там, то он не стал бы информировать мать о поступлении, чтобы не пускаться в сложные и малопопулярные матери мотивы ухода с этой службы. Это могло происходить в апреле или мае 1829 г., до отъезда в Германию.

Отводит Гиппиус и сентябрь 1829 г., так как «слова в письме от 27 октября — “в скором времени я надеюсь определиться на службу” — в общем контексте письма заставляют думать, что речь идет о первой службе»¹⁵. Однако и здесь Гоголь, как уже пояснялось выше, мог скрывать от матери факт службы в III отделении.

Наконец, что касается месячного промежутка между увольнением из Департамента государственного хозяйства и поступлением в Департамент уделов, то, по мнению Гиппиуса, «слова письма от 2 апреля — “после бесконечных исканий, мне удалось, наконец, сыскать место”, — говорят о том, что и в марте 1830 г. Гоголь, скорее всего, нигде не служил»¹⁶. Последнее утверждение не представляется достаточно убедительным. Если Гоголь писал о «бесконечных исканиях», среди которых и служба в Департаменте

государственного хозяйства, то что мешало ему включать в число этих «бесконечных исканий» и кратковременную службу в III отделении?

Таким образом, доводы Гиппиуса гипотетичны, и, поскольку других опровержений воспоминаний Булгарина нет, отбрасывать его мемуары нет оснований. Разберем возможные «за» и «против» истинности воспоминаний в целом и отдельных их положений.

Прежде всего о степени доверия к Булгарину как мемуаристу. Он часто выступал с воспоминаниями¹⁷, но, несмотря на многочисленные отклики на них, никто из рецензентов не смог (а многие из них очень этого хотели) «подловить» Булгарина на сознательном обмане, отмечались лишь второстепенные ошибки и неточности, которые встречаются у всякого мемуариста.

Наш опыт изучения биографии и журналистской деятельности Булгарина свидетельствует, что он лгал, но редко, в случае крайней необходимости, когда находился в большой опасности либо мог получить значительную выгоду. Сочинить данную историю, когда живы еще многие современники описываемых (или придуманных) событий, причем «впутав» в дело такое могущественное и опасное учреждение, как III отделение, — трудно предположить, что Булгарин пошел бы на это лишь для того, чтобы скомпрометировать покойного Гоголя и «насолить» своим журнальным противникам. Ведь в случае, если бы было доказано, что он лжет, Булгарин мог заплатить немалым наказанием, вплоть до потери газеты (в этот период отношение царя к нему резко ухудшилось, и он часто подвергался выговорам и цензурным репрессиям).

Показательно, что, когда Министерство народного просвещения «просигнализировало» III отделению о статье Булгарина, где «неуместно и двусмысленно говорится о службе покойного Гоголя в III отделении», то Дубельт в своем ответе, признавая, что воспоминания не должны были быть опубликованы, также мотивировал это «неуместностью», но отнюдь не их недостоверностью¹⁸. Характерно, что не вызвала сомнения достоверность воспоминаний и у такого сторонника Гоголя, как И. С. Аксаков¹⁹.

Стоит отметить и тот факт, что версия о помощи Гоголю родилась у Булгарина не в 1854 г. Еще в 1852 г., в письме некоему Василию Васильевичу, предложившему для публикации в «Северной пчеле» свою статью²⁰, Булгарин писал: «Гоголь в первое свое пребывание в Петербурге обратился ко мне, чрез меня получил казенное место с жалованием, и в честь мою писал стихи, которые мне стыдно даже объявлять!»²¹. Трудно представить, что впервые Булгарин сочинил эту версию для частного письма, а через два года развил и детализировал ее печатно.

Но рассмотрим детальнее текст булгаринских воспоминаний. Он утверждает, что знакомство состоялось «в конце 1829 или в начале 1830 года». Это находит свое подтверждение в письме Гоголя

матери от 2 апреля 1830 г., где он пишет, что в январе «выручил за статью, переведенную с французского: О торговле русских в конце XVI и начале XVII века, для Северного архива <...> 20 р.»²². Поскольку журнал «Северный архив» (или, точнее, «Сын Отечества и Северный архив») редактировал Булгарин, то они, по-видимому, должны были быть знакомы к этому времени (если, конечно, верить Гоголю, а не считать это сообщение выдумкой, которые время от времени появлялись в его письмах к матери. Эта статья в журнале не появилась. Если бы Булгарин не считал ее подходящей для журнала, он бы не оплатил труд Гоголя, трудно предполагать также, что данный материал задержала цензура. Поэтому неясно, почему в журнале нет соответствующей публикации).

Обращение Гоголя к Булгарину вполне понятно. В 1829 г. литературная карьера Булгарина достигла своего пика — именно тогда он выпустил роман «Иван Выжигин», имевший невиданный дотоле успех у читателей и интенсивно обсуждавшийся во всех периодических изданиях. Влиятельный редактор газеты «Северная пчела» и журнала «Сын Отечества и Северный архив», он занимал одну из ключевых позиций в русской литературе того времени, а в Петербурге был, бесспорно, журналистом номер один. Начинаящий провинциал, каковым был Гоголь в то время, еще плохо ориентирующийся в характере литературных споров, неизбежно должен был «выйти» на Булгарина. Отметим, что даже «литературные аристократы» лишь в конце этого года узнали о сотрудничестве Булгарина с III отделением, а более широким литературным кругам это стало известно еще позже.

Первая публикация Гоголя (стихотворение «Италия») появилась в «Сыне Отечества и Северном архиве» (1829. № 12. Цензурное разрешение 22 февраля), однако стихотворение было послано в журнал анонимно, и соответственно автор его не был известен Булгарину.

Свою вышедшую под псевдонимом Н. Алов поэму «Ганц Кюхельгартен» (СПб., 1829) Гоголь, по свидетельству Булгарина (1854. № 175), прислал на рецензию в «Северную пчелу» (отрицательный отзыв был помещен в № 87), однако и в этом случае Булгарин не узнал имени автора.

Знакомство могло произойти в конце июля 1829 г. Возможно, к службе в III отделении относятся слова Гоголя в письмах к матери от 1 августа [«я в Петербурге могу иметь должность, которую и прежде хотел, но какие-то глупые людские предубеждения и прерасудки меня останавливали» (X. С. 152)] и 13 августа [«Я теперь в силах занять в Петербурге предлагаемую должность» (X. С. 155)]. Трудно предполагать, что речь здесь идет о службе в Департаменте государственного хозяйства, куда Гоголь подал прошение лишь через три месяца. Тогда поступление на службу в III отделение

можно предположительно датировать концом сентября — началом октября 1829 г.

Отметим еще утверждение Булгарина, что «Гоголь явился к первому ко мне с рукописью “Вечера на Диканьке”» (1855. № 244). Речь не может идти о всем сборнике, поскольку в период завершения работы над ним Гоголь уже примкнул к лагерю литературных врагов Булгарина. По-видимому, имеется в виду повесть «Вечер накануне Ивана Купала», опубликованная в «Отечественных записках» в феврале — марте 1830 г. и написанная, следовательно, не позднее января 1830 г., а скорее всего на несколько месяцев раньше.

Архив III отделения не дает, к сожалению, возможности проверить свидетельство Булгарина. Лемке писал более 80 лет назад: «При всем моем старании отыскать что-нибудь в делах III отделения по экспедиции личного состава, не удалось найти ровно ничего — дела эти уничтожены даже и за гораздо более поздние годы... Таким образом, нет пока возможности или опровергнуть или принять рассказ Булгарина, как факт...»²³. Предпринятые нами разыскания в фонде III отделения в ГАРФ также не дали никакого результата. Подобная ситуация вполне понятна. Как справедливо указывал Кирпичников, «формуляр составляется не скоро и, обыкновенно, по желанию самого чиновника; ни одно учреждение не имеет выгоды тратить время на составление формуляров лиц, только что поступивших на службу, принятых только на испытание...»²⁴.

Вполне достоверно выглядят и «похвальные стихи» Гоголя Булгарину. Во-первых, трудно ожидать, что Булгарин обещал их опубликовать, не располагая ими (в подобном случае лучше было бы писать, что стихи не сохранились, или вообще не упоминать об их дальнейшей судьбе). Во-вторых, мы знаем, что, стремясь достигнуть какой-либо цели (например, места профессора в Киевском университете или денежного пособия от царя), Гоголь обращался к высокопоставленным лицам или их приближенным с панегирическими высказываниями. К сожалению, мы не можем проверить и это сообщение, так как архив Булгарина не сохранился.

Далее. В многочисленных письмах Булгарина, хранящихся в архивах, содержится немало число просьб о помощи тем или иным молодым людям. Булгарин любил покровительствовать, и подобное обращение молодого литератора за помощью безусловно льстило его самолюбию. Поэтому вполне можно поверить, что он попытался помочь Гоголю. Учитывая, что он действительно находился с М.Я. Фокон в тесных, почти дружеских отношениях, вполне правдоподобно, что по поводу Гоголя он обратился именно к нему.

Подводя итоги нашего рассмотрения воспоминаний Булгарина, зафиксируем следующее. Вывод Гиппиуса, что «если вновь найденные документы и не могут считаться достаточными, чтобы

окончательно опровергнуть версию Булгарина, то они во всяком случае существенно подрывают ее»²⁵, сделан без достаточных к тому оснований. Обозначение же ее как «гнусной клеветы»²⁶ или «легенды» [X. С. 422 (комментарий)] совершенно несправедливо.

У нас нет фактов, позволяющих отвести воспоминания Булгарина. Не принимая их за полностью достоверное свидетельство (как и многие другие мемуары), мы не можем тем не менее игнорировать их при реконструировании гоголевской биографии. Нам представляется вполне вероятным, что во второй половине 1829 г. Гоголь нанес визит Булгарину, просил его о помощи, был рекомендован в канцелярию III отделения и написал прошение о зачислении туда на службу. Однако, будучи принят, Гоголь, по видимому, не служил и в скором времени забрал свои документы.

ЦЕНзуРА КАК ИСТОЧНИК БИБЛИОТЕЧНОГО КОМПЛЕКТОВАНИЯ

(Эпизод из истории библиотеки
Московского университета)

Специалисты называют целый ряд источников комплектования библиотек: обязательный экземпляр, покупка, дары, книгообмен и т.д. В этом ряду никогда не фигурирует цензура, которая обычно рассматривается как инстанция, затрудняющая путь книги к читателю. Однако в Центральном историческом архиве г. Москвы, занимаясь историей московской цензуры, я натолкнулся на ряд документов, повествующих о том, как в середине XIX в. цензура внесла свой вклад в комплектование университетской библиотеки. Данный эпизод не нашел отражения в фундаментальной истории библиотеки¹. Мне известно лишь одно печатное упоминание о нем². А рассказ этот, как мне представляется, довольно любопытен и вносит дополнительные штрихи в историю как университетской библиотеки, так и цензуры.

Начало описываемым событиям было положено в 1848 г., когда попечитель Московского учебного округа Д.П. Голохвастов 28 сентября отправил министру народного просвещения С.С. Уварову следующее прошение:

«В Московском цензурном комитете в продолжение нескольких лет накопилось множество книг, повременных изданий и нот, отпечатанных в здешних типографиях и литографических заведениях. Все они по содержанию своему не представляют никакой важности и дозволены к выходу в свет.

Для присутственных мест и канцелярий есть правило, что дела, после трехлетнего срока от окончания их, сдаются в архив, относительно поступающих в цензурные комитеты книг, нот и других изданий такого правила не существует. Принимая в соображение, что сдача накопившихся в цензурном комитете изданий в университетский архив крайне стеснила бы, без нужды, и без того не обширное помещение оно, передача же их в университетскую библиотеку кроме такого же стеснения загромодила бы ее множеством вовсе бесполезных и не имеющих никакого значения изданий, я имею честь обратиться к Вашему Сиятельству с покорнейшею просьбою о дозволении продать все накопившиеся в комитете по 1845 год включительно книги, ноты и другие издания на вес с публичного торга, так как они никакой другой ценности по содержанию и значению своему иметь не могут»³.

Ответа на это обращение, судя по всему, не было, и ровно через год, 29 сентября, помощник попечителя Московского учебного округа князь Г.А. Щербатов отправил в Петербург новое прошение, на сей раз товарищу министра народного просвещения князю П.А. Ширинскому-Шихматову (текст его подготовил Ф.И. Буслаев, будущий академик, а в то время адъюнкт университета и с августа 1849 г. — секретарь цензурного комитета⁴):

«В течение двадцати лет, от 1828 года до настоящего времени, из поступающих в Московский цензурный комитет по одному экземпляру от каждого напечатанного издания⁵, одобренного к печати оным комитетом, накопилось, в числе полезных, ценных и комитету нужных экземпляров, весьма значительное количество как вовсе ненужных для справок, что доказал многолетний опыт, так равно и не имеющих ни литературного, ни художественного значения — книг, нот и картин [о чем доносил уже Его Сиятельству г. министру народного просвещения бывший попечитель Московского учебного округа от 28 сентября прошлого года за № 3112, с испрашиванием разрешения продать таковые, на вес, с публичного торга]. Хранение этих предметов в надлежащей чистоте, целости и порядке год от году становится затруднительнее для комитета, ибо по мере ежедневного поступления в его ведение новых экземпляров давно уже оказывалась потребность как распространить самую местность, так равно и войти в издержки на приобретение мебели для помещения. Но так как большая часть самых экземпляров такого качества, что в сущности не стоит того, чтобы для них входить в издержки и увеличивать помещение, оставляя их в ведении комитета, то всего полезнее казалось бы облегчить хранение экземпляров ценных и нужных цензурному комитету, при средствах ему на то данных, устранением из его ведомства обременяющих его за давностью лет накопившихся бесполезных и безценных изданий.

Донося о таком состоянии библиотеки при Московском цензурном комитете, имею честь [покорнейше] просить Ваше Сиятельство, не благоугодно ли будет разрешить мне, по отделении экземпляров годных и имеющих ценность от вышеозначенных изданий, только занимающих место в комитете, и по составлении списков тем и другим для представления Вашему Сиятельству на рассмотрение, первые оставить при цензурном комитете, последние же, как не имеющие никакой иной ценности, кроме цены напечатанной бумаги [вместо испрашиваемого бывшим попечителем разрешения продать их с публичного торга], передать в типографию Московского университета на макулатуру. Так как приведение этой меры в исполнение не терпит отлагательства, ибо для содержания библиотеки при цензурном комитете в надлежащем порядке день ото дня становится необходимее устранение лишних безценных изданий, по мере ежедневного поступления в оный комитет вновь

отпечатанных изданий, то честь имею просить Ваше Сиятельство разрешить мне приступить к этому делу немедленно. Списки же книгам, устранившимся из ведомства комитета, будут храниться при делах оного, на случай востребования их, если бы то оказалось нужным»⁶.

На это отношение ответ наконец-то был получен, а в нем — искомое разрешение. Ширинский-Шихматов в письме от 13 ноября писал попечителю Московского учебного округа следующее:

«По представлению помощника Вашего Превосходительства от 29 сентября за № 3405 о книгах, накопившихся в Московском цензурном комитете, я согласен на предлагаемую передачу в типографию Московского университета, на макулатуру, книг и других изданий, не имеющих никакой ценности, и на оставление прочих в библиотеке цензурного комитета после изготовления тем и другим надлежащих списков»⁷.

Вскоре (3 декабря) князь Г.А. Щербатов уведомил Московский цензурный комитет о полученном разрешении⁸, и комитет, заслушав (9 декабря) информацию об этом (присутствовали сам Г.А. Щербатов, исполнявший в то время обязанности председателя Московского цензурного комитета, а также цензоры И.М. Снегирев, В.П. Флеров, Н.Е. Зернов и В.Н. Лешков), решил ее «принять к сведению и надлежащему исполнению»⁹. Исполнить это решение было поручено секретарю комитета Ф.И. Буслаеву. Исполнение поручения оказалось делом весьма трудоемким и затянулось надолго. В ноябре 1850 г. в связи с реформой цензуры служащим там лицам было запрещено совмещать цензорские обязанности с иной службой, и Буслаев, как и ряд других лиц, был исключен из числа цензоров. Но он продолжал работу по разборке накопившихся книг и лишь 18 мая 1851 г. (будучи уже экстраординарным профессором университета) донес комитету, что отобрал книги 1828—1849 гг. издания для передачи в типографию Московского университета на макулатуру. Остальные книги он привел в порядок, разместил в трех шкафах и составил их опись, которую и представил цензурному комитету. Тот на заседании 25 мая (присутствовали председатель цензурного комитета, попечитель Московского учебного округа генерал-адъютант В.И. Назимов и цензоры И.М. Снегирев, В.В. Львов, В.П. Флеров, Д.С. Ржевский), заслушав донесение Буслаева, определил:

«Поручить г. Буслаеву все показанные в приложенной описи книги сдать в университетскую библиотеку под расписку библиотекаря, а остальные все книги, ноты и картины передать весом в типографию Московского университета на макулатуру, определивши предварительно в присутствии г. члена комитета Снегирева, сколько именно будет в них весу, для чего и дать г. Буслаеву предложение с требованием, чтобы об исполнении он донес комитету, вместе с тем сообщить библиотекарю Московского универси-

тета и начальнику типографии о принятии ими означенных книг от г. Буслаева»¹⁰.

Буслаев исполнил и это поручение, о чем и донес комитету 16 ноября 1851 г.:

«Вследствие предписания Московского цензурного комитета, от 4 июня сего года, за № 219, книги и другие издания, поименованные в представленной мною в Комитет 25 мая текущего года описи, мною в библиотеку Московского университета сданы под расписку г. библиотекаря Полуденского¹¹. Остальные же все книги, ноты и картины, хранившиеся в Московском цензурном комитете с 1828 по 1849 год включительно, переданы в типографию Московского университета на макулатуру, под расписку смотрителя за магазинами оной типографии Пожогина; всего, как оказалось при взвесе их, в присутствии г. члена цензурного комитета статского советника Снегирева¹², сорок один пуд десять фунтов. Об этом Московскому цензурному комитету имею честь донести, с приложением при сем помянутых выше расписок:

1) г. библиотекаря Полуденского, сделанной на самой описи книгам по листам, и 2) особой расписки г. смотрителя за магазинами типографии Пожогина»¹³.

В тот же день цензурный комитет заслушал это донесение на своем заседании (состав присутствовавших был тот же, что и 25 мая) и постановил: «Принять к сведению, а упоминаемые расписки Полуденского и Пожогина хранить при делах комитета»¹⁴.

На этом и закончилась тянувшаяся почти три года операция, в результате которой библиотека Московского университета получила более 780 названий книг¹⁵.

Вроде бы все окончилось хорошо, и мы должны быть благодарны Буслаеву за спасение от гибели значительной и, надо полагать, учитывая его компетентность, весьма ценной подборки научных книг. И это, безусловно, так. Но есть у этой истории другая сторона. И библиотекари, и историки давно уже осознали, что не бывает изданий, «не имеющих никакой ценности» (как было обозначено в министерском предписании). Каждая книга содержит ту или иную информацию о своем времени, и утрата любого издания болезненна для культуры. В Москве в это время ежегодно выходили сотни книг, причем значительную часть их составляли низовые и рыночные издания. Впоследствии Буслаев, ставший выдающимся знатоком русского народного искусства, проявлял немалый интерес и к народной словесности (в том числе и к лубочной книге)¹⁶. У него был шанс сохранить в Москве значительную по объему подборку подобных изданий (как, впрочем, и многих других). Однако шанс этот был упущен, книги были уничтожены, и в результате в фондах Российской государственной библиотеки (в основе которой — библиотека Публичного и Румянцевского музеев, получавшая обязательный экземпляр только с 1862 г.) из прозаических

книг, изданных в Москве во второй четверти XIX в., отсутствует каждая третья, а некоторых из них нет и в Российской национальной библиотеке в Петербурге, и они, таким образом, возможно, вообще утрачены для отечественной культуры.

Разумеется, многое тогда виделось и трактовалось по-другому, но, так или иначе, в ходе изложенной истории была почти целиком уничтожена при участии ряда высокообразованных лиц (среди которых — несколько университетских преподавателей) целая библиотека объемом в несколько тысяч томов. Сейчас эта акция кажется экстраординарной, но ее участники воспринимали ее как рутинное дело...

ПРИМЕЧАНИЯ

ПРЕДИСЛОВИЕ

¹ Гудков Л.Д., Дубин Б.В. Литература как социальный институт. М., 1994. С. 21.

² Подсчитано по: ГАРФ. Ф. 1165. Оп. 1. Ед. хр. 245. Л. 1—4, 84.

³ Муратов А.В. Книжное дело в России в XIX и XX веках. М.; Л., 1931. С. 39.

⁴ См.: Скабичевский А.М. Очерки истории русской цензуры. СПб., 1892. С. 33—122; Ruud Ch.A. Fighting Words: Imperial Censorship and the Russian Press, 1804—1906. Toronto, 1982. P. 7—37.

⁵ См.: Гриц Т., Тренин В., Никитин М. Словесность и коммерция. М., 1928. С. 91—119.

⁶ Греч Н. Чтения о русском языке. СПб., 1840. Ч. 2. С. 392—393.

⁷ Тодд У.М. Литература и общество в эпоху Пушкина. СПб., 1996. С. 66.

⁸ Об истории института рецензирования в России см. ниже в статье «Групповая динамика и общелитературная традиция: отсылки к авторитетам в журнальных рецензиях 1820—1978 гг.», написанной совместно с Б.В. Дубиным.

⁹ Эйхенбаум Б. Литературный быт // Эйхенбаум Б. О литературе. М., 1987. С. 434.

¹⁰ См., напр.: Куфаев М.Н. История русской книги в XIX веке. Л., 1927; Муратов М.В. Указ. соч.; Меуніеux А. Pouchkine homme de lettres et la littérature professionnelle en Russie. P., 1966.

«ДАЙТЕ НАМ ПИЩУ В ОТЕЧЕСТВЕННОЙ ЛИТЕРАТУРЕ, И МЫ ОТКАЖЕМСЯ ОТ ИНОСТРАННОЙ»

¹ См., напр., следующие: Альтшуллер М.Г., Мартынов И.Ф. «Звучащий стих свободы ради...»: Очерки о читателях декабристской поры. М., 1976; Блюм А.В. Массовое чтение в русской провинции конца XVIII — первой четверти XIX в. // История русского читателя. Л., 1973. Вып. 7. С. 37—57; Глаголева О.Е. Тульская книжная старина. Тула, 1992. С. 49—67; Головин В.В. Круг чтения лицейстов пушкинского времени // История русского читателя. Л., 1982. Вып. 4. С. 31—46; Козлов В.П. «История государства Российского» Н.М. Карамзина в оценках современников. М., 1989; Курприянов А.И. Чтение и его роль в досуге горожан Западной Сибири в первой половине XIX в. // Русская книга в дореволюционной Сиби-

ри. Новосибирск, 1986. С. 152—167; *Маркова И.Б.* Круг чтения сибирских чиновников в первой половине XIX в. // Русская книга в дореволюционной Сибири: Книгописательская деятельность и круг чтения сибиряков. Новосибирск, 1984. С. 56—67; *Павлова А.С.* Читатель Московского университета первой половины XIX в. // История русского читателя. Л., 1973. Вып. 1. С. 58—76; *Ракова М.М.* Круг чтения русского художника первой половины XIX в. // Русское искусство нового времени: Исслед. и материалы. М., 2000. Вып. 6. С. 154—188, и др.

² Состояние грамотности между купечеством и жителями податного состояния в Саратовской губ. // Журнал Министерства внутренних дел. 1846. Ч. 14. С. 525—528.

³ Материалы для статистики Костромской губернии. Кострома, 1870. Вып. 1.

⁴ *Боголепов Н.* Статистические сведения о грамотности крестьянского населения Московской губернии по подворной переписи 1869 и 1883 гг. // Статистический ежегодник Московской губернии за 1895 г. М., 1896. Приложения. С. 1.

⁵ [Булгарин Ф.] Ответ на статью, напечатанную в № XIX Новостей литературных, издаваемых при Р.И., под заглавием: «Замечания на Краткое обозрение русской литературы 1822 года, напечатанное в № 5 Северн. арх. 1823 года» // Литературные листки. 1823. № 1. С. 10.

⁶ *Севастьянов А.Н.* Рост образованной аудитории как фактор развития книжного и журнального дела в России (1762—1800). М., 1983. С. 31.

⁷ См.: Николай Полевой: Материалы по истории русской литературы и журналистики тридцатых годов. Л., 1934. С. 165; [Письмо П.П. Свинына к А.И. Михайловскому-Данилевскому от 30 мая 1827 г.] // ИРЛИ. Ф. 527. Ед. хр. 101. Л. 4 об.; *Пушкин В.Л.* Стихи. Проза. Письма. М., 1989. С. 279; *Барсуков Н.* Жизнь и труды М.П. Погодина. СПб., 1890. Кн. 3. С. 14; *Панаев И.И.* Литературные воспоминания. Л., 1950. С. 124.

⁸ *Майков Л.* Батюшков, его жизнь и сочинения. 2-е изд. СПб., 1896. С. 25.

⁹ См.: *Медынский Е.Н.* История русской педагогики. М., 1938. С. 114, 144.

¹⁰ См.: *Лихачева Е.* Материалы для истории женского образования в России (1796—1828). СПб., 1893. С. 265. См. также: *Сергеева С.В.* Частное образование в России (последняя четверть XVIII — первая половина XIX). Пенза, 2000.

¹¹ См.: *Лихачева Е.* Указ. соч. С. 235.

¹² Там же. С. 265—266, 267.

¹³ *Толмачев Я.* Правила словесности. СПб., 1815. С. 1.

¹⁴ Начертание вновь заводимого частного училища для воспитания благородных детей // Вестник Европы. 1813. № 21/23. С. 129.

¹⁵ *Шевырев С.* Взгляд на современное направление русской литературы // Москвитянин. 1842. № 1. С. XII.

¹⁶ Цит. по: *Волович Н.М.* Дожарная Москва глазами немецких путешественников // Волович Н.М. Пушкин и Москва. М., 1994. Вып. 1. С. 107—108.

¹⁷ *Мерзляков А.Ф.* Рассуждение о российской словесности в нынешнем ее состоянии // Литературная критика 1800—1820-х годов. М., 1980. С. 132.

¹⁸ *В—ва Т.* Письмо к издателю «Сына Отечества» // Сын Отечества. 1823. № 15. С. 30—31.

¹⁹ [Логодин М.П.] Ответ издателя на письмо к нему, помещенное в I книжке «Московского вестника» // Московский вестник. 1827. № 2. С. 148.

²⁰ Погужев В.Н. Воспоминания // Исторический вестник. 1893. № 6. С. 722—723.

²¹ Булгарин Ф.В. Указ. соч. С. 9. Ср.: [Яковлев П.Л.] Удивительное путешествие по Невскому проспекту. М., 1828. С. 63.

²² Кони Ф. Кое-что о Москве // Северная пчела. 1836. № 80.

²³ Раевская Е.И. Воспоминания // Исторический вестник. 1898. № 11. С. 555.

²⁴ NN [Полевой Н.А.] [Рецензия на роман Ф.В. Булгарина «Иван Выжигин»] // Московский телеграф. 1829. № 13. С. 67.

²⁵ См.: Павлова А.С. Указ. соч.

²⁶ См., напр.: Головин В.В. Указ. соч.; Супрунюк О.К. Круг чтения воспитанников Нежинской гимназии в 20-е годы XIX века // Чтение в дореволюционной России. М., 1995. Вып. 2. С. 54—65.

²⁷ См.: Дельвиц А.И. Полвека русской жизни. М.; Л., 1930. Т. 1. С. 247; Эвальд В.Ф. Из школьных воспоминаний // Рус. школа. 1890. № 6. С. 86; Геевский С.Л. Автобиография. Киев, 1894. С. 41; М.Ю. Лермонтов в воспоминаниях современников. М., 1989. С. 174.

²⁸ Галахов А.Д. Записки человека. М., 1999. С. 39.

²⁹ Мурзакевич Н.Н. Записки // Рус. старина. 1887. № 1. С. 45. Ср.: Из воспоминаний А.Н. Афанасьева // Рус. архив. 1872. № 3/4. Стб. 814.

³⁰ Леопольдов А. Статистическое описание Саратовской губернии. СПб., 1839. Ч. 1. С. 56—57.

³¹ Шукин Н. Поездка в Якутск // Записки иркутских жителей. Иркутск, 1996. С. 217.

³² См.: Снежневский В.И. Опись делам Арзамасского уездного суда // Действия Нижегородской губернской ученой архивной комиссии. [1890]. Т. 1. Вып. 7. С. 283—284.

³³ [Булгарин Ф.В.] Указ. соч. С. 10—11.

³⁴ Чуровский А. Примадонна. М., 1836. Ч. 2. С. 88—89. Ср. об аналогичных героях у А.А. Орлова: Орлов А.А. Непоколебимая дружба чухломских жителей Кручинина и Скудоумова, или Митрофанушка в потомстве. М., 1830. Ч. 1. С. 59—61.

³⁵ Никитин А. Повести. М., 1835. Ч. 1. С. 11—12. Ср.: Сомов О.М. Матушка и сынок // Сомов О.М. Были и небылицы. М., 1984. С. 327—349.

³⁶ Буслаев Ф.И. Мои воспоминания. М., 1897. С. 61.

³⁷ Милуков А. Доброе старое время. СПб., 1872. С. 207.

³⁸ Эвальд В.Ф. Из школьных воспоминаний // Рус. школа. 1890. № 6. С. 80.

³⁹ Молчанов М.М. Полвека назад. СПб., 1892. С. 46. О рукописных сборниках подобного типа см. также: Материал для истории русской письменности // Молва. 1835. № 5. С. 76; Гиляров-Платонов Н. Из пережитого. М., 1886. Ч. 1. С. 49; Фет А. Воспоминания. М., 1983. С. 58—59, 118; Забелин И.Е. Воспоминания о жизни // Река времен. М., 1995. Кн. 2. С. 36; Усов П.С. Этнограф-беллетрист // Исторический вестник. 1884. № 10. С. 25. Недавно появились специальные исследовательские

работы, посвященные рукописной культуре этого времени, рассматривающие, правда, преимущественно источниковедческий аспект: *Лохина Т.В.* Светский рукописный сборник в России конца XVIII — первой половины XIX века: Происхождение и бытование источника // Археографический ежегодник за 1996 год. М., 1998. С. 94—111; *Она же.* Рукописная культура Пушкинской эпохи: Источниковедческий аспект // Археографический ежегодник за 1999 год. М., 2000. С. 34—51.

⁴⁰ См., напр.: *Азадовский М.* Рукописные журналы в Восточной Сибири в первой половине XIX века // Сборник статей к 40-летию ученой деятельности академика А.С. Орлова. Л., 1934. С. 275—286; *Мельгунов Б.В.* «Всему начало здесь...». Ярославль, 1997. С. 14—28, 220—229.

⁴¹ *Кренке В.Д.* Быт саперов 50 лет назад // Исторический вестник. 1885. № 8. С. 290.

⁴² *Кони Ф.* Указ. соч.

⁴³ См.: *Блюм А.В.* Указ. соч. С. 49—55. См. также: *Семенов Ф.А.* Автобиография. Пг., 1920. С. 2, 33—34; *Инсарский В.А.* Половодье. СПб., 1875. С. 285—287; *Репин И.Е.* Далекое—близкое. Л., 1982. С. 39, 46—47; *Дмитриев М.А.* Мелочи из запаса моей памяти. М., 1869. С. 53; *Щербань Н.* Воспоминания крепостного // Рус. вестник. 1877. № 7. С. 339—340; *Сорокин Н.П.* Автобиография крестьянина // Северный вестник. 1885. № 1. С. 82—84.

⁴⁴ Воспоминания С.И. Пономарева цит. по: *Радченко Л.И.* Материалы для биографии С.И. Пономарева // Письма И.С. Аксакова, Н.П. Барсукова <...> к библиографу С.И. Пономареву. М., 1915. С. XI.

⁴⁵ *Орлова-Савина П.И.* Автобиография. М., 1994. С. 39.

⁴⁶ См., напр.: *Брянцев М.В.* Культура русского купечества (воспитание и образование). Брянск, 1999; *Глаголева О.Е.* Указ. соч. С. 61—63; *Николай Полевой:* Материалы по истории русской литературы и журналистики тридцатых годов. М., 1934. С. 82—83, 97—98; *Полилов-Северцев Г.Т.* Наши деды-купцы. СПб., 1907. С. 32; *Бочков А.П.* Знакомый незнакомец, или Слова, сказанные кстати и некстати // НЛЮ. 1994. № 6. С. 40—47; *Суворова М.В.* Круг чтения русского купечества в конце XVIII — первой половине XIX в. // Проблемы источниковедения истории книги. М., 2000. Вып. 3. С. 144—159.

⁴⁷ См.: *Лотман Ю.М.* Об одном читательском восприятии «Бедной Лизы» Н.М. Карамзина // Роль и значение литературы XVIII в. в истории русской культуры. М.; Л., 1966. С. 280—285. Обширный материал о круге чтения мещан, солдат, мастеровых и др. обобщен и проанализирован в статье: *Володкович А.Ф.* Личные библиотеки и круг чтения сословных «низов» Сибири // Книжное дело в Сибири (конец XVIII — начало XX в.). Новосибирск, 1991. С. 28—49.

⁴⁸ О чтении старообрядцев см., напр.: *Мангилев П.И.* О круге чтения крестьян-старообрядцев Зауралья в середине XIX в. // Уральский сборник: История. Культура. Религия. П. Екатеринбург, 1998. С. 146—153; *Байдун В.И., Манькова И.Л.* Читательские интересы крепостных крестьян уральских заводов в середине XIX в. // Традиционная культура русских крестьян Сибири и Урала. Тюмень, 1995. С. 69—80.

⁴⁹ *Зайцев И.К.* Воспоминания старого учителя // Рус. старина. 1887. № 6. С. 665.

⁵⁰ *Чечерский Л.* [Корхов Л.М.] Из школьных воспоминаний крестьянина // Нева. 1911. № 7. С. 597—598.

⁵¹ *Свербеев Д.Н.* Записки. М., 1899. Т. 1. С. 41.

⁵² *Гольцше И.А.* Картинное и книжное производство и торговля // Рус. старина. 1886. № 3. С. 711.

⁵³ *Буслаев Ф.И.* Указ. соч. С. 13. Ср.: *Гиляров-Платонов Н.* Указ. соч. С. 48, 297; *Фет А.* Указ. соч. С. 41; *Дмитриев И.И.* Соч. СПб., 1895. Т. 2. С. 294.

⁵⁴ *Гончаров И.А.* Собр. соч. М., 1954. Т. 7. С. 324.

⁵⁵ См.: *Пыпин А.Н.* Очерк литературной истории старинных повестей и сказок русских. СПб., 1857; *Розов Н.Н.* Зачем, кому и какая рукописная книга нужна была в России XVI—XIX столетий // Вопросы истории. 1970. № 6. С. 210—217; *Блюм А.В.* Указ. соч. С. 42—46.

⁵⁶ См.: *Сперанский М.Н.* Рукописные сборники XVIII века. М., 1963.

ЧТЕНИЕ ВСЛУХ КАК КУЛЬТУРНАЯ ТРАДИЦИЯ

¹ *Riesman D.* The Oral Tradition, the Written Word and the Screen Image. Yellow springs, 1956. P. 24.

² *Панаев В.И.* Воспоминания // Вестник Европы. 1867. Т. 3. С. 213.

³ *Инсарский В.А.* Половодье. СПб., 1875. С. 265, 268.

⁴ *Семенов-Тянь-Шанский П.П.* Мемуары. Пг., 1917. Т. 1. С. 84.

⁵ *Сеченов И.М.* Автобиографические записки. М., 1945. С. 11.

⁶ *Водовозова Е.Н.* На заре жизни. М., 1987. Т. 1. С. 53.

⁷ *Вагнер Н.* Как я сделался писателем? // Рус. школа. 1892. № 1. С. 34.

⁸ *Чалый М.К.* Воспоминания. Киев, 1890. С. 18.

⁹ *Бобков Ф.Д.* Из записок бывшего крепостного человека // Исторический вестник. 1907. № 5. С. 448.

¹⁰ Цит. по: Писатели-декабристы в воспоминаниях современников. М., 1980. Т. 2. С. 42.

¹¹ *Пантелеев Л.Ф.* Воспоминания. М., 1958. С. 221. О чтении вслух в среде художников см.: *Ракова М.М.* Круг чтения русского художника первой половины XIX в. // Русское искусство нового времени: Исследования и материалы. М., 2000. Вып. 6. С. 170—172.

¹² *Дмитриев М.А.* Главы из воспоминаний моей жизни. М., 1998. С. 282.

¹³ *Кренке В.Д.* Быт саперов 50 лет назад // Исторический вестник. 1885. № 8. С. 290.

¹⁴ *Буслаев Ф.И.* Мои воспоминания. М., 1897. С. 61.

¹⁵ *Свербеев Д.Н.* Записки. М., 1899. Т. 1. С. 51.

¹⁶ *** [*Драшусова Е.А.*] Жизнь прожить не поле перейти // Рус. вестник. 1881. № 9. С. 120. См. также: *Печерин В.С.* Оправдание моей жизни // Наше наследие. 1989. № 3. С. 97.

¹⁷ *Розен А.Е.* Записки декабриста. Иркутск, 1984. С. 64.

¹⁸ *Залесов Н.Г.* Записки // Рус. старина. 1903. № 4. С. 45. О чтении вслух старшим родственникам см. также: *Бакунин М.А.* Собр. соч. и писем. М., 1934. Т. 1. С. 82; *Арсеньев И.А.* Слово живое о неживых // Исторический вестник. 1887. № 1. С. 71.

¹⁹ *Полевой Н.А.* Автобиография // Николай Полевой: Материалы по истории русской литературы и журналистики тридцатых годов. Л., 1934. С. 83.

²⁰ *Зайцев И.К.* Воспоминания старого учителя // Рус. старина. 1887. № 6. С. 666.

²¹ *Соханская Н.С.* Автобиография. М., 1896. С. 22, 32.

²² *Каннист-Скалон С.В.* Воспоминания // Записки и воспоминания русских женщин XVIII — первой половины XIX века. М., 1990. С. 330.

²³ *Смирнова-Россет А.О.* Дневник. Воспоминания. М., 1889. С. 235.

²⁴ См., напр.: Литературные салоны и кружки: Первая половина XIX века. М.; Л., 1930; А.С. Грибоедов в воспоминаниях современников. М., 1980. С. 101, 107—109; А.С. Пушкин в воспоминаниях современников. М., 1974. Т. 2. С. 9, 27—29, 39, 151.

²⁵ См., напр.: *Базанов В.* Вольное общество любителей российской словесности. Петрозаводск, 1949; «Арзамас»: Сборник. Кн. 1—2. М., 1974; и др.

БИБЛИОТЕКИ: ГОСУДАРСТВЕННЫЕ, ОБЩЕСТВЕННЫЕ, ЧАСТНЫЕ

¹ *Гудков Л.Д., Дубин Б.В.* Библиотека как социальный институт // Методологические проблемы теоретико-прикладных исследований культуры. М., 1988. С. 290.

² См.: *Karstedt P.* Studien zur Soziologie der Bibliothek. Wiesbaden, 1965. (См. также реферат этой книги: Библиотека и чтение: проблемы и исследования. СПб., 1995. С. 157—187.)

³ См.: *Сапунов Б.В.* Книга в России в XI—XIII вв. Л., 1978. С. 136.

⁴ См.: *Иконников В.* Опыт русской историографии. Киев, 1892. Т. 1. Кн. 1. Отд. 2. С. 594—761.

⁵ История Библиотеки Академии наук СССР. М.; Л., 1964. С. 217—218.

⁶ См.: *Шрейдер Ф.* Новейший путеводитель по Санкт-Петербургу. СПб., 1820.

⁷ Цит. по: *Сорокин В.В.* История библиотеки Московского университета (1800—1917 гг.). М., 1980. С. 50.

⁸ См.: Там же. С. 38, 43.

⁹ См.: *Лекоент Лаво Г. де.* Путеводитель в Москве. М., 1824. С. 218—267; *Клейменова Р.Н.* Книжная Москва первой половины XIX века. М., 1991. С. 189—197.

¹⁰ См.: *Геевский С.Л.* Автобиография. Киев, 1894. С. 36, 49—50; *Калашиников И.* Записки иркутского жителя // Записки иркутских жителей. Иркутск, 1990. С. 331; *Арнольд Ю.* Воспоминания. М., 1892. Вып. 1. С. 88—89.

¹¹ См.: *Яновский К.П.* Воспоминания и мысли // Рус. вестник. 1902. № 6. С. 528; *Чалый М.К.* Воспоминания. Киев, 1890. С. 115.

¹² *Яхонтов А.Н.* Воспоминания царскосельского лицеиста // Рус. старина. 1888. № 10. С. 112.

¹³ См.: Библиотеки военные в России // Военная энциклопедия. СПб., 1911. Т. 4. С. 536—542; Библиотеки военные // Военный энциклопедический лексикон. СПб., 1838. Ч. 2. С. 320—326; *Ахун М.* Декабристы и полковые библиотеки // Альманах библиофила. Л., 1929. С. 155—164.

¹⁴ *Завалишин Д.И.* Записки декабриста. СПб., 1906. С. 50.

¹⁵ Рассчитано по: *Ефимова Н.А.* Читатели Публичной библиотеки в Петербурге и организация их обслуживания в 1814—1917 гг. // Труды Государственной ордена Трудового Красного Знамени публичной библиотеки им. М.Е. Салтыкова-Щедрина. Л., 1958. Вып. 6 (9). С. 25.

¹⁶ Там же. С. 17.

¹⁷ *Фортунатов Ф.* Воспоминания о С.-Петербургском университете, за 1830—1833 годы // Рус. архив. 1869. Стб. 340.

¹⁸ *П.Г.* Письмо к издателям [«Сына Отечества»] // Публичная библиотека глазами современников / Сост. Ц.И. Грин, А.М. Третьяк. СПб., 1998. С. 99.

¹⁹ Цит. по: Публичная библиотека глазами современников. С. 122.

²⁰ *Оленин А.Н.* Публичные библиотеки в Париже и Публичная библиотека в Санкт-Петербурге // Там же. С. 191.

²¹ См.: Публичная библиотека глазами современников. С. 124, 128.

²² Цит. по: *Ефимова Н.А.* Указ. соч. С. 15.

²³ См.: История Государственной ордена Трудового Красного Знамени публичной библиотеки им. М.Е. Салтыкова-Щедрина. Л., 1963. С. 23—24.

²⁴ См.: *Глаголева О.Е.* Публичные библиотеки в Тульской губернии в конце XVIII — первой половине XIX века // Книги в России в конце XVII — начале XIX в.: Проблемы создания и распространения. Л., 1989. С. 61; *Полищук Ф.М.* История библиотечного дела в дореволюционном Иркутске. Иркутск, 1983. С. 17—21.

²⁵ Журнал Министерства внутренних дел. 1831. Кн. 1. С. 27—28.

²⁶ Сборник старинных бумаг, хранящихся в музее П.И. Щукина. М., 1902. Ч. 10. С. 472.

²⁷ См.: *Дерунов К.Н.* Типичные черты в эволюции русской «общественной» библиотеки // Дерунов К.Н. Избранное. М., 1972. С. 72.

²⁸ См.: *Громова А.* Публичные библиотеки в провинции в 1830—1850 гг. // Советская библиография. 1934. Вып. 1. С. 66—97.

²⁹ См.: *Дерунов К.Н.* Указ. соч. С. 80.

³⁰ Там же. С. 79. См. также: *Абрамов К.И.* Читатели публичных библиотек России в первой половине XIX века // Новое в истории и гуманитарных науках. М., 2000. С. 111—128.

³¹ *Афанасьев М.Д.* Место библиотеки в культурной жизни провинции (XIX в.) // Российская провинция XVIII—XX веков: Реалии культурной жизни. Пенза, 1996. Кн. 2. С. 4. См. также: *Дерунов К.Н.* Указ. соч. С. 83.

³² См.: *Афанасьев М.Д.* Указ. соч. С. 5.

³³ *Симони П.К.* Книжная торговля в Москве XVIII—XIX столетий. Л., 1927. С. 93.

³⁴ *Даль В.* Толковый словарь живого великорусского языка. М., 1978. Т. 1. С. 86.

³⁵ См.: Книгопечатание и книжные собрания в России до середины XIX в. Л., 1979. С. 39. О созданных впоследствии в Петербурге библиотеках для чтения, содержавшихся иностранцами, см.: *Матвеева И.Г.* Иммиграция и книга: иностранцы — создатели библиотек в России // Библиотека и чтение в ситуации культурных изменений. Вологда, 1998. С. 176—186.

³⁶ *Мартынов И.Ф.* Книготорговец и книгоиздатель XVIII в. М.К. Овчинников // Книга: Исслед. и материалы. М., 1972. Сб. 24. С. 105.

- ³⁷ *Замоскворецкий П.* Первая библиотека для чтения в Москве // Современная летопись. 1871. № 31.
- ³⁸ См.: Die Leihbibliothek als Institution des literarischen Lebens im 18 und 19 Jahrhundert. Hamburg, 1980.
- ³⁹ Lexikon des Bibliothekswesens. Leipzig, 1974. Bd. 1. S. 869.
- ⁴⁰ *Kelly T.* Early Public Libraries. L., 1966. P. 143—149.
- ⁴¹ *Szczepaniec J.* Gabinety i wypożyczalnie literatury w Polsce w drugiej połowie XVIII w. // Ze skarbca kultury. Wrocław, 1983. Z. 37. S. 22.
- ⁴² *Kaufman P.* Some Community Libraries in Eighteenth Century Europe: A Reconnaissance // Libri. 1972. Vol. 22. № 1. P. 1—57.
- ⁴³ *Зайцева А.А.* «Кабинеты для чтения» в Санкт-Петербурге конца XVIII — начала XIX века // Русские библиотеки и частные книжные собрания XVI—XIX веков. Л., 1979. С. 31.
- ⁴⁴ *Севастьянов А.Н.* Рост образовательной аудитории как фактор развития книжного и журнального дела в России (1762—1860). М., 1983. С. 19.
- ⁴⁵ *Белинский В.Г.* Полн. собр. соч. М., 1953. Т. 1. С. 132.
- ⁴⁶ См. указатель: Книготорговые каталоги первой половины XIX века. М., 1976.
- ⁴⁷ Библиотека для чтения, находящаяся в Гостином дворе под № 16 в книжной лавке Василья Сопикова. СПб., 1800. С. III.
- ⁴⁸ Материалы для истории рода рязанских Селивановых, ведущих свое начало от Кичибя. Рязань, 1914. Ч. 3. С. 137.
- ⁴⁹ [*Свишнин П.П.*] Василий Алексеевич Плавильщиков [Некролог] // Отечественные записки. 1823. № 41. С. 449—450.
- ⁵⁰ *Устрялов Н.Г.* Воспоминания о моей жизни // Древняя и новая Россия. 1877. № 1. С. 29. О пользовании библиотекой Плавильщикова см. также: *Александров Г.Н.* Очерки моей жизни // Рус. архив. 1904. № 12. С. 480.
- ⁵¹ Рукописный ее каталог см.: ЦИАМ. Ф. 31. Оп. 4. Ед. хр. 36.
- ⁵² *Талалакина О.И.* История библиотечного дела за рубежом. М., 1982. С. 57.
- ⁵³ См.: *Зайцева А.А.* Указ. соч. С. 31.
- ⁵⁴ *Касьян Русский [Чуровский А.И.?).* Две гробовые жертвы. М., 1834. С. 26.
- ⁵⁵ См.: *Буслаев Ф.И.* Мои воспоминания. М., 1897. С. 13, 19.
- ⁵⁶ *Гиляров-Платонов Н.* Из пережитого. М., 1886. Кн. 2. С. 56.
- ⁵⁷ *Милюков А.* Доброе старое время. СПб., 1872. С. 213.
- ⁵⁸ *Молчанов М.М.* Полвека назад. СПб., 1892. С. 19.
- ⁵⁹ *Лотман Ю.М.* Русская литература на французском языке // Лотман Ю.М., Розенцвейг В.Ю. Русская литература на французском языке: Французские тексты русских писателей XVIII—XIX веков. Wien, 1994. С. 17.
- ⁶⁰ *Дмитрюков.* Нравы, обычаи и образ жизни в Судженском уезде Курской губернии // Московский телеграф. 1831. № 10. С. 259—260.
- ⁶¹ См., напр., в указателях: *Геннади Г.* Указатель библиотек в России. СПб., 1864; *Ивакск У.Г.* Частные библиотеки в России. СПб., 1912, в статьях: *Ф.В.* Черты из жизни русских дворян в конце XVIII века // Московский наблюдатель. 1837. Ч. 11. С. 132—145; *Гласко Б.* Старые русские помещичьи библиотеки // Рус. библиофил. 1912. № 6. С. 23—33; *Лихачев Н.* Генеалогическая история одной помещичьей библиотеки // Там

же. 1913. № 5. С. 5—101; *Глаголева О.Е.* Частные книжные собрания как исторический источник (по материалам Тульской губернии второй половины XVIII — первой половины XIX в.) // *Вспомогательные исторические дисциплины.* Л., 1987. Т. 19. С. 170—182; *Морозова Н.П.* Библиотека Батюшковых (XVIII — начало XIX века) // *Череповец: Краеведческий альманах.* Вологда, 1996. Вып. 1. С. 270—286; *Алексеев В.П.* Лопушский книголюб штабс-капитан Д.М. Ефремов // *История библиотек и библиофильства в Брянской области.* Брянск, 1999. С. 221—226; *Дворянская и купеческая сельская усадьба в России XVI—XX вв.* М., 2001. С. 383—387, 658—673; в воспоминаниях: *Афанасьев Н.Я.* Воспоминания // *Исторический вестник.* 1890. № 7. С. 29; *Буслаев Ф.И.* Указ. соч. С. 72; *Дмитриев М.А.* Главы из воспоминаний моей жизни. М., 1998. С. 42; *Комаровский Н.Е.* Записки. М., 1912. С. 27; *Галахов А.Д.* Записки человека. М., 1999. С. 38; и мн. др.

⁶² См., напр.: *Володкович А.Ф.* Книгораспространение в Сибири в первой половине XIX в. // *Книга в Сибири (конец XVIII — начало XX в.).* Новосибирск, 1898. С. 51; *Куприянов А.И.* Русский город в первой половине XIX века: общественный быт и культура горожан Западной Сибири. М., 1995. С. 78; *Полевой Н.А.* Автобиография // *Николай Полевой: Материалы по истории русской литературы и журналистики тридцатых годов.* Л., 1934. С. 83; *Белобородов С.А.* Верхотурская библиотека купца Я.Я. Кузнецова (первая половина XIX в.) // *Книжные собрания российской провинции: проблемы реконструкции.* Екатеринбург, 1994. С. 176—199; *Починская И.В.* Библиотека купца К.В. Колычева: (По материалам описи 1822 г.) // Там же. С. 158—155; *Марков Л.* История Астрахани в событиях и фактах. Астрахань, 1996. С. 115—123.

⁶³ См.: *Володкович А.Ф.* Личные библиотеки и круг чтения сословных «низов» Сибири (первая половина XIX в.) // *Книжное дело в Сибири (конец XVIII — начало XX в.).* Новосибирск, 1991. С. 28—49; см. также сохранившуюся опись крестьянской библиотеки того времени: ЦИАМ. Ф. 31. Оп. 5. Ед. хр. 203. Л. 45—47.

КАК ПУШКИН ВЫШЕЛ В ГЕНИИ

¹ *Тынянов Ю.Н.* Пушкин // *Тынянов Ю.Н.* Пушкин и его современники. М., 1968. С. 122.

² См., напр.: *Свищевский А. А.С.* Пушкин в сельском населении и школе Ярославской губернии. Ярославль, 1899; *Ветринский Ч.* [Чешихин В.Е.] Пушкин и читатель из народа // *Образование.* 1900. Кн. 1. С. 79—95; *Вихлянец В.* Проблема изучения читателя: (Читатель Пушкинской поры) // *Историко-литературные опыты.* Иркутск, 1930. С. 29—46; *Мейлах Б.С.* Пушкин в восприятии и сознании дореволюционного крестьянства // *Пушкин: Исследования и материалы.* Л., 1967. Т. 5. С. 61—112; *Вацуро В.* Пушкин в сознании современников // *А.С. Пушкин в воспоминаниях современников.* М., 1974. Т. 1. С. 5—40; *Усок И.Е.* Роман А.С. Пушкина «Евгений Онегин» и его восприятие в России XIX—XX вв. // *Русская литература в историко-функциональном освещении.* М., 1979. С. 239—302; *Строганов М.В.* Читатели-современники о поэме Пушкина «Руслан и Людмила» // *Литературное произведение и читательское воспри-*

ятие. Калинин, 1982. С. 84—101; *Дмитриева Е.Е.* Письма Пушкина в восприятии читателей XIX века // Проблемы интерпретации художественных произведений. М., 1985. С. 72—79; *Осват А.Л., Тименчик Р.Д.* «Печально повесть сохранить...»: Об авторе и читателях «Медного всадника». М., 1985; *Высочина Е.И.* Образ, бережно хранимый: Жизнь Пушкина в памяти поколений. М., 1989; *Федута А.И.* Пушкин и его читатели: Годы ученичества // Егоров И.В., Небольсин С.А., Федута А.И. А.С. Пушкин: судьба — поэтическое наследие — читатель. Минск, 1993. С. 23—32; *Муравьева О.С.* Образ Пушкина: Исторические метаморфозы // Легенды и мифы о Пушкине. СПб., 1994. С. 109—128; *Потанова Г.Е.* «Все приятели кричали, кричали...»: (Литературная репутация Пушкина и эволюция представлений о славе в 1820—1830-е годы) // Там же. С. 129—142; *Левитт М.И.* Литература и политика: Пушкинский праздник 1880 года. СПб., 1994; *Debreczeny P.* Social Functions of Literature: Alexander Pushkin and Russian Culture. Stanford, 1997.

³ См.: *Розанов И.* Литературные репутации. М., 1928 (переизд. — М., 1990).

⁴ Философский энциклопедический словарь. М., 1983. С. 528.

⁵ *Вацуро В.* Указ. соч. С. 18.

⁶ Цит. по: *Натанов Н. [Эйдельман Н.Я.]* Законами, но не кровью // Прометей. М., 1975. Т. 10. С. 204.

⁷ Цит. по: *Пушкин А.С.* Письма. М.; Л., 1926. Т. 1. С. 437.

⁸ Цит. по: *Савва В.* Заметка о Пушкине из дневника Е.С. Тепленевой 1827—28 гг. // Пушкин и его современники. СПб., 1907. Вып. 5. С. 122. Ср.: *Оленина А.А.* Дневник. Воспоминания. СПб., 1999. С. 67, 70.

⁹ Из дневника Б.М. Федорова // Рус. библиофил. 1911. № 5. С. 33.

¹⁰ *Ф. Булгарин].* Посещение Императорской Академии художеств // Северная пчела. 1827. № 110.

¹¹ Памятник отечественных муз, изданный на 1827 год Борисом Федоровым. СПб., 1827. С. 3.

¹² Дамский журнал. 1832. № 18. С. 95.

¹³ Северная пчела. 1832. № 81.

¹⁴ [*Яновский Н.*] Новый словотолкователь <...> СПб., 1803. Стб. 565—566.

¹⁵ *Новиков П.А.* О гении, о главных его свойствах, о средствах, им употребляемых, и о влиянии его на современников и потомство // Русские эстетические трактаты первой трети XIX века. М., 1974. Т. 1. С. 351—352.

¹⁶ *Мерзляков А.Ф.* О гении, об изучении поэта, о высоком и прекрасном // Там же. С. 107.

¹⁷ *Оленина А.А.* Указ. соч. С. 73.

¹⁸ См.: Словарь русского языка XVIII века. Л., 1989. Вып. 5. С. 104. Ср.: *Виноградов В.В.* Проблема авторства и теория стилей. М., 1961. С. 303—304.

¹⁹ См.: *Будагов Р.А.* История слов в истории общества. М., 1971. С. 167—171.

²⁰ *Николев Н.П.* Творения. М., 1795. Ч. 3. С. 162.

²¹ *Войцехович И.П.* Опыт начертания общей теории изящных искусств // Русские эстетические трактаты первой трети XIX в. М., 1974. Т. 1. С. 319, 320.

²² *Дмитриев И.И.* Соч. СПб., 1895. Т. 2. С. 251.

²³ Кюхельбекер В.К. Взгляд на текущую словесность // Литературно-критические работы декабристов. М., 1978. С. 171.

²⁴ Гнедич Н.И. Речь [о назначении поэта] // Там же. С. 155.

²⁵ Дмитриев М.А. Второй разговор между Классиком и Издателем «Бахчисарайского фонтана» // Пушкин в прижизненной критике. 1820—1827. СПб., 1996. С. 157.

²⁶ Видок Фиглярин: Письма и агентурные записки Ф.В. Булгарина в III отделение. М., 1998. С. 81.

²⁷ А.С. Пушкин — критик. М., 1978. С. 69.

²⁸ Там же. С. 109. Полный перечень употреблений Пушкиным этого слова см. в: Словарь языка Пушкина. М., 1956. Т. 1. С. 467—468.

²⁹ Мерзляков А.Ф. Речь о начале, ходе и успехах словесности // Русские эстетические трактаты первой трети XIX в. М., 1974. Т. 1. С. 151.

³⁰ Кронеберг И.Я. Афоризмы // Русские эстетические трактаты первой трети XIX века. М., 1974. Т. 2. С. 290.

³¹ Одоевский В.Ф. Из записной книжки // Там же. С. 178.

³² Инсарский В.А. Записки. СПб., 1894. Ч. 1. С. 9—10.

³³ Греч Н.И. Записки о моей жизни. М.; Л., 1930. С. 274—275.

³⁴ Дмитриев М.А. Главы из воспоминаний моей жизни. М., 1998. С. 42.

³⁵ Новиков П.А. Указ. соч. С. 354.

³⁶ Кюхельбекер В.К. Поэзия и проза // Литературно-критические работы декабристов. М., 1978. С. 210.

³⁷ Греч Н.И. Указ. соч. С. 277.

³⁸ Цит. по: Модзалевский Б.Л. Роман декабриста Каховского. Л., 1926. С. 152.

³⁹ Шукинский сборник. М., 1907. Вып. 7. С. 358.

⁴⁰ О том, как «обожали» Карамзина и «боготворили» Жуковского, см.: Греч Н.И. Указ. соч. С. 493.

⁴¹ Мукарежовский Я. Эстетическая функция, норма и ценность как социальные факты // Мукарежовский Я. Исследования по эстетике и теории искусства. М., 1994. С. 116.

⁴² См.: Соколов А.Н. Очерки по истории русской поэмы XVIII и первой половины XIX века. М., 1955. С. 303—410; Кошелев В.А. Первая книга Пушкина. Томск, 1997. С. 27—34.

⁴³ Соколов А.Н. Указ. соч. С. 425.

⁴⁴ См.: Пушкин в прижизненной критике. 1820—1827. СПб., 1996. С. 25—106; Кошелев В.А. Указ. соч. С. 154—171.

⁴⁵ Кошелев В.А. Указ. соч. С. 43.

⁴⁶ Воейков А.Ф. Разбор поэмы «Руслан и Людмила», сочин. Александра Пушкина // Пушкин в прижизненной критике. С. 59.

⁴⁷ Плетнев П.А. «Кавказский пленник». Повесть. Соч. А. Пушкина // Там же. С. 124.

⁴⁸ Бестужев А.А. Взгляд на старую и новую словесность в России // Там же. С. 143.

⁴⁹ Сто-один [Галахов А.Д.] Е.А. Баратынский // Отечественные записки. 1844. № 12. С. 84.

⁵⁰ См.: А. [Клабовский]. О пользе и цели поэзии // Украинский журнал. 1824. № 17. С. 240.

⁵¹ Олин В.Н. Критический взгляд на «Бахчисарайский фонтан», соч. А. Пушкина // Пушкин в прижизненной критике. С. 198.

- ⁵² В.А. Жуковский — критик. М., 1985. С. 223.
- ⁵³ *Маслович В.* Предисловие // Маслович В. Басни. Харьков, 1825. С. 10 (цит. по: *Лосиевский И.Я.* Русская лира Украины. Харьков, 1993. С. 46—47).
- ⁵⁴ *Ж.К. [Греч Н.А.]* Письма на Кавказ. 1 // Пушкин в прижизненной критике. С. 241.
- ⁵⁵ *Полевой Н.А.* Обзорение русской литературы в 1824 году // Там же. С. 421, 243.
- ⁵⁶ *Ж.К. [Греч Н.А.]* Письма на Кавказ. 2 // Там же. С. 249.
- ⁵⁷ *Вяземский П.А.* Об альманахах 1827 года // Там же. С. 315.
- ⁵⁸ Цит. по: *Глинка С.* Англичанин о Пушкине зимою 1829—1830 гг. // Пушкин и его современники. Л., 1927. Вып. 31/32. С. 105 (цит. перевод с английского).
- ⁵⁹ Славянин. 1828. № 52. С. 488—489.
- ⁶⁰ См.: *Щеголев П.* Обожатели Пушкина // Московский пушкинист. М., 1930. Вып. 2. С. 184—195; *Кулинич А.В., Мацанура В.И.* А.С.Пушкин и украинский читатель. Киев, 1986. С. 10—16; *Де-Пуле М.* Анекдот о Пушкине // Рус. архив. 1879. № 9. С. 135—136; *П. Бартенев*. Пушкин в Могилеве на Днепре. 1824 // Рус. архив. 1900. № 3. С. 449—450; *Рассказ К.И. Савостьянова* о встречах с Пушкиным в 1829 и 1833 г. // Пушкин и его современники. Л., 1928. Вып. 37. С. 146—148; *Потоцкий Н.Б.* Встречи с Александром Сергеевичем Пушкиным в 1824 и 1829 гг. // Рус. старина. 1880. № 7. С. 578.
- ⁶¹ Живописное обозрение. 1837. Т. 3. Лист 10. С. 79.
- ⁶² Свидетельство племянника А.А. Бошняка цит. по: *Эйдельман Н.* Пушкин и декабристы. М., 1979. С. 387.
- ⁶³ Письмо М. Мухановой М.Е. Лобанову от 13 февраля 1837 г. цит. по: *Натанов Н. [Эйдельман Н.Я.]* Указ. соч. С. 205.
- ⁶⁴ См., напр.: *Голицын Н.С.* Записки // Рус. старина. 1881. № 4. С. 849.
- ⁶⁵ *И. Кулжинский*. Воспоминания учителя // Москвитянин. 1854. № 21. Отд. 5. С. 12—13.
- ⁶⁶ *Гончаров И.А.* Собр. соч. М., 1980. Т. 7. С. 241.
- ⁶⁷ *Соллогуб В.А.* Повести. Воспоминания. Л., 1988. С. 427.
- ⁶⁸ Цит. по: *Барсуков Н.* Жизнь и труды М.П. Погодина. СПб., 1889. Кн. 2. С. 109.
- ⁶⁹ *Белинский В.Г.* Полн. собр. соч. М., 1955. Т. 7. С. 320.
- ⁷⁰ Хорошее описание как старых, так и новых форм организации литературы как социального института см. в: *Тодд У.М.* Литература и общество в эпоху Пушкина. СПб., 1996. С. 67—100.
- ⁷¹ Галатея. 1830. № 6. С. 324.
- ⁷² *П.с.р.въ [Писарев А.А.]* К молодому любителю словесности // Вестник Европы. 1821. № 7/8. С. 181—182.
- ⁷³ *Вяземский П.А.* Стихотворения. Воспоминания. Записные книжки. М., 1988. С. 187.
- ⁷⁴ Ученые записки Тартуского государственного университета. Тарту, 1960. Вып. 98. С. 311.
- ⁷⁵ См., напр.: *Шебунин А.Н.* Пушкин по неопубликованным материалам архива братьев Тургеневых // Пушкин: Временник Пушкинской комиссии. М.; Л., 1936. Вып. 1. С. 196—200.

⁷⁶ *Лотман Ю.М.* Александр Сергеевич Пушкин. Биография писателя // Лотман Ю.М. Пушкин. СПб., 1995. С. 44.

⁷⁷ См.: *Дмитриев И.И.* Соч. СПб., 1895. Т. 2. С. 264—265, 269; Письма И.И. Дмитриева к князю П.А. Вяземскому 1810—1836 гг. СПб., 1898. С. 25.

⁷⁸ Об этом см.: *Потапова Г.Е.* Указ. соч.

⁷⁹ *Полевой К.* Записки о жизни и сочинениях Николая Алексеевича Полевого // Николай Полевой: Материалы по истории русской литературы и журналистики тридцатых годов. Л., 1934. С. 144—145.

⁸⁰ *Жуковский В.А.* Письмо из уезда к издателю // В.А. Жуковский — критик. М., 1985. С. 37.

⁸¹ *Вяземский П.А.* Полн. собр. соч. СПб., 1884. Т. 9. С. 211.

⁸² *Будгарин Ф.* Письмо к А.Ф. Воейкову // Вестник Европы. 1821. № 7/8. С. 207.

⁸³ Московский телеграф. 1830. № 14. С. 24.

⁸⁴ *Кошелев В.А.* Указ. соч. С. 8.

⁸⁵ *Лажечников И.И.* Знакомство мое с Пушкиным // Лажечников И.И. Басурман. Колдун на Сухаревой башне. Очерки-воспоминания. М., 1989. С. 407.

⁸⁶ А.С. Пушкин в воспоминаниях современников. М., 1985. Т. 1. С. 161.

⁸⁷ См. об этом ниже, в статье «Групповая динамика и общелитературная традиция: отсылки к авторитетам в журнальных рецензиях 1820—1978 годов».

⁸⁸ *Узбек ...ий оы [Яковлев П.Л.]* Молодые журналисты // Благонамеренный. 1821. № 15. С. 184.

⁸⁹ *Юноша Белого Города [Глаголев А.Г.]* Письмо к Лужницкому Старцу // Пушкин в прижизненной критике. С. 104.

⁹⁰ Пушкин в прижизненной критике. С. 190.

⁹¹ *Оленина А.А.* Указ. соч. С. 69—70 (цит. перевод с фр.).

⁹² *Завалишин Д.И.* Пребывание декабристов в тюремном заключении в казематах в Чите и в Петровском заводе // Писатели-декабристы в воспоминаниях современников. М., 1980. Т. 2. С. 246—247.

⁹³ См.: *Пуцин И.Н.* Записки о Пушкине. Письма. М., 1988. С. 57; *Якушкин И.Д.* Мемуары. Статьи. Документы. Иркутск, 1993. С. 112; *Свербеев Д.Н.* Записки. М., 1899. Т. 1. С. 247; *Пуятта Н.В.* Письмо С.Д. Полторацкому от 19 июня 1823 г. // ОР РНБ. Ф. 603. Оп. 1. Ед. хр. 175. Л. 4.

⁹⁴ Цит. по: Мемуары декабристов. Северное общество. М., 1981. С. 250.

⁹⁵ Цит. по: *Насонкина Л.И.* Московский университет после восстания декабристов. М., 1972. С. 163.

⁹⁶ *Вигель Ф.Ф.* Записки. М., 1928. Т. 2. С. 153—154.

⁹⁷ Цит. по: *Летопись жизни и творчества А.С. Пушкина. 1799—1826.* Л., 1991. С. 205.

⁹⁸ *Пушкин В.Л.* Стихи. Проза. Письма. М., 1989. С. 270.

⁹⁹ *Корф М.А.* Записка о Пушкине // А.С. Пушкин в воспоминаниях современников. М., 1974. Т. 1. С. 119—120.

¹⁰⁰ *Вигель Ф.Ф.* Указ. соч. С. 154.

¹⁰¹ Полонский Я.П. Сочинения. М., 1986. Т. 2. С. 38; ср.: Чалый М.К. Воспоминания. Киев, 1890. С. 117.

¹⁰² ОР РНБ. Ф. 595. Оп. 1. Ед. хр. 7. Л. 90.

¹⁰³ См.: Сумароков А. К чествованию памяти Пушкина // Сборник, издаваемый бывшими воспитанниками Лицея и университета. Одесса, 1898. Ч. 1. С. 81; Из воспоминаний Н.Г. Тройницкого // Там же. С. 83; Лавровский Н.А. Гимназия высших наук кн. Безбородко в Нежине. Киев, 1879. С. 48; Забелин И.Е. Воспоминания о жизни // Река времен. М., 1995. Кн. 2. С. 36; и др.

¹⁰⁴ Вяземский П.П. А.С. Пушкин: По документам Остафьевского архива и личным воспоминаниям // А.С. Пушкин. Новонайденные его сочинения. М., 1885. Вып. 2. С. 30—31.

¹⁰⁵ ОР РНБ. Ф. 488. Оп. 1. Ед. хр. 32. Л. 160.

¹⁰⁶ Анненков П. Александр Сергеевич Пушкин в Александровскую эпоху. СПб., 1874. С. 85.

¹⁰⁷ Пушкин А.С. Полн. собр. соч. М.; Л., 1937. Т. 13. С. 51.

¹⁰⁸ Пушкин А.С. Там же. С. 88.

ЛИТЕРАТУРНЫЙ АЛЬМАНАХ 1820—1830-х гг. КАК СОЦИОКУЛЬТУРНАЯ ФОРМА

¹ Финский вестник. 1847. № 8. Отд. 5. С. 44.

² См.: [Перцович Ю.С.], Смирнов-Сокольский Н.П. Русские литературные альманахи и сборники XVIII—XX вв. М., 1965. С. 89—180; Пуятин Е. Переключка альманахам: Материалы для библиографии русских литературных альманахов и сборников конца XVIII-го и первой половины XIX-го столетия (1794—1850 гг.). Новая Ушица, 1893.

³ См.: Mercereau J. Baron Delvig's «Nothem Flowers» 1825—1832. L., 1967; Вацуро В.Э. «Северные цветы»: История альманаха Дельвига—Пушкина. М., 1978.

⁴ См.: Полярная звезда, изданная А. Бестужевым и К. Рылеевым. М.; Л., 1960; Северные цветы на 1832 год. М., 1980; Северная лира на 1828 год. М., 1984; Русская старина: Карманная книжка для любителей отечественного на 1825 г. М., 1987; Денница <...> 1830, 1831, 1834. Харьков, 2000. См. также антологию: Русские альманахи: Страницы прозы. М., 1989.

⁵ См.: Пономарев С. Русские альманахи // Киевлянка. Киев, 1884. С. 107—111; Н. [Соловьев]. Альманах на Западе и у нас // Антиквар. 1902. № 2. С. 42—50; Кашин Н.П. Альманахи двадцатых—сороковых годов // Книга в России. М., 1925. Ч. 2. С. 99—138; Гриц Т., Тренин В., Никитин М. Словесность и коммерция. М., 1929. С. 187—214; Смирнов-Сокольский Н.П. О русских альманахах и сборниках XVIII—XIX вв. // [Перцович Ю.С.], Смирнов-Сокольский Н.П. Указ. соч. С. 5—30; Skrunda W. Na marginesach wielkiej literatury: Ewolucja rosyjskich almanachów literackich lat 1794—1852. Wrocław, 1974.

⁶ См.: Мышковская Л. Литературные проблемы пушкинской поры. М., 1934. С. 18—31; Левкович Я.Л. Литературные альманахи пушкинской поры: Дис. ... канд. пед. наук. Л., 1953 (машинопись); Петина Л.И. Русский альманах начала XIX века как тип текста // Сборник студенческих работ:

Литературоведение. Лингвистика. Тарту, 1973. С. 20—23; *Лотман Ю.М.* Об альманахах пушкинской поры // Декоративное искусство СССР. 1985. № 6. С. 29. В методологическом аспекте большое значение для исследователей данной проблематики имеет статья Я. Камионковой, посвященная польским альманахам (см.: *Kamionkova J.* Almanachy literackie jako przejawy dziesiętnastowiecznej kultury popularnej // *Formy literatury popularnej.* Wrocław, 1973. S. 137—171; об истории альманаха и о польских альманахах первой половины XIX в. см. также: *Potocki A.* Sejmiki literackie w dobie romantyzmu: O powożcznikach i almanachach literackich w pierwszej połowie XIX w. // *Pamiętnik literacki.* R. 1. Lwów, 1902. S. 379—411).

⁷ См.: *Кашин Н. П.* Указ. соч. С. 100.

⁸ О реакции критики на «Полярную звезду» см.: *Маслов В.И.* Литературная деятельность К.Ф. Рыльева. Киев, 1912. С. 349—367.

⁹ См.: *Оболенский Е.П.* Воспоминания о Кондратии Федоровиче Рылееве // Мемуары декабристов: Северное общество. М., 1981. С. 85; *Барсуков Н.* Жизнь и труды М.П. Погодина. Т. 2. СПб., 1889. С. 299; Т. 1. СПб., 1888. С. 318.

¹⁰ См.: [*Булгарин Ф.В.*] Литературные новости // Лит. листки. 1824. № 2. С. 64.

¹¹ *Н.* Рассмотрение русских альманахов на 1828 год // Северная пчела. 1828. № 6.

¹² *А-й [Полевой Н.А.]* [Рецензия на альманах «Северные цветы на 1825 г.»] // Московский телеграф. 1825. № 4. С. 331.

¹³ *Ж.К. [Греч Н.И.]* Письма на Кавказ // Сын Отечества. 1823. № 3. С. 113—114.

¹⁴ [*Булгарин Ф.В.*] Литература // Лит. листки. 1824. № 1. С. 27.

¹⁵ *NN [Надеждин Н.И.]* [Рецензия на альманах «Царское Село»] // Вестник Европы. 1830. № 3. С. 243.

¹⁶ *В.В.В. [Строев В.М.]* [Рецензия на альманах «Подарок бедным»] // Северная пчела. 1834. № 128.

¹⁷ *А.П. [А.И. Писарев]* Разговор одного из издателей «Драматического альбома» с будущим читателем одного // Драматический альбом для любителей театра и музыки на 1826 год. М., 1825. Кн. 1. С. 1.

¹⁸ *Плетнев П.А.* Статьи. Стихотворения. Письма. М., 1988. С. 30. Ср. мнение А.И. Писарева: «...наша публика не любит иметь собственные мнения: ей нужно, чтобы кто-нибудь указал на хорошее произведение известного писателя или на счастливые опыты начинающего; иначе она никогда бы не отыскала их в куче книг; альманахи же помогают им в этом» (*А.П. [А.И. Писарев]*. Указ. соч. С. 3).

¹⁹ *А.Ф. [Булгарин Ф.В.]* Хладнокровное путешествие по гостинным (Литературная гостинная) // Северная пчела. 1825. № 128.

²⁰ *Бестужев А.* Ответ на критику «Полярной звезды» // Сын Отечества. 1823. Ч. 83. С. 174—175. *Н.А. Полевой* и *П.А. Вяземский* также полагают, что «всего вернее привлекать к чтению небольшими книжками, в которых находили бы наши читатели и приятное и полезное, представленное в изящной форме со стороны типографического исполнения» (Московский телеграф. 1825. № 2. С. 141).

²¹ *Венок граций.* М., 1829. С. 6.

²² *Виршевский Н.* О альбомах // Благонамеренный. 1820. № 7. С. 27.

²³ Н.Р.Е. Альбомы // Листок для светских людей. 1844. № 45—46.

²⁴ См.: *Петина Л.И.* Художественная природа литературного альбома первой половины XIX века: Автореф. дис. ... канд. филол. наук. Тарту, 1988. С. 4.

²⁵ *Чуровский А.* Примадонна, или Дивные случаи в жизни коллежского регистратора. М., 1836. Ч. 2. С. 78—80.

²⁶ *Галахов А.Д.* Записки человека. М., 1999. С. 108.

²⁷ *Вацуро В.Э.* Литературные альбомы в собрании Пушкинского Дома (1750—1840-е годы) // Ежегодник Рукописного отдела Пушкинского Дома на 1977 год. Л., 1979. С. 7.

²⁸ Там же. С. 22.

²⁹ О связи альбомной графики с графикой альманахов см.: *Корнилова А.В.* Мир альбомного рисунка: Русская альбомная графика конца XVIII — первой половины XIX века. Л., 1990. С. 73.

³⁰ *Лотман Ю.М.* Сотворение Карамзина. М., 1987. С. 249—250.

³¹ Лит. прибавления к Русскому инвалиду. 1839. Т. 1. № 21.

³² *А. Длбев* [Рецензия на альманах «Денница»] // Лит. прибавления к Русскому инвалиду. 1834. № 28. С. 223. Ср. с мнением Ф. Булгарина о том, что «вся наша изящная словесность состоит не из книг, не из полных сочинений, а из статей, из отрывков <...> И как статьи сии и стихи печатаются в журналах и альманахах и весьма редко появляются в особых сочинениях, и то уже после журнального знакомства с публикою, то повременные издания, к коим принадлежат и альманахи, суть единственные источники нашей оригинальности. Следовательно, альманах, состоящий из оригинальных русских сочинений в стихах и прозе, у нас есть не игрушка, но дело важное, явление любопытное в словесности» (Ф. [Булгарин] Об альманахе «Северные цветы на 1826 год» // Северная пчела. 1826. № 43).

³³ Смесь // Северная пчела. 1828. № 154. Ср.: Ф. [Булгарин]. Дешево и дорого // Северная пчела. 1825. № 1.

³⁴ *Лосский Б.Н.* Наша семья в пору лихолетия 1914—1922 годов // Минувшее. М.; СПб., 1993. Вып. 12. С. 109.

³⁵ *Н.* Рассмотрение русских альманахов на 1828 год // Северная пчела. 1823. № 6.

³⁶ *Милотин Д.А.* Из воспоминаний // М.Ю. Лермонтов в воспоминаниях современников. М., 1989. С. 81.

³⁷ Сцена в книжной лавке // Московский вестник. 1827. № 20. С. 481.

³⁸ Письма Н.М. Языкова к родным за дерптский период его жизни (1822—1829). СПб., 1913. С. 290—291.

³⁹ *Буслаев Ф.И.* Мои воспоминания. М., 1897. С. 78.

⁴⁰ *Панаев И.И.* Литературные воспоминания. Л., 1950. С. 9.

⁴¹ *В. Бурнашев*. Визитная карточка провинциального новатора // Рус. мир. 1872. № 169.

⁴² *Эртаулов Г. [В.П. Бурнашев]*. Воспоминания о некогда знаменитом театре графа С.М. Каменского в г. Орле // Дело. 1873. № 6.

⁴³ См.: Мир Пушкина. СПб., 1993. Т. 1. С. 58.

⁴⁴ *Белинский В.Г.* Полн. собр. соч. М., 1955. Т. 9. С. 28.

⁴⁵ О смене альманаха толстым журналом см.: *Белкина М.А.* «Светская повесть» 30-х годов и «Княгиня Лиговская» Лермонтова // Жизнь и творчество М.Ю. Лермонтова. М., 1941. Сб. 1. С. 518—520.

МОСКОВСКИЕ «АЛЬМАНАШНИКИ»

¹ [Рецензия на альманах «Подснежник» и «Стихотворения» Трилунного] // Московский телеграф. 1830. № 7. С. 359.

² Л.Л. [В.С. Межевич]. [Рецензия на альманах «Утренняя звезда»] // Галатея. 1839. № 1. С. 88—89. Ср. близкое по характеру разделение альманахов Белинским (в 1844 г.) на «аристократов», «мещан» и «мужиков» (Полн. собр. соч. М., 1955. Т. 8. С. 214—215).

³ Белинский В.Г. Полн. собр. соч. М., 1955. Т. 8. С. 214.

⁴ СПб. отделение Архива РАН. Р. IV. Оп. 52. Ед. хр. 8 (Письмо И.М. Снегирева И.Н. Лобойко от 12 марта 1829 г.).

⁵ Пушкин А.С. Полн. собр. соч. Л., 1949. Т. 11. С. 46.

⁶ Галахов А.Д. Записки человека. М., 1999. С. 86—87. Ср.: Назимов М. В провинции и в Москве с 1812 по 1828 год // Рус. вестник. 1876. № 7. С. 137. О круге чтения студентов см.: Павлова А.С. Читатель Московского университета первой половины XIX в. // История русского читателя. Л., 1973. Вып. 1. С. 58—76.

⁷ Мурзакевич Н.Н. Записки // Рус. старина. 1887. № 2. С. 268. (Имеются в виду «Московский телеграф», «Русский инвалид» и «Дамский журнал».)

⁸ Ляликов Ф.Л. Студенческие воспоминания 1818—1822 // Рус. архив. 1875. № 1. С. 385. Ср.: Сатин Н.М. Из литературных воспоминаний // Рус. пропилеи. М., 1915. Т. 1. С. 161; В.Г. Белинский в воспоминаниях современников. М., 1977. С. 111.

⁹ См.: Московский университет в воспоминаниях современников. М., 1989. С. 40, 50; Третьяков М.П. Императорский Московский университет // Рус. старина. 1892. № 7. С. 111.

¹⁰ Информация, имеющаяся в печатных источниках, почти исчерпывающим образом суммирована в статье: Вацуро В.Э. Жизнь и поэзия Надежды Тепловой // Памятники культуры: Новые открытия: Ежегодник. 1989. М., 1990. С. 20—21.

¹¹ ЦИАМ. Ф. 418. Оп. 99. Ед. хр. 239; Оп. 122. Ед. хр. 435. Далее ссылки на этот архив даются в тексте без указания его названия.

¹² Одна из песен Ф.Н. Соловьева впоследствии была включена в «Библиотеку поэта», но при этом составитель не располагал никакими биографическими сведениями о нем. См.: Песни русских поэтов. Л., 1936. С. 369—370. О творчестве Ф. Соловьева см.: Жирмунский В.М. Байрон и Пушкин. Л., 1978. С. 253—255, 272, 279—280, 398—399; Розанов И.Н. Две повести в стихах о московском студенте // Сборник статей к 40-летию ученой деятельности академика А.С. Орлова. М.; Л., 1934. С. 391—400; Вацуро В.Э. Жизнь и поэзия... С. 21.

¹³ Литературная газета. 1831. № 9. С. 76.

¹⁴ Более подробно о нем см.: Рейтблат А.И. Глухарев Иван Никитич // Русские писатели. 1800—1917. М., 1989. Т. 1. С. 583—584.

¹⁵ Более подробно о нем см.: Турумова К. «Евгений Вельский» и его автор // Вопросы литературы. 1972. № 8. С. 106—125; Турумова К.Ф. (при участии А.И. Рейтבלата). Воскресенский Михаил Ильич // Русские писатели. 1800—1917. М., 1989. Т. 1. С. 490—491; Вацуро В.Э. Жизнь и поэзия... С. 20—21; Розанов И.Н. Ранние подражания «Евгению Онеги-

ну» // Пушкин. Временник Пушкинской комиссии. М.; Л., 1936. № 2. С. 221—229.

¹⁶ Более подробно о его биографии см.: *Сорокин В.В.* Старина Москвы: Сергей Михайлович Любецкий. 1809—1881 // Краеведы Москвы. М., 1991. Вып. 1. С. 77—90; *Рейтблат А.И.* Любецкий Сергей Михайлович // Русские писатели. 1800—1917. М., 1994. Т. 3. С. 434—436.

¹⁷ *Гиероглиф [С.М. Любецкий]*. Рыцарство XIX века. М., 1839. Ч. 2. С. 13.

¹⁸ Полярная звезда. М., 1832. С. 3.

¹⁹ Там же. С. 4.

²⁰ Подробнее о ней см.: *Билевич Н.* Русские писательницы XIX века: Период пушкинский. [М., 1848]. С. 12—15; *Вацуро В.Э.* Жизнь и поэзия... С. 18—21; *Файнштейн М.Ш.* Писательницы пушкинской поры. Л., 1989. С. 122—124; *Лямина Е., Немировская Ю.* Лисицина Марья Алексеевна // Русские писатели. 1800—1917. М., 1994. Т. 3. С. 365—366.

²¹ Подробнее о нем см.: *Сорокин В.В.* История библиотеки Московского университета (1800—1917). М., 1980. С. 230—231.

²² См. о нем: *Вацуро В.Э.* Жизнь и поэзия... С. 21, 41. Подробнее о нем см.: *Вацуро В.Э., Рейтблат А.И.* Алексеев Федор Александрович // Русские писатели. 1800—1917. М., 1989. Т. 1. С. 47.

²³ Подробнее о нем см.: *Охотин Н.Г., Рейтблат А.И.* Иноземцев Павел Иванович // Русские писатели. 1800—1917. М., 1992. Т. 2. С. 417—418.

²⁴ См. о нем: *Насонкина Л.И.* Московский университет после восстания декабристов. М., 1972. С. 38; Французская элегия XVIII—XIX веков в переводах поэтов пушкинской поры. М., 1989. С. 604 (справка В.Э. Вацуро).

²⁵ См. о нем: Лит. наследство. М., 1950. Т. 56. С. 427; В.Г. Белинский в воспоминаниях современников. М., 1977. С. 591—592.

²⁶ О Д. Пельском см.: *Вацуро В.Э.* Жизнь и поэзия... С. 21, 27, 28, 31, 36, 42; *Заборова Р.Б.* Посвящено Рылеву? // Рус. литература. 1976. № 3. С. 59.

²⁷ О Д. Серкове см.: *Вацуро В.Э.* Жизнь и поэзия... С. 20.

²⁸ См.: *Рождественский С.* Сословный вопрос в русских университетах в первой половине XIX века // Журнал Министерства народного просвещения. 1907. № 5. С. 83—108.

²⁹ См.: *Bourdieu P., Passeron J.-C.* Reproduction in Education, Society and Culture. L.; Beverly Hills, 1970. P. 30; см. также: *Бурдьё П.* Поле литературы // НЛО. 2000. № 45. С. 22—87; *Гронас М.* «Чистый взгляд» и взгляд практика: Пьер Бурдьё о культуре // Там же. С. 10. Применительно к английской литературной критике подобный подход был предложен и убедительно обоснован Дж. Крамер, см.: *Kramer J.R.* The Social Role of the Literary Critic // The Sociology of Art and Literature. L., 1970. P. 437—454.

³⁰ Московский телеграф. 1829. № 1. С. 109.

³¹ С.-Петербургский вестник. 1831. № 8. С. 210 (рецензия Е. А[ладына]).

³² Московский телеграф. 1829. № 13. С. 103.

³³ Молва. 1832 № 6. С. 21.

³⁴ С.-Петербургский вестник. 1831. № 11. С. 298.

³⁵ См.: РГИА. Ф. 772. Оп. 1. Ед. хр. 1000; Ф. 777. Оп. 1. Ед. хр. 1388.

³⁶ *Сигов Д.* Утренняя звезда. М., 1831. С. 13.

³⁷ Там же. С. 95.

³⁸ О поэме Д. Комиссарова «Пленник Турции» см.: *Жирмунский В.М.* Указ. соч. С. 239—242, 399.

³⁹ *Белинский В.Г.* Полн. собр. соч. М., 1953. Т. 2. С. 76.

⁴⁰ Феномен. М., 1832. С. I—IV. В рукописи «Разные стихотворения», запрещенной цензурой в 1831 г., Пуговошников писал, что современные поэты «напрягая воображенья // Хотя Пушкиными стать // Но однако же неуменье // Может всякой замечать», и утверждал, что сочинения «многим свои отдавал которые переправляли и под моим именем печатали. По крайней мере, могу сказать смело, что мой “Бал” был поводом или основанием Баратынскому к его сочинению под названием тоже “Бал”» (Ф. 31. Оп. 4. Ед. хр. 37. Л. 7, 49).

⁴¹ Северные семена на 1831 год. М., 1831. С. 12.

⁴² Молва. 1832. № 44. С. 173.

Ф.В. БУЛГАРИН И ЕГО ЧИТАТЕЛИ

¹ См.: *Mejsztowicz Z.* Powieść obyczajowa Tadeusza Bułharyna. Wrocław, 1978; *Мещеряков В.П.* А.С. Грибоедов: Литературное окружение и восприятие. Л., 1983. С. 152—185; *Салупере М.* Тайный надзор и доносы на журналистов в конце 1820-х гг. // Тезисы докладов научной конференции «Великая Французская революция и пути русского освободительного движения», 15—17 декабря 1989 г. Тарту, 1989. С. 42—45; *Рейтблат А.И.* Видок Фиглярин // Вопросы литературы. 1990. № 3. С. 73—101; *Акимова Н.Н.* Ф.В. Булгарин: философия здравомыслящего человека // Литература и философия. СПб., 2000. С. 33—38; и др.

² Северный архив. 1823. № 5. С. 378.

³ *NN [Полевой Н.А.]* [Рецензия на роман Ф.В. Булгарина «Иван Выжигин»] // Московский телеграф. 1829. № 13. С. 68.

⁴ *Геевский С.Л.* Автобиография. Киев, 1894. С. 49.

⁵ ГАРФ. Ф. 109. СА. Оп. 1. Ед. хр. 1896. Л. 3.

⁶ *Галахов А.Д.* Записки человека. М., 1999. С. 185.

⁷ Цит. по: *Головина Т.* Голос из публики (Читатель-современник о Пушкине и Булгарине) // НЛО. 1999. № 40. С. 13. Ср. письмо к Н.И. Гречу 1851 г. монаха С. Веснина, известного как Святогорец, с панегирической оценкой фельетонов Булгарина: Сочинения и письма Святогорца, собранные после его смерти. СПб., 1858. С. 142.

⁸ ГАРФ. Ф. 109. I эксп. 1830. Ед. хр. 447. Л. 120 ж.

⁹ *Смирнова-Россет А.О.* Дневник. Воспоминания. М., 1989. С. 123.

¹⁰ Переписка Я.К. Грота с П.А. Плетневым. СПб., 1896. Т. 1. С. 556.

¹¹ Московский телеграф. 1829. № 13. С. 65.

¹² Атеней. 1829. № 9. С. 301.

¹³ *Шаховской А.А.* Комедии. Стихотворения. Л., 1961. С. 730.

¹⁴ Цит. по: Пушкин и его современники. Пг., 1918. Вып. 29/30. С. 30—31.

¹⁵ Любовные похождения и военные походы А.Н. Вульфа: Дневник 1827—1842. Тверь, 1999. С. 95.

¹⁶ Цит. по: *Барсуков Н.* Жизнь и труды М.П. Погодина. СПб., 1889. Кн. 2. С. 340.

¹⁷ *Киреевский И.В.* Критика и эстетика. М., 1979. С. 76.

¹⁸ Цит. по: Лит. наследство. М., 1952. Т. 58. С. 88.

¹⁹ Цит. по: *Вацуро В.Э.* Северные цветы. М., 1978. С. 173.

²⁰ *Надеждин Н.И.* Литературная критика. Эстетика. М., 1972. С. 86.

²¹ *Киреевский И.В.* Указ. соч. С. 76.

²² Русская старина. 1895. № 11. С. 44.

²³ [Письмо М. Извединовой к А.О. Ишимовой от 30 марта 1847 г.] // Рус. старина. 1893. № 6. С. 562.

²⁴ См.: *Щеголев П.* Благоразумные советы из крепости // Современник. 1913. № 2. С. 293.

²⁵ См.: *Станкевич Н.* Переписка. М., 1914. С. 1.

²⁶ *Бакунин М.А.* Собрание сочинений и писем. М., 1934. Т. 1. С. 42.

²⁷ Цит. по: Александр Андреевич Иванов. Его жизнь и переписка. 1806—1858 гг. СПб., 1880. С. 4.

²⁸ См.: *Барсуков Н.* Указ. соч. С. 339.

²⁹ См.: *Надеждин Н.И.* Указ. соч. С. 79—97.

³⁰ См.: *Покровский В.А.* Проблема возникновения русского «нравственно-сатирического» романа (о генезисе «Ивана Выжигина») // Известия АН СССР. Отд. обществ. наук. 1932. № 10. С. 940.

³¹ *Покровский В.А.* Указ. соч. С. 940.

³² *Булгарин Ф.* О цензуре в России и о книгопечатании вообще // Видок Фиглярин: Письма и агентурные записки Ф.В. Булгарина в III отделение. М., 1998. С. 45—47.

³³ См. его программные статьи: Публика // Сочинения. СПб., 1836. Ч. 2. С. 389—400; Публика и журналист // Полн. собр. соч. СПб., 1843. Т. 6. С. 151—154.

³⁴ *Булгарин Ф.* Осень в деревне // Северная пчела. 1838. № 218.

³⁵ *Булгарин Ф.В.* Сочинения. СПб., 1836. Ч. 2. С. 390.

³⁶ *Пржецлавский О.А.* Из воспоминаний петербургского старожила. Ф.В. Булгарин // Рус. сб. СПб., 1877. Т. 2, ч. 1. С. 190.

³⁷ ГАРФ. Ф. 109. 1 эксп. 1848. Ед. хр. 25, ч. 4. Л. 14.

³⁸ *Усов П.С.* Ф.В. Булгарин в последнее десятилетие его жизни // Исторический вестник. 1883. № 8. С. 303, 313, 289, 299, 287, 289.

³⁹ На самом деле рецензия была подписана *В.*, т.е. принадлежала *В.А. Ушакову.*

⁴⁰ Цит. по: *Гоголь Н.В.* Полн. собр. соч. М., 1940. Т. 10. С. 218.

⁴¹ Цит. по: Лит. наследство. М., 1952. Т. 58. С. 644.

⁴² См.: *Гриц Т., Тренин В., Никитин М.* Словесность и коммерция. Л., 1929.

⁴³ Литературные листки. 1824. С. 282.

⁴⁴ *Булгарин Ф.В.* Полн. собр. соч. СПб., 1843. Т. 5. С. II.

⁴⁵ *Вяземский П.А.* Сочинения. М., 1982. Т. 1. С. 301, 302.

⁴⁶ *Панаев И.И.* Литературные воспоминания. М., 1950. С. 267.

⁴⁷ См.: *Окрейц С.С.* Литературные встречи и знакомства // Исторический вестник. 1916. № 6. С. 614; *Лейкин Н.А.* Мои воспоминания //

Николай Александрович Лейкин в его воспоминаниях и переписке. СПб., 1907. С. 36; *Вагнер Н.* Как я сделался писателем? // Рус. школа. 1892. № 1. С. 31; *Засодимский П.* Из воспоминаний. М., 1908. С. 134; *Русанов Н.С.* На родине. М., 1931. С. 29; *Ясинский И.* Роман моей жизни. М.; Л., 1926. С. 43; Мнения русских людей о лучших книгах для чтения. СПб., 1895. С. 20; *Горький М.* Детство. В людях. Мои университеты. М., 1975. С. 355; и др.

СТАНОВЛЕНИЕ АВТОРСКОГО ПРАВА

¹ См.: *Калмыков П.Д.* О литературной собственности вообще и в особенности об истории прав сочинителей в России. СПб., 1851; *Табашников И.Г.* Литературная, музыкальная и художественная собственность. СПб., 1878. Т. 1. С. 344—351; *Шершеневич Г.Ф.* Авторское право на литературные произведения. Казань, 1891. С. 120—129; *Переселенков С.* Пушкин в истории законоположений об авторском праве в России // Пушкин и его современники. СПб., 1909. Вып. 11. С. 52—63, и др.

² См.: *Оксман Ю.Г.* Нарушение авторских прав ссыльного Пушкина в 1824 г. // Пушкин: Статьи и материалы. Одесса, 1925. Вып. 1. С. 6—11; *Гессен С.Я.* Книгоиздатель Александр Пушкин: Литературные доходы Пушкина. Л., 1930. С. 42—49; *Гордон М.В.* К истории возникновения авторского права в России // Учен. зап. Харьковск. юридич. ин-та. Харьков, 1948. Вып. 3. С. 171—192; *Баженов В.В.* У истоков авторского права в России // Правовые идеи и государственные учреждения. Свердловск, 1980. С. 148—152.

³ Хранится в ЦИАМ (Ф. 31).

⁴ См.: *Табашников И.Г.* Указ. соч. С. 345; *Переселенков С.* Указ. соч. С. 52; *Антимонов Б.С., Флейшиц Е.А.* Авторское право. М., 1957. С. 20; *Баженов В.В.* Указ. соч. С. 149.

⁵ *Калмыков П.Д.* Указ. соч. С. 14—15.

⁶ *Лихачев Д.С.* Текстология. Л., 1983. С. 354.

⁷ См.: *Столянский П.Н.* Литературные мелочи XVIII века // Вестник литературы. 1914. № 8/9. С. 219—222; *Мартынов И.Ф.* Новое о В.С. Сопикове // Книжное дело Петербурга—Петрограда—Ленинграда. Л., 1981. С. 29.

⁸ См.: Условие И.Г. Рахманинова с московскими купцами Акоховым и Козыревым о продаже книжных изданий // Известия Тамбовской ученой архивной комиссии. Тамбов, 1888. Вып. 18. С. 87.

⁹ ЦИАМ. Ф. 31. Оп. 5. Д. 95. Л. 31.

¹⁰ Описание дел архива Министерства народного просвещения. Пг., 1921. Т. 2. С. 163.

¹¹ Там же. С. 254.

¹² ЦИАМ. Ф. 31. Оп. 5. Д. 19. Л. 49. Известный книгоиздатель П.П. Бекетов выпустил Полное собрание сочинений Д.И. Фонвизина в 1830 г. в четырех частях.

¹³ *Крылов И.А.* Полн. собр. соч. М., 1946. Т. 3. С. 367.

¹⁴ См.: РГИА. Ф. 777. Оп. 1. Ед. хр. 351.

¹⁵ ЦИАМ. Ф. 31. Оп. 1. Ед. хр. 55. Л. 5 об.

¹⁶ Цит. по: *Оксман Ю.Г.* Указ. соч. С. 8.

¹⁷ См.: Устав о цензуре. СПб., 1828.

¹⁸ ЦИАМ. Ф. 31. Оп. 5. Ед. хр. 106. Л. 39.

¹⁹ Там же. Ед. хр. 62. Л. 38.

²⁰ Там же. Ед. хр. 59. Л. 3.

²¹ РГИА. Ф. 777. Оп. 1. Ед. хр. 1002. Изданная анонимно в Москве в 1802 г. пьеса в 3 действиях, в стихах «Неслыханное диво, или Честной секретарь» была написана Н.Р. Судовщиковым. И.В. Нехачин же, купив рукопись через посредника, выступил в роли ее издателя. Мнение об авторстве И.В. Нехачина было, по-видимому, широко распространено. По крайней мере, известный библиограф В.С. Сопиков в своем «Опыте российской библиографии» (СПб., 1815. Ч. 3. С. 306) также приписывал ему авторство этой пьесы (см.: *Степанов В.П.* Нехачин Иван Васильевич // *Словарь русских писателей XVIII века.* СПб., 1999. Вып. 2. С. 346). После разрешения конфликта, о котором идет речь, книга была выпущена в свет в том же 1829 г.

²² ЦИАМ. Ф. 31. Оп. 5. Ед. хр. 106. Л. 45.

²³ Там же. Ед. хр. 116. Л. 25.

²⁴ Там же. Л. 17.

²⁵ Там же. Л. 18.

²⁶ Там же. Оп. 4. Ед. хр. 234.

ВОЗНИКНОВЕНИЕ РЕДАКТУРЫ

¹ *Каченовский М.Т.* О подписке на «Вестник Европы» // *Вестник Европы.* 1828. № 23. С. 235.

² *Пушкин А.С.* Отрывок из литературных летописей // *Пушкин А.С.* Полн. собр. соч. М.; Л., 1949. Т. 11. С. 77.

³ Современную трактовку содержания и задач редакторской деятельности см. в: *Сикорский Н.М.* Теория и практика редактирования. 2-е изд. М., 1980; *Мильчин А.Э.* Методика и техника редактирования текста. М., 1980; *Сикорский Н.М., Абдуллин Р.Г.* Редактирование // *Книга: Энциклопедия.* М., 1999. С. 524.

⁴ Краткий исторический очерк истории редактуры, рассмотренной под углом зрения технических аспектов редакторского труда, см. в кн.: *Накоякова К.М.* Редакторское мастерство в России XVI—XIX вв.: опыт и проблемы. М., 1973.

⁵ Редактирование других видов литературы возникло гораздо раньше. Так, уже в XVII в. существовали так называемые справщики — редакторы религиозных изданий.

⁶ См.: *Пекарский П.П.* Редактор, сотрудники и цензура в русском журнале 1755—1764 гг. СПб., 1867. С. 15—17.

⁷ *Дмитриев М.А.* Московские элегии. М., 1985. С. 260—261.

⁸ *Белинский В.Г.* Полн. собр. соч. М., 1955. Т. 9. С. 374.

⁹ [*Полевой Н.А.*] Письмо издателя к N // *Московский телеграф.* 1825. № 1. С. 7—8.

¹⁰ *Современник.* 1846. Т. 44. С. 346.

¹¹ *М.Е. Салтыков-Щедрин* в воспоминаниях современников. М., 1975. Т. 2. С. 18.

¹² *Савельев П.* О жизни и трудах О.И. Сенковского // Сенковский О. Собр. соч. СПб., 1858. Т. 1. С. LXXX.

¹³ *Старчевский А.В.* Воспоминания старого литератора // Исторический вестник. 1891. № 8. С. 317.

¹⁴ *Ахматова Е.Н.* О.И. Сенковский // Рус. старина. 1890. № 8. С. 348.

¹⁵ Библиотека для чтения. 1836. Т. 17. Литературная летопись. С. 7.

¹⁶ Права и обязанности редакторов и издателей в 1830—1840 гг. // Наша старина. 1916. № 2. С. 153.

¹⁷ *Фет А.* Воспоминания. М., 1983. С. 288.

ПИСАТЕЛИ И III ОТДЕЛЕНИЕ

¹ См., напр.: *Ломачевский А.И.* Из воспоминаний жандарма 30 и 40 годов. СПб., 1880; *Стогов Э.И.* Записки // Рус. старина. 1903. № 1—5, 7—8; *Жеденев Н.Н.* Случай в Петербурге в 1848 г. // Рус. старина. 1890. № 8. С. 293—316; *Полевой К.А.* Записки. СПб., 1888; *Дельвиг А.И.* Мои воспоминания. Т. 1—4. М., 1912—1913; *Колмаков Н.М.* Старый суд // Рус. старина. 1886. № 12. С. 513—544; *Шомпулев В.А.* Из дневника жандарма 30-х годов // Рус. старина. 1897. № 5. С. 261—269; *Эвальд А.В.* Рассказы об императоре Николае I // Исторический вестник. 1896. № 8. С. 334—336.

² См., напр.: *Каратыгин П.П.* А.Х. Бенкендорф и Л.В. Дубельт // Исторический вестник. 1887. № 10. С. 165—179.

³ См., напр.: [Письмо А.Х. Бенкендорфа Н.А. Полевому] // Рус. архив. 1874. № 4. С. 1050—1052; Сношения Греча с Дубельтом // Древняя и новая Россия. 1878. № 6. С. 164—165; Л.В. Дубельт о сочинениях Н.В. Гоголя // Рус. старина. 1880. № 12. С. 999—1006; [Письма М.Я. Фока к А.Х. Бенкендорфу] // Рус. старина. 1881. № 9—11; Список 93-х лиц, обративших на себя внимание высшей полиции в 1827 г. // Рус. старина. 1885. № 11. С. 396—400; Письма графа А.Х. Бенкендорфа к великому князю Константину Павловичу во время Польского мятежа // Рус. архив. 1885. Кн. 1. С. 33—42; *Сухомлинов М.И.* Исследования и статьи по русской литературе и просвещению. СПб., 1889. Т. 2. С. 205—300, 367—431; [Докладная записка Л.В. Дубельта А.Ф. Орлову] // Рус. старина. 1897. № 11. С. 389—390; *Бенкендорф А.Х.* [Два письма 1831 г.] // Рус. старина. 1898. № 5. С. 454; *Дубровин Н.В.* А. Жуковский и его отношения к декабристам // Рус. старина. 1902. № 4. С. 113—118; *Бычков И.А.* Попытка напечатать «Черты истории государства Российского» В.А. Жуковского в 1837 году // Рус. старина. 1903. № 12. С. 595—600; Выписки из писем графа А.Х. Бенкендорфа к императору Николаю о Пушкине. СПб., 1903.

⁴ См.: *Лемке М.К.* Николаевские жандармы и литература 1826—1855 гг.: По подлинным делам Третьего отделения собств. е.и. величества канцелярии. СПб., 1908.

⁵ См.: *Модзалевский Б.Л.* Пушкин в донесениях агентов тайного надзора // Былое. 1918. № 1. С. 5—59; *Троцкий И.М.* Третье отделение при Николае I. М., 1930.

⁶ См.: *Monas S.* The Third Section: Police and Society in Russia under Nicholas I. Cambridge (Mass.), 1961; *Squire P.S.* The Third Department. Cambridge, 1968.

- ¹ Лемке М.К. Николаевские жандармы и литература 1826—1855 гг. 2-е изд. СПб., 1909. С. 19.
- ⁸ Кизеветтер А.А. История России в XIX веке. М., 1916. Ч. 2. С. 30.
- ⁹ Троицкий И. III отделение при Николае I. Л., 1990. С. 22.
- ¹⁰ Советская историческая энциклопедия. М., 1974. Т. 14. С. 393.
- ¹¹ Оржеховский И.В. Самодержавие против революционной России (1826—1880 гг.). М., 1982. С. 4.
- ¹² Ерошкин Н.П. Крепостническое самодержавие и его политические институты (Первая половина XIX века). М., 1981. С. 177.
- ¹³ Squire P.S. Op. cit. P. 223.
- ¹⁴ См., напр.: Monas S. Op. cit. P. 284.
- ¹⁵ Цит. по: Строев В.Н. Столетие собственной е. и. в. канцелярии. СПб., 1912. С. 152—153.
- ¹⁶ См.: Рындзюнский П.Г. Городское гражданство дореформенной России. М., 1958.
- ¹⁷ Гудков Л.Д., Дубин Б.В. Литература как социальный институт. М., 1994. С. 23.
- ¹⁸ Лышкова О.В. Общественное сознание России первой четверти XIX века и декабристы: Автореф. дис. ... канд. ист. наук. Саратов, 1998. С. 12.
- ¹⁹ Энциклопедический социологический словарь. М., 1995. С. 411—412.
- ²⁰ Погудин М.П. Письмо о русских романах // Северная лира на 1827 год. М., 1827. С. 147.
- ²¹ О феномене слухов см.: *Shibutani N. Improvised News: A Sociological Study of Rumor.* Indianapolis, 1966; *Побережников И.В. Слухи в социальной истории: типология и функции.* Екатеринбург, 1995; *Дубин Б.В. Речь, слух, рассказ: трансформации устного в современной культуре* // Дубин Б.В. Слово — письмо — литература. М., 2001. С. 70—81.
- ²² См.: *Чернов С.Н. Слухи 1825—1826 гг.* // Чернов С.Н. У истоков русского освободительного движения. Саратов, 1960. С. 329—346; *Кудряшов К.В. Народная молва о декабристских событиях 1825 года* // Бунт декабристов. Л., 1926. С. 311—320; *Сыроечковский Б.Е. Московские «слухи» 1825—1826 гг.* // Каторга и ссылка. 1934. Кн. 3. С. 59—85; *Рахматуллин М.А. Крестьянское движение в великорусских губерниях в 1826—1857 гг.* М., 1990. С. 122—166.
- ²³ Современная западная теоретическая социология. Вып. 1. Юрген Хабермас. М., 1992. С. 116.
- ²⁴ См.: *Kipp J.W., Lincoln W.B. Autocracy and Reform: Bureaucratic Absolutism and Political Modernization in Nineteenth Century Russia* // *Russian History* (Temple). 1979. Vol. 6. P. 1—21.
- ²⁵ См., напр., записку М.Я. Фока (на французском) «Несколько замечаний о расположении умов» (ГАРФ. Ф. 109. СА. Оп. 1. Ед. хр. 1886. Л. 53).
- ²⁶ Лемке М.К. Указ. соч. С. XII—X.
- ²⁷ См.: *Ивановский А.А. А.С. Пушкин 21-го и 23-го апреля 1828 г.* // Рус. старина. 1874. № 2. С. 393—399. Об А.А. Ивановском см.: *Нешумова Т.Ф. Ивановский Андрей Андреевич* // Русские писатели. 1800—1917. М., 1992. Т. 2. С. 389—390; *Вацуро В.Э., Гиллельсон М.И. Сквозь «умственные плотины».* М., 1986. С. 9—21.

²⁸ См. о нем: *Ильин-Томич А.А.* Врасский Борис Алексеевич // Русские писатели. 1800—1917. М., 1989. Т. 1. С. 494; [Формулярные списки] // ГАРФ. Ф. 109. 2 эксп. 1847. Ед. хр. 40, 169.

²⁹ *Осьмакова Н.И.* Владиславлев Владимир Андреевич // Русские писатели. 1800—1917. М., 1989. Т. 1. С. 450.

³⁰ См. дело с его записками: ГАРФ. Ф. 109. 1 эксп. 1844. Ед. хр. 241. Публикацию ряда его записок см. в Кирило-Мефодіївське товариство. Київ, 1990. Т. 3. С. 297—305, 317—320. О нем см.: *Бобрик М.А.* Кашинцов Николай Андреевич // Русские писатели. 1800—1917. М., 1992. Т. 2. С. 520.

³¹ О нем см.: *Рейтблат А.И.* Каменский Павел Павлович // Русские писатели. 1800—1917. М., 1992. Т. 2. С. 459—460.

³² О нем см.: *Алексеевский Б.* Ольдекоп Евстафий Иванович // Русский биографический словарь. Том «Обезьянинов — Очкин». СПб., 1905. С. 244—245; *Черейский Л.А.* Пушкин и его окружение. Л., 1989. С. 308.

³³ О нем см.: *Ильин-Томич А.А.* Вердеревский Василий Евграфович // Русские писатели. 1800—1917. М., 1989. Т. 1. С. 421; [Формулярный список Вердеревского 1844 г.] // ГАРФ. Ф. 109. 2 эксп. 1842. Ед. хр. 432.

³⁴ См.: *Базанов В.* Полное общество любителей российской словесности. Петрозаводск, 1949. С. 409.

³⁵ См.: *Русская старина.* 1878. № 1. С. 187; *Сидорова М.В.* Л.В. Дубельт и его родственники // Из глубины времен. СПб., 1994. Вып. 3. С. 170.

³⁶ *Греч Н.И.* Записки о моей жизни. М.; Л., 1930. С. 459.

³⁷ См.: *Декабристы: Биографический справочник.* М., 1988. С. 65—66, 255.

³⁸ См.: ЦИАМ. Ф. 31. Оп. 1. Ед. хр. 9.

³⁹ Цит. по: *Эйдельман Н.Я.* Пушкин: Из биографии и творчества. М., 1987. С. 320.

⁴⁰ См.: *Дубельт Л.В.* Заметки // Голос минувшего. 1913. № 3. С. 127—131; *Он же.* Заметки и дневники // Российский архив. М., 1995. Вып. 6. С. 106—335.

⁴¹ ГАРФ. Ф. 109. 1 эксп. 1827. Ед. хр. 321. Л. 2.

⁴² См.: Там же. Л. 13.

⁴³ См.: *Я.Т.Толстой*. Письмо к А.А. Бестужеву // Сын Отечества. 1823. № 12; *Я.Т.* Беда от неправды // Там же. № 15; *Я.Т.* Ответы на вопросы // Там же. № 17; *Толстой Я.* Письмо из Парижа // Там же. № 52.

⁴⁴ См.: *Шеголев П.Е.* «Зеленая лампа» // Шеголев П.Е. Первенцы русской свободы. М., 1987. С. 208—230.

⁴⁵ См.: *Я.Толстой*. Отрывки из писем из Парижа // Московский телеграф. 1827. № 17, 18; *Я.Т.* О французской литературе // Там же. № 5. С. 113—118.

⁴⁶ Главным образом в журнале «Revue Encyclopédique».

⁴⁷ См.: *Лемке М.К.* Указ. соч. С. 106—108.

⁴⁸ О Я. Толстом см. также: *Модзалевский Б.Л.* Я.Н. Толстой // Рус. старина. 1899. № 9. С. 587—614; № 10. С. 175—179; *Тарле Е.В.* Донесения Якова Толстого из Парижа в III отделение // Лит. наследство. 1937. Т. 31/32; *Cadot M.* La Russie dans la vie intellectuelle française (1836—1856). P., 1967. P. 64—67; *Декабристы: Биографический справочник.* М., 1988. С. 176—177; *Абакумов О.* Все знает, бывает всюду, принимает всех...: Новые штрихи к портрету Якова Толстого, шпиона и декабриста // Роди-

на. 1994. № 7. С. 93—95; *Булгакова Л.А.* От декабризма к осведомительству: Заметки к биографии Якова Николаевича Толстого // 14 декабря 1825 года: Источники. Исследования. Историография. Библиография. СПб.; Кишинев, 2000. Вып. 3. С. 170—200.

⁴⁹ См.: *Оржиховский И.В.* Самодержавие против революционной России. М., 1982. С. 67, 69—71.

⁵⁰ Записки графа А.Х. Бенкендорфа // Шильдер Н. Император Николай Первый. М., 1997. Кн. 2. С. 582.

⁵¹ См.: *Осват А.Л.* Тютчев и заграничная служба III отделения // Тыняновский сборник: Пятые Тыняновские чтения. Рига; М., 1994. С. 111.

⁵² *Мильчина В.А.* Шарль Дюран — французский журналист в немецком городе на службе у России // Тыняновский сборник. М., 1997. Вып. 2. С. 306.

⁵³ См.: *Лемке М.К.* Указ. соч. С. 143—152.

⁵⁴ См.: *Осват А.Л.* Указ. соч.; *Он же.* Новонайденный политический меморандум Тютчева: к истории создания // НЛО. 1992. № 1. С. 89—115 (с публикацией на с. 98—113 текста записки).

⁵⁵ См.: ГАРФ. Ф. 109. 1 эксп. 1848. Ед. хр. 126.

⁵⁶ См.: *Оржиховский И.В.* Указ. соч. С. 70.

⁵⁷ См.: Видок Фиглярин: Письма и агентурные заметки Ф.В. Булгарина / Публ., сост., предисл. и коммент. А.И. Рейтблата. М., 1998.

⁵⁸ См. его формулярный список: РГИА. Ф. 1343. Оп. 18. № 2521. О нем см.: *Зорин А.Л.* Висковатов Степан Иванович // Русские писатели. 1800—1917. М., 1989. Т. 1. С. 446.

⁵⁹ ОР РНБ. Ф. 325. № 15.

⁶⁰ ИРЛИ. 2901.

⁶¹ *Модзалевский Б.Л.* Пушкин под тайным надзором // Модзалевский Б.Л. Пушкин и его современники. СПб., 1999. С. 75; см. также другую его записку: *Модзалевский Б.Л.* Донесение тайного агента о настроениях умов в Петербурге после казни декабристов // Декабристы: Неизданные материалы и статьи. М., 1925. С. 37—43.

⁶² См.: Петербургское общество при восшествии на престол императора Николая по донесениям М.М. [Так! — А.Р.] Фока — А.Х. Бенкендорфу // Рус. старина. 1881. № 9. С. 172; № 10. С. 314.

⁶³ ГАРФ. Ф. 109. 1 эксп. 1826. Ед. хр. 67. Л. 3.

⁶⁴ *Пучкова К.* Письмо к приятельнице // Аглая. 1809. Ч. 8. Октябрь. С. 19—20. О Пучковой см.: *Модзалевский Б.Л.* [Е.Н. Пучкова] // Пушкин А.С. Соч. СПб., 1907. Т. 1. С. 379—380; *Пушкин А.С.* Стихотворения лицейских лет. СПб., 1994. С. 619—620 (Примечания).

⁶⁵ РГИА. Ф. 535. Оп. 1. Ед. хр. 7. Л. 88—89.

⁶⁶ См.: Рус. старина. 1881. № 10. С. 312.

⁶⁷ См.: *Троцкий И.* III-е отделение при Николае I. Л., 1990. С. 181.

⁶⁸ Публикации ряда ее записок 1826—1828 гг. см.: *Модзалевский Б.Л.* Пушкин под тайным надзором. С. 114; *Филин М.Д.* О Пушкине и окрест поэта. М., 1997. С. 43—45, 49—57; *Троцкий И.* Указ. соч. С. 171.

⁶⁹ *Модзалевский Б.Л.* Пушкин под тайным надзором; *Оржиховский И.В.* Самодержавие против революционной России. М., 1982. С. 65; *Троцкий И.* Указ. соч. С. 171—172, 181—182; *Филин М.Д.* Указ. соч. С. 40—67.

⁷⁰ См.: История русского драматического театра. М., 1978. Т. 3. С. 299.

⁷¹ См.: Оржеховский И.В. Указ. соч. С. 65.

⁷² См. о нем: Русский биографический словарь. Том «Обезьянинов — Очкин». СПб., 1965. С. 480; Ильин-Томич А.А. Очкин Амплий Николаевич // Русские писатели. 1800—1917. М., 1999. Т. 4. С. 476—478.

⁷³ См.: Wołoszyński R.W. Polsko-rosyjskie związki w naukach społecznych 1801—1830. Warszawa, 1974. S. 160.

⁷⁴ Об И.Н. Лобойко см.: Русский биографический словарь. Том «Лабзина—Ляшенко». СПб., 1914. С. 568; Славяноведение в дореволюционной России: Биобиблиографический словарь. М., 1979. С. 223.

⁷⁵ Цит. по: Николай Алексеевич Полевой, его сторонники и противники по «Московскому телеграфу» / Сообщил Н. Д[убровин] // Рус. старина. 1903. № 2. С. 264.

⁷⁶ ГАРФ. Ф. 109. Оп. 221. Ед. хр. 15. Л. 47.

⁷⁷ См.: ГАРФ. Ф. 109. 1 эксп. 1830. Ед. хр. 120. Л. 5.

⁷⁸ Пушкин А.С. Полн. собр. соч. Л., 1941. Т. 14. С. 256.

⁷⁹ Там же. Л., 1948. Т. 15. С. 206.

⁸⁰ См.: Пиксанов Н.К. Несостоявшаяся газета Пушкина «Дневник» (1831—1832) // Пушкин и его современники. СПб., 1907. Вып. 5. С. 30—74; Пушкин. Письма. М., 1935. Т. 3. С. 489—500 (комментарий Л.Б. Модзалевского); Рукою Пушкина. М.; Л., 1935. С. 761—764.

⁸¹ Пушкин А.С. Полн. собр. соч. Л., 1949. Т. 16. С. 370.

⁸² Цит. по: Вацуро В.Э., Гиллельсон М.И. Сквозь «умственные плотины». М., 1986. С. 259.

⁸³ ГАРФ. Ф. 109. 1 эксп. 1827. Ед. хр. 321. Л. 4.

⁸⁴ См.: Там же. Л. 6.

⁸⁵ См.: Рус. старина. 1903. № 12. С. 596—599; Лемке М.К. Указ. соч. С. 193—196.

⁸⁶ См.: Орлов Вл. Пути и судьбы. Л., 1971. С. 493—494.

⁸⁷ См.: Очерки по истории русской журналистики и критики. Л., 1950. Т. 1. С. 466—462; Морозов В.М. К вопросу об идейно-общественной позиции журнала «Финский вестник» // Ученые записки Карело-Финского университета. 1956. Т. 5. Вып. 1. С. 85—112.

⁸⁸ РГИА. Ф. 780. Оп. 2. Ед. хр. 155. Л. 1—2.

⁸⁹ См.: Цявловский М.А. «Посмертный обыск» у Пушкина // Цявловский М.А. Статьи о Пушкине. М., 1962. С. 276—356.

⁹⁰ См.: Дубровин Н. В.А. Жуковский и его отношения к декабристам // Рус. старина. 1902. № 4. С. 114—118.

⁹¹ Там же. С. 114, 116—118.

⁹² Цит. по: Дубельт Е. Л.В. Дубельт // Рус. старина. 1888. № 11. С. 497.

⁹³ См. письмо Дубельта П.А. Плетневу от 25 июля 1852 г. (ИРЛИ. Ф. 234. Оп. 3. Ед. хр. 233. Л. 5).

⁹⁴ См.: Николай Полевой: Материалы по истории русской литературы и журналистики тридцатых годов. Л., 1934. С. 220—222; Греч Н.И. Записки о моей жизни. М.; Л., 1930. С. 659—661.

⁹⁵ См.: ГАРФ. Ф. 109. 1 эксп. 1830. Ед. хр. 165.

⁹⁶ Там же. Л. 8.

⁹⁷ Рус. старина. 1908. № 2. С. 454.

⁹⁸ Сахаров И.П. Записки // Рус. архив. 1873. Кн. 1. С. 951.

⁹⁹ ГАРФ. Ф. 109. 1 эксп. 1830. Ед. хр. 198. Л. 2.

- ¹⁰⁰ См.: *Никитенко А.В.* Дневник. Л., 1955. Т. 1. С. 136.
- ¹⁰¹ Рус. старина. 1902. № 7. С. 86—87.
- ¹⁰² Там же. С. 87.
- ¹⁰³ См.: *Кони А.Ф.* М.Н. Загоскин и цензура // Под знаменем науки. М., 1902. С. 436.
- ¹⁰⁴ См.: *Оксман Ю.Г.* Нарушение авторских прав ссыльного Пушкина в 1824 г. // Пушкин: Статьи и материалы. Одесса, 1925. Вып. 1. С. 6—11.
- ¹⁰⁵ *Пушкин А.С.* Полн. собр. соч. М.; Л., 1937. Т. 13. С. 333.
- ¹⁰⁶ Там же. С. 335.
- ¹⁰⁷ См.: ГАРФ. Ф. 109. 2 эксп. 1836. Ед. хр. 431.
- ¹⁰⁸ ГАРФ. Ф. 109. 1 эксп. 1828. Ед. хр. 190.
- ¹⁰⁹ См.: *Лемке М.К.* Указ. соч. С. 131; К биографии Н.А. Полевого / Сообщил И. Шляпкин // Рус. старина. 1897. № 7. С. 103—107; ГАРФ. Ф. 109. 2 эксп. 1845. Ед. хр. 73.
- ¹¹⁰ *Лемке М.К.* Указ. соч. С. 135—136.
- ¹¹¹ См.: Там же. С. 169—171; Литературный музей. Пб., 1921. Вып. 1. С. 67—75.
- ¹¹² ГАРФ. Ф. 109. 1 эксп. 1827. Ед. хр. 328. Л. 3.
- ¹¹³ См.: Там же. 1828. Ед. хр. 212.
- ¹¹⁴ См.: Там же. 1830. Ед. хр. 138.
- ¹¹⁵ См.: Там же. Ед. хр. 2.
- ¹¹⁶ См.: Там же. Ед. хр. 397.
- ¹¹⁷ См.: Там же. 1831. Ед. хр. 439.
- ¹¹⁸ Там же. Ед. хр. 55.
- ¹¹⁹ Там же. Ед. хр. 635.
- ¹²⁰ ГАРФ. Ф. 109. 2 эксп. 1831. Ед. хр. 598.
- ¹²¹ *Дубровин Н.* Указ. соч. С. 113.
- ¹²² См.: ЦИАМ. Ф. 459. Оп. 2. Ед. хр. 572; ГАРФ. Ф. 109. 2 эксп. 1847. Ед. хр. 457.
- ¹²³ ГАРФ. Ф. 109. 1 эксп. 1847. Ед. хр. 275.
- ¹²⁴ Там же. 1848. Ед. хр. 25. Ч. 3. Л. 2.
- ¹²⁵ Там же. Л. 5 об.
- ¹²⁶ О нем см.: *Зорин А.Л.* Георгиевский Иван Васильевич // Русские писатели. 1800—1917. М., 1989. Т. 1. С. 538—539.
- ¹²⁷ См.: ГАРФ. Ф. 109. 1826. Ед. хр. 95.
- ¹²⁸ О нем см.: *Ильин-Томич А.А.* Баталин Николай Васильевич // Русские писатели. 1800—1917. М., 1989. Т. 1. С. 173; РГИА. Ф. 1343. Оп. 17. Ед. хр. 1503. Л. 5—6 (формулярный список).
- ¹²⁹ ГАРФ. Ф. 109. 1 эксп. 1826. Ед. хр. 92. Л. 2.
- ¹³⁰ *Ильин-Томич А.А.* Баталин... С. 173.
- ¹³¹ См.: ГАРФ. Ф. 109. 1 эксп. 1829. Ед. хр. 450.
- ¹³² О его запрещении см.: *Лемке М.К.* Указ. соч. С. 67—78; *Фризман Л.Г.* К истории журнала «Европеец» // Рус. литература. 1967. № 2. С. 117—126; *Вацуро В.Э., Гиллельсон М.И.* Указ. соч. С. 114—139.
- ¹³³ О нем см.: *Пушкин А.С.* Письма последних лет. Л., 1969. С. 479—480 (справка Н.Н. Петруниной); Русские поэты 1820—1830-х годов. Л., 1972. Т. 1. С. 199—201 (справка В.Э. Вацуро).
- ¹³⁴ Русские поэты... С. 199—200.
- ¹³⁵ См. формулярный список Б. Федорова 1875 г.: РГИА. Ф. 472. Оп. 23 (259/1575). № 38. Ч. 1. Л. 21—39.

¹³⁶ См.: РГИА. Ф. 994. Оп. 2. № 980. Л. 12.

¹³⁷ РГИА. Ф. 1066. Оп. 1. Ед. хр. 1599. Л. 69.

¹³⁸ ОР РНБ. Ф. 603. № 208.

¹³⁹ ОР РНБ. Ф. 890. № 85. Л. 20.

¹⁴⁰ Так полагают моралисты от истории, предлагающие читателю вместо конкретного исторического анализа семантики слова «донос» и функций обозначаемой так формы социального взаимодействия чисто идеологические рассуждения, в которых моральные нормы «опрокидываются» в прошлое, см., напр.: *Алтуяня А.* Пушкин доносов не писал // *Ex libris НГ.* 1999. 18 февраля. Гораздо плодотворнее исторический подход, продемонстрированный в: *Варьяш О.И.* Донос и его социальная роль: возможность? необходимость? неизбежность? // *Культура: Соблазны понимания.* Ч. 2. Петрозаводск, 1999. С. 39–46.

МОСКОВСКАЯ НИЗОВАЯ КНИЖНОСТЬ

¹ *Кони Ф.* Кое-что о Москве // *Северная пчела.* 1836. № 80.

² *Соколов Б.М.* Русский лубок как литературный жанр // *НЛО.* 1996. № 22. С. 182–186, 191–196.

³ *Гурьянов И. О.* Йорик, Йорик! Ты прав: не все то золото, что блестит, или Спор полушампанского с ерофеичем. М., 1830. С. 6–7.

⁴ *Я.Я.Я. [Брант Л.В.]* [Рецензия на книгу В. Потапова «А.В. Суворов. Русской росказень»] // *Северная пчела.* 1846. № 30.

⁵ *Белинский В.Г.* Полн. собр. соч. М., 1953. Т. 3. С. 83.

⁶ Там же. М., 1953. Т. 1. С. 311.

⁷ *Гурьянов И.* Фетинья Антоновна, в новом вкусе колдунья, или Всем сестрам по серьгам. М., 1831. С. 43–44, 45.

⁸ См.: *Skrunda W.* Z dziejów opisowości literackiej. Warszawa, 1988. S. 115–123.

⁹ [*Гурьянов И.Г.*] Чувствования долгобородого боярина при чтении 9-й части «Жизни Наполеона Бонапарте», сочин. сира Вальтера Скотта, перевод С. де Шаллета, писанные под кровлю Кремля, в одной из треугольных башен оного при свете подоженного пламени. М., 1932. С. 12. (Авторство Гурьянова установлено по: ЦИАМ. Ф. 31. Оп. 5. Ед. хр. 79).

¹⁰ См.: *Блюм А.В.* Каратель лжи, или Книжные приключения барона Мюнхаузена. М., 1978. С. 46.

¹¹ Московский телеграф. 1831. № 5. С. 102.

¹² *Венгеров С.* Критико-биографический словарь русских писателей и ученых. 2-е изд., перераб. Пг., 1915. Т. 1. С. 223.

¹³ ЦИАМ. Ф. 31. Оп. 1. Ед. хр. 10; Оп. 5. Ед. хр. 52, 72; Ф. 459. Оп. 1. Ед. хр. 2343.

¹⁴ *Гурьянов И.* Ура! Слава русским. М., 1831. С. 57–59.

¹⁵ *Гулевич С.А.* Четырех-с-половиною-вековая с 1478 по 1911 год история 8-го пехотного Эстляндского полка... СПб., 1911. С. 139. См. также с. 134, 140, 158, 174, 225.

¹⁶ РГИА. Ф. 1343. Оп. 19. Ед. хр. 5586, 5590; РГВИА. Ф. 395. Оп. 71, 1820 г. Ед. хр. 1569. Оп. 76, 1823 г. Ед. хр. 460, 501. Оп. 284, 1845 г. Ед. хр. 184. См. также: ГАРФ. Ф. 109. 2 эксп. 1845 г. Ед. хр. 22.

¹⁷ РГВИА. Ф. 395. Ед. хр. 460. Оп. 76, 1823 г. С. 12–13.

¹⁸ ОР РГБ. Ф. 226. К. 3. Ед. хр. 45.

¹⁹ Там же. Ф. 178 (Муз. собрание). К. 8566. Ед. хр. 29.

²⁰ Там же. Ф. 226. К. 3. Ед. хр. 45.

²¹ [Гурьянов И.] Ивану Выжигину от Сидора Пафнугьевича послание, или Отрывки бурной моей жизни. М., 1829. С. 109—110.

²² РГВИА. Ф. 395. Оп. 284. Ед. хр. 184.

²³ См., напр.: Сакулин П.Н. Русская литература: Социолого-синтетический обзор литературных стилей. М., 1929. Ч. 2. С. 184—186; Цейтлин А.Г. Русская литература первой половины XIX века. М., 1940. С. 296—297; Ревякин А.И. История русской литературы. Первая половина XIX в. М., 1981. С. 299.

²⁴ Полевой К. Записки о жизни и сочинениях Николая Алексеевича Полевого // Николай Полевой: Материалы по истории русской литературы и журналистики тридцатых годов. Л., 1934. С. 236; см. также с. 305—307.

²⁵ См., напр.: Гиппиус В. Пушкин в борьбе с Булгариным в 1830—1831 гг. // Пушкин: Временник Пушкинской комиссии. М.; Л., 1941. Т. 6. С. 248—254; Березкина С.В. А.А. Орлов и антибулгаринская борьба 1830—1833 гг. // Временник Пушкинской комиссии. Л., 1987. Вып. 21. С. 181—185.

²⁶ См.: Корнеев А. Оправданный Александр Орлов // Встречи с книгой. М., 1984. Вып. 2. С. 241—270; Корнеев А.В. Бытописатель Москвы 1830-х годов: А.А. Орлов // Краеведы Москвы. М., 1995. Вып. 2. С. 26—47; Корнеев А.В. Орлов Александр Анфимович // Русские писатели 1800—1917. М., 1999. Т. 4. С. 446—448; Березкина С.В. Указ. соч. Об Орлове см. также: Венгеров С. К характеристике А.А. Орлова // Литературный вестник. 1901. Кн. 3. С. 284—290; Смирнов А.В. Уроженцы и деятели Владимирской губернии, получившие известность на различных поприщах общественной пользы. Владимир, 1910. Вып. 4. С. 70—97.

²⁷ См.: Шляпкин И.А. Из неизданных бумаг А.С. Пушкина. СПб., 1903. С. 154.

²⁸ Державина О.А. Древняя Русь в русской литературе XIX века. М., 1990. С. 86.

²⁹ Орлов А.А. Димитрий Донской, или Начало российского величия: Героическая поэма. М., 1827. С. 81.

³⁰ Орлов А.А. Дунычка, московская междуумочка, или Узенький корсетец. М., 1831. С. 6—8.

³¹ Котляревский Н. Н.В. Гоголь. СПб., 1908. С. 74. См. также: Skrunda W. Z dziejów opisowości literackiej. Warszawa, 1988. S. 122—123.

³² Азадовский М.К. История русской фольклористики. М., 1958. Т. 1. С. 242.

³³ См.: Тартаковский А.Г. Русская мемуаристика XVIII — первой половины XIX в. М., 1991. С. 155—184.

³⁴ Санкт-Петербургский вестник. 1831. № 24. С. 225 (рец. О[лина В.Н.]).

³⁵ Московский телеграф. 1831. № 12. С. 499 (рец. Н.А. Полевого, без подписи).

³⁶ Там же. № 3. С. 400 (без подписи).

³⁷ Подробнее об этом см. в очерке «Цензура народных книг во второй четверти XIX века».

³⁸ А.С. Пушкин — критик. М., 1978. С. 633 (комментарий В.С. Лысенко).

³⁹ Цит. по нашей публикации: НЛО. 1999. № 40. С. 188.

⁴⁰ Языков Н.М. Сочинения. Л., 1982. С. 348. О том, что книги Орлова имели успех на Нижегородской ярмарке, см. в рец. Р.М. на анонимную книгу «Джон До, предводитель мятежников» (Северная пчела. 1835. № 221).

⁴¹ Московский телеграф. 1831. С. 106—107 (без подписи).

⁴² Гоголь Н.В. Полн. собр. соч. М., 1940. Т. 10. С. 203.

⁴³ Белинский В.Г. Полн. собр. соч. М., 1953. Т. 2. С. 552. Ср. мнение А.Д. Галахова в рец. на одну из книг Орлова: Отечественные записки. 1840. № 5. Отд. 6. С. 25 (без подписи), а также: Б. [Федоров]. Обзорение книг, вышедших в России в 1834 году // Журнал Министерства народного просвещения. 1835. № 8. С. 379; Порошин В. О народной словесности // Санкт-Петербургские ведомости. 1848. № 65.

⁴⁴ Полевой Н. Очерк русской литературы за 1838 и 1839-й годы // Сын Отечества. 1839. Т. 7. Отд. 4. С. 118.

⁴⁵ Ивана Тимофеевича Лисенкова воспоминания в прошедшем времени о книгопродавцах и авторах // Материалы для истории русской книжной торговли. СПб., 1879. С. 67.

⁴⁶ Домашний быт И.И. Дмитриева // РГАЛИ. Ф. 195. Оп. 1. Ед. хр. 1187а. Л. 1. (Сообщено С.И. Пановым; он же атрибутирует эти анонимные воспоминания А. Иовскому.)

⁴⁷ Пушкин А.С. Полн. собр. соч. М.; Л., 1949. Т. 11. С. 206.

⁴⁸ Там же. С. 149.

⁴⁹ Сын Отечества. 1840. № 2. С. 346.

⁵⁰ Библиотека для чтения. 1840. № 10. Литературная летопись. С. 30.

⁵¹ Москвитянин. 1850. № 13. Критика и библиография. С. 28—29.

⁵² Библиотека для чтения. 1840. № 10. Литературная летопись. С. 28.

⁵³ Достоевский Ф.М. Полн. собр. соч. Л., 1979. Т. 19. С. 49.

⁵⁴ Щербина Н. Опыт о книге для народа // Отечественные записки. 1861. № 2. С. 285.

⁵⁵ Что читать народу. СПб., 1889. Т. 2. С. 548.

⁵⁶ См.: РГВИА. Ф. 489. Оп. 1. Ед. хр. 243, 918.

⁵⁷ ЦИАМ. Ф. 31. Оп. 5. Ед. хр. 127. Л. 48.

⁵⁸ ОР РГБ. Ф. 226. К. 4. Ед. хр. 18.

⁵⁹ РГАЛИ. Ф. 141. Оп. 1. Ед. хр. 577.

⁶⁰ Недавно этот роман и ряд других произведений Зряхова были переизданы: Битва русских с кабардинцами <...> // Лубочная книга. М., 1990. С. 242—327; Битва русских с кабардинцами <...>. Нальчик, 1990 [Репринт изд. 1845 г.]; Дева закубанская <...> [Фрагмент романа] // Кавказский легион. Нальчик, 1996. С. 529—535; Прекрасная астраханка, или Хижи-на на берегу Оки. Астрахань, 1997.

ЦЕНзуРА НАРОДНЫХ КНИГ ВО ВТОРОЙ ЧЕТВЕРТИ XIX ВЕКА

¹ См.: Скабичевский А.М. Очерки истории русской цензуры. СПб., 1892; Энгельгардт Н. Очерк истории русской цензуры в связи с развитием печати. СПб., 1904; Лемке М. Николаевские жандармы и литература 1826—1855 гг. СПб., 1909; Ваууро В.Э., Гиллельсон М.И. Сквозь «умственные плотины»: Очерки о книгах и прессе пушкинской поры. М., 1986; Ruud

Ch.A. *Fighting Words: Imperial Censorship and the Russian Press, 1804—1906*. Toronto; Buffalo, L., 1982; *Mucha V. Dzieje cenzury w Rosji*. Łódź, 1994.

² О низовой книге конца XVIII в. см.: *Кузьмина В.Д.* Рыцарский роман на Руси. М., 1964; *Пушкарёв В.Д.* Сказка о Еруслане Лазаревиче. М., 1980; *Шкловский В.Б.* Матвей Комаров, житель города Москвы. Л., 1929; *Гриц Т., Тренин В., Никитин М.* Словесность и коммерция. М., 1929. С. 13—14. О низовой московской книжности первой половины XIX в. см.: *Сакулин П.Н.* Русская литература: Социолого-синтетический обзор литературных стилей. М., 1929. Ч. 2. С. 184—188; *Клейменова Р.Н.* Книжная Москва первой половины XIX века. М., 1991. С. 50—53; а также наш очерк «Московская низовая книжность» в этой книге.

³ Московский телеграф. 1831. № 12. С. 488 (рецензия помещена без подписи).

⁴ Молва. 1832. № 20. С. 77—78 (без подписи).

⁵ Молва. 1834. № 6. С. 93 (рецензия подписана Р.С.Т.).

⁶ *Белинский В.Г.* Полн. собр. соч. М., 1953. Т. 1. С. 144.

⁷ См.: *Манн Ю.* В поисках живой души: «Мертвые души»: Писатель — критика — читатель. М., 1987. С. 95—104.

⁸ ЦИАМ. Ф. 31. Оп. 5. Ед. хр. 68. Л. 19. См. подготовленную нами публикацию этих повестей Орлова: НЛЮ. 1996. № 22. С. 11—32.

⁹ Рус. архив. 1898. № 5. С. 91.

¹⁰ ЦИАМ. Ф. 31. Оп. 5. Ед. хр. 81. Л. 27.

¹¹ Там же. Ед. хр. 82. Л. 18.

¹² Там же. Ед. хр. 95. Л. 42.

¹³ Там же. Л. 48.

¹⁴ Там же. Л. 47.

¹⁵ О нем см. в очерке «Московская низовая книжность».

¹⁶ *Корнеев А.В.* Оправданный Александр Орлов // Встречи с книгой. М., 1984. Вып. 2. С. 267.

¹⁷ ЦИАМ. Ф. 31. Оп. 5. Ед. хр. 94. Л. 17 (в статье А.В. Корнеева процитировано на с. 268 с сокр.).

¹⁸ *Корнеев А.В.* Оправданный Александр Орлов. С. 268.

¹⁹ Там же. С. 268—269.

²⁰ Там же. С. 269.

²¹ См., напр., запрещение М.Т. Каченовским в 1835 г. двух рукописей Ф. Кузмичева: ЦИАМ. Ф. 31. Оп. 5. Ед. хр. 109. Л. 22.

²² Цит. по: Сборник постановлений и распоряжений по цензуре с 1720 по 1862 год. СПб., 1862. С. 249.

²³ Там же. С. 265.

РУССКИЕ «БЕСТСЕЛЛЕРЫ» ПЕРВОЙ ПОЛОВИНЫ XIX ВЕКА

¹ Новые книги // Северная пчела. 1836. 23 июля.

² *Булгарин Ф.В.* Полн. собр. соч. СПб., 1844. Т. 7. С. 64.

³ О тиражах русских книг того времени см.: *Meunieux A.* Pouchkine homme de lettres et la littérature professionnelle en Russie. P., 1966. P. 471—473.

КОМУ И ЗАЧЕМ НУЖЕН ПУШКИН?

¹ См. подготовленный нами библиографический указатель: Чтение в России в XIX — начале XX века. М., 1992.

² *Debrecezy P. Social Functions of Literature: Alexander Pushkin and Russian Culture.* Stanford (Cal.): Stanford University Press, 1997. 282 p. (далее ссылки на это издание даются в тексте).

³ Реферат книги К. Розенгрена см.: Проблемы социологии литературы за рубежом. М., 1983. С. 83—98.

⁴ Подробнее см. в статье «Групповая динамика и общелитературная традиция: отсылки к авторитетам в журнальных рецензиях 1820—1978 годов» в данной книге.

⁵ См. в кн.: Русская литература XX века: исследования американских ученых. СПб., 1993. С. 258—283.

ГРУППОВАЯ ДИНАМИКА И ОБЩЕЛИТЕРАТУРНАЯ ТРАДИЦИЯ:
ОТСЫЛКИ К АВТОРИТЕТАМ В ЖУРНАЛЬНЫХ РЕЦЕНЗИЯХ
1820—1978 ГОДОВ

¹ См., напр.: Актуальные проблемы изучения истории русской советской литературы // Вопросы литературы. 1987. № 9. С. 3—78.

² См.: *Гудков Л., Дубин Б.* Литература как социальный институт. М., 1994; *Дубин Б.* Слово — письмо — литература: Очерки по социологии культуры. М., 2001.

³ См.: *Левада Ю.А.* О построении модели репродуктивной системы (проблемы категориального аппарата) // Левада Ю.А. Статьи по социологии. М., 1993. С. 50—60.

⁴ См.: *Вольпе Ц.* Практика современной литературной рецензии // Ленинград. 1931. № 3. С. 113—123; *Гофман В.* Сигнал бедствия // Звезда. 1929. № 10. С. 189—196; *Григорьев Г.* Рецензия // Журналист. 1928. № 7/8. С. 54—55; *Павлов К.* Рецензия и как ее ставить // Журналист. 1927. № 9/10. С. 56—58.

⁵ См.: *Гордеева Г.* Облачно с прояснениями: Заметки о рецензиях в «толстых» журналах // Лит. обозрение. 1984. № 3. С. 20—26; *Новиков В.* Поэтика рецензии // Лит. обозрение. 1978. № 7. С. 18—24; *Финк Л.* Рецензия — в трех измерениях // Лит. обозрение. 1974. № 3. С. 58—62; *Егорова Т.С.* Рецензия в системе жанров публицистики // Актуальные проблемы журналистики. М., 1983. Вып. 2. С. 84—89; *Петрушкова В.В.* Развитие рецензии в критике XVIII века // Проблема жанра. Душанбе, 1984. С. 3—8; *Бережная Л.Г.* Цель и методы изучения отделов библиографии общелитературных журналов (на примере «Русского богатства») // Методика изучения и преподавания истории русской журналистики на факультетах журналистики государственных университетов. М., 1987. С. 52—60; *Емельянов В.В.* Ответ на статью С.Ю. Трохачева // Кунсткамера. СПб., 1995. Вып. 8/9. С. 403—405; *Корноухова И.А.* Рецензия: экспертиза и диалог (на примере рецензий, опубликованных в «Журнале Министерства народного просвещения» в конце XIX — начале XX вв.) // Информационный бюллетень ассоциации «История и компьютеры». М., 1998. № 22. С. 218—224.

⁶ См.: *Rosengren K.E. Sociological Aspects of the Literary System.* Stockholm, 1968. 216 p.; *Idem. Time and Culture: Developments in the Swedish Literary Frame of Reference // Cultural Indicators: An intern. symposium.* Wien, 1984. P. 237—257.

⁷ См.: *Конев В.А. Социальное бытие искусства.* Саратов, 1975. С. 53—86, 120—130.

⁸ Приводим список использованных журналов: 1820—1821 гг.: Благонмеренный; Вестник Европы; Невский зритель; Отечественные записки; Сын Отечества; Труды Вольного общества любителей российской словесности; Труды Общества любителей российской словесности; 1840—1841 гг.: Библиотека для чтения; Маяк современного просвещения и образования; Москвитянин; Отечественные записки; Русский вестник; Современник; Сын Отечества; 1860—1861 гг.: Библиотека для чтения; Время; Книжный вестник; Отечественные записки; Рассвет; Русская беседа; Русский вестник; Русское слово; Светоч; Современник; 1880—1881 гг.: Вестник Европы; Восход; Дело; Заграничный вестник; Критическое обозрение; Литературный журнал «Нового времени»; Мысль; Новое обозрение; Отечественные записки; Российская библиография; Русская мысль; Русская речь; Русский вестник; Русское богатство; Слово; Устой; 1900—1901 гг.: Вестник Европы; Ежемесячные сочинения; Женское дело; Жизнь; Книжки «Восхода»; Книжки «Недели»; Книжные новости; Мир Божий; Мир искусства; Наблюдатель; Новый век; Русская мысль; Русский вестник; Русское богатство; 1920—1921 гг.: Вестник литературы; Горн; Грядущее; Книга и революция; Книжный угол; Красная новь; Кузница; Летопись Дома литераторов; Мир искусств; Начала; Печать и революция; Творчество; Твори!; Художественное слово; 1930—1931 гг.: Вестник иностранной литературы; Залп; Звезда; Земля советская; Знамя (Локаф); Иностранная книга; Красная новь; Ленинград; Литература и искусство; Молодая гвардия; На литературном посту; Новый мир; Октябрь; Перелом; Печать и революция; Пролетарская литература; Пролетарский авангард; Резец; 1939—1940 гг.: Звезда; Знамя; Интернациональная литература; Книга и пролетарская революция; Красная новь; Ленинград; Литературный критик; Литературный современник; Литературное обозрение; Молодая гвардия; Новый мир; Октябрь; Резец; 1960—1961 гг.: В мире книг; Дружба народов; Звезда; Знамя; Иностранная литература; Молодая гвардия; Москва; Наш современник; Нева; Новый мир; Октябрь; Современная художественная литература за рубежом; Юность; 1977—1978 гг.: Аврора; В мире книг; Дружба народов; Звезда; Знамя; Иностранная литература; Литературное обозрение; Молодая гвардия; Москва; Наш современник; Нева; Новый мир; Октябрь; Современная художественная литература за рубежом; Юность.

⁹ Обоснование этой системы координат в связи с разными позициями в рамках социального института литературы см.: *Дубин Б.В., Зоркая Н.А. Идея «классики» и ее социальные функции // Проблемы социологии литературы за рубежом.* М., 1983. С. 40—82.

¹⁰ В более полном виде документацию исследования см. в: *Книга и чтение в зеркале социологии.* М., 1990. С. 168—175.

БЕЗЫМЯННЫЕ ЛИТЕРАТОРЫ

¹ См.: *Г.Г. [Г.Н. Геннад]. Список русских анонимных книг.* СПб., 1874; *Масанов И.Ф. Словарь псевдонимов русских писателей, ученых и общественных деятелей: В 4 т.* М., 1956—1960.

² См., напр.: Русские анонимные и подписанные псевдонимами произведения печати (1801—1926 гг.): Библиогр. указ.: В 3 вып. / ГПБ им. М.Е. Салтыкова-Щедрина. Сост. Г.З. Гусева, Л.Б. Кулибаба, М.Н. Матвеева и др. Л., 1977—1979. Вып. 1—3; Указатель заглавий произведений художественной литературы. 1801—1975: В 7 т. / РГБ, РНБ, БАН РФ. М., 1985—1995.

³ *Шамурин Е.И.* Методика библиографической работы. М., 1933. С. 40—41.

⁴ *Рыскин Е.И.* Очерки теории и методики литературной библиографии. М., 1965. С. 33.

⁵ См.: *Боград В.Э.* Журнал «Современник», 1847—1866: Указ. содерж. М.; Л., 1959; *Он же.* Журнал «Отечественные записки», 1868—1884: Указ. содерж. М., 1971; *Он же.* Журнал «Отечественные записки», 1839—1848: Указ. содерж. М., 1985.

⁶ См.: Описание архива Литературного фонда: Аннот. указ./ГПБ им. М.Е. Салтыкова-Щедрина. Сост. Р.Б. Заборова, В.Н. Сажин. Л., 1978—1979. Вып. 1—2.

⁷ См.: *Западов В.А.* Библиография и архивы // Рус. литература. 1969. № 1. С. 207—213.

⁸ Второе прибавление к Росписи российским книгам для чтения, библиотеки Александра Смирдина. СПб., 1832; Третье прибавление к Росписи российским книгам для чтения из библиотеки Петра Крашенинникова/Сост. И.П. Быстров. СПб., 1852.

⁹ Поскольку книги подачи рукописей разбросаны по различным описям фонда и не всегда одинаково поименованы в них, даем их список в хронологическом порядке: Ф. 31. Оп. 5. Ед. хр. 52 (дек. 1828 — июнь 1830); Оп. 1. Ед. хр. 12 (июнь — дек. 1830); Оп. 1. Ед. хр. 13 (1831); Оп. 5. Ед. хр. 79 (1832); Оп. 5. Ед. хр. 88 (1833 — авг. 1834); Оп. 5. Ед. хр. 102 (авг. 1834 — янв. 1836); Оп. 5. Ед. хр. 720 (февр. 1836 — 1837); Оп. 1. Ед. хр. 136 (1838—1839); Оп. 1. Ед. хр. 13 (янв. — май 1840); Оп. 1. Ед. хр. 14 (май 1840 — 1842); Оп. 1. Ед. хр. 15 (1843 — июль 1844); Оп. 1. Ед. хр. 16 (авг. 1844 — 1845); Оп. 1. Ед. хр. 17 (1846 — окт. 1847).

¹⁰ *Берков П.Н.* Об установлении авторства анонимных и псевдонимных произведений XVIII века // Рус. литература. 1958. № 2. С. 188.

¹¹ См., напр.: Вопросы текстологии: Сб. ст. М., 1960. Вып. 2; *Рейсер С.А.* Основы текстологии. Л., 1978. С. 82—119.

¹² Мы приводим полностью, где это возможно, имя и отчество, так как для большинства авторов до сих пор были известны только инициалы или одно имя.

¹³ О нем см.: *Жукова О.* Голембовский Павел Дмитриевич // Русский биографический словарь. Том «Гоголь — Гюне». М., 1997. С. 43; *Толстой М.В.* Мои воспоминания // Рус. архив. 1891. Кн. 2. С. 101—102.

¹⁴ См. ошибочную атрибуцию в кн.: *Боград В.Э.* Журнал «Отечественные записки», 1839—1848. М., 1985. С. 56.

¹⁵ См. о нем: *Ильин-Томич А.А.* Долинский Александр // Русские писатели. 1800—1917. М., 1992. Т. 2. С. 154—155.

¹⁶ Этим же псевдонимом от руки подписаны посвящения в экземпляре, хранящемся в РГБ (шифр Р 6/95). О Н.Д. Данилове см.: *Нешумова Т.Ф.* Данилов Николай Дмитриевич // Русские писатели. 1800—1917. М., 1992. Т. 2. С. 85—86.

¹⁷ См. о нем: *Рейтблат А.И.* Лукин Павел Фортунатович // Русские писатели. 1800—1917. М., 1994. Т. 3. С. 406.

¹⁸ См. о нем: *Рейтблат А.И.* Волков Александр Ануфриевич // Русские писатели. 1800—1917. М., 1989. Т. 1. С. 464—465.

¹⁹ См.: *Толстой М.В.* Указ. соч. С. 101.

²⁰ См.: *Никонов В.А.* Имя и общество. М., 1974. С. 168—173.

²¹ *Балов А.* Великоорусские фамилии и их происхождение // Живая старина. 1892. № 2. С. 168.

²² См. о нем: *Рейтблат А.И.* Павлов Алексей Андреевич // Русские писатели. 1800—1917. М., 1999. Т. 4. С. 479—480.

²³ *Снегирев И.М.* Дневник. М., 1904. Т. 1. С. 163. В.А. Воропаев и Е.В. Воропаева на основе этого упоминания ошибочно приписали роман «Танька, разбойница Ростокинская» князю П.А. Вяземскому (см. их статью: И.М. Снегирев и литературная Москва // Москва литературная. М., 1985. С. 190).

²⁴ См. о нем: *Рейтблат А.И.* Любецкий Сергей Михайлович // Русские писатели. 1800—1917. М., 1994. Т. 3. С. 434—436; *Сорокин В.В.* Старина Москвы: С.М. Любецкий // Краеведы Москвы. М., 1991. Вып. 1. С. 77—90.

ИЗДАТЕЛЬ, АВТОР И ПОЛИЦИЯ В НАЧАЛЕ XIX ВЕКА

¹ *Болховитинов Н.Н.* Становление русско-американских отношений. 1775—1815. М., 1966. С. 42.

² Цит. по: Николай Полевой: Материалы по истории русской литературы и журналистики тридцатых годов. Л., 1934. С. 135.

³ См.: Гоголь в воспоминаниях современников. М., 1952. С. 431; *Данилевский Г.П.* Украинская старина. Харьков, 1866. С. 214; *Лернер Н.О.* Новые приобретения Пушкинского текста и дополнения // Пушкин А.С. Сочинения. СПб., 1915. Т. 6. С. 217—218.

⁴ См.: *Никитенко А.В.* Дневник. Л., 1955. Т. 1. С. 134.

⁵ *Пржецлавский О.А.* Воспоминания // Рус. старина. 1874. № 12. С. 381. Подробнее о М.Я. Фоке и об отношении к нему современников см.: *Рейтблат А.И.* Булгарин и III отделение в 1826—1831 гг. // НЛО. 1993. № 2. С. 116—118.

⁶ *Овсянников Н.Г.* Воспоминания старого книгопродавца о петербургской книжной торговле за пятидесятилетие до 1870 г. // Материалы для истории русской книжной торговли. СПб., 1879. С. 4.

⁷ См.: Ивана Тимофеевича Лисенкова воспоминания в прошедшем времени о книгопродавцах и авторах // Там же. С. 64. (Каталоги книг, продающихся в книжных лавках И. Заикина, выходили с 1804 г. по 1831 г. См.: Книготорговые каталоги первой половины XIX века: Указатель. М., 1976. С. 22—24.)

⁸ Этот документ еще раз подтверждает сделанный нами вывод, что юридическое закрепление авторского права сложилось задолго до цензурного устава 1828 г. См. очерк «Становление авторского права».

⁹ Сын Отечества. 1818. № 12. С. 235—236.

¹⁰ Там же. 1815. № 23. С. 147.

¹¹ Коростин А.Ф. Начало литографии в России. М., 1943. Вып. 2. С. 63.

ПУТЬ К ИСТИНЕ

¹ Аксаков С.Т. Литературные и театральные воспоминания // Аксаков С.Т. Собр. соч. М., 1986. Т. 2. С. 365.

² ЦИАМ. Ф. 418. Оп. 105. Ед. хр. 102.

³ Там же. Ф. 498. Оп. 107. Ед. хр. 62.

СЛУЖИЛ ЛИ ГОГОЛЬ В III ОТДЕЛЕНИИ?

¹ См.: Кирпичников А.И. Сомнения и противоречия в биографии Гоголя // Изв. отд. рус. яз. и словесности АН. 1900. Т. 5, кн. 2. С. 612—616; Документы о службе Гоголя в департаменте государственного хозяйства и публичных зданий / Публ. Вас. Гиппиуса // Н.В. Гоголь: Материалы и исследования. М.; Л., 1936. Вып. 1. С. 288—294.

² Он перепечатан в тексте упомянутой статьи А.И. Кирпичникова и в книге В. Вересаева «Гоголь в жизни» (М.; Л., 1933. С. 88—89; переиздана: М., 1990), но отсутствует в сб. «Гоголь в воспоминаниях современников» (М., 1952).

³ Здесь и далее при ссылках на «Северную пчелу» в скобках указываются только год и номер.

⁴ См., напр.: Жданов В.В. Н.В. Гоголь. М., 1959; Степанов А.Н. Н.В. Гоголь. М.; Л., 1966.

⁵ См.: Золотуский И. Гоголь. М., 1984. С. 89—90.

⁶ Гиллельсон М.И., Мануйлов В.А., Степанов А.Н. Гоголь в Петербурге. Л., 1961. С. 41.

⁷ Машинский С. Художественный мир Гоголя. М., 1979. С. 366.

⁸ См.: Lavrin J. Nikolai Gogol. N.Y., 1962. P. 92; Lindstrom T.S. Nikolay Gogol. N.Y., 1974. P. 30.

⁹ Пример этого см. в заметке «Путь к истине» в этом сборнике.

¹⁰ См.: Кирпичников А.И. Указ. соч. С. 612—616.

¹¹ См.: Гиппиус Вас. Гоголь. Л., 1924. С. 25; Н.В. Гоголь в письмах и воспоминаниях. М., 1931. С. 46. См. также: Воронский А. Гоголь. М., 1934. С. 51.

¹² См.: Н.В. Гоголь: Материалы и исследования. Вып. 1. С. 291—294.

¹³ Там же. С. 294.

¹⁴ Там же.

¹⁵ Там же.

¹⁶ Там же.

¹⁷ Воспоминания. СПб., 1846—1849. Ч. 1—6; Встреча с Карамзиным // Альбом северных муз. СПб., 1828; Воспоминания о незабвенном А.С. Грибоедове // Сын Отечества и Северный архив. 1830. № 1; Воспоминания об И.А. Крылове и беглый взгляд на характеристику его сочинений // Северная пчела. 1845. № 8, 9; и др.

¹⁸ Публикацию переписки см.: Литературный музей. Пб., 1921. С. 175—180.

¹⁹ См.: Иван Сергеевич Аксаков в его письмах. М., 1892. Ч. I. Т. 3. С. 64—65.

²⁰ После отказа Булгарина печатать статью автор выпустил ее анонимно в том же году отдельной брошюрой: Несколько слов о Гоголе. СПб., 1852.

²¹ Киевская старина. 1893. № 5. С. 321.

²² *Гоголь Н.В.* Полн. собр. соч. М., 1940. Т. 10. С. 175. Далее при ссылках на это издание в скобках указывается номер тома (римскими цифрами) и страница.

²³ *Лемке М.* Николаевские жандармы и литература 1826—1855 гг. СПб., 1909. С. 135.

²⁴ *Кирпичников А.И.* Указ. соч. С. 615.

²⁵ Н.В. Гоголь: Материалы и исследования. Вып. 1. С. 194.

²⁶ Там же.

ЦЕНзуРА КАК ИСТОЧНИК БИБЛИОТЕЧНОГО КОМПЛЕКТОВАНИЯ

¹ См.: *Сорокин В.В.* История библиотеки Московского университета (1800—1917 гг.). М., 1980.

² См.: Отчет о состоянии и действиях императорского Московского университета за 1850—1851 академический и 1851 гражданский годы. [М., 1852.] С. 37.

³ ЦИАМ. Ф. 459. Оп. 2. Ед. хр. 1295. Л. 1—2 (публикуется по отпуску, сохранившемуся в архивном деле).

⁴ О его службе в цензурном комитете см.: Там же. Ед. хр. 1296, 1576; Ф. 418. Оп. 20. Ед. хр. 464.

⁵ Согласно цензурному уставу 1828 г. цензор был обязан сверить отпечатанную книгу с разрешенной им рукописью и, если при печатании не возникли отклонения от рукописного текста, один экземпляр книги отдать в типографию с «разрешительным билетом» на выпуск книги в продажу, а другой оставить в цензуре (см.: Устав о цензуре. СПб., 1829. С. 25—26).

⁶ ЦИАМ. Ф. 459. Оп. 2. Ед. хр. 1295. Л. 3, 4 (печатаются по автографу Ф.И. Буслаева, в квадратные скобки взяты редакторские дополнения, внесенные перед отправлением отношения).

⁷ Там же. Ед. хр. 1295. Л. 5.

⁸ Там же. Оп. 5. Ед. хр. 260. Л. 15.

⁹ Там же. Ед. хр. 254. Л. 28 об.

¹⁰ Там же. Ед. хр. 281. Л. 26 об.—27.

¹¹ Полуденский Сергей Петрович (1821—1858) был библиотекарем (так называлась тогда должность заведующего библиотекой) с 1850 г. до смерти. См. о нем: *Сорокин В.В.* История библиотеки Московского университета. С. 79—94.

¹² Снегирев Иван Михайлович (1793—1868) — профессор Московского университета, специалист по истории русской народной культуры (пословицы, лубочные картинки и т.п.). Под его наблюдением были пересмотрены и разобраны дела комитета за период с 1813 по 1841 г., о чем он доложил в мае 1851 г. председателю цензурного комитета В.И. Назимову, утверждая, что «найденно много таких [рукописей], которые хранятся

без всякой нужды и напрасно занимают только место в шкафах комитетского архива» (ЦИАМ. Ф. 31. Оп. 5. Ед. хр. 286. Л. 2). Назимов наложил резолюцию: «Отпечатанные книги и все оригиналы оставить, прочие же все ненужные сжечь», которая, к счастью, по каким-то причинам не была исполнена.

¹³ ЦИАМ. Ф. 31. Оп. 5. Ед. хр. 289. Л. 44.

¹⁴ Там же. Ед. хр. 281. Л. 159 (опись переданных в библиотеку книг разыскать в бумагах цензурного комитета нам не удалось).

¹⁵ Отчет о состоянии и действиях императорского Московского университета за 1850—1851 академический и 1851 гражданский годы. С. 37.

¹⁶ См., например, его не утратившую до нашего времени научной ценности статью «О русских народных книгах и лубочных изданиях» (Отечественные записки. 1861. № 9. Критика. С. 1—68).

СПИСОК СОКРАЩЕНИЙ

- ГАРФ — Государственный архив Российской Федерации
ИРЛИ — Институт русской литературы
НЛО — Новое литературное обозрение
ОР РГБ — Отдел рукописей Российской государственной библиотеки
ОР РНБ — Отдел рукописей Российской национальной библиотеки
РГВИА — Российский государственный военно-исторический архив
РГИА — Российский государственный исторический архив
ЦИАМ — Центральный исторический архив г. Москвы

ПРЕДМЕТНЫЙ УКАЗАТЕЛЬ

- Авторская личность 124, 181, 234—243
- Авторское право 12, 108—116, 124, 149
- Альбомы 74—76
- Альманахи 10, 12, 60, 70—97, 136, 208
- Бестселлеры 191, 203
- Библиотеки военные 38
- Библиотеки для чтения 43—47
- Библиотеки домашние 21—22, 49—50
- Библиотеки научные 37
- Библиотеки публичные 5—6, 36—50, 268, 270—272
- Библиотеки церковные 36
- Борьба литературная 8—9, 53, 62, 66, 106, 131, 160, 182, 229
- Газеты 7—8, 15, 19—21, 43, 65, 98—99, 105, 131, 133, 138—145, 203
- Гений 53—56
- Гонорары 7—9, 11, 66, 77, 80, 119, 161, 170, 173, 251—252, 257, 265
- Грамотность 14, 28—29, 131—132
- Графоманы 95—96
- Доносы 133, 153—154
- Журналы 7—10, 15, 18, 20—21, 63—65, 70, 77—78, 80—81, 98—99, 106—107, 119—125, 131—132, 146, 209, 213, 223, 229, 246, 252, 254
- Классика 214—216, 202, 219—228, 306
- Книгоиздание 5—6, 8, 10—12, 51, 60, 70, 110—118, 120, 125—126, 143, 157—158, 161—162, 170, 178, 191, 212, 244—255
- Книготорговля 5—8, 10—11, 21—22, 24, 43, 51, 70, 104, 143, 158, 161—163, 191—203, 212, 248, 251, 253—254
- Критика 6—7, 10, 12, 51—52, 94, 102, 105, 143, 160, 175—178, 182, 213
- Кружки литературные 7, 35, 52, 62—63, 75—77, 80, 83—84, 88
- Литература (как социальный институт) 5—7, 12, 52, 211—213
- «Литературные аристократы» 9, 106, 119—120, 156, 265
- Меценатство 7, 9, 66, 69, 103, 150
- Мода литературная 82—83, 95
- Низовая книжность 8—9, 12, 27—28, 114—115, 122, 124, 157—189, 202—203, 220, 250
- Образование 15—16, 74, 93, 97, 131
- Общества литературные 52, 63—64, 69, 117, 131, 137, 143
- Общественное мнение 64, 131, 134
- Писатели 6—12, 17, 51—52, 56—57, 64, 80, 93—94, 106, 112, 119, 134—135, 143—144, 161
- Подписка 103—104
- Подражатели 82, 87—88, 94—96, 164, 174, 178, 207
- Полиция 7, 244—255
- Преподавание литературы 5—7, 11, 16—17, 33—34, 51, 208
- Профессиональные литераторы 7—9, 80, 94, 106, 155, 161, 163—181

- Публика 7, 20, 38—39, 64—65,
104—106, 143, 155
- Редактура 8, 12, 117—127, 143
- Репутация литературная 12, 51—69,
98—107, 124, 206, 208—210,
256—260, 262
- Рецензирование 9, 65, 124, 203,
211—233, 265
- Рукописная литература 24—26, 29,
62, 64, 67, 74—76, 132, 206
- Салоны литературные 7, 15, 35,
52, 62, 75, 77, 80, 106, 132
- Слава 51, 53, 68, 88—89
- Скандал литературный 67—68
- Слухи 132
- Тиражи 15, 100, 191
- Третье отделение 128—156, 261—
267
- Успех 62, 69, 74, 100—104, 191—
203
- Функции литературы 5—7, 56, 93,
143, 155
- Цензура 6, 8, 10—12, 24, 52, 66,
110—115, 118, 125, 132—133,
140, 155, 182—190, 192, 203,
235—243, 248, 265, 268—272
- Читатели 5—7, 10, 12, 14—35, 39—
40, 42, 44—49, 51, 62, 64, 72—
74, 77—80, 97—107, 109, 118—
120, 123—124, 131—132, 143,
157—161, 175—176, 178—180,
182—183, 191—192, 203—204,
206—208, 212
- Чтение вслух 30—35

УКАЗАТЕЛЬ ИМЕН*

- Абакумов О. 297
Абдулин Р.Г. 294
Аблесимов А.О. 193
Абрамов К.И. 279
Аврамов М. — см.:
 Знаменский М.А.
Аддисон Дж. 261
Азадковский М.К. 174, 276, 302
Айтматов Ч.Т. 233
Акимова Н.Н. 291
Акохов, купец 293
Аксаков И.С. 264, 276, 310
Аксаков С.Т. 186, 256, 309
Аладьин Е.В. 290
Александр I 138, 142, 153, 170,
 173, 252
Александр Невский 209
Александра Федоровна, имп. 154
Александров Г.Н. 280
Александров И. 110
Алексеев В. 114
Алексеев В.П. 281
Алексеев Ф.А. 90—91, 290
Алексеевский Б. 297
Алипанов Е.И. 194
Алтунян А.Г. 301
Альтшуллер М.Г. 273
Анастасевич В.Г. 192
Андреев А. 194, 242
Андреев Л.Н. 231
Андреев Н.Ф. 242
Андреев О. 250
Анненков П.В. 126, 286
Антимонов Б.С. 293
Антоний, архиепископ
 Владимирский 19
Аракчеев А.А. 38, 131
Арленкур Ш.В.П. д' 23, 72
Арно Ф.Т.М. 181
Арнольд Ю.К. 278
Арнольди И.К. 100
Арсеньев А.А., отец 257—260
Арсеньев А.А., сын 259
Арсеньев В.С. 260
Арсеньев И.А. 256—260, 277
Асеев Н.Н. 231
Афанасьев А.Н. 275
Афанасьев М.Д. 42, 279
Афанасьев Н.Я. 281
Ахматова А. 231—232
Ахматова Е.Н. 123, 295
Ахун М.И. 278
Бабель И.Э. 231
Багрицкий Э. 231—232
Баженов В.В. 293
Баженов К.В. 21
Базанов В.Г. 278, 297
Базилевич Н.Я. 194, 242
Байдин В.И. 276
Байрон Д.Г. 78, 90, 137, 230, 289
Бакунин М.А. 103, 277, 292
Балакирев И.А. 114—115
Балов А.В. 308
Бальзак О. де 232
Бальмен Я.П. де 48
Бальмонт К.Д. 231
Баранов К.Н. 200
Баратынский Е.А. — см.: Боратын-
 ский Е.А.
Барбюс А. 231
Барков И.С. 125
Барский В.Г. 27
Барсуков Н.П. 274, 276, 284, 287,
 292
Бартенева П.И. 284

*В указатель не включены имена мифологических и литературных персонажей; не раскрыты в нем псевдонимы известных писателей, если они практически заменили им основную фамилию (А. Ахматова, М. Горький и т.п.).

- Баталин Н.В. 153, 300
 Батюшков К.Н. 33—34, 58—59, 63, 219, 230, 274
 Башмаков И.И. 161, 194
 Башуцкий А.П. 152
 Бегичев Д.Н. 194
 Бедный Д. 231
 Безыменский А.И. 231
 Бекетов П.П. 111, 293
 Белинский В.Г. 9, 45, 62, 80, 82, 91, 96, 120, 158, 162—163, 176, 182, 280, 284, 288—291, 294, 301, 303—304
 Белкина М.А. 288
 Белобородов С.А. 281
 Белый А. 231
 Бенедиктов В.Г. 194, 202
 Бенкендорф А.Х. 103, 136, 138—139, 141—145, 147—152, 295, 298
 Бережная Л.Г. 305
 Березкина С.В. 302
 Берков П.Н. 236, 307
 Бессонов П.А. 241
 Бестужев А.А. 9, 34, 59, 68, 70—71, 78—79, 137, 197, 230, 283, 286—287
 Беттельхейм Б. 206
 Билевич Н.И. 194, 290
 Бильдербек Л.Б.Ф. 200
 Биньян А. 165
 Бланшард П. 165
 Блок А.А. 223, 227, 231—232
 Блюм А.В. 165, 273, 276—277, 301
 Бобков Ф.Д. 32, 277
 Боборыкин П.Д. 231
 Бобрик М.А. 297
 Богданович И.Ф. 194, 202, 230
 Боголепов Н. 274
 Боград В.Э. 234, 307
 Болховитинов Н.Н. 308
 Боратынский Е.А. 63, 66, 85—86, 102, 157, 232, 283, 291
 Боргман М. 91
 Боргман Э.М. 91—92
 Бородин И.Ф. 46
 Бороздин К.М. 260
 Бороздна И.П. 60
 Бочков А.П. 276
 Бошняк А.А. 60, 284
 Бранкевич М.С. 194
 Брант Л.В. 301
 Брехт Б. 232
 Брукс Дж. 204
 Брюс Я.В. 19
 Брюсов В.Я. 231—232
 Брянцев М.В. 276
 Буало Н. 200
 Будагов Р.А. 282
 Будберг Л. 138
 Булгакова Л.А. 298
 Булгарин Ф.В. 9, 13—14, 20, 22—23, 41, 53, 55, 64, 71, 73, 98—107, 125, 134, 137, 140, 144—145, 147, 162, 164, 171, 174—175, 177, 194, 202, 257, 259, 261—267, 274—275, 282—283, 285, 287—288, 291—292, 298, 302, 304, 308, 310
 Бунин И.А. 222, 233
 Бурдые П. 94, 204, 290
 Буренин В.П. 259
 Бурнашев В.П. 79, 263, 288
 Буслаев Ф.И. 24, 29, 33, 79, 269—271, 275, 277, 280—281, 288, 310
 Быков П.В. 263
 Быстров И.П. 192, 235, 307
 Бычков И.А. 295
 Бюргер Г.А. 201
 Вагнер Н.П. 31, 277, 293
 Валуев П.А. 256
 Ваненко И. — см.: Башмаков И.И.
 Варьяш О.И. 301
 Васильев, жанд. подполковник 105
 Васильев С. 115
 Вацуро В.Э. 13, 52, 153, 281—282, 286, 288—290, 292, 296, 299—300, 303
 Вейтбрехт И.Я. 44
 Вельтман А.Ф. 31, 93, 194, 238
 Венгеров С.А. 166, 193, 301—302
 Венецианов А.Г. 16
 Вергилий 219, 230
 Вердеревский В.Е. 137, 297
 Вересаев В. 309
 Верлинский А.Л. 167
 Веснин С.А. 291
 Ветринский Ч. — см.: Чешихин В.Е.
 Вигель Ф.Ф. 67, 285

- Вигилянский Б. 110
 Видиняпина М. 237
 Виноградов В.В. 282
 Виньи А. де 200
 Виршевский Н. 287
 Висковатов С.И. 140—141, 298
 Вихлянцев В. 281
 Владимир Александрович, вел. кн. 154
 Владиславлев В.А. 136, 149
 Водовозова Е.Н. 31, 277
 Воейков А.Ф. 9, 59, 65, 147—148, 153, 283, 285
 Вознесенский А.А. 233
 Войцехович И.П. 55, 282
 Волков А.А., жанд. генерал 144, 148
 Волков А.А., поэт 194
 Волков А.А., прозаик 239, 308
 Волович Н.М. 274
 Володкович А.Ф. 276, 281
 Волховский П.Г. 99
 Волчков С.С. 201
 Вольпе Ц.С. 305
 Вольтер Ф.М. 17, 31, 200, 230
 Воронский А.К. 309
 Воропаев В.А. 308
 Воропаева Е.В. 308
 Вортман Р. 204
 Воскресенский М.И. 84—86, 94, 289
 Врасский Б.А. 136, 297
 Вульпиус Х.А. 200
 Вульф А.Н. 102, 292
 Высочина Е.И. 282
 Вяземская Е.Р. 87, 242
 Вяземский П.А. 53, 55, 58, 60, 63—64, 66—68, 83, 86, 102, 107, 126, 157, 177, 284—285, 287, 292, 308
 Вяземский П.П. 68, 286
 Вязмитинов С.К. 244, 247, 248—250, 254—255
 Гаврилова, домовладелица 46
 Гагарин Г.Г. 75
 Гайдар А. 232
 Галахов А.Д. 20, 59, 76, 83, 99, 275, 281, 283, 288—289, 291, 303
 Гамсун К. 232
 Геевский С.Л. 99, 275, 278, 291
 Гейм И.А. 117
 Гейне Г. 231
 Геннади Г.Н. 192, 234—235, 280, 306
 Георгиевский И.В. 153, 300
 Герасимов А. 238
 Герасимов Д. 240
 Герман Ф.И. 151
 Гессель Н.П. 161, 237, 239
 Гессен С.Я. 293
 Гете И.В. 227, 230, 232
 Гиллельсон М.И. 296, 299—300, 303, 309
 Гиляров-Платонов Н.П. 48, 275, 277, 280
 Гиппиус Вас.В. 263—264, 267, 302, 309
 Гирц К. 204, 209
 Глаголев А.Г. 59, 65, 285
 Глаголева О.Е. 273, 276, 279, 281
 Гладков Ф.В. 231
 Глазунов А. 115
 Глазунов И.И. 45—46, 247
 Глазунов Н.Н. 46
 Гласко Б. 280
 Глебов А.Н. 288
 Глинка А.П. 181
 Глинка М.И. 258
 Глинка С.Н. 74
 Глинка С.Ф. 284
 Глинка Ф.Н. 65, 80, 93, 152, 181
 Глухарев И.Н. 84—86, 88, 94, 161, 194, 242, 289
 Гнедич Н.И. 55, 283
 Гоголь М.И. 263, 265
 Гоголь Н.В. 13, 31, 99—100, 103, 105—106, 122, 150, 176, 184, 194, 206, 208—209, 227, 230—232, 247, 261—267, 292, 295, 302—303, 308—310
 Голембовский П.Д. 237, 240, 307
 Голиков И.И. 34
 Голицын А.Н. 169—170
 Голицын Н.С. 284
 Головин В.В. 273, 275
 Головина Т.Н. 291
 Голота П.И. 242—243
 Голохвастов Д.П. 268—269

- Голышев И.А. 277
Гомер 62, 219, 230, 233
Гончаров И.А. 29, 61, 93, 230, 277, 284
Гораций 18
Горголи И.С. 247
Гордеева Г. 305
Гордон М.В. 293
Горчаков М.Д. 256
Горький М. 222, 225, 227, 231—232, 293
Гофман В.А. 305
Греч Н.И. 9, 41, 56, 57, 59, 71, 98, 106—107, 124—125, 134, 137—138, 140, 144—145, 147, 151, 200, 273, 283—284, 287, 291, 295, 297, 299
Грибоедов А.С. 24, 83, 98, 230, 278, 291, 309
Григорович-Барский — см.: Барский В.Г.
Григорьев Г. 305
Григорьев П.Г. 195
Грин А. 232
Грин Ц.И. 279
Гриц Т.С. 273, 286, 292, 304
Громов Д. 152
Громова А.А. 279
Гронас М. 290
Грот Я.К. 100, 126, 291
Грузинцов А.Н. 195
Гудков Л.Д. 13, 273, 278, 296, 305
Гулевич С.А. 301
Гурова И.А. 210
Гурьянов Г.П. 167—168
Гурьянов И.Г. 13, 114—116, 160, 162—171, 239, 301—302
Гусева Г.З. 307
Гюго В. 230
- Даль В.И. 279
Данилевский Г.П. 308
Данилов Н.Д. 239, 307
Данкан Х. 204
Д'Аннунцио Г. 222, 231
Дебрецени П. 204, 282, 305
Дельвиг А.А. 63, 66, 71, 78, 86, 89, 102, 286
Дельвиг А.И. 275, 295
Де-Пуле М.Ф. 284
- Державин Г.Р. 34, 55, 57, 111, 175, 195, 202, 220, 230
Державина Д.А. 111
Державина О.А. 302
Дерунов К.Н. 279
Дершау Ф.К. 146—147
Дивов П.Г. 140—141
Дивова Е.С. 141
Диккенс Ч. 228, 230, 232
Дмитриев И.И. 18, 55, 63, 67, 102, 177, 195, 219, 230, 258, 277, 283, 285, 303
Дмитриев М.А. 33, 55, 57, 83, 276—277, 281, 283, 294
Дмитриева Е.Е. 282
Дмитрий Донской 209
Дмитрюков 280
Докучаев И. 195
Долинский А. 195, 239, 307
Донауров И. 57
Дондуков-Корсаков М.А. 145
Достоевский Ф.М. 179, 206, 209, 227—228, 230—232, 303
Драшусова Е.А. 34, 277
Дубельт А.Н. 138
Дубельт Е. 299
Дубельт Л.В. 136—138, 146—148, 152, 264, 295, 297, 299
Дубин Б.В. 13, 209, 273, 278, 296, 305—306
Дубровин Н.Ф. 295, 299—300
Дурьлин С.Н. 208
Дьяков А.А. 259
Дьячков С.П. 195
Дюкре-Дюминиль Ф.Г. 23, 181, 200
Дюма А. 31
Дюран Ш. 139, 298
- Евпсихиев П.А. 243
Евреинно А. 237
Евтушенко Е.А. 233
Егоров И.В. 282
Егорова Т.С. 305
Екатерина II 17, 21
Елизавета Алексеевна, имп. 142
Елисеев Г.З. 122
Емельянов В.В. 305
Ерошкин Н.П. 129, 296
Ершов П.П. 195

- Есенин С.А. 231
Ефимова Н.А. 279
Ефремов Д.М. 281
Ефремов П.А. 126
- Жанлис С.Ф. 23, 200
Жданов В.В. 309
Жеденев Н.Н. 295
Жирарден Э. 200
Жирмунский В.М. 289, 291
Жукова М.С. 195
Жукова О. 307
Жуковский В.А. 17—19, 31, 33—
34, 55, 57—60, 63—64, 76, 79,
83, 86, 126, 147, 150, 195,
219, 230, 283—285, 295, 299
- Забелин И.Е. 275, 286
Заболоцкий Н.А. 233
Заборова Р.Б. 290, 307
Завалишин Д.И. 38, 66, 278, 285
Загорский Ф.А. 201
Загоскин М.Н. 23, 98—99, 148,
195, 202
Занкин И.И. 13, 244—245, 247—
255, 308
Зайцев И.К. 34, 276, 278
Зайцева А.А. 43, 280
Закревский А.А. 40—41
Залесов Н.Г. 34, 277
Залусский А.С. 39
Залусский И.А. 39
Замоскворецкий П. 280
Западов В.А. 235, 307
Засодимский П.В. 293
Зернов Н.Е. 270
Зимулин И. 91
Знаменский М.А. 193
Золотусский И.П. 309
Золя Э. 222, 228, 230—232
Зорин А.Л. 13, 298, 300
Зоркая Н.А. 306
Зотов Р.М. 149
Зошенко М.М. 232
Зражевская А.В. 200
Зряхов Н.И. 13, 159, 161, 177—
181, 195, 242
- Ибсен Г. 228, 231
Иванов, коллежский регистратор 86
Иванов А.А. 103, 292
Иванов А.В. 201
Иванов Д.П. 91
Иванов И. 84—85
Ивановский А.А. 136, 296
Иванчин-Писарев Н.Д. 151
Иваск У.Г. 280
Изединова М. 292
Измайлов А.Е. 195, 247, 252—253
Измайлов В.В. 195
Иконников В.С. 278
Ильин Н.И. 196
Ильин-Томич А.А. 153, 297, 299—
300, 307
Ильф И. 232
Иноземцев П.И. 91, 290
Инсарский В.А. 31, 56, 276—277,
283
Иоанн Златоуст 27
Иовский А.А. 303
Ишимова А.О. 292
- Казадаев А.В. 140
Кайсаров М.С. 59
Калашников И.Т. 196, 278
Калмыков П.Д. 108, 293
Каменский П.П. 136, 297
Каменский С.М. 288
Камионкова Я. 287
Кантемир А.Д. 34, 125
Капнист В.В. 126
Капнист-Скалон С.В. 34, 278
Карамзин Н.М. 7—8, 17—18, 28,
34, 53, 58, 63, 67, 70, 77—78,
119, 163, 165, 193, 196, 202,
230, 273, 276, 283, 288, 309
Каратыгин П.А. 196
Каратыгин П.П. 295
Кардон де 140
Картамышев В.И. 46
Карштедт П. 36, 38, 278
Касьян Русский — см.: Чуровский
А.И.
Катаев В.П. 232
Катенин П.А. 55, 63, 66
Кауфман П. 44, 280
Каховский П.Г. 57
Каченовский М.Т. 117, 186—188,
294, 304
Кашин Н. 32

- Кашин Н.П. 286—287
Кашинцов Н.А. 136, 297
Квитка Г.Ф. 198
Кернс Б. 205
Кернс Р. 205
Кизеветтер А.А. 129, 296
Киреевский И.В. 102, 152, 292
Киреевский П.В. 241
Кирилл III, митрополит киево-владимирский 209
Кирпичников А.И. 263, 266, 309—310
Киселева С.С. 34
Кистер Ф.И. 91
Клакхон К. 209
Клейменова Р.Н. 278, 304
Клопшток Ф.Г. 219, 230
Клочков Н.А. 46
Клычков С. 231
Клюев Н.А. 231
Княжевич А.М. 261
Княжнин Б.Я. 141
Кобранов И. 200
Козлов В.П. 273
Козлов И.И. 57, 196, 202
Козырев, купец 293
Кок П. де 84, 220, 230
Кокорев И.Т. 178
Колмаков Н.М. 295
Коло Г.П. 165
Кологривова Е.В. 199
Кольчев К.В. 281
Кольцов А.В. 230
Комаров М. 28, 103, 162, 196, 202, 220, 230
Комаровский Н.Е. 281
Комиссаров Д.Д. 95, 291
Конев В.А. 217, 306
Кони А.Ф. 300
Кони Ф.А. 20, 26, 158, 275—276, 301
Константин Николаевич, вел. кн. 150
Константин Павлович, вел. кн. 295
Корнеев А.В. 302, 304
Корнилова А.В. 288
Корноухова И.А. 305
Коровкин Н.А. 196
Короленко В.Г. 222
Коростин А.Ф. 308
Корреджо 55
Корф М.А. 67, 285
Корф Ф.Ф. 100
Корф Ю.Ф. 100
Корхов Л.М. 276
Костер Ш. де 232
Котляревский Н.А. 174, 302
Коттен С. 200
Коцебу А.Ф. 22, 200
Кошелев В.А. 59, 64, 283, 285
Краевский А.А. 136, 146, 257
Край К. 251
Крамер Дж.Р. 290
Крамер К.Г. 110
Крашенинников П.И. 192, 307
Крендовский Е.Ф. 32
Кренке В.Д. 25, 33, 276—277
Кронеберг И.Я. 56, 283
Крылов А.И. 243
Крылов И.А. 9, 19, 24, 63, 79, 111, 136, 177, 196, 202, 230, 293, 309
Крюковский М.В. 196
Кудрейко А. 231
Кудряшов К.В. 296
Кузмин М.А. 231
Кузмичев Ф.С. 159, 177, 182, 184, 186, 196, 304
Кузнецов Я.Я. 281
Кузьмина В.Д. 304
Куклин Г.О. 231
Кукольник Н.В. 196—197, 203
Кулжинский И.Г. 60, 284
Кулибаба Л.Б. 307
Кулинич А.В. 284
Кулиш П.А. 261
Купер Д.Ф. 162
Куприн А.И. 231
Куприянов А.И. 273, 281
Куражковский М.Д. 196, 242
Курбатов А. 240
Курганов Н.Г. 19
Курышев И. 238
Кутузов Н.И. 59
Куфаев М.Н. 273
Кухин А. 89
Кучиков, художник 25
Кювелье де Три Ш.Г.А. 200
Кюхельбекер В.К. 55, 57, 63, 283

- Лабзин А.Ф. 201
 Лавровский Н.А. 286
 Лажечников И.И. 64, 197, 285
 Ламартин А. 19
 Лафон Ж. 200
 Лафонтен А.Г.Ю. 17, 22—23, 200
 Лашкин Н. 167—168
 Левада Ю.А. 305
 Левитт М.И. 204, 282
 Левицкий Н.Е. 200
 Левкович Я.Л. 286
 Левшин В.А. 28
 Лейкин Н.А. 292
 Леконт Лаво Г. де 278
 Лемке М.К. 128—129, 134, 140,
 266, 295—300, 303, 310
 Лемонте П.Э. 55
 Ленский Д.Т. 199
 Леонов Л.М. 231—232
 Леопольдов А.Ф. 275
 Лермонтов М.Ю. 197, 225, 230,
 232, 257—258, 275, 288
 Лернер Н.О. 310
 Лешков В.Н. 270
 Либединский Ю.Н. 231
 Ливен К.А. 112, 184, 186
 Лисенков И.Т. 177, 303, 308
 Лисицина М.А. 89, 92, 290
 Лихачев Д.С. 109, 293
 Лихачев Н.П. 281
 Лихачева Е.О. 16, 274
 Лобанов М.Е. 53, 284
 Лобойко И.Н. 143, 289, 299
 Логинов В.В. 46, 112, 162
 Ломачевский А.И. 295
 Ломоносов М.В. 17, 29, 34, 55,
 175, 197, 202, 230
 Лондон Д. 231—232
 Лосиевский И.Я. 284
 Лосский Б.Н. 78, 288
 Лотман Ю.М. 49, 63, 77, 276,
 280, 285, 287—288
 Лохина Т.В. 276
 Луговской В.А. 232
 Лукин П.Ф. 239, 308
 Лысенко В.С. 302
 Лышкова О.В. 296
 Львов А.Н. 152
 Львов В.В. 270
 Львов Н.А. 126
- Льюис М.Г. 201
 Льюис С. 231
 Любецкий С.М. 84—85, 87, 94,
 161, 240—242, 290, 308
 Ляликов Ф.Л. 83, 289
 Лямина Е.Э. 290
- Майков А.А. 151
 Майков А.Н. 230
 Майков Л.Н. 15, 274
 Малиновский Б. 204
 Мангилев П.И. 276
 Мандельштам О.Э. 231
 Манн Т. 233
 Манн Ю.В. 304
 Мануйлов В.А. 309
 Манькова И.Л. 276
 Мария Федоровна, имп. 90
 Маркевич Н.А. 65
 Марков А.И. 239
 Марков Л. 281
 Маркова И.Б. 274
 Маркус Н. 205
 Марлинский А. — см.:
 Бестужев А.А.
 Мармонтель Ж.Ф. 17
 Мартынов И.Ф. 273, 279, 293
 Масанов И.Ф. 234—235, 306
 Маслов В.И. 287
 Маслович В.Г. 59, 284
 Матвеева И.Г. 279
 Матвеева М.Н. 307
 Мацапура В.И. 284
 Машинский С.И. 309
 Маяковский В.В. 224—225, 227,
 231—232
 Медынский Е.Н. 274
 Межевич В.С. 9, 82, 289
 Мезьер А.В. 193
 Мей Л.А. 230
 Мейлах Б.С. 281
 Мельгунов Б.В. 276
 Мельгунов Н.А. 62
 Мерзляков А.Ф. 17, 55—56, 274,
 282—283
 Меркли М.М. 197, 237
 Мертон Р. 204
 Метерлинк М. 222, 231
 Мещерская Е.Н. 102
 Мещеряков В.П. 291

- Мид Дж.Г. 204
 Миллер Г.Ф. 119
 Мильтон Дж. 201, 219, 230
 Мильтон И. — см.: Мильтон Дж.
 Мильчин А.Э. 294
 Мильчина В.А. 139, 298
 Милюков А.П. 24, 48, 275, 280
 Милютин Д.А. 78, 288
 Михаил Павлович, вел. кн. 154
 Михайловский-Данилевский А.И.
 68, 274
 Михневич В.О. 257
 Модзалевский Б.Л. 283, 295, 297—
 298
 Модзалевский Л.Б. 299
 Молчанов М.М. 24, 48, 275, 280
 Монас С. 129, 295—296
 Монтолье И. 201
 Мопассан Г. де 222, 231
 Мордвинов Н.С. 40—41, 154
 Морозов В.М. 299
 Морозова Н.П. 281
 Москатильников С.А. 201
 Моцарт В.А. 55
 Мукаржовский Я. 58, 204, 283
 Мур Т. 83
 Муравейникова Н.Ю. 167
 Муравьева О.С. 282
 Муратов А.В. 273
 Муратова К.Д. 193
 Мурзакевич Н.Н. 21, 83, 275, 289
 Муханова М. 53, 60, 284
 Мышковская Л.М. 286
 Мюльнер А. 142

 Надеждин Н.И. 71, 101, 103, 123,
 258, 287, 292
 Надсон С.Я. 231
 Назимов В.И. 270, 310—311
 Назимов М.Л. 289
 Наковальнин С.Ф. 125
 Накорякова К.М. 294
 Наливкина Е.А. 46
 Насонкина Л.И. 285, 290
 Натанов Н. — см.: Эйдельман Н.Я.
 Нахимов А.Н. 197
 Небольсин С.А. 282
 Некрасов Н.А. 124—125, 230—232,
 257
 Нелидов И. 200

 Немировская Ю. 290
 Немов Я. 46
 Непорожнев Л.П. 242
 Нессельроде К.В. 150
 Нехачин И.В. 113, 294
 Нешумова Т.Ф. 296, 307
 Никитенко А.В. 32, 93, 136, 300,
 308
 Никитин А.П. 24, 275
 Никитин М.М. 273, 286, 292, 304
 Никифоров Г.К. 231
 Николай I 34, 41, 53, 66—67, 103,
 128—130, 133—134, 136, 138—
 141, 143—144, 148—153, 156,
 171, 185—186, 189, 266, 295,
 298
 Николай Александрович, вел. кн.
 154
 Николев Н.П. 55, 282
 Никонов В.А. 308
 Никонов И.С. 247—248, 251, 253—
 254
 Новиков В. 305
 Новиков П.А. 55, 57, 282—283
 Новиков С. 197
 Нуриус П. 205

 Оболенский Е.П. 287
 Овечкин В.В. 232
 Овсянников Н.Г. 308
 Овчинников М.К. 44, 279
 Одоевский В.Ф. 56, 157, 209, 283
 Озеров В.А. 33, 197
 Озеров П. 110
 Озерский П.Г. 99
 Окрейц С.С. 292
 Оксман Ю.Г. 293—294, 300
 Окулов Г.А. 197
 Оленин А.Н. 40, 279
 Оленина А.А. 55, 66, 282, 285
 Олеша Ю.К. 231—232
 Олин В.Н. 59, 283, 302
 Ольдекоп Е.И. 111, 137, 146, 149,
 297
 Опи А. 201
 Оржеховский И.В. 128—129, 296,
 298—299
 Орлов А.А. 13, 160—162, 171—177,
 182, 185, 187—189, 197, 220,
 230, 275, 302—304

- Орлов А.С. 276, 289
Орлов А.Ф. 150, 152, 295
Орлов В.И. 299
Орлов Н.М. 92
Орлова-Савина П.И. 27, 276
Ортега-и-Гасет Х. 30
Осипов Н.П. 165, 201
Основьяненко Г. — см.: Квитка Г.Ф.
Ословат А.Л. 282, 298
Остен-Сакен Ф.В. 138
Островский А.Н. 230, 232
Осьмакова Н.И. 297
Охотин Н.Г. 290
Очкин А.Н. 143, 200, 299
- Павленков И. 201
Павлищев Н.И. 84
Павлов А.А. 161, 241, 308
Павлов К. 305
Павлова А.С. 274—275, 289
Панаев В.И. 31, 277
Панаев И.И. 79, 274, 288, 292
Панаева Т.И. 31
Панов С.И. 13, 303
Пантелеев Л.Ф. 33, 277
Панферов Ф.И. 231
Парсонс Т. 204
Паскевич И.Ф. 139
Пастернак Б.Л. 231—232
Пекарский П.П. 294
Пельский Д.Ф. 92—93, 290
Переселенков С.А. 293
Перфильев В.А. 237
Перцович Ю.С. 89, 286
Петина Л.И. 286, 288
Петр I 37, 66, 68, 114
Петров Е. 232
Петрунина Н.Н. 300
Петрушкова В.В. 305
Печенегов А. 200
Печерин В.С. 277
Печкин М.П. 47
Пеше А.Н. 112
Пиго-Лебрен Ш.А. 201
Пиксанов Н.К. 299
Пильняк Б. 231
Писарев А.А. 62, 153, 170, 284
Писарев А.И. 287
Писарев Д.И. 206
Писемский А.Ф. 230
- Плавильщиков В.А. 45—46, 251—
252, 280
Платов М.И. 21
Плетнев П.А. 59, 72, 93, 100, 119,
121, 126, 283, 287, 291, 299
По Э. 222, 231—232
Побережников И.В. 296
Погодин М.П. 19, 59, 62, 71, 74,
84, 103, 132, 134, 145, 157,
274—275, 284, 287, 292, 296
Погодин Н. 232
Погожев В.Н. 20, 275
Пожогин 271
Покровский В.А. 103, 292
Полевой К.А. 9, 63, 247, 285, 295,
302
Полевой Н.А. 9, 20, 34, 41, 59—
60, 64, 71, 83, 99—101, 106,
121, 144—145, 150, 157, 174,
176, 182, 274—277, 281, 284—
285, 287, 291, 294—295, 299—
300, 302—303, 308
Полежаев А.И. 24, 198
Поленов В.А. 68
Полетика П.И. 34
Полилов-Северцев Г.Т. 276
Полищук Ф.М. 279
Полонский Я.П. 68, 126, 286
Полторацкий С.Д. 154, 285
Полуденский С.П. 271, 310
Пономарев М. 158
Пономарев С.И. 26, 276, 286
Понсон дю Террайль П.А. де 230
Попов А.И. 46
Попов И.В. 113
Порошин В.С. 303
Потапов В.Ф. 198
Потапова Г.Е. 282, 285
Потоцкий Н.Б. 284
Потоцкий А. 165
Починская И.В. 281
Пржецлавский О.А. 105, 292, 308
Пришвин М.М. 233
Прокопович Ф. 125
Проташинский В.А. 185
Протопопов А.П. 161, 198, 240—
241
Пуговошников А.М. 95—96, 239,
291
Путята Н.В. 285

- Путятин Е. 286
Путятина В.С. 16
Пучков Н. 142
Пучкова Е.Н. 142, 298
Пушкарев В.Д. 304
Пушкин А.С. 5, 9—10, 12, 14, 17, 24, 31, 34, 51—69, 79—80, 83, 86, 95, 102, 111, 117, 124, 126, 131, 134, 136—137, 141—142, 144—145, 149—150, 171—172, 177, 179, 198, 203—210, 214, 220, 223, 225—228, 230—232, 247, 257—258, 274, 278, 281—286, 288—291, 293—295, 297—300, 302—305, 308
Пушкин В.Л. 63—64, 67, 274, 285
Пушкин Л.С. 68
Пушкин С.Л. 63, 79, 111, 149
Пушин И.Н. 285
Пыпин А.Н. 277
- Рабле Ф. 232
Радклиф А. 23—24, 201
Радостин Н.К. 95
Радченко Л.И. 276
Раевская Е.И. 20, 275
Раич С.Е. 62
Райнбек Г. 17
Райт Р. 232
Ракова М.М. 274, 277
Рамбах Л. 44
Расин Ж.Б. 201, 230
Раскин Д.И. 258
Распэ Р.Э. 201
Ратьков Н. 112
Рахманинов И.Г. 293
Рахматуллин М.А. 296
Ревякин А.И. 302
Рейналь Г. 17
Рейсер С.А. 307
Рейсс Ф.Ф. 37
Рейтблат А.И. 289—291, 298, 308
Рейтерн Е.Р. 18
Ремарк Э.М. 228, 231—232
Ренофанц И. 117
Репин И.Е. 276
Ржевский Д.С. 270
Рогожин В.Н. 192
- Рождественский С.В. 290
Розальон-Сошальский В.Г. 67
Розанов И.Н. 51, 282, 289
Розен А.Е. 34, 277
Розен Г.В. 170
Розен Е.Ф. 54
Розенгейм М.П. 256
Розенгрэн К.Э. 208—209, 217, 305—306
Розенцвейг В.Ю. 280
Розов Н.Н. 277
Роллан Р. 232
Романчиков С.Ф. 110
Росляков И. 201
Рубакин Н.А. 5
Русанов Н.С. 293
Русанов Ф.А. 198, 242
Руссо Ж.Ж. 17, 31
Рылеев К.Ф. 9, 24, 70—71, 79, 131, 286—287
Рындзюнский П.Г. 296
Рыскин Е.И. 234, 307
Рэйкс Т. 60
Рябинин П.П. 95—96
- Савва В.И. 282
Савельев П.С. 295
Савостьянов К.И. 284
Садовников В.С. 45
Садовской Б. 231
Сажин В.Н. 307
Сакулин П.Н. 302, 304
Салманов П.А. 198
Салтыков А.Н. 246, 248
Салтыков Н.И. 246
Салтыкова С.М. 57
Салтыков-Щедрин М.Е. 230, 232, 294
Салулере М. 291
Сапунов Б.В. 278
Сатин Н.М. 289
Сафонов П. 78
Сахаров И.П. 299
Свербеев Д.Н. 28, 34, 277, 285
Светлов М. 231—232
Свечин П.И. 151, 198
Свиньин П.П. 13, 68, 147—148, 244—255, 274, 280

- Свирщевский А.Р. 281
 Севастьянов А.Н. 14, 45, 274, 280
 Северянин И. 231
 Селиванов П.В. 46
 Селивановский С.И. 46
 Сельвинский И.Л. 231
 Семен А.И. 45
 Семенов Ф.А. 276
 Семенов П.Н. 31
 Семенов-Тянь-Шанский П.П. 31, 277
 Сенгелевич Н.М. 46
 Сенковский О.И. 9—10, 99, 107, 123—124, 150, 198, 295
 Сербиневич К.С. 154
 Сергеева С.В. 274
 Серебrenиков В. 237
 Серков Д.И. 93, 290
 Сеченов И.М. 31, 277
 Сигов Д.И. 95, 161, 177, 239, 291
 Сидорова М.В. 297
 Сикорский Н.М. 294
 Симои П.К. 43, 279
 Симонов К.М. 232—233
 Синклер Э. 232
 Скабичевский А.М. 273, 303
 Скаррон П. 177
 Сквайр П.С. 129, 295—296
 Склабовский А.В. 59, 283
 Скобелев И.Н. 102, 171, 199
 Скоробогатый П.И. 31
 Скотт В. 23, 86, 112, 138, 162, 203, 230, 261, 301
 Славин А. — см.: Протопопов А.П.
 Сленин И.В. 251—252
 Слепушкин Ф.Н. 151, 199
 Слозцов П.А. 199
 Смирдин А.Ф. 10, 41, 45—46, 192, 202, 235, 247, 307
 Смирнов А.В. 302
 Смирнова-Россет А.О. 34, 150, 278, 291
 Смирнов-Сокольский Н.П. 89, 286
 Снегирев И.М. 82, 151, 241, 270—271, 289, 308, 310
 Снежневский В.И. 275
 Соболев П. 95
 Соколов А.Н. 58, 283
 Соколов Б.М. 159, 301
 Соколов Н.С. 199, 239
 Соколовский В.И. 199
 Соллогуб А.И. 61
 Соллогуб В.А. 61, 199, 284
 Соллогуб С.И. 74
 Соловьев Н.В. 286
 Соловьев Ф.Н. 84—85, 88, 94, 289
 Солоухин В.А. 232
 Сомов О.М. 275
 Сопиков В.С. 45, 192, 280, 293, 294
 Сорокин В.В. 278, 290, 308, 310
 Сорокин Н.П. 276
 Соханская Н.С. 34, 278
 Сперанский М.Н. 277
 Ставский В. 231
 Станкевич Н.В. 103, 292
 Старчевский А.В. 295
 Старынкевич Н. 201
 Стельмах В.Д. 13
 Стендаль 231
 Степанов А.Н. 309
 Степанов В.П. 294
 Стивенсон Р.Л. 232
 Стогов Э.И. 295
 Столянский П.Н. 293
 Строганов М.В. 281
 Строганов С.Г. 150
 Строев В.М. 201, 287
 Строев В.Н. 296
 Струйский Д.Ю. 289
 Суворин А.С. 259
 Суворова М.В. 276
 Судовщиков, поручик 113
 Судовщиков Н.Р. 113, 294
 Сумароков А. 286
 Сумароков А.П. 29, 34, 220, 230
 Сумароков П.И. 151
 Супронюк О.К. 275
 Сухомлинов М.И. 295
 Сыроечковский Б.Е. 296
 Сю Э. 201
 Табашников И.Г. 293
 Талалакина О.И. 280
 Тарле Е.В. 297
 Тартаковский А.Г. 174—175, 302

- Тассо Т. 201, 219, 230
 Твардовский А.Т. 232
 Теккерей У.М. 230
 Телпнева Е.С. 53
 Тельберг Г.Г. 205
 Тендряков В.Ф. 232
 Теплова Н.С. 92, 199
 Теплова С.С. 92
 Терюхин Н.С. 92
 Тименчик Р.Д. 282
 Тимофеев А.В. 92, 199
 Тимофеев А.И. 92
 Тихонов Н.С. 231—232
 Тодд У.М. 9, 204, 273, 284
 Толмачев Я.В. 274
 Толстой А.К. 231
 Толстой А.Н. 232
 Толстой Л.Н. 209, 225, 227—228,
 230—232
 Толстой М.В. 307—308
 Толстой Я.Н. 106, 139, 297—298
 Тренин В.В. 273, 286, 292, 304
 Третьяк А.М. 279
 Третьяков М.П. 289
 Трилунный — см.: Струйский Д.Ю.
 Тройницкий Н.Г. 286
 Тростин Х.Д. 92
 Трохачев С.Ю. 305
 Троцкий И.М. 129, 295—296, 298
 Трухачев И. 170
 Туманов М. 199
 Туманский В. 151
 Тумаркин Н. 204
 Тургенев А.И. 53, 63, 284
 Тургенев И.С. 126, 209, 221, 230—
 232
 Тургенев Н.И. 63, 142, 284
 Турумова К.Ф. 289
 Тушар-Лафос Ж. 165
 Тынянов Ю.Н. 51, 281
 Тюрин И.Е. 85, 91
 Тютчев Ф.И. 126, 140, 232, 298

 Уваров С.С. 131, 145, 150, 175,
 186—188, 190, 268—269
 Уилсон Р. 204
 Усов П.С. 105, 275, 292
 Усок И.Е. 281

 Успенский Г.И. 230—231
 Устрялов Н.Г. 46, 280
 Уткин И.П. 231
 Ушаков В.А. 93, 199, 292

 Фадеев А.А. 231—232
 Файнштейн М.Ш. 290
 Фан-Дим — см.: Кологривова Е.В.
 Феваль П.А. 31
 Федин К.А. 231
 Федоров Б.М. 53—54, 150, 153—
 154, 282, 300, 303
 Федоров П.С. 199
 Федута А.И. 282
 Фельде Ф.К. фан дер 84
 Фет А.А. 126, 171, 230—232, 259,
 275, 277, 295
 Филин М.Д. 298
 Финк Л.А. 305
 Флейшиц Е.А. 293
 Флеров В.П. 270
 Флобер Г. 222, 231—233
 Флориан Ж.П.К. 17, 181
 Фок М.Я. фон 137, 141—142, 145,
 148, 244—245, 247, 253, 255,
 261—262, 266, 295—296, 298,
 308
 Фолкнер У. 233
 Фоминский Ф.И. 243
 Фонвизин Д.И. 34, 111, 293
 Фонвизин И.А. 111
 Фонвизин М.А. 111
 Фонвизин С.П. 111
 Фортунатов Ф.Н. 39, 279
 Франклин Б. 46
 Франс А. 231
 Фризман Л.Г. 300
 Фролов А.Л. 116

 Хабермас Ю. 132, 296
 Ханин М.Г. 218
 Харитонов С.А. 162
 Хвостов Д.И. 151, 191, 193, 200—
 201
 Хемингуэй Э. 228, 232—233
 Хемницер И.И. 126, 199, 202
 Херасков М.М. 34
 Хилков А.Я. 34

- Хлебников В. 58, 231
Хотяинцова Е.А. 142
- Цветаев Л.А. 185—186
Цветаева М.И. 206, 233
Цейтлин А.Г. 302
Цявловский М.А. 299
- Чаадаев П.Я. 258
Чалый М.К. 32, 277—278, 286
Черейский Л.А. 297
Чернов С.Н. 296
Чернышевский Н.Г. 232, 257
Чехов А.П. 222, 225, 227, 231—232
Чечерский Л. — см.: Корхов Л.М.
Чешихин В.Е. 281
Чихачев А.И. 99
Чулков М.Д. 28
Чуровский А.И. 22, 76, 161, 199—
200, 238, 275, 280, 288
- Шаликов П.И. 54, 86, 148, 257
Шамурин Е.И. 234, 307
Шаплет С. де 301
Шаховской А.А. 63, 101, 200, 291
Швейцер К.Ф. 139
Шебунин А.Н. 284
Шевченко Т.Г. 232
Шевырев С.П. 9, 17, 157, 274
Шекспир В. 224, 227—228, 230—
232
- Шереметевский П.В. 85, 90
Шершеневич Г.Ф. 293
Шиллер Ф. 230
Шильдер Н.К. 298
Ширинский-Шихматов П.А. 269—
270
- Ширяев А.С. 113, 162
Шишков А.С. 151, 153
Шкловский В.Б. 304
Шляпкин И.А. 300, 302
Шмейсер А. 238
Шмидт Х. 165
Шнейдер Л. 140
Шолом-Алейхем 232
Шолохов М.А. 232
Шомпулев В.А. 295
Шпис Х.Г. 22, 201
Шрейдер Ф. 278
- Штакельберг Ю.И. 258
Штейнберг Д.И. 85, 89—90, 239
Штейнберг И. 89
Штейнгель В.И. 67
Шукшин В.М. 232
- Щеголев П.Е. 284, 292, 297
Щедрин Н. — см.: Салтыков-Щед-
рин М.Е.
Щедровский И.С. 27
Щербань Н.В. 276
Щербатов Г.А. 269—270
Щербатов М.М. 34
Щербина Н.Ф. 179, 257, 303
Щукин Н.С. 21, 275
Щукин П.И. 279
Щуров М.П. 114
- Эвальд А.В. 295
Эвальд В.Ф. 24, 275
Эзоп 201
Эйдельман Н.Я. 282, 284, 297
Эйхенбаум Б.М. 10, 273
Эккартсгаузен К. 201
Эльцнер Ф.И. 45
Энгельгардт Н.А. 303
Эртаулов Г. — см.: Бурнашев В.П.
- Юнг Э. 201
Юсупов Н.Б. 154
- Языков Н.М. 66, 79, 176, 288, 303
Яковлев П.Л. 65, 275, 285
Якушкин И.Д. 285
Яновский К.П. 278
Яновский Н.М. 117, 282
Ясинский И.И. 293
Яхонтов А.Н. 38, 278
Яценко М. 201
- Bourdieu P. — см.: Бурдьё П.
Buřharyn T. — см.: Булгарин Ф.В.
Cadot M. 297
Debreczeny P. — см.: Дебрецени П.
Kamionkova J. — см.:
Каминкова Я.
Karstedt P. — см.: Карштедт П.
Kaufman P. — см.: Кауфман П.

- Kelly T. 280
Kipp J.W. 296
Kramer J.R. — см.: Крамер Дж.Р.
Lavrin J. 309
Lincoln W.B. 296
Lindstrom T.S. 309
Mejszutowicz Z. 291
Mercereau J. 286
Meynieux A. 273, 304
Monas S. — см.: Монас С.
Mucha B. 304
Passeron J.-C. 290
- Potocki A. 287
Pouchkine A.S. — см.: Пушкин А.С.
Riesman D. 277
Rosengren K.E. — см.:
Розенгрэн К.Э.
Ruud Ch.A. 273, 303
Shibutani N. 296
Skrunda W. 286, 301—302
Squire P.S. — см.: Сквайр П.С.
Szczepaniec J. 280
Wołoszyński R.W. 299

СОДЕРЖАНИЕ

Предисловие	5
«Дайте нам пищу в отечественной литературе, и мы откажемся от иностранной» (Формирование читательской аудитории)	14
Чтение вслух как культурная традиция	30
Библиотеки: государственные, общественные, частные	36
Как Пушкин вышел в гении (О литературной репутации Пушкина)	51
Литературный альманах 1820—1830-х гг. как социокультурная форма	70
Московские «альманашники»	82
Ф.В. Булгарин и его читатели	98
Становление авторского права	108
Возникновение редактуры	117
Писатели и III отделение	128
Московская низовая книжность	157
Цензура народных книг во второй четверти XIX века	182
Русские «бестселлеры» первой половины XIX века	191
Приложение	
Кому и зачем нужен Пушкин? (О книге Пола Дебрецени)	204
Групповая динамика и общелитературная традиция: отсылки к авторитетам в журнальных рецензиях 1820—1978 годов	211
Безымянные литераторы (Из опыта массовой атрибуции книг второй четверти XIX в.)	234
Издатель, автор и полиция в начале XIX века	244
Путь к истине (История одной статьи)	256
Служил ли Гоголь в III отделении?	261
Цензура как источник библиотечного комплектования (Эпизод из истории библиотеки Московского университета)	268
Примечания	273
Список сокращений	312
Предметный указатель	313
Указатель имен	315

Рейтблат Абрам Ильич

**КАК ПУШКИН ВЫШЕЛ В ГЕНИИ
ИСТОРИКО-СОЦИОЛОГИЧЕСКИЕ ОЧЕРКИ
О КНИЖНОЙ КУЛЬТУРЕ
ПУШКИНСКОЙ ЭПОХИ**

Редактор

О. Краснолистов

Корректор

Л. Морозова

Компьютерная верстка

С. Пчелинцев

Налоговая льгота — общероссийский
классификатор продукции ОК-005-93, том 2;
953000 — книги, брошюры

ООО «Новое литературное обозрение»

Адрес редакции:

129626, Москва, И-626, а/я 55

Тел.: (095) 976-47-88

факс: 977-08-28

e-mail: nlo.ltd@g23.relcom.ru

<http://www.nlo.magazine.ru>

ЛР № 061083 от 6 мая 1997 г.

Формат 60x90^{1/16}. Бумага офсетная № 1. Офсетная печать.
Усл. печ. л. 21. Тираж 2000 экз. Заказ № 1033.

Отпечатано с готовых диапозитивов
в РГУП «Чебоксарская типография № 1».
428019, г. Чебоксары, пр. И. Яковлева, 15.